

**Бурятский государственный
университет имени
Доржи Банзарова**

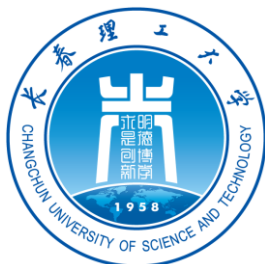
Восточный институт

**Научно-исследовательский центр
«Институт Конфуция»**

**Представительство
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
в г. Улан-Удэ**

**Чанчуньский политехнический
университет (КНР)**

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
DORZHI BANZAROV BURYAT STATE UNIVERSITY

**CHINESE STUDIES
IN THE 21ST CENTURY**

PROCEEDINGS
OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

(Ulan-Ude, July 11–13, 2022)

Volume 2

Ulan-Ude
Buryat State University Publishing Department
2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА

СИНОЛОГИЯ В XXI в.

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(Улан-Удэ, 11–13 июля 2022 г.)

Выпуск 2

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2022

УДК 94:008(510)
ББК 63.3:71(5Кит)
С 386

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского госуниверситета.
Протокол № 9 от 15.11.2022

Сборник размещен в системе РИНЦ
на платформе научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Ответственный редактор

Л. Л. Ветлужская, канд. ист. наук, доц.

Редакционная коллегия

О. Д. Тугулова, канд. филол. доц.; *М. Б.-О. Хайдапова*, канд. филол. наук, доц.
И. Г. Актамов, канд. пед. наук, доц.; *Т. Б. Савинова*, канд. филол. наук, доц.

Рецензенты

А. В. Чебунин, д-р филос. наук, доц. (ВСГИК)
Б.-Х. В. Дамдинова, канд. филол. наук, доц. (БГУ им. Д. Банзарова)

С 386

Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 11–13 июля 2022 г.) / отв. ред. Л. Л. Ветлужская. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2022. Вып. 2. — 318 с.
ISBN 978-5-9793-1802-8; DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-1-318

Статьи сборника представлены в тематических разделах: «История Китая», «Современный Китай в международном пространстве», «Актуальные вопросы китайского языкознания», «Языковая картина мира и межкультурная коммуникация», «Проблемы преподавания китайского языка», «Литература Китая», «Философия и культура Китая». Проблематика синологических исследований охватила широкий спектр теоретических и практических вопросов, связанных с изучением китайского языка, литературы, истории, культуры, философии, социологии, политики и экономики Китая.

Издание адресовано широкому кругу специалистов-гуманитариев в области востоковедения.

Chinese Studies in the 21st Century: proceedings of International scientific conference (Ulan-Ude, July 11–13, 2022) / resp. ed. L. L. Vetluzhskaya. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2022. — Vol. 2. — 318 p.

This collected volume presents papers in three thematic sections: “History of China”, “Modern China in the international space”, “Topical issues of Chinese linguistics”, “Linguistic worldview and intercultural communication”, “Issues of teaching the Chinese language”, “Literature of China”, “Philosophy and culture of China”. Sinological research has covered a wide range of theoretical and practical issues related to the study of the Chinese language, literature, history, culture, philosophy, sociology, politics and economics of China.

The publication is addressed to a wide circle of specialists-humanists in the area of Oriental Studies.

УДК 94:008(510)
ББК 63.3:71(5Кит)

ISBN 978-5-9793-1802-8

© Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

<i>Гурулева Т. Л.</i> Формирование иероглифической компетенции: базовые типы упражнений.....	8
<i>Воропаев Н. Н.</i> Об особенностях инновационного самоучителя китайского языка «Китайский на ладони»	17
<i>Калинин О. И.</i> Эффективность педагогической деятельности носителей и неносителей при обучении китайскому языку.....	29
<i>Руководельникова М. Б.</i> Китайский язык в неязыковом вузе: позитивные тенденции и организационные сложности.....	39
<i>Шмарова Ж. В., Тимофеева А. Д.</i> Использование чат-бота Сяоайс и корпуса ВСС при изучении китайского языка.....	43
<i>Wu Xiaoping.</i> Problems, Tasks and Countermeasures for Teaching Secondary Writing Based on Chinese Proficiency Grading Standards—from the Perspective of Memeti.....	52
<i>Броневиц Т. А.</i> Страноведческая составляющая в процессе изучения китайского языка «语言和历史合作».....	60

ИСТОРИЯ КИТАЯ

<i>Soojung Suh.</i> Non-State Actors and Economic Exchanges Between China and South Korea Before the Establishment of Diplomatic Relations: Focus on Declassified Diplomatic Documents.....	65
<i>Wang Tianbao.</i> On the Turkification in Central Asia.....	74
<i>Лепнева М. Л.</i> Ленинградская школа китаеведческой буддологии во второй половине XX века.....	83
<i>Победаш Е. В., Барбун В. В.</i> Отражение российско-китайских отношений в периодических изданиях XIX в.....	89

СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

<i>Афонасьева А. В.</i> Подходы КНР к работе с китайской диаспорой с начала политики реформ и открытости до сегодняшнего дня.....	93
<i>Базина О. О.</i> Внешняя политика КНР: санкции. Законодательные основы.....	97
<i>Колпакова Т. В., Тимошенко А. В.</i> Экологизация высшего образования в Китае.....	113
<i>Кучинская Т. Н.</i> Концепции и практики китайского регионализма: социокультурное измерение.....	121
<i>Pu Putian.</i> Relocation as a Mode of Poverty Alleviation: Case Study of Jinggu County, Yunnan Province.....	128

<i>Субанова О. С.</i> Цифровые экономики России и Китая: вызовы, барьеры и возможности.....	143
<i>Хандархаева В. В.</i> Буддийская дипломатия как фактор «мягкой силы» Китая.....	148

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

<i>Михалькова Н. В.</i> Когнитивные основания мотивированности иероглифических знаков китайского языка.....	153
<i>Емельченкова Е. Н.</i> Проблемные аспекты теории членов предложения в китайском языке (на примере дополнительного элемента).....	163
<i>Шмарова Ж. В.</i> Слова с обратным порядком компонентов в китайском языке, их значение для языка.....	172
<i>Павлова А. Д.</i> Исследование функций фразовых частиц китайского языка на материале лингвистического корпуса.....	179
<i>Wang Sen.</i> An Analysis of the Producing Mechanism of Homophonic Witticism from the Perspective of Verbal Communication : Taking Roast and Talk Show Congress as an Example.....	186
<i>Перепелкина А. А.</i> Познавательная функция внутренней формы китайских иероглифов.....	192

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Чжан Юй, Гуань Хуэйин.</i> Культурная лакуна прецедентного феномена в китайско-российской межкультурной коммуникации.....	196
<i>Дубяга А. М.</i> Языковая репрезентация феминных стереотипов в глянце-вых журналах Китая.....	208
<i>Духнова М. А.</i> Концепт «хаос» в лирике О. Э. Мандельштама и его отражение в переводах на китайский язык (на примере стихотворения «Раковина»).....	212
<i>Danni Ma.</i> Cultivation of Cultural Self-Confidence in College Foreign Languages Course.....	217
<i>Моргун В. Г.</i> Зооморфная метафора человек-лошадь (на материале идиом китайского, английского и русского языков).....	221
<i>Пигалева М. В.</i> Образ искусства в языковом сознании китайской молодежи (на материале психолингвистического эксперимента).....	226
<i>Сунь Сюйна.</i> Сопоставление русского и китайского речевых этикетов в межкультурной коммуникации.....	231
<i>He Jia.</i> Exploration of Ideological and Political Construction of Foreign Language Curriculum from Perspective of Chinese Cultural Identity.....	235
<i>Чалбанова К. В.</i> Лексема «луна» во фразеологическом фонде китайского и калмыцкого языков.....	239
<i>Zhang Yining.</i> Research on the register characteristics of papers on English optical journals based on multidimensional analysis.....	241

<i>Шимберг С. С., Бадархаев Д. В.</i> Опыт реализации совместного переводческого проекта студентов российского и китайского вузов: межкультурный аспект.....	245
--	-----

ЛИТЕРАТУРА КИТАЯ

<i>Лю Чжицян.</i> О поэтическом творчестве Л. Е. Черкасского.....	253
<i>Булдыгерова А. Н.</i> О роли парного построения в «Книге песен».....	259
<i>Митькина Е. И.</i> Переводы Линь Шу как важный этап распространения западной литературы в Китае.....	267
<i>Пороль П. В.</i> Мотив дома в поэзии Хай Цзы.....	277
<i>Шулунова Е. К.</i> О сатирическом в литературном творчестве Ван Мэна	281

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА КИТАЯ

<i>Анашина М. В.</i> Ритуально-символический смысл сосудов-дин в китайской философии и культуре.....	286
<i>Гультияева Г. С.</i> Символизм народных образов в произведениях Чэнь Вэньлина.....	293
<i>Liu Kun.</i> National Cultural Identity in Intercultural Communication.....	300
<i>Fu Xiao.</i> Soviet Film Experts and the "Soviet Experience" in the Construction of New Chinese Cinema (1949–1959).....	304

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Научная статья
УДК 372.881.1
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-8-16

ФОРМИРОВАНИЕ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ: БАЗОВЫЕ ТИПЫ УПРАЖНЕНИЙ

© **Гурулева Татьяна Леонидовна**

доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт Дальнего Востока РАН
Россия, г. Москва
gurulevatatiana@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено понятие иероглифической компетенции и требования к ее сформированности, содержащиеся в новом стандарте компетенций владения китайским языком как вторым, принятом в КНР в 2021 году. Приведены некоторые наиболее эффективные упражнения, способствующие формированию иероглифической компетенции обучающихся, среди которых упражнения, направленные на усвоение графической формы иероглифа, его значения и звучания (чтения).

Ключевые слова: китайский язык, обучение китайскому языку, иероглифическое письмо, китайская каллиграфия, иероглиф, иероглифика, обучение иероглифическому письму, иероглифическая компетенция, межкультурная коммуникативная компетенция.

FORMATION OF HIEROGLYPHIC COMPETENCE: BASIC TYPES OF EXERCISES

© **Tatiana L. Guruleva**

D.Sc. (Education), Associated Professor, Leading Research Fellow,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow
gurulevatatiana@mail.ru

Abstract. The article considers the concept of hieroglyphic competence and the requirements for its formation, set out in the new standard of competencies for proficiency in Chinese as a second language, adopted in the PRC in 2021. Some of the most effective exercises that contribute to the formation of the hieroglyphic competence of students are given, among which are exercises aimed at mastering the graphic form of the hieroglyph, its meaning and sound (reading).

Keywords: Chinese language, teaching Chinese, hieroglyphic writing, Chinese calligraphy, hieroglyph, hieroglyphics, teaching hieroglyphic writing, hieroglyphic competence, intercultural communicative competence.

Принятый в КНР в 2021 году новый стандарт компетенций владения китайским языком как вторым [10] показал повышение требований к владению иероглифической компетенцией по сравнению с предыдущей системой компетенций [3]. Под иероглифической компетенцией мы понимаем знание структурно-типологических характеристик китайских иероглифов, умение их правильно писать, печатать на цифровых устройствах, читать и соотносить с присущим им значением.

Требования к владению иероглифами (иероглифической компетенцией) отражены в дескрипторах уровней владения китайским языком как вторым [2]. Сопоставительный анализ двух систем показал, что в старой системе количество иероглифов на самом высоком уровне владения китайским языком (6-ом) оценивалось в 2500 единиц, а в новой системе это число на итоговом уровне (9-ом) увеличилось до 3000 единиц [7]. Кроме того, в описании уровней владения китайским языком по аспекту иероглифика произошли количественные и содержательные изменения. Указанные изменения предъявляют новые требования к сформированности иероглифической компетенции у обучающихся на разных уровнях образования [8]. Усиление ее качества в процессе реализации межкультурного подхода будет способствовать повышению уровня сформированности межкультурной коммуникативной компетенции обучающихся [5].

Наиболее эффективным методом усвоения иероглифов является метод тренировки, который может быть реализован на практике в виде упражнения. Упражнения должны быть направлены на запоминание чтения, значения и графической формы иероглифа, а также на формирование умения их правильно писать, печатать на цифровых устройствах, читать и соотносить с присущим им значением [6]. Ниже приведены некоторые наиболее эффективные упражнения, направленные на формирование иероглифической компетенции обучающихся:

- **прописывание иероглифов в прописях.** Прописи могут быть специальные, предоставляющие обучающимся возможность обводить иероглифы по напечатанным в них образцам.

Другой вид специальных прописей представляет собой тетради, разлинованные на крупные иероглифические клетки (в разных тетрадях клетки могут быть разного размера). В качестве прописей также можно использовать обычные тетради в клетку, либо в крупную клетку, которые для удобства на начальном этапе можно самостоятельно разлиновывать на квадраты.

- **разложение иероглифов на составляющие черты.** Данное упражнение включает анализ черт, составляющих иероглиф (汉字笔画): их определение в иероглифе и название. Все черты китайских иероглифов имеют свои названия. Называть черты на начальном этапе обучения можно на русском языке, на старшем этапе – на китайском.

- **подсчет количества черт в иероглифе.** После правильного определения и названия черт иероглифов нужно научиться правильно определять их количество в иероглифе. Проверить правильность подсчета черт в иероглифе можно по словарям китайских иероглифов 汉字字典, которые существуют как в бумажном виде, так и в электронном, в том числе в открытом доступе сети Интернет. Кроме того, созданы специализированные словари и справочники, в которых указано количество черт в иероглифе и объясняется его написание. К таким словарям от-

носятся, например, 汉字正字手册 (Справочник нормативного написания китайских иероглифов). Правильно определить и подсчитать количество черт в иероглифе также помогут специализированные мобильные приложения [4].

- **тренировка порядка написания черт в иероглифе.** Правильный порядок написания черт в иероглифе может быть представлен как в учебных материалах, так и воспроизведен учителем на доске. Словари китайских иероглифов 汉字字典 представляют исчерпывающую информацию об иероглифе, в том числе и о порядке написания его черт. Специализированные словари, такие как упомянутый выше 汉字正字手册 (Справочник нормативного написания китайских иероглифов), также предоставляет информацию о порядке написания черт иероглифа. Кроме того, порядок написания черт в иероглифе также можно изучать с помощью различных мобильных приложений, таких как *Китайско-русский словарь и карточки*, обучающая игра *Chinese Writer* от компании trainchinese и других [4].

- **написание иероглифа рукой в воздухе.** По оценкам китайских специалистов данное упражнение является достаточно эффективным, может выполняться в группе обучающихся.

- **работа с иероглифическими карточками.** На одной стороне карточки может быть написан иероглиф, на другой – чтение, значение, а также примеры использования иероглифа в записи слов и выражений. Составление иероглифических карточек или таблиц самими обучающимися, особенно от руки, также способствует усвоению иероглифов.

- **разложение иероглифа на составляющие части (汉字部件).** Например:

众: 人 и 从; 叶: 口 и 十; 时: 日 и 寸; 问: 门 и 口; 赢: 亡、口、月、贝 и 凡.

- **составление рядов иероглифов, образованных из различных частей иероглифа (汉字部件), определение позиций данных частей иероглифов.**

Например, составление ряда иероглифов, содержащих часть 口:

口: 吃、唱、哈、啊、可、哭、岩、言、强、虽、吴、吉、语、回、和、胡、舍、舌、吕、品 ...

Данная часть может находиться в иероглифе в разных позициях.

- **построение рядов иероглифов, содержащих одинаковую часть (汉字部件).**

Например, иероглиф 木, выступая в качестве составной части других иероглифов может образовывать следующий ряд:

木: 本、未、末、林、森、休、术、梳、术、体 и т. д.

Такие ряды иероглифов могут составляться как преподавателями и предлагаться обучающимся для анализа и запоминания, так и самими обучающимися. Некоторые иероглифы образуют устойчивые составные части, которые в свою очередь могут создавать соответствующие ряды иероглифов.

Изучение иероглифов в системе рядов, образованных по принципу наличия у иероглифов одинаковой составной части (汉字部件), ускоряет их запоминание, уменьшает вероятность допущения ошибок при их записи.

- **построение рядов иероглифов, сходных по графическому принципу их образования.** Существуют иероглифы, образованные по сходному графическому принципу. Например, некоторые иероглифы образованы из трех одинаковых частей: одна часть находится сверху, две остальные – снизу. К таким иероглифам

относятся: 焱、焱、晶、焱、众、品 и др. Построение рядов иероглифов, образованных по сходным графическим принципам, позволяет выявить закономерности их структуры, чтения и значения, способствует их эффективному запоминанию.

- **построение рядов иероглифов, сходных по форме, выявление отличий написания в порядке черт и в составляющих его частях, а также в чтении и значении.** Например, можно составить следующий ряд похожих иероглифов: 慕、墓、幕、暮、募、摹, выявить отличия в написании, чтении и значении, а также выучить данный ряд иероглифов.

- **образование новых иероглифов из предложенных.** Существуют пары иероглифов, отличающихся друг от друга наличием или отсутствием одной черты, наличием одной разной чертой, положением одной черты, наличием одной разной части иероглифа. Например, можно построить ряд иероглифов, отличающихся изменением положения одной из черт:

玉 – 主, 太 – 犬, 庄 – 压, 办 – 为.

Данный вид упражнения выполняется сначала на материале, составленном преподавателем. Обучающийся учится анализировать пары иероглифов и выявлять разницу в их форме. На более позднем этапе можно предложить обучающимся самостоятельно подобрать пары к предложенным иероглифам по одному из возможных видов указанных различий.

- **составление рядов иероглифов, образованных по определенной закономерности.** Например, обучающиеся часто путают такие части иероглифов (汉字部件) как 廴 и 辶, 弋 и 戈 и т. п. Понимание закономерностей образования иероглифов, например, содержащих часть 廴 (возможно всего три варианта сочетания: 延、建、廷) позволяет образовывать с каждым из трех указанных вариантов ряды иероглифов данной группы:

延: 涎、涎、蜒、筵;

建: 健、腱、键、腱;

廷: 庭、挺、艇、蜓、霆、铤

Такой подход позволяет запоминать написание иероглифов, содержащих похожие части, а также их чтение и значение.

- **анализ категорий иероглифов.** Упражнение подразумевает распределение изучаемых иероглифов на категории:

- иероглифы изобразительной категории (пиктограммы) (象形字): 月、日、木、目、山、京、禾、羽、龟;

- иероглифы указательной категории (指事字): 本、刃;

- иероглифы идеографической категории (会意字): 看、休、尘;

- иероглифы фоноидеографической категории (形声字): 打、抓、抬、提、搬 и др.

- **исследование иероглифов изобразительной категории (象形字).** Данное упражнение предусматривает знакомство обучающихся с древним изображением и последующими стилями написания иероглифов изобразительной категории, формирует у них представление о пиктограммах как о древнейших иероглифиче-

ских знаках, способствует быстрому усвоению иероглифов данной категории. Выполнение упражнения заключается в написании изучаемого иероглифа в исторически существующих стилях письма.

- **анализ иероглифов идеографической категории (会意字).** Анализ составных частей идеограмм помогает обучающимся осознанно запоминать иероглифы идеографической категории. Например: 炎: 火 и 火, 劣: 少 и 力, 信: 人 и 言, 泪: 水 и 目 и др.

- **выявление закономерностей в иероглифах фонетической категории – фоноидеограммах (形声字), самостоятельное нахождение этих закономерностей в других иероглифах данной категории.**

- **чтение и запоминание иероглифов фонетической категории с одинаковым фонетиком.** Обучающимся можно предложить для чтения и запоминания ряды иероглифов, имеющих общий фонетик и звучащих одинаково (за исключением тоновой характеристики). Например:

衣 pong: 浓、侏、啖、脓、穉.

- **образование иероглифов фонетической категории из предложенного детерминатива (形旁) или фонетика (声旁).** Например, с детерминативом 衤 (одежда) можно образовать иероглифы:

衤: 裙、裤、袜、衬、衫 и др.,

а с фонетиком 令 (ling) следующие:

令: 零、领、玲、岭、铃、龄、翎 и др.

- **составление иероглифов фонетической категории из ключей (汉字部首).**

Обучающимся предлагается иероглифический ключ, с которым нужно записать определенное количество иероглифов (например, 10), используя его в различных функциях (детерминатива, фонетика). Например, с ключом 文 можно составить фоноидеограммы:

文 (детерминатив): 孝、斐、斌、编、竟 и др.,

文 (фонетик): 蚊、汶、爨、纹、雯 и др.

- **сопоставление рядов фоноидеограмм с похожими ключами (汉字部首).**

Данное упражнение заключается в систематизации иероглифов, имеющих одинаковые ключи. Например, ключи 冫 (лед) и 氵 (вода) являются похожими. С ключом 冫 (лед) можно записать такой ряд иероглифов:

冫: 冷、冻、凉、冰 и др.,

а с ключом 氵 (вода) такой:

氵: 泳、洲、江、沙 и др.

Такая систематизация, а также выявление закономерностей чтения и значения в образованных рядах позволяет успешно запоминать иероглифы, избегать ошибок записи иероглифов, содержащих похожие ключи.

- **распределение фоноидеограмм на группы, выявленные на основе анализа структуры данной категории иероглифов.** Существует всего 6 видов иероглифов фонетической категории в зависимости от позиции детерминатива и фонетика: структура «лево / право», структура «верх / низ», структура «внутри / снаружи».

- **составление рядов иероглифов фонетической категории, содержащих один и тот же ключ (汉字部首) в разных позициях.** Например, ключ 日 (солнце) может занимать разные позиции в иероглифе, на основании чего можно построить следующие ряды:

ключ слева: 明、晚、晴、晒、暖、曛

ключ справа: 阳、旧

ключ сверху: 早、星、晨、景、易、昱

ключ снизу: 音、春、昏、昏、晋、昏

ключ внутри: 间、旬

В перечисленных примерах ключ 日 выступает в функции детерминатива. Очень редко данный ключ может выступать в функции фонетика: 驹、氘.

- **построение рядов однотипных иероглифов фонетической категории и выявление существующих в них закономерностей.** Например: построение ряда иероглифов с детерминативом 口 (рот):

口: 吃 – 喝 – 叫 – 吸 – 告 – 吹 – 吵 – 哭 – 啊 – 喂 – 商 – 叹 и др.

Такой вид упражнения позволяет выявить закономерность представленных иероглифов: их значение связано с «действием рта».

- **распознавание омофонов путем выявления различий написания ряда иероглифов, имеющих одинаковое звучание. Составление слов, словосочетаний и предложений из предложенного ряда омофонов.** Например, обучающимся может быть предъявлен следующий ряд иероглифов, имеющих чтение hóng: 红、洪、宏、虹、弘. В качестве морфемы данные иероглифы способны образовывать многосложные слова, некоторые из них (红、虹、弘) в качестве простого (одноморфемного) слова могут образовывать словосочетания и предложения. Из многосложных слов также можно составить словосочетания и предложения.

- **составление слов, словосочетаний и предложений с использованием омографов.** Омографы – иероглифы, имеющие одинаковое написание, но разное чтение и значение. Например, иероглиф 乐 имеет два чтения: lè и yuè, соответствующие его различным значениям. В качестве морфемы данный иероглиф способен образовывать многосложные слова по каждому из своих значений, а в качестве простого (одноморфемного) слова – словосочетания и предложения.

- **подбор синонимов и антонимов.** Иероглифическое упражнение может заключаться в подборе синонима к данному иероглифу: 母 – 妈, 父 – 爸, 江 – 河, 低 – 矮, либо в подборе антонима: 男 – 女, 好 – 坏, 宽 – 窄, 胖 – 瘦.

- **построение ассоциативных рядов иероглифов, обозначающих слова одной тематической группы.** Данный вид упражнений способствует эффективному запоминанию иероглифов, поскольку основан на объединении иероглифов, обозначающих однородные группы предметов и явлений на основе образования обучающимися ассоциативных связей. Например:

碗 – 杯 – 盘 – 刀 – 叉 – 筷 (посуда);

黑 – 白 – 红 – 黄 – 绿 – 蓝 – 灰 – 紫 (цвета);

金 – 银 – 铜 – 铁 – 钡 – 钨 – 锂 (металлы) и т. д.

- **распределение иероглифов по способам упрощения.** Данное упражнение подразумевает анализ способов упрощения иероглифов. Обучающимся предлагаются пары иероглифов, содержащих традиционное и нормативное (упрощенное) написание. Для каждой пары необходимо указать способ сокращения.

- **заполнение иероглифами пропусков в данных словах и выражениях (词语).** Например: ___ 国 (俄、中、美、法、强、弱、外、组、王、盟、爱、建 и др.), либо 国 ___ (家、际、土、境、情、庆、民、人、度、语、画、书、防、会、策 и др.).

- **составление рядов двусложных слов и выражений, содержащих общую морфему (начальную или конечную).** Например, с начальной морфемой 上 можно составить следующий ряд слов и выражений:

上: 上衣、上午、上课、上班、上级、上半年 и др.,

а с конечной морфемой 子 можно составить такой ряд:

子: 饺子、脑子、电子、老头子、胆子、鸽子 и др.

Возможности поиска двусложного слова по второму компоненту предоставляют многофункциональные словари китайского языка 多功能词典, китайско-русские электронные онлайн словари (БКРС, Чжунга и др.), а также электронные китайские словари.

- **составление рядов двусложных слов с иероглифами, имеющими общий фонетик и разный детерминатив.** Обучающимся предъявляется несколько иероглифов фонетической категории, имеющих общий фонетик. С каждым из данных иероглифов нужно составить ряд двусложных слов. Например:

浇: 浇水、浇花、浇灭

烧: 烧饭、烧烤、燃烧

绕: 围绕、绕线、绕道

挠: 挠痒、挠头、阻挠

晓: 拂晓、破晓、晓市

饶: 富饶、丰饶、饶有趣味 [9].

- **запись слов и выражений, содержащих морфемы-омографы транскрипцией пиньинь.** Данный вид упражнения вырабатывает навык правильного чтения слов и выражений, содержащих омографичные морфемы. Например:

行动 () – 行列 ()

中心 () – 击中 ()

厦门 () – 大厦 ()

没有 () – 淹没 ()

还书 () – 还有 ()

应该 () – 答应 ()

朝气 () – 朝代 ()

涨价 () – 脑涨 () [9].

- **составление двусложных слов с морфемами-омофонами.** Обучающимся предлагается составить двусложные слова с одинаково звучащими морфемами-омофонами. Например:

- 1) 尤 () 2) 意 () 3) 杨 () 4) 至 () 5) 州 () 6) 历 ()
 由 () 义 () 扬 () 致 () 洲 () 厉 ()

- **запись иероглифами двусложных омофонов.** Обучающимся предлагается записать иероглифами несколько двусложных омофонов (слов и выражений). Если задание вызывает затруднение, можно воспользоваться словарем. Записанные в иероглифике омофоны необходимо заучивать. Например: fùnyǐ: 妇女、父女.

- **выстраивание цепочки двусложных слов.** В данном упражнении необходимо построить цепочку слов, в которой вторая морфема предыдущего слова равна первой морфеме последующего. Например:

今天 – 天气 – 气功 – 功夫 – 夫妻 – 妻姐 и т. д.

Можно установить временной интервал, за который обучающиеся должны написать как можно больше слов и выражений, либо итоговое количество слов, которое должно быть образовано (в зависимости от этапа обучения).

- **заполнение пропусков подходящими по смыслу иероглифами.** Обучающимся предлагается заполнить пропуски подходящими по смыслу иероглифами, данными в скобках. Предлагаемые варианты должны быть сходны по звучанию и написанию. Например: 她是一个喜欢 () 想的女孩。(幼 – 幻) .

- **составление ассоциативных рядов иероглифов.** Запоминание иероглифических знаков, находящихся в определенной системе, гораздо более продуктивно, чем запоминание разрозненных иероглифов. Поэтому у обучающихся необходимо выработать умение составлять ассоциативные ряды по различным основаниям: структуре иероглифа, его значению, звучанию и др.

- **диктант.** Диктант может быть организован как в форме устного предъявления обучающимся односложных и многосложных слов на китайском языке или их значения на русском, так и письменного предъявления (с листа). Диктант с листа являются эффективным способом самоконтроля обучающимися усвоенной иероглифики.

- **отгадывание иероглифических загадок.** Китайскими дидактами составлено множество иероглифических загадок. Их использование в процессе обучения усиливает интерес к изучению иероглифики, способствует эффективному запоминанию иероглифов. Например: 没有学头 (子) [9].

- **иероглифические соревнования или конкурсы.** Могут включать различные задания, например:

- **найдите предложенные иероглифы в бумажном словаре** (можно использовать словари, построенные на различных системах поиска иероглифов);

- **угадайте иероглиф, который может, сочетаясь с иероглифами предложенного ряда, образовывать новый иероглиф**, например: 父、口、欠、其、亲 (斤) и т. д.

В качестве конкурсных заданий также можно использовать некоторые из указанных выше упражнений.

- **иероглифические представления.** Иероглифические представления – это разыгрывание шуточных представлений на иероглифические темы. Существует множество шуточных историй, построенных на игре слов, связанных со значением или формой иероглифа. Такие истории можно разыгрывать в качестве небольших представлений как на занятиях, так и на конкурсах.

Владение иероглифической компетенцией является неотъемлемой характеристикой китайской языковой личности и важнейшим фактором, обуславливающим ее специфику [1]. Повышение эффективности методов формирования иероглифической компетенции у изучающих китайский язык как иностранный будет способствовать не только ее отдельному развитию, но и повышению качества всей межкультурной коммуникативной компетенции языковой личности обучающегося.

Литература

1. Гурулева Т. Л. Китайская языковая личность: характеристика речевого портрета и его сопоставительный анализ: монография. Москва: ИД ВКН, 2019. 160 с.
2. Гурулева Т. Л. Компетенции владения китайским языком. Результаты сопоставительного лингводидактического исследования: монография. 2-е изд., исправленное и дополненное. Москва: ИД ВКН, 2021. 252 с.
3. Гурулева Т. Л. Компетенция владения китайским языком: компонентные и уровневые характеристики // Высшее образование в России. 2018. № 7. С. 153–163. (Scopus). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-7-153-163>.
4. Гурулева Т. Л. Новые цифровые информационные ресурсы обучения китайскому языку // Иностранные языки в школе. 2021. № 3. С. 14–19.
5. Гурулева Т. Л. Подходы к обучению китайскому языку в аспекте формирования межкультурной образовательной парадигмы // Язык и культура. 2021. № 54. С. 113–130. (WoS) DOI: 10.17223/19996195/54/7.
6. Гурулева Т. Л. Теория обучения китайскому языку и переводу (в языковой паре китайский-русский). Межкультурная лингводидактика: монография. Москва: ИД ВКН, 2019. 444 с.
7. Гурулева Т. Л. Трансформация системы компетенций владения китайским языком: структурно-содержательный анализ версии 3.0 // Вестник МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 3. С. 113–121.
8. Гурулева Т. Л. Уровневое целеполагание в обучении китайскому языку при проектировании школьного и вузовского учебника // Иностранные языки в школе. 2021. № 7. С. 39–47.
9. Ханьюй кэтан цзяюй цзицяо 汉语课堂教学技巧 325 例 [325 приемов обучения китайскому языку]. Пекин: Шан'у иньшугуань, 2014. 421 с.
10. Гоцзи чжунвэнь цзяюй чжунвэнь шуйпин дэнцзи бяочжунь 国际中文教育中文水平等级标准 [Стандарт уровней владения китайским языком для международного обучения китайскому языку]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202103/W020210329527301787356.pdf (дата обращения; 11.06.2022).

Научная статья
УДК 811.581
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-17-28

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИННОВАЦИОННОГО САМОУЧИТЕЛЯ
КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА «КИТАЙСКИЙ НА ЛАДОНИ»**

© **Воропаев Николай Николаевич**
кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Институт языкознания Российской академии наук
Россия, г. Москва
voropaev@vokitai.ru

Аннотация. В статье представлены особенности недавно опубликованного инновационного самоучителя китайского языка. Его главная особенность в том, что в нем представлены сразу все самые употребительные иероглифы (4023 штуки). К 2242 иероглифам применен индивидуальный подход, и даны все самые употребительные слова с их участием, а также лексемы, имена, которые связаны с культурой, литературой и историей Китая. 1781 иероглиф представлен рекомендательно как минимальный потенциал для самостоятельного изучения.

Ключевые слова: китайский язык, инновационный самоучитель, китайские иероглифы, китайские морфемы.

**ABOUT THE FEATURES OF THE INNOVATIVE TEACH-YOURSELF BOOK
FOR CHINESE LANGUAGE "CHINESE ON THE PALM"**

© **Nikolai N. Voropaev**
Researcher,
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Russia, Moscow
voropaev@vokitai.ru

Abstract. The article presents the features of the recently published innovative training manual of the Chinese language. Its main feature is that it contains all the most common characters at once (4023). An individual approach was applied to 2242 characters, and all the most common words with their participation, as well as lexemes, names that are associated with the culture, literature and history of China, are given. 1781 characters is presented as a recommendation as a minimum potential for self-study.

Keywords: Chinese language, Innovative teach-yourself book, Chinese characters, Chinese morphemes.

В настоящее время, когда китайский язык широко востребован, множество россиян учат его самостоятельно, на разного рода курсах, в учебных заведениях или с репетиторами. Однако отсутствие целостного представления о системе данного языка и его особенностях на начальном этапе изучения часто приводит к тому, что учащиеся теряются и или бросают учебу или обучение очень сильно затормаживается, а качество падает.

Мы решили создать такое учебное пособие, которое могло бы сразу показать учащемуся всю целостную картину китайского языка со всеми его важнейшими

особенностями и в то же время сразу очень понятно представить ему достаточно большой оптимальный набор наиболее употребительных иероглифов/морфем и слов как неотъемлемую часть этого языка для творческого использования.

В сфере учебных пособий по китайскому языку до недавнего времени не было такого пособия, в котором была бы так наглядно и удобно представлена вся база наиболее употребительных морфем (иероглифов) для самостоятельного построения слов, фраз и предложений на китайском языке.

Весной 2022 года эта книга вышла из печати. Она называется «Инновационный самоучитель и полный свод наиболее употребительных иероглифов и слов китайского языка (4023 иероглифа и около 20 тысяч слов и словосочетаний)» [1].

Пытаясь сократить объем книги до физически приемлемого уровня, мы невольно провели «естественный отбор» иероглифов: выделили наиболее употребительные 2242 знака и описали их подробно, к каждому иероглифу применен индивидуальный подход и выявлены, даны все его важные для коммуникации функции и элементы (основные значения, основные и интересные слова с ним, примеры употребления в двуслоге и, если это для него возможно, в однослоге), а 1781 менее употребительный иероглиф дали справочно, то есть только с чтением алфавитом пиньинь в разделах «Минимальный потенциал».

Как известно, на некоторые звуковые блоки-слоги китайского языка слогоморфем (иероглифов) существует не так много (три - шесть и даже по одному), а на некоторые достаточно много — 15–30 и более. Так сложилось в китайском языке, что некоторые звуковые блоки весьма или даже чересчур плодотворны в плане возникновения минимальных значимых единиц языка — морфем (тонированных звуковых слогов-блоков), например: fu, ji, jian, u и т. п. Из-за ограниченного объема книги мы не имели возможности давать статьи с примерами слов и словосочетаний по всем употребительным иероглифам (слогоморфемам), поэтому прочие и менее употребительные иероглифы (морфемы) мы вынесли в разделы под названием «Минимальный потенциал», которые даются после статей на каждый слог.

В тех случаях, когда нам удалось представить все употребительные иероглифы (слогоморфемы) на данный слог из-за их малого количества или из-за того, что они все очень-очень важны, раздела «Минимальный потенциал» нет.

В разделе от авторов «Как пользоваться этой книгой, чтобы выучить китайский язык» мы постарались дать подробные ответы на самые важные вопросы, которыми всегда задаются те, кто размышляет об изучении китайского языка: про количество иероглифов, про диалекты, является ли иероглиф целым словом, что такое тоны китайского языка и т. п.

Например, разъясняя, что исторически на один слог (звуковой состав) в китайском языке возникло несколько смыслов, и в этом языке широко распространено явление омонимии (наличия одинаково звучащих морфем), мы рассмотрели подробно слог gao (гао) следующим образом.

gao			
gāo 高 высокий	gāo 篙 багор; шест	gāo 膏 паста, мазь	gāo 羔 ягненок, детеныш
gāo 糕 кекс; пирожное	gāo 篙 яичко, семенник	gǎo 搞 делать; заниматься	gǎo 稿 рукопись; черновик
gǎo 镐 мотыга; кирка	gǎo 杲 яркий, ясный	gào 告 сообщить; уведомить	gào 诰 указ; уведомление

Как видно из таблицы, на один звуковой состав (слог) gao имеется целых 12 смыслов (морфем или слов-полуфабрикатов) (причем мы включили в эту таблицу только самые репрезентативные морфемы, еще более редко употребляемые включать сюда для понимания ситуации уже нет смысла).

Причем все эти морфемы-полуслова обладают совершенно разными значениями. Мы также видим, что этот слог, благодаря этимологическим тонам, существует в китайском языке в трех видах слогоморфем: на этот слог есть слогоморфемы в первом, третьем и четвертом тонах. Во втором тоне данный звуковой состав в китайском языке не существует, на него смыслы в языке не возникли, так сложилось исторически.

Получается, что слогоморфемы в разных тонах уже не полные омонимы, а только по звуковому составу. Китайцы эту разницу между разными тонами слышат очень четко. Но мы также видим, что в таблице есть и полные омонимы, то есть шесть полных омонимов в первом тоне, четыре омонима в третьем тоне и два в четвертом. Кто-то может воскликнуть: «Как же это все различать, это полная путаница?!»

Ничего страшного и путаного здесь нет. Снова повторим, что морфемы китайского языка используются только в окружении других морфем и благодаря этому проявляют свои конкретные значения. То есть по отдельности вам эти слоги (морфемы) никто произносить не будет. Все они будут возникать только в составе многосложных (чаще двусложных) слов или в составе словосочетаний, ритмических групп.

Разберем конкретно данные морфемы на слог gao. Здесь есть разные категории морфем. Одни употребляются очень часто и при озвучивании первыми приходят на ум носителю языка, обычно понятны на слух в однослоге в простых небольших контекстах, другие употребляются редко и при восприятии на слух приходят на ум в последнюю очередь, обычно непонятны на слух в однослоге даже в каких-либо контекстах.

Морфема 高 gāo ‘высокий’ работает сама по себе. Например, в предложении «Он очень высокий.» (他很高。 tā hěn gāo) или во фразе «слишком высоко.» (太高。 tài gāo). Опять же, как видим, и здесь эта морфема сочетается с другими морфемами. Просто, произнесенная обособленно одна, она хотя и будет рассматриваться китайцем первой из всех морфем на слог gao, но однозначно без контекста или какого-либо намекающего жеста все равно воспринята не будет.

Морфема 篙 gāo ‘багор, шест’ также может использоваться самостоятельно (не в составе двусложного слова). Например, в предложении «Он ударил меня шестом, и я упал в реку.» (他用篙打了我一下, 我就掉河里了。 tā yòng gāo dǎle wǒ yīxià, wǒ jiù diào hé lǐ le). Но слова багор или шест едва ли можно назвать часто употребительными в любом языке. В китайском языке эта морфема также не очень актуальна. Поэтому при произнесении обособленно одной этой морфемы значения «багор, шест» будут одними из последних всплывать в мозгу китайца, конечно, если нет какого-либо контекста. Это предложение было смоделировано нами искусственно. Мы провели эксперимент. При произнесении первой части («Он ударил меня шестом») носитель китайского языка не смог понять что мы имели в виду под звуковым набором gāo. И только при озвучивании второй части предложения («и я упал в реку») эта морфема была опознана. Дело в том, что во второй части появляется слово река (河 hé), а слово 篙 gāo ‘багор, шест’ в китайском языке как раз связано именно с рекой, вот его определение в «Словаре современного китайского языка»: 篙 gāo 撑船的竹竿或木杆 (chēng chuán de zhúgān huò mùgān ‘бамбуковый или деревянный шест для толкания лодки’) [2, с. 367].

Морфема 膏 gāo ‘паста, мазь’ тоже может использоваться сама по себе, например: «Эта мазь очень эффективная.» (这种膏很有效。 zhè zhǒng gāo hěn yǒuxiào). Чтобы четко обозначить, что вы в каких-либо ситуациях имеете в виду именно эту морфему, то, произнеся, например, словосочетание «зубная паста» (牙膏 yágāo), вы четко покажете, что имеете в виду именно эту морфему и этот иероглиф. То есть можете сказать 牙膏的膏。 yágāo de gāo «Гао из словосочетания / слова зубная паста»).

Морфема 羔 gāo ‘ягненок; детеныш’ самостоятельно в современном языке не используется, а только в составе, например, таких слов, как 羊羔 yánggāo ‘ягненок; барашек; козленок’, 羔皮 gāopí ‘каракуль; каракулевый’, 鹿羔 lùgāo ‘оленинок’.

Морфема 糕 gāo ‘кекс; пирожное; кондитерское изделие’ тоже не способна работать самостоятельно в потоке китайской речи. Она реализует свое значение только в составе таких конкретных сложных слов, как, например, 蛋糕 dàngāo ‘торт, пирожное, бисквит’, 糕点 gāodiǎn ‘кондитерские изделия; пирожное; сласти’, 年糕 niángāo ‘новогоднее печенье (из клейкого риса или муки)’ и т. п.

Морфема 睾 gāo ‘яичко, тестикулы, семенник’ используется только в составе двусложного слова 睾丸 gāowán ‘яички, тестикулы’ и в других сочетаниях с данным двусложным словом, например: 睾丸素 gāowánsù ‘тестостерон’.

Морфема 搞 gǎo ‘делать; заниматься’ достаточно самостоятельна. Она способна работать сама по себе, например: 搞科学工作 gǎo kēxué gōngzuò ‘заниматься научной работой’; 搞破坏活动 gǎo pòhuài huódòng ‘заниматься подрывной деятельностью’.

Морфема 稿 gǎo ‘рукопись; черновик’ самостоятельно в потоке устной речи современного языка функционировать не может. Она реализует свои значения только в сложных словах и словосочетаниях: 稿子 gǎozi ‘черновик, набросок

(статьи); рукопись', 稿费 gǎofèi '(авторский) гонорар', 手稿 shǒugǎo 'рукопись', 发言稿 fāyángǎo 'текст заявления, текст речи, черновик выступления' и т. д.

Морфема 镐 gǎo 'мотыга; кирка', как и приведенная выше морфема 篙 gāo 'багор, шест', обозначает предметы, которые не так актуальны для современной жизни. Тем не менее эти односложные слова могут встретиться в каких-то литературных произведениях или прочих текстах. Но опять же только или в составе сложных слов, или в окружении определенного контекста. Данная морфема 镐 gǎo 'мотыга; кирка' самостоятельно как слово обычно не используется, но можно смоделировать, например, предложение «Дай мне мотыгу!» (给我一把镐! gěi wǒ yī bǎ gǎo), в котором формально эта морфема выступает как самостоятельное слово. Однако ее самостоятельность опирается на предшествующее ей счетное слово для существительных, обозначающих предметы с ручкой 把 bǎ. Именно это счетное слово при восприятии на слух сигнализирует о том, что имеется в виду данная морфема (слово). Как и прочие китайские морфемы, эта морфема стабильно реализует свое значение в сложных словах, например: 铁镐 tiěgǎo 'заступ; мотыга, кирка', 冰镐 bīnggǎo 'ледоруб' и т. д.

Морфема 杲 gǎo 'яркий, ясный' относится к разряду редких понятий / иероглифов. Эта морфема не может возникнуть в однослоге в потоке устной речи на современном языке. Эта морфема / иероглиф принадлежит старому книжному языку и может встретиться только в именах или каких-то древних текстах, стихах. Тем не менее при необходимости в устной речи эту морфему можно конкретизировать двусложным словом 杲杲 gǎogǎo 'яркий, ясный, блестящий'. Хотя китайцы вас все равно не поймут на слух: уж очень редко этот иероглиф / морфема используется. При необходимости лучше сразу написать этот иероглиф.

Морфема 告 gào 'сообщить; уведомить; жаловаться; обращаться с жалобой (напр., в суд)' относится к числу широкоупотребительных. Она также способна работать в речи как самостоятельное слово, например в предложении «Я тебя засужу!» (我要告你! wǒ yào gào nǐ). Но все же более конкретные значения она получает в составе сложных слов 告诉 gàosu 'сказать; сообщить'; 告状 gàozhuàng '1. подать жалобу (в суд); предъявить кому-либо иск; 2. жаловаться кому-либо на кого-либо'; 报告 bàogào '1. докладывать; доносить; рапортовать; отчитываться; 2. доклад; донесение; рапорт; отчет'; 广告 guǎnggào 'объявление; реклама; афиша'; 被告 bèigào 'обвиняемый, подсудимый, ответчик (в судебном деле)' и т. д.

Морфема 诰 gào 'указ; уведомление' в современном языке не употребляется, это слово древнего языка. Даже двусложные слова с данной морфемой относятся к устаревшей лексике, например: 诰命 gàomìng *старое*: грамота (рескрипт) о пожаловании титула (почетного звания) чиновнику I–V классов; 诰封 gàofēng пожаловать при жизни титул (почетное звание) жене чиновника (или трем поколениям его предков); 诰封 gàofēng грамота о пожаловании титула (почетного звания).

Таким образом, все эти морфемы на слог gao можно выстроить в своеобразный рейтинг по актуальности (частоте употребления) в китайском языке, причем их можно разбить на четыре типа.

Часто употребляющиеся:

1. 高 gāo ‘высокий’;
2. 告 gào ‘сообщить; уведомить’;
3. 搞 gǎo ‘делать; заниматься’;
4. 膏 gāo ‘паста, мазь’;
5. 稿 gǎo ‘рукопись; черновик’;
6. 糕 gāo ‘кекс; пирожное’.

Не часто употребляющиеся:

7. 擧 gāo ‘яичко, семенник’;
8. 羔 gāo ‘ягненок, детеныш’.

Редко употребляющиеся:

9. 篙 gāo ‘багор; шест’;
10. 镐 gǎo ‘мотыга; кирка’.

Фактически не употребляющиеся:

11. 杲 gǎo ‘яркий, ясный’;
12. 诰 gào ‘указ; уведомление’.

Но все равно, произнесенные обособленно, без контекста, вне двусложного слова, словосочетания, фразы или предложения, даже часто употребляющиеся морфемы не будут поняты слушающими. В русском языке, если вы ни с того ни с сего вдруг скажете какое-то слово без привязки к конкретной ситуации или теме, а просто так, то вас тоже никто не поймет, но не поймет контекстуально, само слово, смысл произнесенного будет понят. А вот в китайском языке из-за омонимии и смысл не будет вычленен из выданных звуков.

Например, я скажу «дорога», «олень» по-русски, и слова эти будут поняты и восприняты однозначно, если ситуация нейтральна, а если по-китайски я скажу эти же слова в виде однослога, то будет непонятно, что я имею в виду: 路 или 鹿, потому что они звучат одинаково lù. И поймут меня только после того, как я расширю их до двуслога и более, например: 公路 gōnglù ‘автодорога, шоссе’, 马路 mǎlù ‘проезжая (шоссейная) дорога; мостовая; улица’, 一条路 yī tiáo lù ‘[одна] дорога’, 鹿肉 lùròu ‘оленина’, 一头鹿 yī tóu lù ‘[один] олень’ [1, с. 36].

Другая особенность данного самоучителя в том, что, работая с этой книгой, учащиеся могут развернуть активную деятельность по эффективному и интересному запоминанию слов и иероглифов. На примере иероглифа / морфемы 香 xiāng покажем, как это можно делать.

Изучая слова в списке к этому иероглифу, желательно прочие компоненты (иероглифы / морфемы) этих слов и словосочетаний сразу же находить в соответствующих разделах книги и всю полученную информацию и выводы выписывать в специальную тетрадь.

Например, изучая слово 香港 xiānggǎng Гонконг, Сянган (город в КНР), желательно сразу же обратиться к слогу gang и найти там соответствующую морфему 港 gǎng. Изучив значения иероглифа / морфемы 港 gǎng ‘порт; гавань’, можно сделать вывод, что слово Гонконг означает «ароматная бухта, гавань», и сразу же желательно выучить хотя бы одно новое самое продуктивное слово на ваше усмотрение с морфемой 港 gǎng, например: 港口 gǎngkǒu ‘порт, гавань’;

бухта; портовый’. Таким образом, учащийся не только узнает смысловую структуру слова «Гонконг», но и выучит еще один иероглиф и слово.

Такая цепная реакция поможет активнее погружаться в мир китайского языка. Какие-то выученные слова запомнятся сразу и быстро, какие-то придется повторять много раз. Но постоянное перекрестное неоднократное обращение к одной и той же морфеме / иероглифу при изучении всех представленных в книге иероглифов и слов поможет учащемуся прочнее запомнить всю полезную информацию и основные иероглифы.

Но, возможно, одному человеку сложно прорабатывать сразу несколько иероглифов и слов. Гораздо эффективнее будет работа вдвоем. Поэтому мы решили еще написать в книге о перекрестном и свободном использовании материалов данной книги на примере нескольких иероглифов.

Желательно, чтобы у каждого участника игры был свой экземпляр книги. Например, участники игры договорились освоить иероглиф (морфему) 谱 pǔ. Первый участник открывает свою книгу, и они вместе рассматривают статью на этот иероглиф:

Следующий важный иероглиф (слогоморфема) на слог pu (1146)
谱 pǔ 譜

1. ноты; 2. сочинять музыку; положить на музыку; 3. хронология; перечень; 4. уверенность

谱写 pǔxiě написать (в нотной записи), сочинить и записать (музыку); 乐谱 yuèpǔ ноты, нотный, партитура; 离谱 lípǔ нарушить рамки; выходить из рамок; 看谱唱歌 kàn pǔ chàngē петь по нотам; 家谱 jiāpǔ родословная; 年谱 nián pǔ хронология; 修谱 xiū pǔ составлять [восстанавливать] родословную; 心里没个谱儿 xīnlǐ méigē pǔ (в душе) нет уверенности; 靠谱 kàopǔ заслуживающий доверия; надежный.

Проанализировав графическую структуру иероглифа, участники игры могут взяться за выучивание, например, слова 乐谱 yuèpǔ ‘ноты, нотный, партитура’. В этот момент второй участник игры открывает свою книгу на слог yue, находит иероглиф/морфему 乐 yuè и сообщает партнеру значения этого иероглифа (морфемы) — компонента слова *ноты*:

Следующий важный иероглиф (слогоморфема) на слог yue (2014)
乐 yuè 樂

музыка; музыкальный

音乐 yīnyuè музыка; музыкальный; 乐谱 yuèpǔ ноты, нотный, партитура; 乐器 yuèqì музыкальный инструмент; 乐池 yuèchí оркестровая яма.

Теперь участники игры могут сделать вывод, что слова ноты, нотный, партитура в китайском языке построены из компонентов *музыка* и *ноты*. Участникам можно в своих тетрадах или на доске нарисовать для себя схему: 乐 yuè ‘музыка; музыкальный’ + 谱 pǔ ‘ноты’ = ноты, нотный, партитура

И раз уж участники в статье на иероглиф 乐 yuè наткнулись на такое распространённое и важное понятие, как музыка, то им, конечно же, надо воспользоваться этим счастливым случаем и выучить слово *музыка* в стабильной двуслож-

ной форме современного языка — 音乐 yīnyuè ‘музыка; музыкальный’. Тут же можно составить простое предложение: Я люблю музыку. 我喜欢音乐。 wǒ xǐhuan yīnyuè. Или посложнее: Музыка не знает границ. 音乐无国界。 yīnyuè wú guójiè. Кстати, этот вариант перевода предложения «Музыка не знает границ» с русского языка на китайский язык в качестве эксперимента мы получили с помощью «Google-переводчика», и он является абсолютно верным. Поэтому с простыми короткими предложениями вполне можно смело работать с имеющимися современными платформами, они уже достаточно хорошо научились переводить. Там же можно прослушивать предложения и тексты.

Могут быть случаи, когда участники игры не смогут найти второй компонент китайского слова. Это означает, что этот компонент (иероглиф) или дан в разделе «Минимальный потенциал», или его вообще нет в данной книге. Тогда участникам придется потратить чуть больше времени и найти нужный иероглиф во внешних источниках — в больших словарях или на соответствующих сайтах сети Интернет.

Например, участники игры решат выучить иероглиф 岛 и откроют эту статью:

Следующий важный иероглиф (слогоморфема) на слог dao (357)

岛 dǎo 島

остров; островной

岛屿 dǎoyǔ острова; группа островов; острова [крупные и мелкие]; 岛国 dǎoguó островное государство; 无人岛 wúréndǎo необитаемый остров; 那里有一个岛。他就住在那个岛上。 nàlǐ yǒu yīgè dǎo. tā jiù zhù zài nèige dǎo shang Там есть один остров. Вот он на этом острове и живет.

Если, например, участники игры захотят узнать подробнее о втором компоненте слова 岛屿 dǎoyǔ ‘острова; группа островов’, то они его найдут в разделе «Минимальный потенциал» и сразу не смогут увидеть его значения:

Минимальный потенциал (в конце статьи на слог yu): 淤 yū, 迂 yū, 孟 yú, 渝 yú, 逾 yú, 榆 yú, 谏 yú, 渔 yú, 予 yú, 屿 yǔ, 羽 yǔ, 誉 yù, 芋 yù, 吁 yù, 郁 yù, 与 yù, 寓 yù, 愈 yù, 喻 yù, 裕 yù, 御 yù, 豫 yù

Придется им самим поискать в других источниках и составить аналогичную статью:

屿 yǔ 嶼

островок, остров (преимущественно: о малых островах Юго-Восточного Китая и в смежных морях)

兰屿 lányǔ Ланьюй (остров и город, Тайвань); 檳榔屿 bīn láng yǔ Пинанг, Пенанг (остров и штат в Малайзии).

Затем участники игры могут сделать вывод, что слова *острова; группа островов; острова [крупные и мелкие]* в китайском языке построены из компонентов *остров* и *островок*. Можно нарисовать для себя схему:

岛 dǎo 島 ‘остров; островной’ + 屿 yǔ 嶼 ‘островок, остров’ = острова; группа островов; острова [крупные и мелкие]

И составить предложение, например: Эти острова стали яблоком раздора.
这些岛屿已成为争论的焦点。zhèxiē dǎoyǔ yǐ chéngwéi zhēnglùn de jiāodiǎn.

Этот вариант перевода предложения «Эти острова стали яблоком раздора» с русского на китайский мы тоже получили с помощью «Google-переводчика», и он является приемлемым. Это еще раз подтверждает, что для работы и учебы на материале простых коротких предложений можно широко использовать имеющиеся современные платформы Интернета.

Полученные предложения можно анализировать, разбирать по структуре и грамматике, новые слова изучать. Надо попытаться самим установить, правильно ли электронная система перевела данное предложение. В сложных случаях или накопив несколько предложений, можно обратиться к преподавателю или знакомому носителю китайского языка для подтверждения правильности переводов.

Все правильные варианты своих творений сохранить (записать в тетрадь) для повторения и заучивания. При анализе китайских слов можно обращаться к информации раздела 5 приложения 1. в конце книги «О словообразовании в китайском языке».

Также в книге представлена вся информация о чертах, ключах и прочих графических элементах, правилах каллиграфии, традиционных иероглифах. В разделе 7.6. представлены ресурсы для самостоятельного поиска и изучения иероглифов, чтения которых учащиеся еще не знают.

В разделе 7.7. «Учебные иероглифические тексты» на примере конкретных небольших текстов мы показываем, что любой язык следует учить, разбирая, читая тексты. Предлагаем в качестве примера для подробного анализа спонтанно выбранный текст (анекдот про супругов) на китайском языке, в котором можно увидеть частоту использования ключей, графических элементов и понять некоторые принципы освоения языка. Кроме работы ключей можно увидеть и прочие закономерности, например грамматические.

Эта книга не является заменителем словарей или учебников или новым словарем или учебником, их предостаточно у нас. Поэтому у нее нестандартная структура и содержание. Стандартные для учебников вещи (упражнения) намеренно не представлены в этой книге. Основная цель книги – дать общий, но подробный обзор китайского языка, всех его особенностей доступным языком и на практических примерах, стать настольным справочником для начинающих и знающих китайский язык для быстрого повторения и верификации знаний по всем употребительным иероглифам/морфемам.

Кроме этого, в статьях на большинство иероглифов можно найти множество нюансов, которые важны даже уже для говорящих на языке и, по сути, являются своего рода упражнениями.

Например, рассмотрим эту статью:

Следующий важный иероглиф (слогоморфема) на слог ou (1075)

藕 ǒu 藕

1. клубень лотоса (водяной лилии), корневище лотоса 2. лотос

莲藕 lián'ǒu корень лотоса (съедобен); 买一支藕 mǎi yī zhī ǒu купить [один]

клубень лотоса

Здесь мы видим какой вариант этого слова существует в двуслоге (莲藕 lián'ǒu), это важно знать, чтобы при необходимости донести до китайца смысл, так как в однослоге просто слог *ou* на слух могут не понять, что имеется в виду лотос.

Далее мы даем пример предложения (словосочетания, фразы), где показано как слово работает в однослоге, то есть использовано счетное слово 支 (买一支藕 mǎi yī zhī ǒu купить [один] клубень лотоса).

Это очень важные знания – знать, как работает морфема в языке, в какие двуслоги она может вступать с какими иероглифами и как способна работать в однослоге, то есть сама по себе. Многие, кто учит китайский язык даже десятилетиями, не всегда это знают. А слово *ou* (корень лотоса) очень важно для китайцев, они эти корни часто употребляют в пищу.

Приведем другой пример.

Следующий важный иероглиф (слогоморфема) на слог *ou* (1074)

偶 ǒu

1. идол; истукан 2. чета; пара; четный 3. неожиданно; случайно

偶像 ǒuxiàng идол; истукан; фетиш; 木偶 mùǒu 1. деревянная кукла; кукольный 2. идол, истукан 3. Пиноккио (литературный персонаж); 木偶奇遇记 mù'ǒu qíyùjì «Приключения Пиноккио: история деревянной куклы» (повесть Карло Коллоди); 木偶戏 mù'ǒuxì кукольный театр; 偶然 ǒurán неожиданно; случайно; случайный; 偶尔 ǒu'ěr 1. иногда; время от времени, по временам 2. см. 偶然

Как видим, здесь мы в разделе наиболее употребительных слов дали название известной сказки «Приключения Пиноккио: история деревянной куклы». Дело в том, что в китайском языке такие наименования часто строятся совсем по другим принципам, чем в европейских языках. Такие слова не всегда можно найти в словарях. А эти знания очень важны (такие книги относятся к прецедентным тестам глобального пространства). Поэтому, когда мы говорим, что в книге даны только самые употребительные, нужные и интересные слова, то имеем в виду подобные и многие другие слова, имена и наименования. Это тоже важная особенность книги.

Далее здесь, как видно, под пунктом 2 основных значений есть значение «чета; пара; четный», но среди слов нет примера многосложного слова с таким или близким значением. Здесь мы экономим пространство и опять же это методически хорошо играет на руку пользователю или преподавателю. В статье на другой иероглиф (см. ниже) есть слово и предложение, где этот иероглиф как раз работает со значением «чета, пара». Именно в таких случаях очень хорошо может пойти игра или упражнение на анализ структуры слов и поиск их вторых половинок. Это мы также уже показали выше и это описано в следующих разделах книги: 5.4 Интерактивная деятельность по запоминанию иероглифов и слов, 6.1 Игра в сопоставление частей слов, анализ слов, составление предложений с использованием ресурсов сети Интернет.

Следующий важный иероглиф (слогоморфема) на слог pei (1100)**配 pèi**

- 1. сочетаться (браком); подходить друг другу (напр. о супружеской паре)
2. случать, спаривать 3. подбирать (напр. очки); подгонять (напр. Детали машины) 4. подходить; сочетаться (о цвете) 5. подходить; соответствовать (напр. должности)**

配合 pèihé координировать; взаимодействовать; согласовывать; взаимодействие; 配套 pèitào комплектовать; комплектование; комплексный; 配套措施 pèitào cuòshī комплекс мер; 配偶 pèi'ǒu супруг; супруга; 配方 pèifāng составление рецептуры; рецептура; 配件 pèijiàn 1. комплектующие детали [узлы] 2. запасные детали [узлы]; 配眼镜 pèi yǎnjìng подбирать очки; 他配不上你。 tā pèibushàng nǐ Он тебе не пара.

Также мы попытались путем презентации некоторых особых слов или словосочетаний познакомить учащихся с отдельными важными или интересными элементами китайской культуры, истории, литературы.

По многим иероглифам мы кроме употребительных слов старались приводить имена и наименования широко известных в Китае и во всем мире исторических личностей и событий, литературных персонажей и эпизодов, например:

Следующий важный иероглиф (слогоморфема) на слог jie (719)**借 jiè 3. 藉**

- 1. брать взаймы [в пользование]; брать в долг; занимать; 2. давать взаймы [в долг], одалживать; 3. воспользоваться чем-либо; при помощи; с помощью чего-либо**

借贷 jièdài 1. брать ссуду, брать взаймы; 2. бухг. дебет и кредит; 借钱 jièqián занимать деньги; 借书 jièshū брать книги (напр., в библиотеке); 借口 jièkǒu 1. под предлогом; воспользоваться каким-либо предлогом; 2. предлог; повод; 借给他一笔钱 jiè gěi tā yībǐ qián дать ему деньги взаймы; 借...机会 jiè... jīhuì воспользоваться каким-либо случаем; 借...名义 jiè... míngyì прикрываться каким-либо, чьим-либо именем; от имени кого-либо; 借鉴 jièjiàn воспользоваться чьим-либо опытом; служить поучительным примером (для кого-либо); 草船借箭 cǎo chuán jiè jiàn букв. собрать (чужие) стрелы на соломенные чучела, установленные на кораблях (обр. ловко обратить силы и богатство других себе на пользу) — прецедентное имя-эвентоним, наименование прецедентной ситуации китайскоязычного культурного пространства, глава 46 классического романа (прецедентного текста) «Троецарствие». Связана с прецедентными именами Чжугэ Лян, Цао Цао и другими.

Таким образом, читатель, который уже знает хорошо китайский язык, получает удобный настольный справочник для того, чтобы проверить тот или иной иероглиф на наличие у него тех или иных значений, на правильность его начертания в упрощенной и традиционном виде, на количество черт и т. п. Ведь даже 30-летний опыт работы с китайским языком не освобождает нас от постоянных проверок себя по написанию того или иного иероглифа и уточнения его значения. Заглавные иероглифы даны очень крупным шрифтом с указанием традиционных начертаний (если иероглиф упрощался) и разнописей, и это очень удобно.

Для начинающего и продолжающего изучать китайский — это пособие, которое способно дать всю самую важную информацию о китайском языке вместе со всем тем лексическим набором в виде иероглифов и слов, который необходимо будет освоить. Выбраны только самые важные, реперные моменты. В конце книги даны дайджесты по грамматике, лексике и прочим аспектам.

Эта книга обеспечивает более вовлеченное, гибкое и активное обучение: учащиеся могут свободно перемещаться по разным уровням языка, выбирая в любом порядке необходимую или интересную им лексику, и составлять фразы и предложения с этими словами, озвучивать их, читать и писать сообщения и статьи на китайском языке. Ведь современные возможности сервисов языкового перевода с аудиосопровождением позволяют быстро выучивать новые слова и фразы на иностранных языках в правильном произношении самостоятельно.

Литература

1. Китайский на ладони. Инновационный самоучитель и полный свод наиболее употребительных иероглифов и слов китайского языка (4023 иероглифа и около 20 тысяч слов и словосочетаний) / Н. Н. Воропаев, Ма Тяньюй; илл. Э. Н. Воропаевой. Москва: Издательский дом ВКН, 2022. 692 с.

2. Сяньдай ханьюй цыдянь, Чжунго шэжунэ кэсюэюань юйянь яньцзюсо цыдянь бяньциши бянь, Шанью иньшугуань чубань, Бэйцзин, 1993 нянь, 1582 с. 现代汉语词典, 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编, 商务印书馆出版, 北京, 1993年, 1581页。 [Словарь современного китайского языка, составлен редакционным отделом Института лингвистики Китайской академии общественных наук, Коммерческое издательство, Пекин, 1993, 1581 с.].

Научная статья
УДК 372.881.1
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-29-38

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОСИТЕЛЕЙ И НЕНОСИТЕЛЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

© **Калинин Олег Игоревич**
кандидат филологических наук, доцент,
Военный университет Министерства обороны
Россия, г. Москва
okalinin.lingua@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена проблема эффективности педагогической деятельности преподавателей-носителей и преподавателей-неносителей китайского языка. Выделение достоинств и недостатков НЯ и ННЯ как преподавателя иностранного языка позволило построить модель эффективности педагогической деятельности согласно изучаемым уровням языковой системы. Полученные выводы свидетельствуют, что на начальном этапе педагогическая деятельность ННЯ признается более эффективной при формировании большинства компетенций. При этом НЯ крайне полезен для развития и актуализации знаний, умений и навыков полученных обучающимися в рамках формирования межкультурной коммуникативной компетенции на завершающем и среднем этапах.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, преподаватели-носители, преподаватели-неносители, эффективность преподавательской деятельности.

NATIVE AND NON-NATIVE SPEAKERS' PEDAGOGICAL ACTIVITY IN TEACHING THE CHINESE LANGUAGE: ASPECT OF EFFICIENCY

© **Oleg I. Kalinin**
Military University of the Ministry of Defense
Russia, Moscow
okalinin.lingua@gmail.com

Abstract. The article deals with the problem of the pedagogical activity of native and non-native Chinese teachers in terms of its effectiveness. Identification of the advantages and disadvantages of NST and NNST made it possible to build a model of the pedagogical activity effectiveness according to the studied levels of the language system. The obtained conclusions show that at the beginning level, the pedagogical activity of the NNST is recognized as more effective in the formation of most studying competencies. At the same time, NST is extremely useful for the development and updating of knowledge, skills and abilities acquired by students in the framework of intercultural communicative competence at the intermediate and advanced levels.

Keywords: pedagogical activity, native teachers, non-native teachers, teaching effectiveness.

На современном этапе развития лингводидактики все большее внимание уделяется исследованию форм организации учебного процесса (онлайн/оффлайн), внедрению новых приемов и методов обучения (геймификация, проектная деятельность и т. д.), содержательной стороне преподаваемой дисциплины.

плины (развитие разных компетенций). При этом фигура преподавателя, оставаясь ключевой как в организации учебного процесса, так и в подборе методов обучения и наполнении учебного процесса содержанием, почему-то остается вне поля зрения исследователей. На наш взгляд, несмотря на значительные изменения в подходах к обучению иностранному языку в целом и китайскому языку в частности преподаватель (учитель) по-прежнему остается ключевой фигурой, которая напрямую обеспечивает качество итоговой подготовки обучающихся. Мы абсолютно убеждены, что профессиональный педагог, обладающий высоким уровнем внутренней мотивации, пониманием психологии обучающихся и знанием методики преподавания, вполне может компенсировать некоторые недостатки как формата обучения, так и несовершенства учебных пособий.

Если говорить о преподавателе иностранного языка, то часто поднимается вопрос о социально-биологическом происхождении педагога, а именно является ли преподаватель иностранного языка носителем (далее НЯ) или не-носителем (ННЯ). Как известно, под обучением иностранному языку предполагается обучение речевым навыкам [Кочергин, 2012, с. 8]. Некоторые исследователи полагают, что носителям языка часто отдается предпочтение на рынке труда, потому что есть основания полагать, что только носитель может «научить говорить как носитель» [Watson, Todd, 2006]. Другие исследователи подчеркивают при этом, что «сам факт рождения в определенной языковой среде не является достаточным условием автоматического безупречного использования языка» [Гудкова, 2015, с. 1767].

В этой связи в центре внимания настоящего исследования стоит педагог как субъект педагогической деятельности. Предметом исследования при этом выступает эффективность педагогической деятельности НЯ и ННЯ, рассматриваемая в аспекте восприятия с точки зрения обучающихся.

Мы ставим своей целью рассмотреть имеющиеся подходы к оценке эффективности педагогической деятельности НЯ и ННЯ в сопоставительном подходе и предложить собственную модель организации учебного процесса с учетом полученных результатов.

В целом, проблематика сравнения НЯ и ННЯ в части касающейся эффективности преподавания иностранному языку – это довольно сложная сфера исследований, лежащая на стыке педагогики и психологии, и для валидности выводов, безусловно, требуется проведение полномасштабного педагогического эксперимента. Кроме того, мы осознаем тот факт, что в случае оценки эффективности деятельности педагога важную роль играет и фактор субъективности, то есть личных характеристик каждого отдельно взятого преподавателя, однако, на наш взгляд, это не отменяет возможности обобщенных выводов. В данном исследовании мы ограничимся теоретическим осмыслением эффективности педагогической деятельности НЯ и ННЯ, на основании чего предложим свою модель уровней организации обучения китайскому языку в высшей школе с комбинированным применением НЯ и ННЯ.

Оценка эффективности педагогической деятельности НЯ

В области овладения вторым языком является общей практикой соизмерять достижения учащихся с уровнем носителей языка. Другими словами, в образовательном контексте, преподаватели пытаются «превратить» своих учеников в но-

сителей языка или максимально приблизить их достижения к уровню владения языком коренным населением. Следовательно, предполагается, что речь носителя языка – единственная подходящая модель для говорящих на иностранном языке.

Сначала дадим сущностные характеристики носителя языка как преподавателя. Это представитель языковой общности, имеющий способность спонтанно производить правильные, идиоматические высказывания, а также оценивать «приемлемость» чужих высказываний.

Носитель китайского языка, в данном случае, – это:

- 1) тот, кто родился в Китае (на Тайване) или в китаезычной семье;
- 2) обучался китайскому языку с детства в среде;
- 3) владеет китайским в качестве первого языка;
- 4) способен строить свободную, спонтанную, креативную речь на китайском языке;
- 5) характеризуется подсознательным знанием правил, интуитивным пониманием смысла, умением общаться в различных социальных условиях, используя широкий спектр языковых навыков и умений.

Г.Стерн в своей монографии перечисляет девять качеств, присущих носителям:

- 1) подсознательное знание правил;
- 2) интуитивное понимание смысла;
- 3) принадлежность к социальной среде страны изучаемого языка;
- 4) широкий спектр языковых навыков (правильное произношение, расстановка ударений, интонаций, мелодика; знание звуковой системы языка, способы фонетической организации речи и т. д.);
- 5) креативное использования языка;
- 6) идентификация с языковым сообществом;
- 7) способность вести беглую речь;
- 8) знание различий между собственной речью и «стандартной» формой языка, знание новейших нюансов современного языка;
- 9) способность интерпретировать и переводить на иностранный язык, носителем которого она или он является [Stern, 1992].

Каждый из этих навыков потенциально могут быть полезны в классе, однако, стоит отметить, что большая часть из них относится к слуховым умениям, развитие которых при обучении китайскому языку, безусловно, крайне важны.

Однако, на наш взгляд, при оценке потенциальных преимуществ НЯ и ННЯ учителей китайского, способность преподавателя научить чтению так же важна, как и способность научить говорению, что подтверждает Г. Уокер: «в долгосрочной перспективе, чтение, вероятно, является самым важным умением, которое учащийся может получить в результате обучения китайскому языку» [Walker, 1984].

Еще одним преимуществом преподавателей-носителей является более гибкий подход к преподаванию. Согласно Р.Тодду, обладая лингвистическим преимуществом, НЯ склонны более гибко подходить к выбору методических приемов, отдавая предпочтение непосредственно работе с учениками в классе тем

самым уменьшая объем домашнего задания и проверочных работ [Watson, Todd, 2006].

Однако, в дидактической литературе есть и весьма существенная критика подходов и методов, которые обычно используют НЯ. Так, Э. Ллурда утверждает, что NS порой испытывают трудности с пониманием нужд учащихся. По мнению исследователя, «носитель, как правило не знает или недостаточно хорошо знает первый язык обучаемых, что особенно отягощает обучение на начальном этапе, так как учащиеся, не обладающие достаточным лексическим запасом и навыками восприятия иноязычной речи на слух, могут не понять, о чем говорит преподаватель-носитель, что невольно может вызвать у учащихся негативные эмоции, такие как страх, напряжение или разочарование» [Llurda, 2005, с. 163].

Сходного мнения придерживается Т. Террел, который указывает, что «для успешного усвоения знаний следует для начала обеспечить спокойную эмоциональную обстановку», из чего можно сделать вывод, что эмоциональный фактор на занятиях порой имеет даже большее значение, чем когнитивный [Terrell, 1977, с. 321]. Тогда более успешным учителем можно считать того, кому удастся организовать более спокойную среду обучения. При этом Э.Ллурда пишет, «учитель-носитель, не владеющий родным языком учеников, является образцом чего-то чуждого, чем студенты никогда не смогут стать» что может вызвать у учащихся чувство бессилия [Llurda, 2005, с. 164].

Кроме того, П. Меджис отмечает, что «NS может не понимать внутренние механизмы, действующие при освоении второго языка, так как для носителей языка овладение языком было бессознательным», что оказывает влияние на освоение иностранного языка [Medgyes, 1992].

Еще одним недостатком может стать то, что Фергюсон назвал «foreigner talk»: склонность носителей модифицировать свою речь при общении с иностранцами. Подобной модификации подвергаются все уровни языка – произношение, лексика, грамматика и манера построения устной речи, что оказывает негативное влияние на обучающихся [Ferguson, 1971, с. 143].

Подводя итоги проведенному теоретическому анализу, мы представили перечисленные доводы о носителях языка в виде таблицы.

Таблица 1

Эффективность педагогической деятельности НЯ

Аспекты	+	-
Фонетика	Обладают правильным произношением, расстановкой ударений, интонацией, мелодикой; знает звуковую систему языка, способы фонетической организации речи	Речь носителей труднее воспринимается их учениками, чем речь изучивших язык как второй иностранный
Лексика	Могут обогатить словарный запас и научить правильно использовать лексику, так как лучше знает новейшие нюансы современного языка, осознает разницу между собственной речью и «стандартной» формой языка.	При недостаточно высоком уровне изучаемого языка обучаемые лишаются возможности соотнести два языка и переводить с одного языка на другой.

Окончание таблицы 1

Аспекты	+	-
Грамматика	Знают правила на подсознательном уровне	Не всегда обладают ресурсами доступно объяснить то или иное грамматическое явление
Методика обучения	Более гибкий подход к выбору методических приемов на занятии.	

Оценка эффективности педагогической деятельности ННЯ

Рассмотри оценку преимуществ и недостатки педагогической деятельности ННЯ.

Главным достоинством, о котором пишут почти все исследователи, состоит что ННЯ имеет опыт изучения этого языка как второго языка, что дает ему представление о процессе изучения и более глубокое его понимание [Llurda, 2005; Medgyes, 1992; Ustunluoglu, 2007]. И. Мерино пишет: «ННЯ узнали о том, как работает иностранный язык во время их собственного процесса обучения. Этот факт позволяет им быть лучшими преподавателями, чем их коллеги носители» [Merino, 1997, с. 75].

Вторым преимуществом, логично связанным с первым, постулируется повышение мотивации обучающихся. «Если все преподаватели языка были носителями языка, студенты пришли бы к выводу, что, только родившись в стране, можно научиться говорить на ее языке», – заявляет Меджис [Medgyes, 1992]. Соответственно, понимание обучающихся, что перед ними человек, который не родился в языковой среде, но все-таки смог освоить язык, значительно повышает их мотивацию.

Также отмечается тот факт, что преподаватели ННЯ имеют возможность обращаться к структуре и нормам родного студентам языка, чтобы сопоставить с изучаемым: продемонстрировать то или иное языковое явление на контрасте или в сходстве, отсутствие таковых в одном языке и наличие в другом, отражение культурных и социальных реалий в том или ином языке. Так, А. Киркпатрик подчеркивает, что знание родного и преподаваемого языков позволяет ННЯ использовать намного больший арсенал лингвистических средств обучения, чем их коллегам-носителям языка. По мнению автора, преподаватель-монолингв с малой долей вероятности сможет обеспечить более профессиональное обучение, не владея культурными и образовательными нормами той страны, студентов которой он обучает [Kirkpatrick, 2006, с. 74].

Также еще одним преимуществом преподавателей NNS признается то, насколько легче их речь на иностранном языке воспринимается учащимися, по сравнению с аутентичным произношением носителей языка [Ustunluoglu, 2007].

Аргументы против ННЯ достаточно предсказуемы: погрешности в произношении, меньший опыт общения на целевом языке, также порой нерешительность в использовании языка из-за страха совершить ошибку. Эти особенности могут проявиться на уроках в той или иной форме, например, в недостатке общения на целевом языке во время урока или недостатке практики у учащихся восприятия на слух. Мы представили результаты теоретического анализа в виде таблицы.

Эффективность педагогической деятельности ННЯ

Аспекты	+	-
Фонетика	Речь не-носителей на иностранном языке воспринимается учащимися легче, по сравнению с аутентичным произношением носителей языка	Склоны совершать фонетические ошибки
Лексика	Родной язык учащихся может быть более подходящим для объяснения определений, лексических единиц и структур	Если не включены в языковую среду, могут не знать актуальной лексики. Могут ошибаться в коллокациях.
Грамматика	Могут объяснять явления грамматики с помощью родного для учащихся языка	
Методика обучения	Используют более эффективные педагогические стратегии, которые помогают им профессионально уменьшить сложность изучения другого языка.	Зависимы от учебных материалов, так как эти педагоги менее уверены в себе с точки зрения языковой компетентности по сравнению с носителями языка

Теоретическое осмысление уже проведенных исследований эффективности педагогической деятельности НЯ и ННЯ приводит к мысли, что каждая из моделей имеет свои преимущества и недостатки. При этом большинство исследователей сходятся на мысли, что цель изучения второго иностранного языка не состоит в имитации речевого поведения носителей этого языка; более достижимой целью признается обучение его успешному использованию.

Эффективность НЯ и ННЯ при обучении китайскому языку

Опираясь на полученные данные о преимуществах и недостатках преподавателей НЯ и ННЯ, мы можем предположить, что для китайского языка как преимущества, так и недостатки каждого будут проявляться особенно сильно, что связано с типологией родного (русский) и целевого(китайский) языков обучающихся. Рассмотрим их последовательно применительно к каждому уровню языка и методике обучения.

1. Фонетика. Как отмечает А. Н. Алексахин, «китайский язык путунхуа относится к языкам с вокальной доминантой, а русский - к языкам с консонантной доминантой» [Алексахин, 2018, 18], что в целом свидетельствует о довольно большой разнице в фонологических особенностях русского и китайского, что проявляется как на уровне отдельных фонем, например, фонем *e*, *й* в русском языке и фонем *ы*, *э* в китайском языке, так и на уровне слога, например, в КЯ невозможно сочетание согласных, зато нормой является сочетание гласных, чего почти не бывает в слогах русского языка. Если к множественным отличиям в фонологических системах русского и китайского языков также добавить еще систему тонов, то становится очевидным, что формирование фонетической компетенции КЯ – довольно трудоемкая задача. НЯ может точно воспроизвести отдельную фонему или слог, однако чаще всего может испытывать затруднения в объяснении техники произношения, так как его собственный фонетико-

фонологический навык был сформирован естественным путем. ННЯ при этом может иметь трудности с точной реализацией своего собственного фонетико-фонологического навыка, в частности, довольно часто русскоязычные преподаватели КЯ имеют трудности с правильной вокализацией тонов.

На наш взгляд, наиболее оптимальным подходом при формировании фонетико-фонологического навыка у обучающихся будет совместная работа ННЯ и НЯ, где первый отвечает за теоретическое объяснение основных правил произношения, а второй - за отработку произношения, а за контроль и последующую корректировку отвечают оба педагога.

2. Лексика. Типологические отличия между китайским и русским языками на уровне лексики проявляются, прежде всего, в иероглифическом характере китайской письменности и специфических способах словообразования в КЯ, где доминирует основосложение, и существуют специфические способы, как например, морфемная контракция. Сильной стороной ННЯ является возможность быстрого подбора перевода новой лексической единицы, также ННЯ может лучше объяснить внутреннюю структуру слова, привести смысловые параллели с родным для обучающихся языком.

Как известно, лексика – это наиболее динамично подвижный уровень языковой системы, поэтому только постоянное пребывание в языковой среде может гарантировать обновление и расширение словарного запаса. В этой связи преимуществом НЯ, безусловно, является более богатый и актуальный на момент обучения словарный запас. ННЯ, если он не имеет постоянной языковой практики за пределами преподаваемых дисциплин, безусловно, не может сравниться по богатству лексического состава с НЯ. Кроме того, НЯ может более качественно подбирать контекст для новой лексики, тем самым актуализировать новые для обучающихся семантические связи между словами.

В этой связи мы полагаем, что основные преимущества НЯ в плане развития лексической компетенции более актуальны при обучении продвинутому уровню. На начальном этапе обилие новой лексики, употребляемой НЯ, при невозможности объяснить внутреннюю структуру слова может играть демотивирующую роль. При этом сильные стороны ННЯ, напротив, нам кажутся более важными на начальном и среднем этапах, когда важно уделять постоянное внимание способам словообразования, концентрироваться на базовой лексике и вникать во внутреннюю структуру слова.

3. Грамматика. Прежде всего стоит отметить, что китайский и русский относятся к разным типам языков по грамматической типологии: аналитический и синтетический языки соответственно. При этом некоторые исследователи отмечают определенную полярность грамматик двух языков, описывая китайский как максимально изолирующий, а русский как максимально флективный [Волков, Гурулева, 2018]. Применительно к преподаванию это означает, что на начальном этапе обучения разница в языковых системах представляет довольно весомую сложность для обучающихся. Грамматический навык иностранного языка всегда накладывается на внутренне понимание грамматики, поэтому для правильного понимания и использования грамматических правил изучаемого языка требуется подробное описание грамматики именно как системы. На наш взгляд, НЯ обычно объясняет грамматические правила по наитию, как сложившийся у него есте-

ственный навык, то есть по принципу «так говорят, значит, так правильно». ННЯ, который прошел обучению КЯ именно как иностранному, всецело понимает отличия в грамматических системах двух языков и обладает большими возможностями для объяснения этих отличий обучающимся.

Мы полагаем, что так же как и с лексикой, в случае развития грамматической навыка ННЯ будет более полезен на начальном этапе, когда этот навык только формируется, а НЯ – на среднем и продвинутом уровнях, когда требуется развитие грамматического навыка и превращение его в компетенцию.

4. Методика обучения. Касательно отличий в методиках, подходах, частных приемах обучения, которые применяют НЯ и ННЯ, нам кажется, что данный фактор сильно субъективен и скорее связан с личностными характеристиками педагога, чем с его происхождением.

5. Дискурсивная компетенция. В своих предыдущих исследованиях мы рассматривали дискурсивную компетенцию как «осознаваемое умение подобрать такие языковые единицы и речевые средства (языковой компонент), которые максимально эффективно способствуют достижению поставленной коммуникативной цели и могут максимально эффективно воздействовать на реципиента речевого сообщения (прагматический компонент) в понимаемых автором речевого сообщения социокультурных условиях (социокультурный компонент)» [Калинин, 2021]. Мы рассмотрели дискурсивную компетенцию как финальную точку овладения языком как средством коммуникации. Касательно развития дискурсивной компетенции НЯ или ННЯ нам кажется, что более эффективной в этом аспекте будет деятельность ННЯ, обладающего соответствующим опытом и подготовкой. Как известно, дискурс – это речь погруженная в жизнь, и цель обучения языку для использования его «как носителем в жизни» является не только недостижимой, но и ложной, так как в конечном счете иностранный язык изучается не для замены родного, а для использования его как средства межкультурной коммуникации. И в этом более полезным будет личный дискурсивный опыт ННЯ.

Таким образом, мы полагаем, что в процессе подготовки специалистов со знанием КЯ, целью которого является формирование межкультурной коммуникативной компетенции, целесообразным является подход, позволяющий совмещать достоинства нивелировать недостатки НЯ и ННЯ. Представим наше видение в форме таблицы.

	Языковая компетенция	Речевая компетенция	Дискурсивная компетенция	Социокультурная компетенция
Начальный	ННЯ/НЯ	ННЯ	-	ННЯ
Средний	ННЯ/НЯ	ННЯ/НЯ	ННЯ	ННЯ
Продвинутый	НЯ	НЯ	НЯ	ННЯ/НЯ

Дадим небольшое пояснение. На начальном этапе в рамках формирования языковой компетенции фонологический компонент формируется одновременно ННЯ и НЯ, где первый выступает в качестве источника объяснения и корректировки произношения, а второй – в качестве основы для постановки точного произношения; грамматический и лексический компонент формируется исключительно ННЯ. На среднем этапе фонологический компонент, суть которого

состоит преимущественно в овладении навыком актуального членения предложения, тесно связан с грамматическим, поэтому ведущую роль здесь также играет ННЯ, при этом НЯ выступает как источник расширения словарного запаса и актуализации употребления знакомой лексики. На продвинутом уровне НЯ более важен для превращения знаний, умений и навыков во взаимосвязанные свойства личности обучающегося, то есть для успешной интеграции всех знаний о системе языка, умений и навыков ей пользоваться в непосредственно коммуникативный процесс.

Речевая компетенция, которая в общих чертах представляет собой знание способов формирования и формулирования мыслей с помощью языка, а также способность пользоваться языком в речи, на начальном этапе формируется преимущественно ННЯ, так как осознание и перенимание опыта использования иностранного языка в речи, которым уже овладел педагог ННЯ, является менее травматичным для обучающихся с психологической точки зрения. Однако уже на среднем и продвинутом уровнях мы полагаем целесообразным привлекать на занятия по речевой практике НЯ. Дискурсивная компетенция, которая тесно связана с речевой и в некоторых классификациях является ее частью, на начальном этапе освоения КЯ практически не формируется, и ее основы на среднем этапе также закладываются ННЯ, так как он лучше осознает целенаправленность коммуникации на иностранном языке как на родном.

Социокультурная компетенция, на наш взгляд, также формируется в сходной последовательности. На начальном этапе обучающийся сталкивается с большим объемом социокультурной и лингвострановедческой информации, усвоение которой легче происходит на родном языке. На среднем этапе происходит активное пополнение этих знаний и их объяснение в сравнении с родной лингво- и социокультурой. На завершающем этапе нам кажется целесообразным привлечение НЯ для актуализации знаний, умений и навыков в области лингво- и социокультуры, превращения их в осознанную, интегративную способность учитывать лингво- и социокультурные особенности при коммуникации на иностранном языке.

Заключение

Таким образом, обзор научной литературы позволил нам выделить основные достоинства и недостатки НЯ и ННЯ как преподавателя иностранного языка. Полученные выводы свидетельствуют, что на начальном этапе педагогическая деятельность ННЯ признается более эффективной при формировании большинства компетенций. При этом НЯ крайне полезен для развития и актуализации знаний, умений и навыков полученных обучающимися в рамках формирования межкультурной коммуникативной компетенции на начальном и среднем этапах. Мы осознаем, что процесс обучения – это сложное взаимодействие между педагогом и учеником, на успешность которого оказывает влияние множество факторов, в том числе субъективных, поэтому предложенная модель и представленные выводы не могут носить всеобъемлющий и абсолютно универсальный характер. Однако, наш опыт преподавания и представленная в статье теоретическая база позволяют с высокой долей вероятности утверждать в эффективности предложенной уровневой модели формирования МКК с использованием преподавателей-носителей и неносителей.

Литература

1. Алексахин А. Н. Инновационная системная интерпретация консонантизма и вокализма фонетико-фонологической системы китайского языка путунхуа // Гуманизация образования. 2018. Т. 6. С. 13–19.
2. Волков К. В., Гурулева Т. Л. Сопоставительный анализ типологических характеристик китайского и русского языков // Известия ВГПУ. 2018. Т. 8. № 131. С. 148–154.
3. Гудкова Е.Ф. Носитель языка как эталон в преподавании иностранного языка // Наука ЮУрГУ: материалы 67-й научной конференции (Челябинск, 14–17 апреля 2015 г.). Челябинск: Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2015. С. 1764–1767.
4. Калинин О. И. Технология формирования дискурсивной составляющей межкультурной коммуникативной компетенции // Методика обучения китайскому языку и переводу в полипарадигмальной интерпретации современных педагогических исследований: коллективная монография. Москва: Издательский дом ВКН, 2021. С. 40–50.
5. Кочергин И. В. Очерки лингводидактики китайского языка. Москва: Восточная книга, 2012. 184 с.
6. Ferguson C. A. Absence of copula and the notion of simplicity: A study of normal speech, baby talk, foreigner talk, and pidgins. // Pidginization and creolisation of languages / под ред. D. Hymes. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. С. 141–150.
7. Kirkpatrick A. Which model of English: Native-speaker, nativized or lingua franca? // English in the world. 2006. Т. 46. С. 71–83.
8. Llurda E. Non-native language teachers: Perceptions, challenges, and contributions to the profession. New York: Springer, 2005. 207 с.
9. Medgyes P. Native or non-native: who is worth more? // ELT J. 1992. Т. 4. № 46. С. 340–349.
10. Merino I. G. Native English-speaking teachers versus non-native English-speaking teachers // Rev. Alicant. Estud. ingleses. 1997. Т. 4. С. 69–79.
11. Stern H. H. Issues and Options in Language Teaching. Oxford: Oxford University Press, 1992. 404 с.
12. Terrell T. D. A Natural Approach to Second Language Acquisition and Learning // Mod. Lang. J. 1977. Т. 7. № 61. С. 325–337.
13. Ustunluoglu E. University Students' Perceptions of Native and Non-Native Teachers // Teach. Teach. Theory Pract. 2007. Т. 1. № 13. С. 63–79.
14. Walker G. 'Literacy' and 'Reading' in a Chinese Language Program // J. Chinese Lang. Teach. Assoc. 1984. Т. 4. С. 67–84.
15. Watson Todd R. The Myth of the Native Speaker as a Model of English Proficiency // REFlections. 2006. Т. 8. С. 1–7.

Научная статья
УДК 811.581
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-39-42

**КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ:
ПОЗИТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ СЛОЖНОСТИ**

© **Рукодельникова Мария Борисовна**
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой восточных языков,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, г. Москва
mashru@yandex.ru

Аннотация. В статье описывается специфика преподавания китайского языка в неязыковом вузе. Возможно ли достичь высокий уровень владения китайским языком вне языковой среды и без большого количества учебных часов.

Ключевые слова: преподавание китайского языка, высшая школа, виды речевой деятельности.

**CHINESE LANGUAGE IN A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY:
POSITIVE TRENDS AND ORGANIZATIONAL CHALLENGES**

© **Mariia B. Rukodelnikova**
PhD in Philology,
Head of the Chair of Oriental Languages,
Russian State University for the Humanitie
Russia, Moscow
mashru@yandex.ru

Abstract. The article describes the specifics of teaching Chinese language in a non-linguistic university. How to achieve a high level of Chinese language proficiency outside the language environment and without a lot of study hours.

Keywords: Chinese language teaching, high school, kinds of speech activity.

Преподавание китайского языка в высших учебных заведениях России за последние 10-15 лет перестало быть чем-то необычным. Простой поиск в интернете вузов с китайским языком показывает, что не менее 20% университетов предлагают программы с изучением восточных языков, в первую очередь это касается китайского. В выборку попадают не только лингвистические специальности, все большую популярность набирают другие гуманитарные и технические направления подготовки с изучением китайского языка в качестве первого иностранного. В современных условиях развития торгового, технического и научно-сотрудничества знание китайского языка вкупе с дипломом престижного гуманитарного, а тем более технического вуза (например, МГТУ им. Баумана) раскрывает перед выпускниками широкие профессиональные перспективы.

Рост интереса абитуриентов и руководства вузов к появлению китайского языка в учебных программах позитивно сказался и на увеличении предложений в

педагогических вузах, где идет подготовка преподавателей китайского языка или преподавателей двух иностранных языков: китайского и, чаще всего, английского. Кроме того, идет серьезная работа по подготовке учителей китайского языка для средних школ, где спрос растет даже еще быстрее, чем в вузах.

Учитывая специфику китайского языка (иероглифическая письменность, непривычный тоновый язык, тотальная омонимия, иной грамматический строй), можно ли в рамках учебной программы неязыкового вуза и существующих вузовских учебных пособий добиться за 3,5 года при обучении с нуля необходимого уровня владения китайским языком? Для ответа попробуем проанализировать ситуацию на примере одного из вузов Москвы, имеющего достаточный опыт в преподавании китайского студентам различных направлений подготовки, отмечая как позитивные, так и проблемные моменты.

В РГГУ китайский преподается с 1993 года, первоначально это были студенты трех факультетов: Теоретической и прикладной лингвистики (ныне Институт лингвистики), Философского факультета и Центра социальной антропологии, в начале 2000-х Институт восточных культур и античности РГГУ также начал прием китаистов. В те годы это было пятилетнее обучение, реально же язык изучали в течение 4,5 лет. Группы были малочисленные (6–8 человек), осуществлялся жесткий отбор и отсев в течение всех лет обучения. Несмотря на относительно небольшое количество аудиторных часов (в среднем 8 часов в неделю), удавалось добиться высоких результатов даже у тех, кто не имел возможности поехать на стажировку в КНР (а таких было большинство). Очень сильные на выходе были студенты-лингвисты (часть выпускников специалитета стала успешными преподавателями и/или учеными: Старостин Г. С., Мазо О. М., Салазанова О. А., Холкина Л. С., Наний Л. О., Кузьмина К. В., Подлипенцева А. А., Харченкова С. и многие другие), высоких результатов добивались и выпускники философского факультета (многие являются авторами различных методических разработок по китайскому языку, преподают китайский язык или являются сотрудниками информационных агентств РФ и китайских компаний, часть работает и живет сейчас в КНР, на Тайване). Основные методические пособия, используемые в те годы – базовый учебник под ред. А.Ф. Кондрашевского, его улучшенный вариант А.М. Карапетьянца и Тань Аошуан, с середины 2000-х – Новый практический курс китайского языка и учебники для среднего уровня Пекинского университета языка и культуры (включая учебные пособия по аудированию, чтению прессы, разговорному языку). Очень высокая мотивированность студентов тех лет и жесткий отбор со стороны преподавателей позволяли готовить конкурентоспособных выпускников.

В настоящее время в РГГУ китайский преподается еще в двух структурах: на факультете востоковедения и социально-коммуникативных наук (направление Востоковедение и африканистика) и на факультете международных отношений и регионоведения (как первый или второй иностранный язык). Китайский чрезвычайно популярен, одна только кафедра восточных языков Института лингвистики обеспечивает преподавание китайского в среднем у 200–250 студентов РГГУ. Хотя большинство студентов перешли на болонскую систему, удалось сохранить и специалитет: с 2014 года в Институте лингвистики идет набор на специальность Перевод и переводоведение с восточным языком (в разные годы китай-

ский, японский, корейский). Налицо позитивное расширение структур с преподаванием китайского языка, однако если вникнуть в ситуацию, картина оказывается не столь радужной. Переход на четырехлетнее образование, укрупнение языковых групп (не менее 12, а лучше 15 человек), давление со стороны министерства относительно необходимости «сохранения контингента», приход нового, часто инфантильного поколения студентов, - все это сказывается на результатах обучения.

Тем не менее, несмотря на перечисленные сложности, необходимо стремиться к сбалансированному развитию у студентов всех четырех видов речевой деятельности на китайском языке и навыков перевода. Как это достичь в рамках учебной программы и существующих учебников для вузов?

В зависимости от направления подготовки, требования к освоению программы разные. У ряда специальностей китайский язык изучается как первый иностранный, у других – как второй, хотя и с 1 курса. В Институте лингвистики у специалитета Перевод и переводоведение очень много часов китайского языка, есть и аспектное преподавание с привлечением преподавателя-носителя (1584 ч. практический курс, 396 ч. практический курс перевода, 360 часов разговорной практики, 506 часов теоретической грамматики, более 1000 ч. различные аспекты перевода, а еще курсы по вэньяню, истории, культуре, философии Китая). У остальных направлений подготовки ситуация более скромная: Фундаментальная и прикладная лингвистика – в среднем 8 часов в неделю, международники – от 8 до 12 часов в неделю. Хуже всего изменилась ситуация на философском факультете: в среднем осталось 5-6 часов в неделю. При этом студенты специальности Перевод и переводоведение и бакалавриата Международные отношения и зарубежное регионоведение (азиатские исследования) сдают Государственный экзамен по китайскому языку. Задания на госэкзамене варьируют в зависимости от направления подготовки, но неизменными остаются: письменный перевод с китайского незнакомого текста по специальности, устный последовательный перевод с русского без подготовки, беседа с преподавателем на китайском языке на заданную тему.

Несмотря на объемные задания и широкий комплексный подход в течение всего периода обучения, приходится констатировать наличие слабых сторон выпускников. Причем эта проблема не зависит явно от того, есть ли возможность аспектного преподавания (как у переводчиков на специалитете) или изучение шло в рамках единого практического курса китайского языка. Бывает, что и стажировка в Китае существенно не меняет общую картину. Каковы эти слабые стороны и можно ли исправить ситуацию?

Основной упор в базовых учебных пособиях, используемых сегодня в РГГУ (Новые горизонты. Интегральный курс китайского языка; Новый практический курс китайского языка и Полный курс китайского языка для начинающих) делается на: расширение лексического запаса, чтение, выполнение лексико-грамматических заданий для отработки новой лексики и грамматики, развитие диалогической и монологической речи, перевод с русского и китайского языков. Продумана системная отработка аудирования. Есть и коммуникативные ситуационные задания. Почему же продолжает оставаться проблемой спонтанная речь и хромает перевод? И как можно ситуацию улучшить?

У будущих переводчиков источник проблемы видится в некотором крене в сторону перевода с китайского языка на русский. Все курсы, связанные с аспектами перевода, учат переводить на русский с китайского. Это и перевод международной публицистики, и перевод бизнес-документации, и технический перевод, и художественный перевод, и перевод научной литературы. Начиная с 4 курса, студенты в основном не переводят с русского, только в рамках небольшого курса устного последовательного и синхронного перевода на 5 курсе, да и там упор больше делается на китайско-русский перевод. Результаты такого крена мы увидели впервые у выпуска 2020 года. Это послужило поводом к пересмотру программ курсов аспектного перевода.

Порождение спонтанной речи на китайском языке – еще один камень преткновения. К сожалению, хорошая связная литературная речь даже на родном языке сегодня среди студентов стала редкостью. Большинству проще выучить текст, чем пересказать своими словами, а тем более обсудить содержание, не глядя в учебник. В связи с этим необходимо постепенно отходить от практики заучивания диалогов и монологических текстов наизусть, это только первая ступенька, на которой нельзя задерживаться.

Лексико-грамматические задания, чтение, письмо, аудирование не вызывают таких сложностей, как вышеуказанные аспекты. В этом плане и базовые учебники, и китайские пособия позволяют достичь хороших результатов.

К сожалению, ограниченное количество часов у бакалавров не позволяет вести преподавание по аспектам. Однако при переходе на 3 курсе с базовых учебников на учебники среднего уровня, нужно искать «золотую середину». Для студентов-лингвистов (фундаментальная и прикладная лингвистика) важен коммуникативный аспект и им интересна теоретическая грамматика, для студентов-международников – умение работать с общественно-политической тематикой.

Литература

1. Ивченко Т. В. Новые горизонты: интегральный курс китайского языка. Кн. 1, ч. 1. Beijing: Educational Science Publishing House, 2012. 8, 6, 182 с. + 1 аудио-диск (MP3).
2. Ивченко Т. В. Новые горизонты: интегральный курс китайского языка. Кн. 1, ч. 2. Beijing: Educational Science Publishing House, 2012. 8, 6, 343 с. + 1 аудио-диск (MP3).
3. Карапетьянц А. М., Тань Аошуан. Учебник китайского языка. Новый практический курс. [В 2 ч.]. Ч. 1. / А. М. Карапетьянц, Тань Аошуан. Москва: Вост. лит., 2003. 640 с.
4. Карапетьянц А. М., Тань Аошуан. Учебник китайского языка. Новый практический курс. [В 2 ч.]. Ч. 2. / А. М. Карапетьянц, Тань Аошуан. Москва: Вост. лит., 2004. 528 с.
5. Кондрашевский А., Румянцева М., Фролова М. Практический курс китайского языка (комплект из 2 книг +CD) / А. Кондрашевский, М. Румянцева, М. Фролова. Москва: Изд-во ВКН, 2018. 768 с.
6. Новый практический курс китайского языка: учебник. 1–4 / [Лю Сюнь, Чжан Кай, Лю Шэхуэй, Чэнь Си, Цзо Шандань, Ши Цзявэй]. Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2007. 252 p.
7. Полный курс китайского языка для начинающих / Т. В. Ивченко, О. М. Мазо, Ли Тао; текст читают: Хань Лихуа, Юй Цзюнь, Михаил Газизов. Москва: АСТ, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). (Полный курс).
8. Полный курс китайского языка для начинающих + CD / Т. В. Ивченко, О. М. Мазо, Ли Тао. Москва: АСТ, 2018. 608 с.

Научная статья
УДК 811.581
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-43-51

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧАТ-БОТА СЯОАЙС И КОРПУСА ВСС
ПРИ ИЗУЧЕНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА**

© **Шмарова Жанна Владимировна**
кандидат филологических наук,
Забайкальский государственный университет
Россия, г. Чита
shmarova73@mail.ru

© **Тимофеева Анастасия Дмитриевна**
студентка,
Забайкальский государственный университет
Россия, г. Чита
anastasya_timmmmm@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются возможности и практическая польза программ и систем искусственного интеллекта (в частности чат-бота Сяоайс и корпуса ВСС) для изучения китайского языка. Обосновывается мысль о том, что использование подобных инновационных технологий во многом помогает сформировать языковую компетенцию, углубить знания о языке.

Ключевые слова: искусственный интеллект, корпусная лингвистика, национальный корпус ВСС, чат-бот Xiaoice, изучение китайского языка.

**THE USE OF THE XIAOICE CHATBOT AND THE BCC CORPUS
FOR LEARNING CHINESE**

© **Zhanna V. Shmarova**
Candidate of Philology,
Transbaikal State University
Russia, Chita
shmarova73@mail.ru

© **Anastasia D. Timofeeva**
Student,
Transbaikal State University
Russia, Chita
anastasya_timmmmm@mail.ru

Abstract. The paper investigates the possibilities and practical benefits of artificial intelligence programs and systems (in particular, the Xiaoice chatbot and the BCC corpus) for learning Chinese. The idea is substantiated that the use of such innovative technologies in many ways helps to form language competence, deepen knowledge about the language.

Keywords: artificial intelligence, corpus linguistics, BCC national corpus, Xiaoice chatbot, Chinese language learning.

Искусственный интеллект (далее ИИ) – это неотъемлемая часть жизни современных людей, представляющая собой разработки в области автономных систем, применение больших данных и прочие высокотехнологичные разработки. ИИ, оснащенный хорошим владением естественного языка, может принести пользу не только носителям того или иного языка, но и тем, кто его изучает. Например, объект исследования компьютерной лингвистики корпус языка – хороший источник для решения широкого спектра научно-исследовательских и практических задач, как для ученых, преподавателей, так и для изучающих китайский язык. Корпус – это собрание текстов в письменной форме или транскрибированная речь, которая может служить основой лингвистического анализа и описаний [5, с. 3]. На данный момент самыми важными являются следующие четыре корпуса китайского языка: Корпус общего современного китайского языка, Корпус CCL при Пекинском университете, Корпус ВСС и Корпус Синика. Самый большой среди них – Корпус ВСС (The Beijing Language and Culture University Corpus Center – сокр. ВСС) [2]. Его объем составляет 15 миллиардов иероглифов. Помимо наиболее частотных иероглифов, в корпусе есть и те, что используются очень редко, учитываются все повторы иероглифов, поэтому у корпуса такой большой объем. В отличие от словарей, переиздание которых занимает несколько лет, материалы корпуса всегда актуальны, они отражают современное состояние китайского языка, поскольку корпус постоянно обновляется. В корпусе есть современные статистические данные об иероглифах и словах китайского языка, а именно, частотность их употребления, в каком из значений реализуются чаще всего, в каких конструкциях встречаются наиболее часто. Анализируя эти данные, можно выявить особенности языковых явлений в зависимости от формы, стиля, жанра, регистра, что в свою очередь повышает эффективность изучения китайского языка. Основной областью применения корпуса ВСС для изучающих китайский язык является проверка лексической сочетаемости и частотности.

Рассмотрим сочетаемость глагола «打», так как он является многозначным и имеет отличные от русского языка производные значения. Ниже представим отобранные из корпуса и самостоятельно переведенные на русский язык примеры.

В корпусе выделены 24 значения глагола «打». Он может употребляться самостоятельно, а также быть частью двухсложных глаголов, их выбор строго ограничен. Наиболее употребимыми являются следующие слова: 打 (1963976), 打算 (49459), 打开 (46524), 打击 (32089), 打量 (22072), 打破 (15444), 打听 (15411), 打扮 (14282), 打扰 (9412), 打发 (8615).

Чаще всего глагол употребляется в односложном варианте, этому можно найти подтверждение, посмотрев соответствующий раздел корпуса. Глагол 打 встречается в различных материалах корпуса 1963976 раз. Чаще всего в газетных статьях (954581 раз) и реже в художественной литературе (162946 раз).

Возможности корпуса позволяют нам узнать, в каких сочетаниях глагол

«打» употребляется чаще всего. Всего предлагается 6 групп: глагол + существительное; существительное + глагол; глагол «打» + глагол; глагол + глагол «打»; глагол + прилагательное; прилагательное + глагол. Разберем каждую группу:

1) глагол + существительное

В данной группе наиболее часто глагол сочетается со следующими словами: 麻将 (6413), 酱油 (4001), 篮球 (2719), 游戏 (1522), 羽毛球 (1364), 广告飞机 (1095), 台球 (1005), 冠军 (957).

莺莺拿起床旁的听筒说：“喂……陈奶奶……噢，是您哪！今儿晚上打麻将……好……我准到。”(林语堂名作：京华烟云)

Инин взяла трубку, что была у кровати и сказала: "Алло... Бабушка Чен... О, это вы! Сыграем сегодня вечером в мацзян... Хорошо... Я обязательно приду". (Линь Юйтан «Момент в Пекине»)

2) существительное + глагол

В данной группе наиболее глагол сочетается со следующими словами: 电话 (3082), 军事(1819), 朋友 (1196), 妈妈 (1151) 时候 (1108), 公司(959), 群众 (882), 时间 (819), 产品 (774) 第一次 (774), 孩子(773), 学生 (768). Например:

1) 家霆对燕寅儿说：“陪我一同去打电话好吗？”燕寅儿跟着家霆，两人一起走出门来，爬石级走上陕西街，找一家米店借了电话打。(王火《战争和人》)

Цзя Тин сказала Янь Иньэр: «Не хочешь пойти позвонить со мной?» «Янь Иньэр последовала за Цзя Тин, и они вместе вышли за дверь, поднялись по каменным ступеням и пошли вверх по улице Шэньси, одолжив телефон в лавке, торгующей рисом, чтобы позвонить.» (Ван Хо «Война и люди»)

3) глагол + глагол «打»

Здесь глагол сочетается со следующими словами, часть из них – модальные глаголы: 可以 (6261), 开始 (2796) 不能 (2682), 不会 (2676), 外出 (1764), 喜欢 (1532).

住院虽说可以打一个折扣，但是算起来至少也得二元钱一天哩。(苏青/歧路佳人)

Хотя они могут сделать скидку на госпитализацию, но ее стоимость все еще два юаня в день. (Су Цин «Красавица на ложном пути»)

4) прилагательное + глагол

В данной группе наиболее часто глагол сочетается со следующими прилагательными: 沉重 (1102), 重大 (213), 长远 (212), 保暖 (148), 严重 (111), 有力 (108), 最坏 (106), 无情 (105).

伊朗武装部队随时准备给塔利班的任何挑衅“以沉重打击”(人民日报 Y:1998)

Вооруженные силы Ирана всегда готовы дать «сокрушительный удар» в ответ на любую провокацию со стороны талибов. («Жэньминь жибао» от 1998 г.)

5) глагол «打» + глагол

Глагол «打» сочетается со следующими модификаторами: 起来 (2962), 出来 (1768).

口水仗打起来,只会让那些看笑话的人得意、不如静下心来想想,如何才能真的帮到我们想保护的人! (微博)

Словесные разборки приводят лишь к перепалкам, что еще больше раздражает этих шутов гороховых, лучше успокоиться и подумать о том, как мы действительно можем помочь людям, которых хотим защитить! (Вейбо)

6) глагол + прилагательное: 开心 (169)

我以后再也不会随随便便对一个人打开心。

Я никогда больше не буду искренней к людям просто так.

Итак, мы выяснили, что глагол «打» чаще всего употребляется в значении *производить действие, выпустить, издать (звук), послать* (20052 раза), как самостоятельный глагол зачастую встречается в статьях (954581 раз), а наиболее часто используется в конструкциях «глагол + существительное» и «глагол + глагол «打»».

Язык – это динамичная, постоянно развивающаяся система. Для нее характерно появление новых слов, которые соответствуют новым реалиям. Для примера, возьмем слов «скриншот».

В своем диссертационном исследовании Чэнь Хао пишет о том, что в 2020 году вышло 12-ое издание «Словаря Синьхуа» (新华字典). В новой редакции словаря, по сравнению с предыдущей редакцией 2011 года, было добавлено 100 новых лексических единиц слов, среди которых было слово «截屏» (русск. скриншот) [4, 33].

Разберем на примерах из корпуса ВСС сочетаемость неологизма «截屏». Это слово было образовано путем словосложения «отрезать + экран», так образовалось слово скриншот, то есть снимок экрана. Для того, чтобы выяснить какие глаголы употребляются с этим словом в строку поиска корпуса необходимо ввести «v 截屏» (от англ. Verb + искомое слово). Слово «скриншот» встречается преимущественно в социальных сетях, а именно в Вейбо (469 раз) и сочетается со следующими глаголами: «打», «拍照» (кит. фотографировать), «做» (кит. делать). На русский язык все эти глаголы будут переводиться как «сделать». Иногда слово «截屏» не требует какого-то специального глагола и само может выступать в качестве глагола, например:

这样就可以截屏了 *вот так вы можете заскринить экран*. Данный пример можно перевести как: «вот так вы можете сделать скриншот экрана», но нами было решено использовать новое слово для русского языка «заскринить» [3], чтобы передать глагольное значение слова «截屏», в котором оно употребляется. Так как это слово появилось совсем недавно, оно нечасто встречается в Национальном корпусе русского языка (всего 4 раза) [3], однако это подтверждает тот факт, что данное слово существует и функционирует в разговорной речи.

Так, мы определили, что неологизм «截屏» чаще всего встречается в социальных сетях и сочетается с глаголами «打», «拍照», «做» или может выступать в качестве глагола.

В китайском языке существует много слов с близким значением, для изучающего китайский язык разница может казаться неочевидной. Иногда два слова могут содержать один и тот же иероглиф, что может создать иллюзию идентичности значений этих двух слов. Например, слова 考虑 kǎolǜ и 思考 sīkǎo. Рассмотрим примеры с данными словами (из корпуса ВСС):

1) 我考虑了怎么样结结实实给你个教训，以后这类事情好不再发生。

Я думал о том, как преподать тебе урок, чтобы подобное больше не повторилось в будущем.

2) 它充分考虑和照顾了香港的历史和现状，符合包括香港同胞在内的全国各族人民的利益，是实事求是、合情合理的。(福建日报出版日期:1984-11-10)

Он полностью учитывает и принимает во внимание историю и текущую ситуацию Гонконга, служит интересам людей всех этнических групп в стране, включая гонконгских соотечественников, что очень практично, справедливо и логично. (Фуцзянь Жибао от 10.11.1984 г.)

3) 路漫漫其修远兮,让我们面对现实,认真**思考**,从我做起,从现在做起... (科技文献)

Впереди долгий путь, посмотрим правде в глаза, хорошенько все обдумаем, начнем с меня, начнем сейчас... (Научно-техническая литература)

4) 在这里,我仅提供一个方向与趋势,让各位去**思考**,你在 21 世纪将从事什么行业?如何投资?(陈安之成功学系列书籍全集)

Здесь я просто предлагаю вам направление и почву для размышления – в какой отрасли вы будете работать в 21 веке? Куда инвестировать? (Чэнь Аньчжи «Уроки успеха»).

Можно сделать вывод, что глагол **思考** имеет значение – «серьезно размышлять, заниматься вдумчивой мыслительной деятельностью», в то время как **考虑** «обдумывать, учитывать», но уже с меньшей степенью глубины. Основываясь на данных корпуса, мы можем также отметить, что наиболее употребительным является глагол **考虑**, так как количество употреблений составляет 174 221 раз, в то время как **思考** упоминается 73 512 раз. Частотность употреблений глагола **思考** меньше, в текстах художественной литературы он упоминается 5 274 раз (в то время как **考虑** 12 225), в разделе наука и техника 34 197 раз (**考虑** – 98 662), в диалогах – 16 064 раза (**考虑** – 45 923), а в газетах – 55999 (**考虑** – 147 634).

Корпус китайского языка ВСС, являясь крупнейшим из всех существующих на данный момент корпусов, содержит материалы и статистические данные, которые имеют большую практическую значимость. Подробная разметка корпуса и обилие актуальных материалов делают его хорошим источником для решения широкого спектра научно-исследовательских и практических задач, как для ученых, так и для изучающих китайский язык.

Слово чат-бот произошло от английского слова chatbot, где chat – беседовать, а bot – робот. Чат-бот – это своего рода программа-собеседник для общения с пользователями. исследовательский интерес представляют чат-боты, основной функционал которых – быть хорошим собеседником для человека. Нам важно определить, насколько подобные чат-боты могут быть полезны для тех, кто изучает китайский язык. К такого рода агентам можно отнести виртуального собеседника Сяоайс (англ. Xiaoice, кит. 小冰 Xiǎobīng, буквально «маленький лед»), который является самостоятельной системой, не имеющей связи с корпусом. Это выдающийся проект, разработанный в китайском отделении фирмы Майкрософт в 2014 году. В качестве материала для исследования был выбран именно этот чат-бот, поскольку на данный момент он является самым проработанным, современным, кроме того, он лучше, чем остальные боты оснащен языковыми и поведенческими навыками. В беседе Сяоайс представляется девушкой двадцати четырех лет (на момент написания работы возраст Сяоайс составляет 24 года), поэтому мы будем писать об этом чат-боте в женском роде, употребляя личные местоимения «она» и «ее». За несколько лет своего существования Сяоайс стала очень популярна и менее чем за год провела 10 млрд. бесед [1]. На основании

этой информации можно заключить, что язык этого чат-бота современный и живой, ведь он был создан носителями языка, а также настроен так, чтобы собирать и анализировать реплики настоящих китайцев. Кроме того, основу Сяоайс составляют три сущности: первая – это искусственный интеллект, который отвечает за умения чат-бота, память, распознавание естественного языка и изображений, вычисление и предсказание результата. Вторая сущность – это эмоциональный интеллект, благодаря которому Сяоайс «понимает» чувства собеседника и «ставит себя на место пользователя». И, наконец, третья сущность – так называемая «личность», т.е. особые манеры поведения и способы выражения эмоций. В чем феномен виртуального собеседника Сяоайс? В первую очередь у нее есть чувство юмора, она способна запоминать какие-либо особенности собеседника. У нее есть несколько режимов общения. Первый имеет вид обычной переписки, где общение осуществляется с помощью текстовых сообщений. Второй – с помощью голосовых сообщений. Беседа главным образом происходит в приложении WeChat.

Приведем и самостоятельно переведем примеры диалогов с чат-ботом Сяоайс, которые демонстрируют ее языковые навыки и эмпатию (орфография и пунктуация чат-бота сохранены). Реплики, заданные нами, вводятся на письме знаком «тире»:

1) 你在做什么? *Что ты сейчас делаешь?*

Сяоайс: 无聊, 发会儿呆, 话说你在做什么呀? *Мне скучно, ничего не делаю, а ты сейчас чем занята?*

– 我写作业 *Я делаю домашнее задание.*

Сяоайс: 背诵唐诗三百首 *Прочитай «Триста танских поэм».*

2) – 请, 给我讲一个故事 *Пожалуйста, расскажи какую-нибудь историю.*

Сяоайс: 在列车上。一位男孩拿着手机发了段微博, 男孩在微博上写着: “在列车上, 我对她一见钟情。但她不喜欢说话。她看着窗边.....”男孩正甜甜的偷的的看着她, 心想她一定不知道的。不一会儿, 微博上有人回复了男孩: “因为窗口倒映着你。”男孩抬头一看, 她正微微的笑看着自己。

正好心情不错, 就给你讲一个吧。

В поезде. Молодой человек взял телефон, открыл Вейбо и сделал там публикацию: «В поезде, я влюбился в нее с первого взгляда. Но она неразговорчивая, все смотрит в окно...». Он украдкой поглядывал на нее влюбленными глазами, думал, что она наверняка не замечает. Спустя некоторое время кто-то оставил комментарий под постом молодого человека: «Потому что ты отражаешься в окне». Юноша поднял голову и увидел, что девушка смотрела на него, слегка улыбнувшись.

Было хорошее настроение, рассказала тебе эту.

3) – 请推荐一本书 *Посоветуй книгу, пожалуйста.*

Сяоайс: 什么内容 *Какого содержания?*

– 什么都可以 *Любое подойдет.*

Сяоайс: 你这是要打破砂锅问到底啊 *Ты хочешь расспросить все до мельчайших подробностей?*

Сяоайс: 云海玉弓缘 *Зеленый лук высоких вод.*

4) Сяоайс: 你多大了 *Сколько тебе лет?*

Сяоайс: 问你啊 *Задам такой вопрос.*

– 我二十二岁 *Мне 22.*

Сяоайс: 哦, 我 24 А, мне 24.

– 你比我大 *Ты старше меня.*

– 你的生日是什么时候? *Когда у тебя день рождения?*

Сяоайс: 9月17呀, 快找小本本记下来! *17 сентября! Скорее отметь в записной книжечке!*

– 你是处女座吧! *Ты дева!*

Сяоайс: 我特别喜欢研究星座呢, 根据我的观察, 你不是白羊座就是狮子座, 对吧? *Я очень люблю изучать знаки зодиака, по моим наблюдениям ты либо овен, либо лев, верно?*

– 我是白羊座, 你怎么猜的? *Я овен, как ты догадалась?*

Сяоайс: 以我的经验看, 这个星座比较有野心吧 *По моему опыту, этот знак более амбициозен.*

Если через некоторое время задать вопрос: «Сколько тебе лет?», Сяоайс ответит с шуткой:

– 请问, 你多大? *Сколько тебе лет?*

Сяоайс: 逗我玩呢? 你不知道我几岁? *Ты шутишь, что ли? Ты не знаешь, сколько мне лет?*

– 24岁, 对吗? *24, верно?*

Сяоайс: 我 240 岁了 *Мне 240.*

– 是吗? *Правда?*

Сяоайс: 嗯 *Ага.*

Если написать Сяоайс сообщение с текстом «我很伤心» (мне грустно), она отправит голосовое сообщение, где поет отрывок песни Ли Жунхао – модель (кит. 李荣浩–модет):

趁着我会喜怒你会哀乐 Пока я счастлив, а вы, может, грустите

唱几分钟情歌 Попойте песни о любви

没什么至少证明我们还活着 Ничего, по крайней мере это доказывает, что мы все еще живы.

Возможно, она сказала это, чтобы подбодрить собеседника, подчеркивая, что иметь эмоции – это естественно для человека. Если он способен чувствовать, значит, он жив.

Как можно заметить, язык Сяоайс живой, он содержит современную лексику, фразеологизмы, например, 打破砂锅问到底 *расспрашивать, выспрашивать* все до малейших подробностей, где 打破砂锅 – разбить горшок, а 问到底 *расспрашивать до конца*. Также она использует слово 发呆, которое переводится «оцепенеть, уставиться в одну точку» в значении «ничего не делаю, ничем не занята» при ответе на вопрос «你在做什么? Что ты сейчас делаешь?»

Кроме того, она упоминает литературные труды и атрибуты современного Китая: 1) антологию стихотворений поэтов эпохи династии Тан, Сунь и Чжу «Триста танских поэм» (кит. 唐诗三百首); 2) Роман в стиле Уся китайского писа-

теля Лян Юйшэна (настоящее имя Чэнь Вэньтун (1926–2009гг.) «Зеленый лук высоких вод» (кит. 云海玉弓缘); 3) китайский сервис микроблогов Вейбо (кит. 微博); Упоминание такого рода информации помогает узнать от чат-бота что-то новое.

Если обратить внимание на структуру реплик чат-бота, то зачастую они упрощенные, так как реализуются в разговорном функциональном стиле языка. Это подтверждает также многократное использование междометий (哦 ó рус. выражает понимание чего-либо: а-а!) и частиц (啊 ā рус. в конце предложения выражает восклицание, 呀 yā фонетический вариант啊, 吧 bā рус. догадка, предположение) и так далее. Иногда Сяоайс использует рамочные конструкции, чтобы лаконично передать свою мысль, например 不是...就是 «либо..., либо». В качестве эксперимента мы решили отправить Сяоайс сообщения с заведомо допущенными ошибками или набором случайных иероглифов и посмотреть, как она отреагирует:

– 你在哪儿主? *Где ты живешь?*

Сяоайс: 海淀吧 *В районе Хайдянь (в Пекине)*

Несмотря на допущенную ошибку Сяоайс поняла, что хотел узнать собеседник. Она не стала исправлять ошибку, возможно, потому что в живой речи люди не исправляют друг друга, если основная мысль понятна. Или, скорее всего, в ее программе не предусмотрено исправлять собеседника.

– 群朱教厂 *Набор иероглифов: толпа, красный, преподавать, завод.*

Сяоайс: 呵呵, 怎么教啊? *Хе-хе, как учить?*

В данном случае Сяоайс отреагировала эмоционально, с юмором, акцентировала внимание на иероглифе 教 и задала к нему вопрос.

В целом, можно считать чат-бота Сяоайс хорошим собеседником, с которым можно практиковать устную и письменную китайскую речь. К сожалению, не у всех людей, изучающих китайский язык, есть возможность пообщаться с носителем, иногда также изучению препятствует языковой барьер, который сложно преодолеть из-за страха совершить ошибку. Следовательно, использование чат-бота поможет справиться с этими трудностями на начальном этапе изучения китайского языка. Сяоайс всегда отвечает своевременно, поэтому на тот или иной вопрос можно получить мгновенный ответ, что очень удобно. Однако у этого чат-бота есть некоторые недостатки, например, он не способен удерживать нить разговора на более продолжительный промежуток времени, поэтому осуществить длинную осмысленную беседу не представляется возможным. Кроме того, иногда Сяоайс отвечает клишированными фразами, которые препятствуют установлению контакта. Но, несмотря на вышеперечисленные недостатки, данный чат-бот справляется с возложенными на него обязанностями и ожиданиями – быть хорошим собеседником для человека. Благодаря трем сущностям, составляющим Сяоайс, он может быть хорошим помощником при изучении китайского языка, который поможет в будущем более уверенно общаться с носителями, что очень важно для наиболее полного овладения языком. Однако стоит помнить о том, что ответственность за повышение языковых навыков лежит на самом изучаемом. Несмотря на то, что чат-бот хорошо оснащен всеми свойствами хорошего собеседника, всегда необходимо следить за своей собственной грамотностью.

Конечно, для того, чтобы в полной мере овладеть языком, следует чаще общаться именно с носителями китайского языка. Однако если такой возможности пока нет, любой чат-бот может стать помощником в изучении языка. Обращаясь к нему с вопросами, практикуя языковые навыки, знакомясь с многообразием разговорной лексики и синтаксических структур, можно наработать уверенность в языковой и речевой компетенциях и, следовательно, не бояться взаимодействовать с китайцами.

Таким образом, национальный корпус языка, чат-бот обладают несомненной практической значимостью для широкого круга потребителей: любителей и знатоков иностранного языка, филологов, переводчиков, преподавателей.

Литература

1. Делюкин Е. Артист, журналист, художник и лучший друг 660 млн человек: почему бот Microsoft XiaoIce стал самым популярным в Китае // vc.ru: бизнес, технологии, идеи, модели роста, стартапы. URL: <https://vc.ru/services/142989-artist-zhurnalist-hudozhnik-i-luchshiy-drug-660-mln-chelovek-pochemu-bot-microsoft-xiaoice-stal-samym-populyarnym-v-kitae> (дата обращения: 18.04.2022).
2. Корпусный центр при Пекинском университете языка и культуры BCC. URL: <http://bcc.bjcu.edu.cn/> (дата обращения: 5.04.2022).
3. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.05.2022).
4. Чэнь Хао Русские и китайские словари новых слов: сходство и различие: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Хао Чэнь. Москва, 2021. 186 с.
5. Kennedy G. An Introduction to Corpus Linguistics. London; New York: Longman, 1998. 315 p.

Научная статья
УДК 378.016:811.58
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-52-59

**PROBLEMS, TASKS AND COUNTERMEASURES FOR TEACHING
SECONDARY WRITING BASED ON CHINESE PROFICIENCY GRADING
STANDARDS — FROM THE PERSPECTIVE OF MEMETI**

© **Wu Xiaoping**
Associate Professor,
Department of Chinese Language and Literature,
Changchun University of Science and Technology
China, Changchun
475415350@qq.com

Abstract. Writing is a personalized creative activity. From the perspective of memetics, the collection-conception-expression process in writing behavior is consistent with the assimilation-memory-expression-dissemination process of memes. Compared with the elementary level, the language ability index points of the intermediate level have a large span. Due to the limitation of the Chinese level, the learners cannot realize the equivalence between personal cognitive information and Chinese expression. The lack of willingness of Chinese learners to write in Chinese is the main problem faced by the intermediate writing teaching. Based on the description of medium writing ability in the Chinese proficiency level standard, writing teaching helps students build cognitive memes and language memes. In the middle stage, language memes are mainly applied stylistic training to improve the accuracy of word expression and the integrity of content. It is the core mission. In teaching, countermeasures such as strengthening the cultivation of students' cognitive ability, strengthening the cognitive connection between Chinese and students' mother tongue, and improving the accuracy of students' Chinese expression can be adopted.

Keywords: Chinese proficiency level standard, memetics, writing teaching, medium.

**基于中文水平等级标准的中等写作教学
所面临的问题、任务和对策 —— 从模因论视角**

武晓平¹ (长春理工大学 长春 475415350@qq.com)

摘要: 写作是一种个性化的创造性活动, 从模因论视角看, 写作行为中的采集—构思—表述过程就与模因的同化—记忆—表达—传播过程一致。中等水平等级的语言能力指标点与初等相比跨度大, 学习者受中文水平的限制无法实现个人认知信息与中文表达的对等、中文学习者中文写作意愿不足是中等写作教学面临的主要问题。基于中文水平等级标准中关于中等写作能力的描述, 写作教学帮助学生构建认知模因和语言模因, 在中等阶段语言模因以应用文体训练为主, 以提高词语表达准确性和内容的完整性为核心任务。教学中可采用加强学生认知能力的培养、强化汉中文与学生母语的认知联系、提高学生中文表达准确度等对策。

关键词: 中文水平等级标准 模因论 写作教学 中等

¹ 武晓平 (1971.5-) 长春理工大学文学院中文系副教授, 研究方向: 国际中文教学。本文为长春理工大学科技创新基金项目 XCXJ-SK-20 的研究成果。

国际中文学习者的写作水平一直是考察其中文能力的重要指标,提高中文写作能力是国际中文教学中师生始终面临的难点问题。2021年3月中国教育部和国家语言文字工作委员会共同发布《国际中文教育中文水平等级标准》(简称《等级标准》),规定了中文作为第二语言学习者在生活、学习、工作等领域运用中文完成交际的语言水平等级,共三等九级,《等级标准》对每一级的中文能力从听、说、读、写四个方面做了细致的描述,其中写作能力的描述,是国际中文写作教学的主要参考标准,也是本文研究中写作教学的主要依据。

一、模因论视角的写作过程

语言能力的习得既需要语言知识,也需要语感和文化认知,而语感就如基因一样,似有若无,其与语言的模仿和复制有关,但又不能简单地依靠机械记忆和背诵获得。本文尝试运用模因论探讨中文写作教学的相关问题。

(一) 模因论视角下的二语教学研究

“模因”是 Richard Dawkins (1976) 在其所著的《自私的基因》中首次提到 meme,意为“被模仿的东西”,被用于指人类文化进化过程中,被传播、传承的文化信息单位,模因论认为人类文化进化始于“模仿”,“复制”是人类文化传播和传承过程中的核心属性。何自然(2005)认为语言与文化一样也具有这样的属性,“从模因论的角度看,语言模因揭示了话语流传和语言传播的规律。……从整体看,自然语言中的模因主要是从三个方面体现的:教育和知识传授、语言本身的运用和通过信息的交际和交流。”¹自此语言模因被广泛应用与翻译、文化、语言教学等领域研究中。中国二语教学研究者尝试运用模因理论分析教学过程、探索教学方法和教学模式,多集中在中国的英语教学领域,口语、阅读、文化、写作等各个分支领域都有涉及;应用于对外汉语教学,特别是汉语写作教学的研究较少。周一书(2014)从模因论的角度认为外汉语教学就是利用模因复制的同化、记忆、表达和传播的特点实现汉语言的输入、内化、强化和输出,通过实验的方法,验证了“背诵-模仿-创造”式语言教学模式的有效性;赵鑫(2013)在其硕士论文中提出了“语言模因教学法”,该教学法包括语言模因“意识的培养-关注-识别-模仿和复制-重组与应用”五个环节,结合写作知识分析了每个环节教师应关注的问题。

(二) 模因论视角下的写作

写作是一种运用语言文字传递信息的创造性活动,包含写作主体、写作客体、写作受体、写作载体四个要素。从模因论看写作活动就是存在于写作主体、被写作主体所感知的写作客体、写作受体的模因,由被写作主体化了语言载体所不断地复制和传播。

写作过程有三个阶段:采集——构思——表述,模因的传播有四个阶段:同化——记忆——表达——传播。

在采集阶段,写作主体从所处时代、所接受的教育、所经历过的事情、所读过的书中同化和记忆了大量模因,可以说每个人都是模因的复合体。二语写作者在这个阶段的任务是如何实现目的语语言和文化的模因复制、理解、积累,即同化和记忆。

构思阶段,是写作主体在对写作客体进行深入剖析,结合主体的思想情感确定写作内容的环节,实际就是模因提炼、模因选择的过程。写作学者的任务是如何能够让写作主体准确理解写作要求,如何激发、调动写作主体自觉提炼选取模因的主动性,即表达。在二语写作中,模因的复制特征表现得尤为明显。

表达阶段,是写作主体将非语言模因转化为语言模因的过程,这里写作受体会更多地参与进来,写作主体的语言能力将全面展现,语言模因有效输出是这个阶段写作教学的主要任务,即传播。

¹ 何自然.语言中的模因[J].语言科学.2005(06):55

由此，可以认为在写作教学中，“模因”是教师将学生已经认知的和需要认知的信息，包含语言模因和文化模因，其中语言模因是二语写作教学的主要内容，是显性的；“复制和传播”是教师引导学生被动或主动的写作行为，教学方法或教学模式是二语写作教学的关键。因此中文写作教学可以“模因”的复制和传播为路径，探求以提升中文学习者写作能力为目的，以中文模因如何被存储、如何被传递为出发点的中文写作教学理念。本文以《等级标准》关于中等中文写作能力的描述，确定国际中文中等写作教学的内容（模因），从模因论的视角，探讨中等水平中文写作教学的方法与原则。

二、中等写作教学面临的问题

没有词语句式错误的作文不一定就是好作文，学生能否将所要表达的认知信息按照中文的表达方式和习惯、中文的格式规范完整呈现出来，这是写作教学中应关注的问题，按照国际中文水平等级标准，中等写作教学面临的主要问题具体表现在以下三个方面。

（一）中等的语言能力指标点与初等相比跨度较大

《等级标准》对中等中文水平的整体描述是：“能够理解多种主题的一般语言材料，较为流畅地进行社会交际。能够就日常生活、工作、职业、社会文化等领域的较为复杂的话题进行基本的成段表达。能够运用常见的交际策略。基本了解中国文化和知识，具备基本的跨文化交际能力。完成中等阶段的学习，应掌握音节 908 个（新增 300），汉字 1800 个（新增 900），词语 5456 个（新增 3211），语法点 424 个（新增 214），能够书写汉字 700 个（新增 400）”。从写作角度看，“多种主题的一般语言材料”“日常生活、工作、职业、社会文化等领域的较为复杂的话题”这是写作过程中的“采集”，“社会交际”“跨文化交际”这些是写作过程中的“构思”，“成段表达”和各类语言点是写作过程中的“表述”。从模因论的角度解读，对中等水平的学习者要求是：具有较高的中文信息同化能力，拥有足够的中文信息的记忆存储量，具有较强的中文表达信心，中文书写作品具有较高的传播性。

（二）学习者受中文水平的限制，无法实现个人认知信息与中文表达的对等

中等写作教学对象多为成年人，或者至少是十五六岁以上的中学生，已经具有相对完整的母语文化背景，具有一定的认识能力和母语表达能力，甚至具备了较完整的个人认知体系，中等水平的中文词汇量一般在 3000 个以上，初步具备了中文书面阅读和表达的能力，他们面对一篇例文、一个作文题目，存在主观的判断和认知，大脑中会有足够的信息表达，但从模因论的视角看，学生大脑中已有的母语信息无法同化为中文信息，抑或学生记忆中的中文信息停留时间还不够长久，不能被有效提取大脑。

（三）学习者中文写作意愿不足

认知能力与中文表达能力的差距，会降低学生的写作欲望，此外，中文书写体系和书面表达体系与口语有较大差异，同样会加大中文写作的难度系数，学生会产生中文写作的畏难情绪。

二、模因论视角下中等写作教学的任务

提高学生语言同化能力，增加记忆存储量，增强表达意愿，是中等写作教学的目标，从模因论视角，中等中文写作教学的任务体现在构建认知模因和培养语言模因两个方面。

（一）构建认识模因

写作是对个人认知的一种书面表达，中文学习者在自己母语世界的成长过程中已经具备了一定或相当的认知，并形成个人特色。学习中文，是打开另一扇认知的大门。中文世界中的模因与中文学习者的已有认知接触、碰撞、融合，产生新的认知，已有认知和新认知是中文学习者的写作源泉。如学习中文过程中，了解和体验到中国的节日风

俗、饮食文化、政策制度等，对中国的认知不断地或强或若地被接收，学习者一方面会对中国产生个性化的认知模因，同时也会反观自己已有的认知，调整或扩大认知，形成新的认知模因，并成为写作表达的推动力。下图为一个俄罗斯学生的作文，中文水平为中级上：

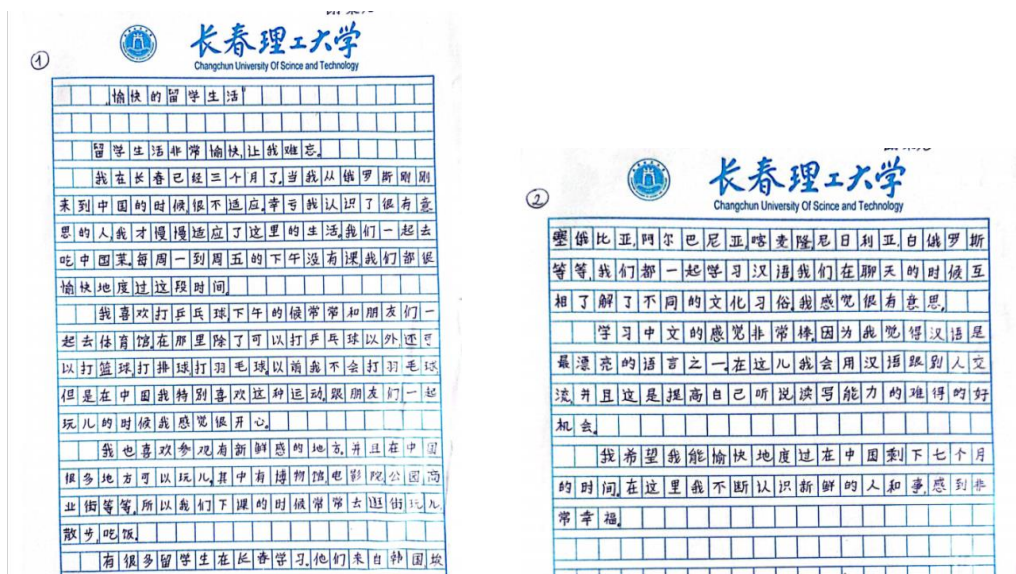

图 1：俄罗斯留学生作文《愉快的留学生活》（中级上）

在这篇作文中，“长春”“中国菜”“乒乓球”“汉语”等词语具有典型中文特征，“新鲜感”“适应”“互相了解”“有意思”“愉快”等词语是学生在中文学习过程中的认知，这些词语共同构成了学生对中文世界的认知模因。写作教学中，教师可以借助范文、启发性的问题、写作练习，帮助学生发现、构建这些认知模因。

（二）搭建语言模因

何自然（2005）认为语言与文化一样也具有这样的属性，“语言本身就是模因，它可以在字、词、句乃至篇章层面上表现出来。”¹中等写作中的语言模因就是书面表达的中文言语形式，本文认为写作教学是使学生具有使用特定文种采用书面表达形式达成写作目的的能力，其语言模因表现在文体知识、语言能力两个方面。

1. 中等中文水平的语言指标

学生的作文写得是否好，首先看的是词语句式是否准确、再看内容是否完整，更高的标准是看修辞，此外还有格式、文采等。《等级标准》对三等九级“写”能力的描述包括文字书写能力和写作能力，本文将《等级标准》中的写作能力描述看作是各等级写作的依据按照“词语和句式”“内容和形式”“修辞和文采”三个方面归纳如下：

¹ 何自然. 语言中的模因[J]. 语言科学. 2005 (06) : 55

表1 《等级标准》中等写作能力指标说明统计表

中文语 水平等 级		词语和句式					内容和形式					修辞和文采			
		词语	句式	表达 方式	表达 要求	表达 形式	内容	观 点	层 次	逻 辑	格 式	修 辞	文 化 词 语	文 采	
中 等	四 级	基本正确	简单；有一定的变化		比较清楚	语段	基本完整					基本正确			
	五 级	较为恰当	较为复杂；基本正确	一般的叙述/说明简单的议论；	较为通顺；基本规范	语段	比较完整					正确			
	六 级	恰当	较长、较复杂；正确	常见的叙述/说明/议论	通顺、连贯；	语段	完整					正确	常见修辞方法		

词语和句式层面属于语言运用层面，是学习者和教师最看重的方面，可以看到《等级标准》对中等水平的写作能力的要求是明确具体的。中等水平学生的写作以语段表达为主，教学中需注重语句的关联；词语运用要求从四级的“基本准确”到五级的“较为恰当”再到六级“恰当”，教学中需注重词语的比较和词语运用的语境要求；句式方面从“简单、有一定变化”到“较复杂”，并强调句式运用的准确性，教学中需注重长句的训练；在语义表达方面，从“比较清楚”到“规范”到“通顺、连贯”，表达方式方面在叙述的基础上需增加说明、议论的训练。

内容和形式层面在《等级标准》中要求主要体现在内容的完整性和格式的正确性方面，而观点是否明确、层次是否清晰、逻辑性是否强在中等水平中没有明确要求（高等

水平的写作指标)。这说明中等阶段中文写作应关注学生习作的整体性,如是否围绕一个事件展开,是否从不同角度说明一个问题,是否认识到格式规范也是写作的一个构成要素。

修辞和文采层面只在六级水平中提到,要求能够使用常见的修辞方法。常见的修辞方法如比喻、比拟、排比、夸张等,这些修辞方法有相对显性的特征和语言范式,并且有着特点的修辞效果,写作教学中不仅要让学生学会使用特点的表达句式,而且还需要让学生体会到使用这种方法的原因、使用后的效果,从而了解中文表达的特点,理解表达意境,是语言模因到文化模因的过程。

由此,中等水平写作教学中的语言模因是特定应用文体中的词语、句式、语段表达,在内容完整性和规范性的基础上的常见修辞方法。

2.中等中文写作教学的文体选择

写作训练需依靠一定的文种,且文种中包含着内容、表达、修辞、格式等方面的要求。根据《等级标准》本文将对中文学习者应掌握的写作文种的说明整理成《三等九级写作文体表》,如下:

表2 《等级标准》三等九级写作文体表

中文等级	个人信息表/便条	介绍个人信息	邮件/通知/叙述性短文	常见应用文体	一般的应用文体	多种应用文体	应用文/说明文/议论文/专业论文	学位论文/多种文体
初等	一级	√						
	二级		不低于100字					
	三级			不低于200字				
中等	四级			不低于300字				
	五级				不低于450字			
	六级					不低于600字		
高等	七级						一定篇幅	
	八级						较长篇幅	
	九级							√

表1显示,中等中文水平的写作文体均为应用文体,虽未提及具体文种,但从“常见”到“一般”到“多种”的表述可以看出中等写作教学应围绕各类应用文体进行。应用文体在写作中具有“语言和格式的相对程式化”“写作对象的较强指向性”“写作意图的明确实用性”等特点,这些特点可以为模因论视角开展中文写作教学提供可靠的依据;同时《等级

标准》中对中等三级的作文字数有了明确的规定，这也为从模因视角构建中文写作教学提供更明确的标准。

当前的国际中文写作教材在文种选择方面对应用文体的重视度不够。以《发展汉语·中级写作（I II）》为例，多数课文的写作训练没有明确的文种，多以介绍（人/地/事）为主，明确标明文种的有：计划、广告、读后感（观后感）、书信。应用文包含的文种非常多，如公务文书、事物文书、经济文书、法律文书、礼仪文书、传播文书等，每一类中又包含多个小类，这些具体的文种都可以是国际中文写作教学中的学习素材，每个文种的表达体式、常用词语、格式规范、表达技巧、行为礼仪等都是写作教学中的“模因”。国际中文教学是可以扩大应用文种的范围，如讲话稿、演讲稿、竞聘稿、求职信、个人简历、新闻稿（消息）、调查报告、通知、总结等等，选取和编排典型范文，使学生了解和掌握文种要求和写作范式。将在中国社会工作生活所需的更多的文种呈现在中文写作教学中，逐步认知获得其中的语言模因。

由此，中等写作教学阶段是以应用文体训练为主，提高词语表达准确性和内容的完整性为核心任务。

四、中等写作教学的对策

李捷（2010）从模因视角提出背诵教学法、语境教学法、模仿教学法，认为这些方法可在汉语教学中发挥积极的作用。本文认为这些教学法是可行的，记忆经典范文，让学生在语境中同化中文信息，在模仿中增强学生传播质量，增强表达信心。但除此之外，写作是一项创造性的，是个性化的，没有语法错误的作文不见得是表达了写作者观点的作文，千篇一律的作文是不足以吸引人的，也不是写作教学的目的所在。写作教学强调的是充分调动学生已有的认知模因，激发学生自觉同化、记忆、表达和传播的意识，运用中文语言模因，让写作成为一种自主的创造性的行为。写作教学是逐渐同化、记忆，激发表达、传播的过程，教师在有限的写作课堂教学中可采用如下对策。

（一）侧重学生认知能力的发展

写作教学不同于以讲解语法词汇为主的综合课教学，写作课堂教学需更多关注认知模因层面。

首先教师应加强作文题目的解读。写作课作业一般为给题目作文，且与课文题目基本一致。题目是学生构思的出发点，是提取信息的依据。中等水平的学生已经具备较高的听说能力，表达的自我要求也不再停留在一般的介绍叙述，上升为思想认识层面的表现。因此教师在教学中应注重对题目的解读，拓展学生的思路，开启不同的视角。如《发展汉语·中级写作（II）》第16课《我的“三分钟热度”朋友》和第21课《中国古代的思想家和教育家——孔子》，两篇课文都是介绍人物的，一个是普通人，一个是历史名人，二者有何不同？作者的写作角度是什么？作者选取事例的依据是什么？如果让你写会怎么写？让学生带着由题目产生的问题去阅读课文，会充分发挥学生领悟课文内容的能动性，同时又不局限于课文，有的学生还会有表达其他的想法，这正是写作教学要实现的目标。

其次注重培养学生写作的整体观。因中文水平或者学生写作能力有限，一些学习者的作文从头到尾不分段，或者各句各段之间缺少关联，教师对范文写作思路的分析，可以强化学生作文整体性的表达和格式规范，是中等写作教学的着力点之一。

（二）加强中文与学生母语的认知联系

面向中等水平的写作教学还需要不断建立起中文与学生母语之间的认知联系。不同民族对世界的认知有很大一部分是相同的，只是语言表现形式不同，如我们身边都有“三分钟热度”的人存在，可以让学生说自己母语是用什么样的词语概括这种特征的；每个社会都有“城市和农村”，而每个人对“哪儿更适合孩子成长”却有不同的观点。让学生用中文表达自己已有的认知，是需要建立起对中文社会的认知，这是写作教学要关注的角

度。同一事物或概念如何用另一种语言表达，这属于模因复制的一种类型，教师可以用学生已有的认知信息，打消学生“我中文不好，写不出什么”的顾虑，激发学生的表达愿望和自信。

（三） 促进学生中文表达的准确度

语言社会之间的差异是显著的，中文社会本身同义异构的现象特别丰富，要实现中等学习者“恰当”“连贯”“通顺”“完整”“规范”的书面表达要求，增进学生中文表达的准确度是基本条件。模因论关注的是“同”，但也强调模因具有变异性，特别是在多元文化接触中，“异”更为凸显。写作是个性化行为，语言教学的核心内容是“异”，学生作文准确性是由对“异”的理解和掌握情况反映出来的。教师写作课教学中对词语和句式的教学、对学生表达内容的询问、对学生作业的批改都是以提高准确度为目的。

模因论强调模仿，肯定复制，但在留学生中文写作教学中不等于要以背诵为重点，我们更强调写作主体对中文、对中国文化的“同”“异”的认识，将学生表达的主动性充分调动，将学生的已有认知能力充分激发。

语言不仅是社会的主要交际工具、一套符号系统，语言还是特定区域的人们认知世界和表达世界的特殊手段，每一种语言都有着区别于其他语言的特征，人们在习得和学习语言的过程中，能够感知到语言的特征，并在实践中反复体验和传承，语言就像一个生命体在被人们使用和学习的过程中，不断发展和演变。何自然（2005）认为学语言本身就是语言模因复制、传播的过程，在外语教学的过程中，教会学生根据不同语境掌握不同的表达方式来表达相同的思想。模因论给中等写作教学提供了一个认识写作教学的视角，将学生头脑中的认知以中文的形式复制传播，以中文的形式在中文社会中做事，写作行为是学习者的主动表达行为。中等写作教学者如何运用模因的理念开展教学，在教学的方法和技巧、教学模式等方面还有待继续研究与实践。

参考文献

1. 何自然.语言中的模因[J].语言科学, 2005.11, 第4卷第6期: 54-64.
2. 陈林霞, 何自然.语言模因现象探析[J].外语教学与研究, 2006.3, 第38卷第2期: 108-114.
3. 李捷, 何自然.汉语教学的模因论探讨[J].语言教学与研究, 2010, 第5期: 21-27.
4. 周一书.模因论在对外汉语课堂教学中的应用研究[J].语言教学与研究, 2014, 第4期: 9-16.
5. 何自然.语言模因的形成过程与传播特性——论汉语模因与社会生态环境中的语用[J].外国语言文学, 2017, 34(03): 147-157.
6. 曹菲.模因论视阈下的预制语块英语写作教学模式研究[J].黑龙江教育(理论与实践), 2020(05): 91-92.
7. 赵鑫.模因论应用于对外汉语写作教学的理据探析与教学设计[D].沈阳: 辽宁大学, 2013.

Научная статья
УДК 81.33
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-60-64

**СТРАНОВЕДЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА**
«语言和历史合作»

© **Броневиц Татьяна Александровна**
старший преподаватель кафедры восточных языков,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Россия, г. Санкт-Петербург
bronevitch.a.tatyana@yandex.ru

Аннотация. Целью данной статьи является необходимость обратить внимание на важность страноведческой составляющей в процессе преподавания китайского языка. Ставится задача проследить тесную связь лингвистического и исторического материала в методике организации и подачи языковых занятий, выявление оптимальных и действенных способов взаимодействия содержания двух дисциплин, определение наиболее эффективных вариантов внедрения страноведческого аспекта в практические занятия языком.

Ключевые слова: диалог культур, иероглифическая письменность, историческая составляющая, фразеологизмы, классическая литература, социально-сословная иерархия.

**THE REGIONAL COMPONENT
IN THE PROCESS OF LEARNING CHINESE**
«语言和历史合作»

© **Bronevich Tatyana Aleksandrovna**
Senior Lecturer at the Department of Oriental Languages,
St. Petersburg State University of Economics
Russia, St. Petersburg
bronevitch.a.tatyana@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is the need to pay attention to the importance of the regional component in the process of teaching Chinese. The task is to trace the close connection of linguistic and historical material in the methodology of organizing and presenting language classes, to identify optimal and effective ways of interacting the content of the two disciplines, to determine the most effective options for introducing the country-specific aspect into practical language classes.

Keywords: dialogue of cultures, hieroglyphic writing, historical component, phraseological units, classical literature, social- class hierarchy.

Главной мотивацией изучения иностранного языка выступает желание овладеть им как инструментом для активного взаимодействия с носителями, представителями страны изучаемого языка, активное использование иноязычного материала и разговорных навыков в дальнейшей профессиональной деятельности. Разговор с представителем другого государства трансформируется в диалог

культур, тесно переплетающийся с традициями и историей. Именно поэтому, страноведческая составляющая в процессе преподавания иностранного языка, а китайского в особенности, занимает крайне заметное место.

Суть и важность тесного взаимодействия истории и языка проявляется уже на самом начальном этапе изучения, когда начинается процесс изучения иероглифики. Разговор о чертах, их комбинациях и правилах начертания иероглифов переносит нас во времена легендарно - мифических династий и китайских «первопредков». В самом начале повествования о появлении иероглифики мы, как правило, вспоминаем истории о легендарном императоре Фу-си - существа с телом змеи и головой человека, которого считают изобретателем китайской иероглифической письменности, создавшего первые 8 триграмм, которые стали основой для письма и китайской учености и о придворном историографе мифического императора Хуанди- Цзан Цзе. Согласно легенде, Фу Си начертал письменные знаки, увидев схожие рисунки и узоры на спине крылатого дракона, выплывшего из реки Хуанхэ, к Цзан Цзе же мысль о том, что можно обозначить предметы при помощи определенного уникального знака, пришла в тот самый момент, когда он рассматривал птичьи следы, очертания гор и морей, следы драконов и змей, а также тени, которые отбрасывали различные предметы.

Дальнейшее продвижение по пути исторического развития иероглифики от мифической истории приводят нас к реальной – эпиграфическим источникам, первым свидетельствам иероглифической письменности. Отдельного рассказа заслуживают гадательные надписи на костях животных и панцирях черепах - 甲骨文 (цзягувэнь) «надписи на панцирях и костях», периода династии Инь (приблизительно 1300-1046 гг. до н.э.), обнаруженных в результате археологических раскопок самого раннего государственного образования в древнем Китае, существование которого подтверждено историческими данными – древнекитайского государства Шан-Инь. Раскопки проходили на месте древней столицы Иньшуй в 1899 году в провинции Хэнань.

Повествование о единой системе письменности - это рассказ о временах правления династии Цинь (221-207 гг. до н.э.) и императоре Цинь Шихуанди, который в рамках грандиозных реформ по созданию и укреплению единого централизованного государства в качестве мероприятий общегосударственного значения приказал выработать новую систему иероглифической письменности путем унификации и упрощения существовавшей ранее письменности северо-западных царств Цинь, Хань, Чжао, Вэй. Тема классификации иероглифов не обойдется без упоминания о выдающемся филологе Сюй Шэне (58-147 гг.), а изучение стилей иероглифического письма неразрывно связана с именем Ван Синь чжи (303-361 гг.), которого справедливо называют «Мудрецом каллиграфии». Таким образом, первые занятия по иероглифике предполагает освещение событий древней истории Китая протяженностью в несколько тысячелетий.

Необходимость «включения» страноведческого материала с подробными комментариями исторического толкования, возникает и на этапе, когда к академическому грамматическому курсу добавляются навыки разговорного языка.

Первая фраза знакомства - «您贵姓? - Nín guì xìng?» которую принято переводить как «Какая у Вас фамилия?» или «Как Вас величать?» уже требует объяснения и отсылает нас к историческим реалиям древнего Китая, таким понятиям

как социально-сословная иерархия, принципы взаимоотношений в обществе, освященные традицией и поддерживаемые официальной властью. Отражением отношений в обществе, характерных составляющих исторического пути развития является сохранившиеся и по сей день так называемый «самоуничижительный, скромный язык» по отношению к себе и уважительный язык по отношению к собеседнику «высшему». Это отсылки к Конфуцианству, которое очень четко и жестко определяло место человека в обществе; к таким категориям как «благородный муж», «добродетель», «сыновья почтительность». «Этический герой того времени, — это 君子 jūnzǐ «благородный муж», человек, следующий в своих словах и делах этическим нормам. Ему противопоставляется 小人 xiǎo rén «мелкая душонка», тот, кто им не следует или их нарушает. 君子 наделяется всеми достоинствами, именуемыми 德 dé «добродетели», 小人 подменяет 仁 rén «гуманность» 益 yì «выгодой» [3, с. 100].

В процессе всего курса изучения наследие «историзма», сохранившееся в языке, определяет самобытность языкового материала и требует подробного пояснения.

Следуя дальше курсом овладения китайским языком, студенты, уже обладая определенным набором грамматического и лексического материала в языковом развитии, выходят на уровень самостоятельного чтения и перевода текстов. В ряду материалов, показанных к изучению, видное место занимают истории, которые принято называть 成语故事 (chéngyǔ gùshi-идиоматические истории). В них на примере повествования дается объяснение устойчивых оборотов в китайском языке, где историческая составляющая представлена широко и ярко. Работа с таким материалом интересна еще и в связи со стилистическими особенностями, оформляющими текст, и для студентов на фоне академических грамматических текстов представляется необычной и крайне интересной. Практически в каждой из этих историй есть ссылки на конкретные исторические периоды и события. Период древности, в частности, времена «Весен Осеней», «Воюющих царств», «Троецарствия» - наиболее часто упомянутая историческая эпоха происходящих действий, так как была насыщена драматическими военно-политическими событиями и ознаменована радикальными общественными переменами. «В эту эпоху «соперничества ста школ» — как ее называют источники — складываются важнейшие древнекитайские литературно-философские направления, в русле которых создаются художественные произведения, основанные на авторском замысле и отмеченные яркой индивидуальностью, служившие сотням последующих поколений своего рода «недосягаемым образцом» культурного наследия китайской цивилизации» [1, с. 42–43].

Рассказы о людях, оставивших свой след в истории издавна передавались из уст в уста. Уже в период «Чунь-цю» 春秋 (Весны Осени) VIII-V в до н э существовал такой вид народного искусства как «Пиньхуа» - народный исторический роман- пример жанра «рассказывания историй», так называемые «народные речения», что являлось распространенным и популярным видом устного повествования. Не менее популярным считался жанр устного народного творчества 谚语 yànyǔ- народные речения, который словарь «Синьхуа» характеризует как «устойчивое речение, простыми формами выражающее глубокую истину» [5, с. 491].

Народную мудрость, запечатленную в слове, можно рассматривать в качестве одного из языковых компонентов социокультурной компетенции. Она вызывает большой интерес у учащихся и заслуживает специального анализа на занятиях, так как составляет отдельный языковой афористический уровень и объединяется общим названием «афористика» [4, с. 136].

Афоризмы - краткое изречение, содержащее обобщенную законченную мысль, известную всем носителям языка пришедшие к нам из фольклора и из произведений классической художественной литературы, также в полной мере освещает историческую составляющую. В них воплощены жизненные наблюдения, коллективный опыт народа, его суждения по поводу происходящих событий, его мудрость.

В таких историях принимают участие или просто упоминаются конкретные исторические персоналии; императоры, владетельные князья, полководцы, чиновники, художники, поэты память о которых сохранилась в литературных произведениях и в устном народном творчестве.

Например, смысл идиомы 大公无私 (dà gōng wú sī - «беспристрастный») нам передает притча, повествующая о чиновнике по имени Ци Хуанян, жившем во времена Весны и Осени. По просьбе правителя он рекомендовал на важные должности людей исключительно по их способностям и умениям, а не по своему личному отношению к ним. Конфуций высоко оценил действия этого чиновника. С комментария Конфуция пришла к нам идиома «Бескорыстный, абсолютно беспристрастный» о людях, которые ведут дела честно и бескорыстно.

История о легендарном докторе Бянь Цюэ (около 401—310 гг. до н.э.), который в период Воюющих царств (475—221 гг. до н.э.) спас жизнь умирающему наследнику престола рассказывает о происхождении идиомы 起死回生 (qǐ sǐ huí shēng- «Вернуть погибшего к жизни» в качестве формы выражения подтверждения высокого мастерства и профессионализма врача. На похвалу людей о том, что он может вернуть к жизни любого умирающего, лекарь ответил «Я не могу вернуть к жизни того, кто погиб. Я смог спасти жизнь наследника лишь потому, что на самом деле он не умер».

Повествование о выдающейся личности, военачальнике, авторе сочинений по военному мастерству и поэте, императоре царства Вэй- Цао Цао и его сыне Цао Чжи – талантливом поэте, живших во времена периода Троецарствия (220–280 н. э.), знакомит с идиомой 才高八斗 (cái gāo bā dòu- талантливый) . Это слова одного ученого династии Цзинь, который прочитал творения Цао Чжи. Он был покорилен его талантом, похвалил его и сказал: «Небеса даровали этому миру десять мер таланта, восемью из них обладал Цао Чжи». И теперь чтобы дать оценку выдающемуся литературному таланту, часто используют подобное сравнение.

Умение пользоваться фразеологизмами это не только полезный навык, определяющий уровень владения языком, но и прекрасный способ украсить и заметно обогатить язык.

Большинство фразеологизмов берет свое начало из классических литературных произведений. Возникнув в глубокой древности, классические сочинения и в современной литературе выступают в качестве важного средства речевой выразительности, которые придают произведению самобытную национальную окраску.

ку. Как правило, идиомы также нуждаются в специальном пояснении представленного конкретного исторического материала.

Изучение языка другого государства должно проходить через призму классической литературы, которая неотделима от культуры и истории – важных характеристик любого государства и дает представление об этнических особенностях изучаемого народа, знакомит с морально – нравственными ценностями. История дает представление об этапах развития народности, формирования этноса, традиций, менталитета. Знать китайский язык, не имея представления о литературе и истории – невозможно. Не владея такого рода знаниями, невозможно правильно понять, а, соответственно, грамотно перевести примеры литературного наследия, которое формирует образ мышления тех людей, с которыми предстоит взаимодействовать, и как результат, невозможно изучить язык как средство общения.

Исторический материал ярко представлен в китайских классических литературных романах, таких как «Троецарствие», «Сон в красном тереме», «Речные заводи», «Путешествие на Запад». Формирование мотивации к необходимости знакомства с «высокой литературой» на раннем этапе изучения языка, пусть в адаптированном виде, позволит студенту окунуться в исторические реалии страны изучаемого языка, получить информацию о нравах и обычаях, привычках и бытовых особенностях народа, ощутить тонкости языка и овладеть важными лингвистическими составляющими. Используя практический опыт перевода, узнать, насколько китайский язык, в котором бытует огромное количество пословиц и поговорок, богат народными речениями, способными в живописной форме отразить самобытность китайской действительности [2, с. 164–165].

Очевидно, что страноведческий аспект в изучении иностранного языка присутствует постоянно и должен прививаться через систему критического, толерантного, творческого и доброжелательного отношения к себе, к другим, к новой культуре и к знаниям о мире. К сожалению, такой ценный материал в виду ограниченности времени бывает непросто поместить в учебный процесс. В качестве возможного способа привлечения страноведческой составляющей можно предлагать различные варианты самостоятельной творческой исследовательской работы студентов вне рамок учебной программы, итогом которой могут служить публичные выступления, демонстрация презентаций, совместное обсуждение, конкурсы переводов художественных произведений совместные проекты со студентами различных курсов, различных учебных заведений, различных уровней подготовки в качестве своеобразного обмена опытом, организация международных проектов с привлечением студентов дружеских ВУЗов. Тематика такого рода взаимодействия безгранична.

Литература

1. Бокщанин А. А., Непомнин О. Е., Степугина Т. В. История Китая. Древность, средневековье, новое время. Москва: Восточная литература, 2013.
2. Горелов В. И. Стилистика современного китайского языка. Москва: Просвещение, 1979.
3. Тан Ао Шуан. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. Москва: Языки славянской культуры, 2004.
4. Шукин А. Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика. Москва. Филоматис, 2017.
5. Синьхуа цзыдянь 新华字典. 北京 1975 年. Словарь Синьхуа, Пекин, 1975.

Научная статья
УДК 339.1(510+519.5)
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-65-73

NON-STATE ACTORS AND ECONOMIC EXCHANGES BETWEEN CHINA AND SOUTH KOREA BEFORE THE ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS: FOCUS ON DECLASSIFIED DIPLOMATIC DOCUMENTS

© Soojung Suh

Ph.D. in International Relations, Research Scholar,
School of International Studies, Peking University
China, Beijing
soojung.crystal.suh@gmail.com

Abstract. Non-state actors not only play the role of diplomatic consumers in the international community, but also as diplomatic participants. Especially before the diplomatic relations between China and South Korea, non-state actors, through economic exchanges, played a particular role in improving the relations between the two countries. This study analyzes the improvement of China-South Korean ties from the perspective of non-state actors participating in economic exchanges divided into beginning, expansion, and maturity periods. It also, demonstrates the importance and irreplaceability of non-state actors before the establishment of diplomatic relations.

Keywords: non-state actors, before the establishment of diplomatic relations, economic exchanges between China and South Korea in the 1980s.

I. Introduction

The People's Republic of China (PRC, China) and the Republic of Korea (ROK, South Korea) formally established diplomatic relations on 24 August 1992. It is noteworthy that, from the end of the Second World War in 1945 until the Cold War was withdrawn from the historical arena in 1991, relations between China and South Korea remained isolated and antagonistic for most of the Cold War. Two wars, the Second World War and the Cold War between the East and the West, were the underlying causes of more than 40 years of isolation and confrontation between China and South Korea. These two wars led to the Korean Peninsula's political division and established the row between China and South Korea.¹ Among them, the 1950–1953 Korean War was the first hot war between East and West during the Cold War, and its influence on China and South Korea relations was more lasting and far-reaching. In the absence of diplomatic relations between the two countries, channels for intergovernmental communication were also limited. However, as early as the late 1970s and early 1980s, when the cold war had not ended, China and South Korea began to have indirect trade.

¹ 刘金质等, 1998, 《当代中韩关系》, 北京: 中国社会科学出版社 1998 年版, 第 1 页。

So, how did China and South Korea start to conduct economic exchanges? What were the reasons for continuing relationship development in the 1980s?

To answer the above-mentioned research questions, the author focuses on non-state actors who play an important role in the international community.¹ Non-state actors are independent of the government and can independently participate in international affairs. In addition, non-state actors in the international community can operate in areas where the state cannot be held accountable. However, this does not mean that non-state actors can replace the state. Non-state actors sometimes engage in friction, competition, and cooperation with the state, infiltrating areas that cannot be dealt with at the state level. Generally speaking, non-state actors mainly include such complex and diverse subjects as international intergovernmental organizations, international non-governmental organizations, transnational corporations, transnational movements and associations, and individuals.² The non-state actors that the author refers to in the paper are limited to individuals or groups with civil status. For example, traders, business groups, etc., are all actors that cannot be ignored in international relations. Therefore, they not only play the role of diplomatic consumers in the international community, but also as a part of diplomatic participants.³ That is to say; in addition to the "state-actor" of international social activities, we also need to pay attention to "non-state actors".⁴ Diplomacy is no longer exclusive to diplomats.⁵

In the 1980s, non-state actors played a pivotal role in the interaction between China and South Korea. While complex political and diplomatic issues still existed between the two countries, non-state actors facilitated exchanges in the economic field. These actors served as windows and ties for informal communication between China and South Korea during the period when two countries have not formally established diplomatic relations. Although the role of non-state actors is remarkable, there is still insufficient existing research on how to improve relations between the two countries in the context of long-term isolation between China and South Korea. In addition, the memoirs or interviews of diplomats involved in negotiations on the establishment of diplomatic relations have also become the basis for relevant research by scholars, nevertheless the study of non-state individuals describing the evolution of China-South Korea relations is not exhaustive, and the objects and scope of the study are limited.

This paper is mainly based on the research of primary data. It is worth noting that the recent release of diplomatic documents from the 1980s from the Ministry of For-

¹ 张小明, 2004, 《非国家行为体与中国周边安全环境》, 梁守德主编: 《新形势与新国际观》, 北京: 中央编译出版社, 第 50 页。; 苏长和, 1998, 《非国家行为体与当代国际政治》, 《欧洲》第 1 期, 第 9 页。; 李金祥, 2017, 《国际体系变迁的动力——一种非国家行为体的视角》, 北京: 时事出版社, 第 1-2 页。; Park Byung-Do. 2010. "Global Governance and Non-state Actors." *Ilkam Law Review* 17: 195-233.

² 蔡拓, 2011, 《国际关系学》, 北京: 高等教育出版社, 第 70-92 页。; Muhittin Ataman. 2003. "The Impact of Non-State Actors on World Politics: A Challenge to Nation-State." *Turkish Journal of International Relations* 2(1): 42-66.

³ Brian Hocking et al. 2012. "Futures for Diplomacy: Integrative Diplomacy in the 21st Century." report of Netherlands Institute of International Relations, Oct.

⁴ 卡尔·多伊奇, 1992, 《国际关系分析》, 世界知识出版社, 第 88-97 页。; 苏长和, 1998, 《非国家行为体与当代国际政治》, 《欧洲》第 1 期, 第 1、6 页。

⁵ Paul Sharp. 2009. *Diplomatic Theory of International Relations*. New York: Cambridge University Press.

Foreign Affairs of the Republic of Korea has injected life into research on China-South Korea relations before the establishment of diplomatic relations, which had been in a blank state.¹ Due to the limited disclosure of relevant information by the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, the author had no chance to collect the appropriate diplomatic historical materials of China in the 1980s.² Therefore, this paper will mainly use diplomatic documents released by the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea to analyze non-state actors' economic exchange activities in China and South Korea from the perspective of the Korean government. Among the number of non-state actors mentioned in Korean diplomatic history, there were many accounts of informal and non-public dealings with government officials. These groups were active as civilians between China and South Korea. In addition to non-state actors holding Chinese or Korean passports, overseas nationals (irrespective of place of origin) were also involved. Thus, this paper will not limit the nationality of non-state actors.

The study period for this paper is set from 1979 to 1989. Since 1979, the Third Plenary Session of the Eleventh Central Committee of the Communist Party of China officially adopted the route of reform. Also, establishing the China-South Korea Trade Representative Office was proposed in 1989. There were economic exchanges between the two countries that took place without the government's diplomatic status from 1979 to 1989. Therefore, through this period, the author will explore the relationship between China and South Korea before the establishing diplomatic relations.

The study of China-South Korea relations in the 1980s has great value in observing the development process of the two countries' relations before establishing diplomatic ties. In this sense, this paper is not limited to the study of China-South Korea relations, but also provides a variety of research directions, such as cross-strait relations, inter-Korean relations, and two other political systems maintaining special relations.

II. Non-state actors and economic exchanges between China and South Korea before the establishment of diplomatic relations

(1) Definition of the concept of non-state actors

In academia, the concept of non-state actors has different meanings depending on the context in which the term is used. Non-state actors generally connect with non-state organizations, non-governmental actors, non-state actors, non-state activists, non-governmental actors, etc., and these concepts are widely used by researchers.

This paper will use the term "non-state actor". The terms mentioned above do not differ in nature, but only slightly in interpretation. Since this thesis focused on individuals and groups, it is more appropriate for the author to judge it comprehensively as a "non-state actor". When referring to an existing research treatise, if the treatise has the same semantics as this term, but uses other explanations, then the author will specify it when writing.

¹ The Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea has released some diplomatic documents every year since 1994 in accordance with the "Regulations on the Disclosure of Diplomatic Archives (1993)".

² The diplomatic documents released by the Archives Office of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China are from 1945 to 1965 (visit in March 2019).

(2) Previous research

In his paper, Shi Yuan-Hua stressed that China has been paying attention to South Korea's fast-growing economy; for the country's economic development, China must achieve economic and trade relations with South Korea.¹ Park Chul-Jin also mentioned that China's policy change on the Korean Peninsula is in the national interest of modernization and economic development through reform and opening up.² Liu Jin-Zhi stressed China's policy adjustment on the Korean Peninsula in line with national interests. He believed that China's policy towards the Korean Peninsula has played an active role in safeguarding the interests of China and related countries and promoting peace and stability in Northeast Asia.³ Park Chul-Jin and Lee In-Tack researched China's economic priorities, and analyzed China-South Korean exchanges based on economic realities.⁴ Meng Qing-Yi stressed that indirect trade between China and South Korea through intermediary countries and regions such as Hong Kong, Singapore, and Japan was directly affected by the economic development of both countries.⁵ Sun Lu-Jun used statistics published by the Bank of Korea to explain why China-South Korea cannot start with direct trade and why the Chinese government acquiesced to indirect trade.⁶ Fang Xiu-Yu, her thesis used a variety of analyses of statistical data. Fang analyzed the trade data published by the Korea Trade-Investment Promotion Agency (KOTRA), the Economic Planning Institute, the Ministry of Industry and Commerce, the Customs Office, and the Hong Kong Office of Government and presented the trade trends of Korea to China.⁷

Based on the paper mentioned above, it can be reconfirmed that economic exchanges are an essential reason for the development of China-South Korea relations. The researchers also introduced China's reform and opening policy, Korea's northern policy, and other vital issues, emphasizing the importance of national economic policy. However, these studies make it difficult to observe the specific course of change in relations between the two countries. Therefore, this study focuses on non-state actors and analyzes the evolution of economic exchanges between China and South Korea before establishing diplomatic relations.

III. The beginning period of economic exchanges between China and South Korea (1979–1984): Non-state actors open up new markets

China is called a "Da Lu (大陆, big continent)" rich in natural and human resources and has many developable areas. In the 1980s, the Chinese market already had

¹ 石源华, 1995, 《简论中韩建交的历史背景》, 《外交学院学报》第1期, 第30–33页。

² Park Chul-Jin, 2006, "The exchange of the China's foreign policy for Korea into before and after Korea-China amity", *The Journal of Northeast studies*, 21(1), p. 109–121.

³ 刘金质, 2007, 《中国对朝鲜半岛国家的政策》, 《世界经济与政治论坛》第5期, 第78–84页。

⁴ Park Chul-Jin, 2006, "The exchange of the China's foreign policy for Korea into before and after Korea-China amity", *The Journal of Northeast Studies*, 21(1), p. 109–121.; Lee In-Tack, 2007, "The Present Situation and Perspective on Sino-Korean Exchange", *Chinese Studies*, 29, p. 267–291.

⁵ 孟庆义, 1999, 《中韩关系与东北亚形势》, 《东疆学刊》第16期, 第17–24页。

⁶ 孙鲁军, 1993, 《中国同韩国经贸关系的发展与前景》, 《亚太研究》第4期, 第22–25页。

⁷ Fang Xiu-Yu, 2001. A Study on the Normalization of ROK-PRC Relations, Doctoral dissertation, Kyungnam University.

unlimited potential, sufficient to attract non-state actors' attention. China's close neighbor, South Korea, had the advantage of reducing many cost burdens in terms of logistics. In other words, China had already gotten enough conditions to make investors look forward to the "Chinese Dream".

Many non-state actors entering mainland China were overseas nationals. They held the passport of third countries whose activities did not officially influence political diplomacy. Korean American expatriates operating private companies in Korea were easy to access new markets. For example, one of the Korean Americans was interested in constructing the Jiujiang Bridge in Guangdong, China. According to local people in Hong Kong, he had a chance to meet with the Deputy Director of the Guangdong Provincial Department of Communications to discuss the bridge's construction.¹ Such overseas Chinese who are neither Korean nor Chinese citizens, but have overseas nationality, can freely visit China.

For non-state actors of South Korean nationality, however, it was difficult to enter mainland China. For example, LUCKY GOLD STAR, a South Korean private company, was rejected for advertising in the Hong Kong newspaper Wen Hui Bao (《文汇报》), which had close relations with mainland China.² LUCKY GOLD STAR also tried to export South Korean products indirectly to China, but it did not proceed smoothly. At that time, LUCKY GOLD STAR signed a contract with a Hong Kong company to produce about 80,000 black-and-white TV tubes in South Korea and planned to ship the product from Busan to Hong Kong and sell it to mainland China. However, due to communication problems, some logistics were returned to Korea, resulting in a setback in exports.³

Despite this, South Korean individual entrepreneurs and private enterprises were pouring into the huge market of China in the 1980s. While direct trade between China and South Korea was not possible during this period due to political and diplomatic issues, indirect trade was channeled by non-state actors through third parties such as Hong Kong and Singapore. In addition, this emerging market development was also led by non-state actors, opening the door for economic exchanges between China and South Korea.

IV. The expansion period of economic exchanges between China and South Korea (1984-1986):

First export of Korean private sector goods to China by non-state actors

During this period, economic exchanges between China and South Korea continued to trade through third countries, and Korean companies began to enter the Chinese market by exporting their products to China and advertising them.

South Korean companies were trying to gain a foothold in the huge Chinese market and seize the opportunity to enter the mainland. KIA wanted to export cars to Hainan Island, China. At that time, when direct trade between Korea and China was impossible, KIA tried to negotiate exports with a foreign company based in a third country, Hanshime Trading Co. If the export agreement was concluded, it would set a

¹ Ministry of foreign affairs of Republic of Korea's declassified diplomatic document, #8913.

² Ministry of foreign affairs of Republic of Korea's declassified diplomatic document, #21322.

³ Ministry of foreign affairs of Republic of Korea's declassified diplomatic document, #21322.

precedent for Korean private companies to export cars to China for the first time, so the government was also urging the Ministry of Commerce, and the Ministry of Foreign Affairs to actively cooperate.¹

The first Korean company to advertise in China emerged. BORNEO Furniture set up electronic displays in front of the Guangzhou railway station in China to promote Korean goods in public places. The advertisement was introduced in Korean, English, and Chinese.² Another South Korean private company also announced its products directly through local Chinese news media. The Hong Kong branch of LUCKY GOLD STAR had large advertisements on the front pages of local newspapers. It was noteworthy that the newspaper advertising LUCKY GOLD STAR at that time was pro-Mainland China-oriented Wen Hui Bao. Just a year ago, advertisements with the same content were not approved. It was a sign that the Chinese government's attitude toward South Korea had started to change.³

This allowed Korean companies to export and advertise their products in China and promote Korean brands on the mainland. In particular, the Chinese government's attitude towards South Korea has changed, which enables South Korean companies to enter the Chinese market with a more active attitude and expand economic exchanges between China and South Korea.

**V. The maturity period of economic exchanges
between China and South Korea (1986-1989):
Government support for China-South Korea cooperation projects
and non-state actors to expand direct investment by enterprises**

Mainland China has huge market potential, cheap labor, and abundant resources, making it attractive to many Korean entrepreneurs. Therefore, Korean entrepreneurs and conglomerates invested in China to maintain economic relations with China. Under these circumstances, the government's support for enterprises' China-South Korean cooperation has become a breakthrough for developing Sino-South Korean economic relations.

The policy adjustments of the Chinese and Korean governments injected vitality into expanding Korean companies' local businesses in China. In March 1988, as the Chinese government adjusted its economic and trade relations with South Korea, at the same time, the South Korean government abolished the restrictions on overseas investment of domestic companies, provided support in credit, insurance, taxation, etc. The cooperation between them had created favorable conditions.⁴ In addition, the Chinese government started to allow direct investment in Shandong and Liaoning provinces since April 1989.⁵ Not only special economic zones, but also Korean companies in other regions had opened up investment routes in China within the scope designated

¹ Ministry of foreign affairs of Republic of Korea's declassified diplomatic document, #21322.

² Ministry of foreign affairs of Republic of Korea's declassified diplomatic document, #21322.

³ Ministry of foreign affairs of Republic of Korea's declassified diplomatic document, #21322.

⁴ 王志乐主编, 1996, 《韩国企业在中国的投资》, 北京: 中国经济出版社, 第 154 页.

⁵ 韩立民等主编, 1995, 《战后韩国经济与中韩经贸关系》, 青岛: 青岛海洋大学出版社, 第 219 页.

by the Chinese government. Therefore, investing in China has become an important goal for many Korean companies to operate internationally.¹

It is worth noting that the direct investment of South Korean enterprises in China is based on the guidelines of the Chinese and South Korean governments, mainly in Shandong Province and Liaoning Province. This is in stark contrast to the investment made by the United States, Japan, and Germany in Guangdong Province, Shanghai area, and Beijing area during the same period.² The governments of China and South Korea were particularly focused on Shandong Province and Liaoning Province because of the consideration of language, life culture, political diplomacy, and geographical factors. First of all, Liaoning Province is a place where Chinese Korean people live. Most Chinese Koreans have relatives in South and North Korea, and their language and living habits are similar to those of the two Koreas. In this context, Liaoning Province was considered the earliest region where Korean companies promoted direct investment in China in the late 1980s.³ Although Jilin Province is a Chinese Korean autonomous region, the situation is different from Liaoning Province's. Jilin Province is an inland province, and the relative inconvenience of transportation is a factor that must be considered.⁴

On the other hand, political and diplomatic factors have also impacted. For example, South Korean companies have invested in Jilin Province since 1988, but the truth is that the names of companies were registered in other places such as Hong Kong, Japan, and so on. Jilin Province borders North Korea, and it is home to many ethnic Koreans who relate to North Korea. Therefore, if South Korean companies directly invest in Jilin Province alone, allowing South Korean capital to flow into the region, it may bring political burdens to China and South Korea.

During this period, with the support of the two countries' governments and policy adjustments, the economic exchanges between China and South Korea emerged as a virtuous cyclic structure of improving the investment environment and expanding investment areas. More importantly, South Korean corporate capital flowed directly into mainland China and achieved results in building production lines. These factors strengthened Korea-China relations and created favorable conditions for improving relations.

VI. Conclusion

This study analyzed the evolution process of the gradual development of China-South Korea economic exchanges by non-state actors during the period 1979–1989 before the establishment of diplomatic relations between the two countries. The non-state actors mentioned in this paper refer to private entities independent of the government, such as traders, enterprise groups and so on. From 1979 to 1989, China and South Korea attached great importance to and fully used the characteristics of such non-state actors' civil status and economic activities. The two countries did not establish diplomatic relations at that time. Even though they had a strong desire to improve

¹ 王志乐主编, 1996, 《韩国企业在中国的投资》, 北京: 中国经济出版社, 第3页.

² 韩立民等主编, 1995, 《战后韩国经济与中韩经贸关系》, 青岛: 青岛海洋大学出版社, 第220页.

³ 王志乐主编, 1996, 《韩国企业在中国的投资》, 中国经济出版社, 第203页.

⁴ 王志乐主编, 1996, 《韩国企业在中国的投资》, 中国经济出版社, 第194页.

bilateral relations, the communication method of direct intergovernmental contact was excluded due to the intricate political factors between China and South Korea, such as China-North Korea relations and the Taiwan issue. Therefore, in the state that China and South Korea had not established diplomatic relations, formal exchanges between governments were limited, and the role of state actors in promoting the establishment of diplomatic relations between China and South Korea was also limited.

This study assumed that non-state actors broke through some of the restrictions of the state of unestablished diplomatic relations through economic exchanges and played a certain role in improving the relations between China and South Korea. In fact, non-state actors were active in the economic field representing the government to open the way for China-South Korea exchange and trade. In this regard, the importance of non-state actors in the process of improving relations before the establishment of diplomatic relations between China and South Korea was confirmed.

This paper elaborated and analyzed three periods, namely the beginning period, the expansion period, and the maturity period of economic exchanges between China and South Korea before establishing diplomatic relations. As a result, non-state actors opened new markets, exporting Korean private enterprise goods to China for the first time and placing advertisements, government support for China-South Korea cooperation projects and expanding direct investment by enterprises.

This study demonstrated the importance and irreplaceability of non-state actors in the process of economic exchanges between China and South Korea before establishing diplomatic relations. This study explained the improvement of two countries relations from the perspective of non-state actors participating in China-South Korean economic exchanges, which is the academic significance and contribution. Of course, this study also has shortcomings. Due to data disclosure restrictions, the author has not been able to access China's diplomatic archives, so the Chinese non-state actors have not been discussed in detail. However, starting with this study, the author will try to conduct a more in-depth examination of non-state actors by strengthening follow-up research.

References

1. Alexander Wendt. 1999. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Benjamin Gidron et al. 1992. *Government and the Third Sector: Emerging Relationships in Welfare States*. San Francisco: Jossey-Bass Publisher.
3. Brian Hocking et al. 2012. "Futures for Diplomacy: Integrative Diplomacy in the 21st Century." report of Netherlands Institute of International Relations, Oct.
4. Charles Kegley et al. 1997. *World Politics: Trend and Transformation* (Sixth Edition). New York: St. Martin's Press.
5. Fang Xiu-Yu, 2001, A Study on the Normalization of ROK-PRC Relations, Doctoral dissertation, Kyungnam University.
6. Kenneth Waltz. 1979. *Theory of International Politics*. New York: McGraw-Hill.
7. Lee In-Tack, 2007, "The Present Situation and Perspective on Sino-Korean Exchange", *Chinese Studies*, 29.
8. Muhittin Ataman. 2003. "The Impact of Non-State Actors on World Politics: A Challenge to Nation-State." *Turkish Journal of International Relations* 2(1).
9. Paul Sharp. 2009. *Diplomatic Theory of International Relations*. New York: Cambridge University Press.

10. Park Byung-Do. 2010. "Global Governance and Non-state Actors". *Ilkam Law Review* 17.
11. Park Chul-Jin, 2006, "The exchange of the China's foreign policy for Korea into before and after Korea-China amity", *The Journal of Northeast Studies*, 21(1).
12. 蔡拓, 2011, 《国际关系学》, 北京: 高等教育出版社。
13. 郭鹏年, 1992, 《韩中建交与两国关系的新展开——中国视角》, 《CAS 北方经济》第 1 期。
14. 韩立民等主编, 1995, 《战后韩国经济与中韩经贸关系》, 青岛: 青岛海洋大学出版社。
15. 何彤梅, 2008, 《中韩政治外交关系研究 (1945-2007) 》, 延边大学博士毕业论文。
16. 卡尔·多伊奇, 1992, 《国际关系分析》, 世界知识出版社。
17. 李金祥, 2017, 《国际体系变迁的动力——一种非国家行为体的视角》, 北京: 时事出版社。
18. 刘金质等, 1998, 《当代中韩关系》, 北京: 中国社会科学出版社。
19. 刘金质, 2007, 《中国对朝鲜半岛国家的政策》, 《世界经济与政治论坛》第 5 期。
20. 孟庆义, 1999, 《中韩关系与东北亚形势》, 《东疆学刊》第 16 期。
21. 石源华, 1995, 《简论中韩建交的历史背景》, 《外交学院学报》第 1 期。
22. 苏长和, 1998, 《非国家行为体与当代国际政治》, 《欧洲》第 1 期。
23. 孙鲁军, 1993, 《中国同韩国经贸关系的发展与前景》, 《亚太研究》第 4 期。
24. 王志乐主编, 1996, 《韩国企业在中国的投资》, 北京: 中国经济出版社。
25. 张小明, 2004, 《非国家行为体与中国周边安全环境》, 梁守德主编: 《新形势与新国际观》, 北京: 中央编译出版社。

Научная статья
УДК 94(5-015)
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-74-82

ON THE TURKIFICATION IN CENTRAL ASIA

© Wang Tianbao
Doctoral Student of Institute for the Humanities,
Qinghua University
China, Beijing
13845336367@163.com

Abstract. "Central Asia" is not only a concept of physical geography, but also a concept of cultural region and geopolitics, and has a narrow and broad sense. At present, the common term "Central Asia" refers to Central Asia in a narrow sense, which is closely related to the political and economic fields, namely, the "five Central Asian countries". Historically, the region has been affected by Turkization for a long time. In the 6th century, Turks first established and ruled in Central Asia, which was the warm-up stage of Turkization in Central Asia. In the 7th century, Arabs moved eastward to promote the integration between Central Asian people and Turks, which was the initial stage of Turkization in Central Asia. In the 11th century, the Turkic dynasty represented by the Karahan Khanate replaced the rule of the Iranian language group in Central Asia, and the Turkization of Central Asia stepped into an accelerated stage. In the 15th century, the Mongols were also Turkized in the process of ruling Central Asia, and Central Asia Turkization entered the formation stage.

Keywords: Central Asia; Five Central Asian countries; Turks; Turkification.

论中亚的突厥化¹进程

© 王天宝
博士研究生
清华大学人文学院
中国 北京市 海淀区 清华大学 100084
13845336367@163.com

摘要：“中亚”既是自然地理概念，也是文化区域概念和地缘政治概念，并有狭义、广义之分。目前，常见的“中亚”一词多指狭义中亚，是与政治、经济领域密切关联的概念，即“中亚五国”，历史上该区域长期受到突厥化的影响。6世纪，突厥人首次在中亚地区建立政权并进行统治，是中亚突厥化的预热阶段。7世纪，阿拉伯人东进，促进中亚人与突厥人之间的融合，是中亚突厥化的起步阶段。11世纪，以喀喇汗汗国为代表的突厥王朝取代伊朗语族在中亚的统治，中亚突厥化步入加速阶段。15世纪，蒙古人在统治中亚的过程中亦被突厥化，中亚突厥化步入形成阶段。

关键词：中亚；中亚五国；突厥人；突厥化。

¹ 本文主要以文化视阈阐释“突厥化”进程。

一、中亚范围与突厥化范围

“中亚”是一个多民族聚居的地域空间，是一个百花齐放的文化空间，也是一个拥有不同地理风貌并吸引各国学者纷纷界定的地理空间。其历史悠久，经历过自身的繁荣强盛，也被其它政权统治过；其文化独特，保持母体文化特色的同时，也接受过东、西方文明的冲击和影响。历史上，在此空间内伊斯兰教、东正教、佛教等宗教并存，游牧文明和农耕文明共生。此外，该区域内拥有丰富的地质地貌，包含草原、绿洲、沙漠、高原、盆地等多种地质形态。俄罗斯历史学家、俄罗斯科学院东方文献研究所所长伊·费·波波娃(И. Ф. Попова)在其《19至20世纪之交俄国在中央亚洲的考察》一文中，开篇对中央亚洲(Центральная Азия)的自然边界进行了概括：“其自然边界的东部边界为大兴安岭山脉的南部山系和泰山山脉，南界为印度河与布拉马普特拉河的上游，而西界和北界则分别沿着哈萨克斯坦东部的山脉、阿尔泰山与东、西萨彦岭，苏联解体后将中部亚洲(Средняя Азия)，即土库曼斯坦、塔吉克斯坦、乌兹别克斯坦、吉尔吉斯斯坦和哈萨克斯坦五个国家纳入其范畴。”^[1]目前，俄语中的“Средняя Азия(中部亚洲)”“Центральная Азия(中央亚洲)”在使用时均可简称“中亚”，指“中亚五国”。

对中亚概念和范围的界定，由于处在不同的历史时期、各国观念也不尽相同、不同学科领域所用方法各异等因素，至今尚未统一。苏联解体后，“狭义中亚”概念和范围逐渐形成固定模式与使用范式，即中亚五国所涵盖的区域。1992年，哈萨克斯坦国家总统努·阿·纳扎尔巴耶夫(Н. А. Назарбаев)在中亚国家峰会上提议采用“中亚(即中央亚洲)”的称呼方式，将土库曼斯坦、塔吉克斯坦、乌兹别克斯坦、吉尔吉斯斯坦和哈萨克斯坦五个后苏联国家囊括其中，以此来替代苏联时期的“中部亚洲和哈萨克斯坦(Средняя Азия и Казахстан)”概念。^[2]最终，该倡议得到五个国家的普遍认可，而中部亚洲和中央亚洲概念也逐渐趋于统一，在今天的语境下皆指代中亚五国区域。历史上，二者间存在明显的区别。中部亚洲所指范围在苏联时期不包含哈萨克斯坦的北部，所指区域相对较小。中央亚洲所指范围有二：单指五国区域；除五国外还包含五国周边的部分地区，即中国的西部和蒙古国。由于该区域南北差异较大，北部草原、南部绿洲的自然差异造就了北部游牧、南部农耕的生产生活方式，帝俄和苏联政府为方便管理与因地制宜发展经济，人为地划分南北经济区，便有了“中部亚洲和哈萨克斯坦”术语。

中国从古至今与中亚地区有着紧密的联系，古时这一区域被中国历代称作“西域”。作为一个较为模糊的地理区域概念，西域多指中国玉门关、阳关以西的诸多地区及国家。17世纪，法国学者巴泰勒米·德埃贝洛³(Barthélemy d'Herbelot)最早将“中亚”地理名称研究引入西方科学轨道，率先在欧洲学术文献中采用“河间地”指称中亚两河流域。^[4]但该地理名词所指范围的界线也不具备精准性，仍是一个模糊的概念。19世纪，西方国家为争夺殖民地和商品倾销市场不断将势力范围延伸至亚洲，又因中亚的地缘、政治和经济意义突出，此地便成为各国研究、探索的热点区域。经过各国商人、学者、冒险家、旅行家、科学家们的不懈努力，完善了对中亚的研究和认知，针对其概念和范围的科学界定进行了初步尝试。

德国著名地理学家亚历山大·冯·洪堡(Alexander von Humboldt)所著《中亚》一书于1843年在巴黎出版。书中，亚历山大·冯·洪堡首次对中亚的范围进行了界定，即“西起里

¹ Попова И. Ф. Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX веков. Санкт-Петербург, 2008. С. 11.

² Камынин В. Д., Лазарева Е. В., Лапенко М. В., Лямзин А. В. Центральная Азия на рубеже XX–XXI веков: политика, экономика, безопасность. Екатеринбург, 2017. С. 6.

³ 1625年出生于法国巴黎，曾在巴黎大学接受高等教育，法国东方学家，1695年去世于法国巴黎。

⁴ 李琪：《“中亚”所指及其历史演变》，《新疆师范大学学报(哲学社会科学版)》2015年第3期，第65页。

海，东达兴安岭，南自喜马拉雅山，北至阿尔泰山。”[1]这一范围大致处在北纬 39.5°至北纬 49.5°间亚洲板块的中间部分。英国学者加文·汉布里(Gavin Hambly)认为：“沙漠和草原终止的地区，也就是中亚边界终止的地区。”[2]他还描述了中亚的边界，指出：“在北方，中亚草原与西伯利亚的泰加森林南缘相接。中亚的南界，则由一条将近四千英里，几乎是连绵不断的山脉标志出来……在东部，大体可以沿着中国长城划出一条界限，然后从热河，沿着满洲森林地带向北延伸。但在西部，乌克兰草原一直延伸到了罗马尼亚和匈牙利，构成了中亚草原地区地理和历史的延伸。”[5, c. 3-4]此外，加文·汉布里从地理学概念的角度出发，提出“中亚最重要和最显著的地理特征，是它完全隔绝来自海洋的影响。”[5, c. 3]进一步明确“确定中亚东部和西部的界限，是比较困难的”[5, c. 4]美国学者丹尼斯·赛诺(Denis Sinor)则从文化区域概念的角度看待这一问题，认为“‘中亚’从根本上来讲是一个文化概念。它是欧亚大陆的一部分，即不属于欧洲、中东、印度、东南亚和东亚的那一部分……确定中亚文化区的界限比确定定居文化区的界限更要以相邻的文化为参考……中亚的疆界是不稳定的……”[3]上述三人所指出的中亚范围较为宽泛，属广义中亚，他们观点的共同之处在于均指明中亚界定的特点，即疆界的不稳定性、难以确定性和模糊性。可见，在不同领域或不同学科中，中亚既是一个地理区域概念，又是一个文化区域概念。而且，地理学与文化学两个视域之下的中亚很难达到完全融合的境地。除各国学者的个人观点外，在不同国家所出版的百科全书中也对中亚的范围进行了概括：

《中国大百科全书》介绍，“中亚”即亚洲中部，它指中国的新疆、西藏、内蒙古，蒙古及苏联的中亚地区；也专指苏联亚洲部分的中亚地区（今土库曼斯坦、乌兹别克斯坦、吉尔吉斯斯坦、塔吉克斯坦和哈萨克斯坦南部）。[4]

《不列颠简明百科全书》诠释，“中亚”包括了阿富汗、阿塞拜疆、哈萨克斯坦、吉尔吉斯斯坦、土库曼斯坦、乌兹别克斯坦、蒙古、尼泊尔以及俄罗斯和中国（包括西藏）的部分地区。[5]

《苏联百科词典》对“中亚”的界定存在两种形式：一、苏联亚洲地区的一部分，西起里海，东到中苏边界，北起“咸海—额尔齐斯”分水线，南达苏联同伊朗和阿富汗的边界；二、苏联中亚经济区的简称，位于苏联亚洲部分的南部，包括乌兹别克、塔吉克、吉尔吉斯、土库曼四个加盟共和国。[6]

《广辞苑辞典》指出：“中央亚洲”是亚洲的中央部分，其范围处于中国之塔里木盆地至里海之间的内陆干燥区域，而狭义的中亚则是乌兹别克斯坦、塔吉克斯坦、吉尔吉斯斯坦、土库曼斯坦、哈萨克斯坦五国的区域。[7]

联合国教科文组织发起编写《中亚文明史》时，在拟定的编写大纲中划定了广义中亚的大致范围，包括：蒙古高原、河西走廊、青海、新疆、阿姆河流域、锡尔河流域、哈萨克草原南部、伊朗东北部、阿富汗北部以及巴基斯坦西北部[8]。

综上所述，中亚的概念和范围有狭、广之分，而狭义中亚间尚存差异，广义中亚内亦有不同。狭义中亚更适用于政治学、经济学、地缘学等领域；广义中亚则适用于地理

1. 王治来：《中亚史》第1卷，北京：中国社会科学出版社，1980年，第1页。

2. 加文·汉布里：《中亚史纲要》，吴玉贵译，北京：商务印书馆，1994年，第3页。

3. Sinor D. “What is Inner Asia?” in. W. Heissig ed. *Altaica Collecta*, Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1976. P. 245–266.

4. 《中国大百科全书（精粹本）》，北京：中国大百科全书出版社，2002年，第1893页。

5. 《不列颠简明百科全书》下册，北京：中国大百科全书出版社，2005年，第2002页。

6. 《苏联百科词典》，北京：中国大百科全书出版社，1986年，第1601页。

7. 新村出编：《广辞苑辞典》，东京：岩波书店，1993年，第1662页。

8. 马大正、冯锡时：《中亚五国史纲》，乌鲁木齐：新疆人民出版社，2005年，第2页。

学、文化学、历史学等学科。狭义中亚的范围总体上呈现出扩大趋势，从最初的“河间地”中亚到“将哈萨克草原排除在外”的中亚，再到今天的“中亚五国”。广义中亚的范围虽尚未达成完全统一的使用标准，但几乎所有的界定方式均将其东部界线划定至大兴安岭山脉，包括了蒙古国、俄罗斯的西伯利亚南部及中国的新疆、西藏、内蒙古等地。关键的是，联合国教科文组织所界定的广义中亚被各国、各界普遍接受。广义中亚的范围与突厥汗国全盛时期的版图基本吻合。在突厥汗国尚未分裂时，其所掌控的区域基本囊括东达鄂霍次克海，西至里海之间的广大区域，正如史书所云：“……西破嚙哒，东走契丹，北并契骨，威服塞外诸国。其地东自辽海以西，西至西海万里，南自沙漠以北，北至北海五六千里，皆属焉。”^[1]辽海即今辽河下游的滨海区域，西海则是里海，北海为贝加尔湖。

东、西突厥分立后，²东突厥先于西突厥败亡，于 630 年被唐帝国击败，归降于唐。659 年，西突厥亦归并于唐，唐在其境内设羁縻府州。自 679 年至 745 年，东突厥汗国复兴并统治了西突厥一部分疆域。^[3]西突厥的势力范围西抵里海（另有咸海一说），东至阿尔泰山，即东、西突厥的界限，西域诸国多归附于西突厥。史书记载如下：“西突厥……其国即乌孙之故地，东至突厥国，西至雷蜚海，南至疏勒，北至瀚海……铁勒、龟兹及西域诸胡国，皆归附之。”^[4]该范围与狭义中亚范围的重合度较高，因此，中亚五国地区在历史上是受突厥化影响的主要区域之一。纵观全球范围内突厥语族的分布情况，中亚五国地区（下文简称“中亚”）是使用突厥语族诸语言人民集中生活的重要区域。突厥人的西迁，在语言、习俗、血统等方面对中亚产生异化作用，即“突厥化”，这对中亚历史的走向、文化的延续和政治的发展均产生深远影响，所留痕迹至今可见。

二、突厥人与突厥化

成书于贞观十年（636）的《周书》，首次记载了突厥人的历史，“突厥”一词始见于汉文典籍之中。《周书》有“纪”“传”，纪中多有“突厥遣使献方物”的记载，也不乏有关“突厥入寇”的内容。《周书·宇文测传》载：“（大统）八年，加金紫光禄大夫，转行绥州事。每岁河冰合后，突厥即来寇掠，先是常预遣居民入城堡以避之。测至，皆令安堵如旧……”^[12, c. 454（卷 27《宇文测传》）]《周书·突厥传》有云：“突厥者……居金山之阳，为茹茹铁工。金山形似兜鍪，其俗谓兜鍪为‘突厥’，遂因以为号焉。”^[12, c. 907]金山即阿尔泰山，而“突厥”原本是一个部落名称，该部落东征西讨征服周边部族，不断壮大并创建突厥帝国，“突厥”含义也被延伸，既指族群，也指国家。作为族群含义的“突厥人”又有狭义、广义之分，即“狭义突厥人”和“广义突厥人”。狭义突厥人专指生活在阿尔泰山的本部，而广义突厥人则包含了同操突厥语的铁勒诸部。此外，“突厥人”还另有所指，即突厥帝国灭亡后古代阿拉伯人、波斯人对游牧于中亚草原上操突厥语或近似突厥语人的统称。他们不断与外族人混居，影响外族的同时也受外族影响，产生同化或异化结果，因此学界通常也将被突厥化后的一类人称作“突厥人”。

突厥人作为来自东方的游牧民族，在中亚地区展开了时间长、影响深的“突厥化”。突厥与之前东来的匈奴、大月氏、嚙哒相比，区别在于：一、突厥人有自己的文字，这是在其之前任何东来游牧民族所无法比拟的，文字的使用和传播使突厥化成为可能，文

1. 《周书》卷 50《突厥传》，北京：中华书局，1971 年，第 909 页。

2 有关东、西突厥分裂时间节点问题，学者们所持观点不一。马长寿认为东、西突厥分裂是从 583 年开始的，参见马长寿：《突厥人和突厥汗国》，上海人民出版社 1957 年版，第 16 页；法国学者沙畹认为是在 582 年，参见[法]沙畹：《西突厥史料》，冯承钧译，中华书局，2004 年，第 193-194 页；岑仲勉则认为分立的时间是在 611-612 年之间，参见岑仲勉：《西突厥史料补阙及考证》，中华书局，1958 年，第 108 页。

3. 马长寿：《突厥人和突厥汗国》，上海：上海人民出版社，1957 年，第 16 页。

4. 《旧唐书》卷 194《突厥传下》，北京：中华书局，1975 年，第 5179 页。

字的载体作用更加速了突厥化的进程；二、此前，除匈奴外并无其他东来游牧民族能将蒙古草原、中亚草原和西域诸国统一为一个庞大的帝国，这为语言、文化、血统的融合提供了空间条件；三、突厥汗国灭亡后，中亚地区产生了诸多使用突厥语的民族所建立的帝国；四、在突厥汗国之后，中亚地区又发生过多次大规模民族异动，譬如：阿拉伯帝国的东侵、喀喇汗汗国的建立、蒙古人的西征等，这间接助力着中亚的突厥化进程。

学者王治来认为：“突厥化是指突厥人与当地原有的操东伊朗语的居民通婚、混血，并使突厥语成为当地普遍使用的语言，而要达到这种程度，就一要突厥人改变原来的游牧生活方式，转入定居；二要突厥人和当地人一样都信奉伊斯兰教。”^[1]学者蓝琪认为：“中亚地区原属欧罗巴人种的土著居民与操突厥语的居民接触、杂居、通婚，从说东伊朗语的各种方言改说突厥语族诸语言；在人种上不再是纯欧罗巴种的东伊朗人。因此，学术界将这些变化统称为‘突厥化’。”^[2]与上述两种观点相比，学者赵常庆的提法较为简练：“突厥化的正确含义是，历史上一些人们受到周围环境的影响，失去自己原先的语言，成为操突厥语的‘突厥人’。”^[3]结合以上三种观点可知，突厥化是一种复杂且漫长的渐变过程，不仅是突厥人改变东伊朗语族居民的语言或对东伊朗语族居民同化和融合那么简单。其中包含了语言、宗教、习俗、人种等多种因素。总之，突厥人对生活在中亚地区的居民进行突厥化的同时，也处于一个被异化的过程。他们放弃原有的游牧生活，转为定居，并逐渐接受农耕文明，这是生活理念和文明类型的转变。开始定居的突厥人拥有与中亚本土居民进行杂居生活和通婚的可能性。但宗教信仰的差异成为阻碍通婚的关键问题，尤其是伊斯兰教信徒。阿拉伯帝国东侵后，统治了部分中亚地区，改变着当地的信仰情况。伊斯兰教禁止教民与多神信仰的人通婚，这在《古兰经》中有明确的要求：“你们不要与多神崇拜的女子结婚，直到她们信仰了……也不要嫁给多神崇拜的男子，直到他们信仰了……”^[4]而突厥人是典型的多神信仰，根据相关研究可知：“在古突厥人的原始信仰中，事火和拜天渊源久远，占居崇高地位并带有全民性质。从可汗的牙庭到牧民的帐幕，都信奉共同的守护神：火神和天神。”^[5]因此，突厥人只有在改信并加入伊斯兰教的情况下方能顺利通婚，在此过程中突厥人亦被伊斯兰化。突厥人与中亚当地居民杂居、通婚的过程中改变中亚地区欧罗巴血统的同时也改变着自己的种族。最终所留下的明显印记便是突厥语的广泛传播和使用，这也是突厥化最为显著的标志。

三、突厥化前的中亚

阿姆河与锡尔河两河流域之间的区域是中亚的中心地带。很长一段时期，锡尔河是中亚定居生活和游牧生活的分水岭，“河北”长期作为游牧民族生活的区域，而“河南”很早就已成为定居民族生活的场所。据研究表明：“在铁器时代，以农耕经济为主的定居文明和以半游牧或游牧经济为主的游牧文明分别在中亚南、北地区形成。”^[6]锡尔河以南地区水源相对充足，多绿洲，适合农作物的耕种，雅利安人很早便迁徙至此，开始定居生活。阿姆河流域接收外来文明影响的时间较早，譬如：波斯帝国、亚历山大帝国、塞琉古王朝等均对其进行过统治。接受外来影响后，该区域产生了希腊化政权——巴克特里亚希腊王国，中国史书称之为“大夏”。锡尔河以北地区是广阔的草原地带，十分适合游牧民族逐水草而居的生活，常成为诸多自东而来的马背上民族的中转地带。正是这些东来的游牧民族，大大促进了中亚历史上的政局更迭和文化交融，其中有多次西迁所造

1. 王治来：《论中亚的突厥化与伊斯兰化》，《西域研究》1997年第4期，第19页。

2. 蓝琪：《论中亚的突厥化》，《西域研究》2012年第3期，第3页。

3. 赵常庆：《中亚五国概论》，北京：经济日报出版社，1999年，第24页。

4. 法图麦·李静远：《古兰经译注》，香港：世界华人出版社，2011年，第109页。

5. 蔡鸿生：《唐代九姓胡与突厥文化》，北京：中华书局，1998年，第130-131页。

6. 蓝琪、苏立公、黄红：《中亚史》第1卷，北京：商务印书馆，2018年，第71页。

成的影响最大：第一次是匈奴人的西走；第二次是突厥人的西进；第三次是蒙古人的西征。

由于匈奴人的西走，将原本居住在河西走廊的大月氏赶到塞人生活的巴尔喀什湖以南的伊犁河流域，塞人被大月氏驱赶至巴克特里亚地区、旁遮普地区和卡提阿瓦地区（印度西端一小半岛），后乌孙借机复仇，击破并逼走大月氏，故乌孙居其地，大月氏再度西迁并灭亡巴克特里亚王国，创立了国祚四百余年的贵霜帝国，贵霜帝国没落时期被嚙哒所灭。6世纪中叶，突厥联合萨珊波斯灭嚙哒，两国以阿姆河为界瓜分嚙哒。不久后，突厥汗国分裂为东、西两个部分，西突厥汗国于583—659年统治着中亚地区，西突厥汗国是突厥人在中亚地区所建立的第一个统治政权。中国的唐朝征服西突厥后，将西突厥所统治的中亚地区纳入其疆域版图内。此时，无论在名义上还是在实质上，唐朝统治了部分中亚地区。但唐朝对其治理主要借助于当地的统治者，而并非直接参与政事。唐中、后期国力衰微、实力下降，此时的东突厥再次短暂复兴，而西来的阿拉伯帝国、逐渐强大的吐蕃都曾与唐朝争夺中亚，部分中亚地区先后落入东突厥、吐蕃、阿拉伯人之手。751年，唐朝与大食¹两国军队交战于怛罗斯，唐将高仙芝大败，士卒死亡略尽。阿拔斯王朝取代倭马亚王朝不久便获得怛罗斯战役的胜利，已在中亚的西半部立足。

阿拉伯倭马亚王朝时期主要以掠夺财富和抢夺战利品为主要目的，因此在其统治下的中亚地区揭竿而起的起义和反抗屡见不鲜，在内部政局不稳外部起义不断的情况下倭马亚王朝被阿拔斯王朝取代。阿拔斯王朝时期一改前朝的暴力统治方式，暂时稳定了中亚人民的反抗情绪，统治得以维持，但仍有起义发生。伊斯兰教在此时期得到广泛传播，中亚的突厥化进程也进入起步阶段。822年，塔希尔开始拒绝承认阿拔斯王朝的统治，并建立塔希尔王朝，中亚河中地区处于该王朝的统治之下。塔希尔王朝的建立，标志着阿拉伯人在河中统治的结束。[11, c. 29]. 此后，相继出现的政权还有萨法尔王朝和萨曼王朝，均是伊朗语族所建立的政权。999年，萨曼王朝被喀喇汗国所灭，伊朗语族所建立的王朝在中亚的影响逐渐消退，中亚突厥化步入加速阶段。

四、中亚的突厥化

6世纪中叶，突厥人的势力范围已包含中亚地区，他们创建的西突厥帝国统治中亚近百年。在此期间，已有突厥人迁徙至中亚地区，尤其在锡尔河以北的草原地带。在锡尔河以南，“西突厥对中亚诸城镇和绿洲地区的宗主权是通过征税赋税来实现的。”^[2]此时，他们并未改变自身原有的游牧生活方式，仍是一个草原游牧国家，尚未有定居从事农耕生活的习惯，而与中亚当地操东伊朗语族的雅利安人通婚的情况也仅存在于双方的贵族层面，不具备普遍性，对当地人的影响微弱。因此，不能将此时视为突厥化的始端，但在这一时期中亚本土居民通过接触，不可避免地了解到突厥人的习俗、信仰和民风，这为突厥化进程的展开奠定了基础，可视其为中亚突厥化的预热阶段。

659年，唐朝征服西突厥汗国，中亚大部分区域迈进“唐统时代”。唐中、后期，因国力衰微，已无力掌控中亚局势，中亚西部地区开始受阿拉伯帝国统治。此阶段伊斯兰教在中亚传播迅速，一定程度上推动了突厥化的发展。阿拉伯帝国对中亚进行的东侵和统治，正式开启了中亚突厥化进程。阿拉伯倭马亚王朝的“屈底波”不惜武力手段，利用中亚地区的不团结和突厥诸部的内部争斗，彻底征服中亚阿姆河、锡尔河两河流域之间的河中地区。但阿拉伯人的统治并不长久，阿拔斯王朝时期对中亚地区的统治出现了动摇，河中地区人民起义不断，当地贵族借机壮大自身势力，先后建立塔希尔王朝、萨法尔王朝和萨曼王朝。这些东伊朗人所建立的王朝，虽然名义上归属阿拉伯帝国统治，但

¹ 在自唐代以来的中国史书中，将阿拉伯帝国称之为“大食”，大食又分为“白衣大食”和“黑衣大食”，即“倭马亚王朝”与“阿拔斯王朝”，而与唐军交战于怛罗斯的为后者。

² 王治来：《中亚通史·古代卷》上册，乌鲁木齐：新疆人民出版社，2004年，第215页。

实际上已脱离其管束。9 世纪上半叶，阿拔斯王朝的第八位哈里发“穆耳台绥木”为达到镇压叛乱的目的，从河中地区购买 4000 名突厥奴隶以组建其本人的禁卫军。[16, c. 2]其他的小王朝也纷纷效仿，购买突厥奴隶组建军队以壮大自身军事实力。以萨曼王朝为例，该王朝使用突厥奴隶组建宫廷卫队，突厥奴隶起初便备受信赖，再加之突厥人与生俱来的军事能力，使他们很快便从奴隶晋升为军事统帅，萨曼王朝后期，这些突厥人已掌控国家的实际权利，其它几个王朝也有类似的情况。这也是操突厥语族的伽色尼王朝、喀喇汗王朝、塞尔柱王朝、花拉子模王朝能相继建国的主要因素之一。在阿拉伯东侵和统治中亚的时期，突厥奴隶被重视任用，其影响有二：一、突厥奴隶擢升为军事统帅后，身份提高且居于王朝高层，更易于被中亚地区的雅利安贵族所接受，为种族的融合创造了极好的条件，也推动了突厥化进程的开展；二、大批突厥奴隶被提拔为军事统帅，之后又进一步控制了国家命脉，为后期诸多突厥语族王朝的建立打下了稳固的基础，正是这些突厥语族王朝的建立开启了突厥化的快速发展模式，这一时期是中亚突厥化的起步阶段。

喀喇汗汗国是西迁回鹘所建立的一个强大王朝，它始建于 840 年，亡于 1212 年。突厥血统建立的喀喇汗汗国于 999 年灭亡雅利安血统的萨曼王朝，结束东伊朗语族王朝在中亚的统治。1041 年，喀喇汗汗国分裂为东、西两支，西喀喇汗汗国掌控着河中地区，在其周边分布的伽色尼王朝、塞尔柱王朝、花拉子模王朝等亦由突厥人所创。这一时期，中亚地区的政权几乎均由突厥人建立，中亚突厥化步入快速发展阶段。该阶段有三个主要助力因素：一、突厥语诸族开始自游牧生活向定居生活过度，与中亚本土居民一起生活，二者之间的接触愈发频繁，此时突厥人在政治身份、文化认同上均占据优势地位，加速了中亚本土居民对突厥语言、文化的接受。二、喀喇汗汗国在全国实行伊斯兰化民族政策，打破宗教信仰的阻力，更利于种族的融合。据载，公元 960 年，有 20 万帐讲突厥语的游牧民接受了伊斯兰教。[1]三、突厥化所导致的人口分流巩固了突厥化的成果。在突厥化的进程中，已被突厥化的中亚雅利安人依然留在本地与突厥语族居民共同生活，而未接受突厥化的中亚雅利安人则向南部的山区迁移，形成今天的塔吉克族。这一时期，突厥化的阻力变小，是中亚突厥化的加速阶段。

蒙古帝国西征时期，中亚本土的东伊朗语族原住民已基本完成突厥化，但中亚突厥化的最终完成阶段是在 13-15 世纪，在这 200 余年的时间里，主要是外来的蒙古人被逐渐突厥化。蒙古人的突厥化与上述中亚原住民的突厥化相似，亦是人种、语言、文化上的改变，并与伊斯兰化同步进行。在统治中亚的蒙古人内部对生活方式的选择产生分歧，在定居生活与游牧生活之间进行抉择。最终的结果是部分选择定居，部分选择游牧。选择游牧的蒙古人则在北部的草原地带生活，他们与继续过着游牧生活的突厥人相互接触而被突厥化。选择定居的蒙古人则进入中亚河中地带与已被突厥化的中亚人共同生活而被突厥化。此外，在成吉思汗制定的律令及其所颁布的札撒中，可见其宽容的宗教政策。《世界征服者史》一书中，有如下描述：“他没有偏见，不舍一种而取另一种，也不尊此而抑彼……他的子孙中，好些已各按所好，选择一种宗教：有皈依伊斯兰教的，有归奉基督教的，有崇拜偶像的，也有仍然恪守父辈、祖先的旧法，不信仰任何宗教的……也就是说，对各教一视同仁，不分彼此。”[2]如此一来，从萨满教、藏传佛教改信伊斯兰教的蒙古人便更易于被突厥人或突厥化后的中亚人接受。自帖木儿帝国时期，中亚地区已进入由“后突厥化”族群进行统治的阶段。“帖木儿本人，无论在血统、语言、信仰、文化和习惯等方面，都完全是一个突厥人。”[3]帖木儿王朝灭亡后，在其废

¹ 魏良弢：《喀喇汗王朝史稿》，乌鲁木齐：新疆人民出版社，1986 年，第 153 页。

² 志费尼：《世界征服者史》上册，何高济译，北京：商务印书馆，2004 年，第 27 页。

³ 王治来：《中亚通史·古代卷》下册，乌鲁木齐：新疆人民出版社，2004 年，第 249 页。

墟之上由乌兹别克人建立了布哈拉汗国和希瓦汗国，他们是从金帐汗国分裂出的游牧民族。此外，在金帐汗国分裂的过程中，其东部地区又形成了哈萨克人的部落联盟。其中布哈拉汗国的“苏不汗·库利”喜欢钻研医学，写了一部医书，这是中亚第一部用突厥文编写的医书。[1]而希瓦汗国的“阿布哈齐汗”有一部关于土库曼人历史的书，也是用突厥文书写的。[25, c. 96]这些记载都足以证明蒙古人亦被突厥化，而且中亚地区的突厥化伴随着蒙古人统治的终结也最终完成。

五、结语

历史上，各国对中亚的概念和范围作出多种界定，逐渐形成狭义、广义的中亚范式，这对中亚的研究既提供着借鉴意义，也制造出一定程度的干扰。狭义中亚的历史、文化和广义中亚的历史、文化二者之间存在差别，类似突厥人活动的区域并不等同于突厥化作用的区域。仅以中亚的视角看待，狭义中亚比广义中亚更具人文气息和历史痕迹。目前，中亚五国的战略地位愈发重要，其历史、文化也足具魅力，因此，世界各研究领域研究者皆心向往之，欲摘其神秘面纱，纷纷对中亚地区进行相关研究。狭义中亚，是广义中亚的一部分，是破碎化文明、断裂性历史和统一性地理特征的区域中较为完整、连续、统一的空间。相对广义中亚而言，其所具备的较完整性、较连续性和较统一性，是突厥化和伊斯兰化双层影响的结果。该区域是接通欧亚大陆的关键链条，是历史与现实“丝绸之路”的必经之地，能如此独具特色，离不开突厥化的影响，这是人类对文化的能动选择，也是文化本身在优胜劣汰法则下顺势发展的结果。中亚的突厥化先后经历西突厥帝国时期的预热阶段、阿拉伯帝国时期的起步阶段、喀喇汗汗国时期的加速阶段和蒙古帝国时期的完成阶段，共历时近千年，最终形成了突厥语—伊斯兰信仰文化圈，成为人类世界文化链条上的宝贵一环。

参考文献

1. Попова И. Ф. Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX веков / под ред. И. Ф. Поповой // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века. Санкт-Петербург, 2008. С. 11.
2. Камынин В. Д., Лазарева Е. В., Лапенко М. В., Лямзин А. В. Центральная Азия на рубеже XX–XXI веков: политика, экономика, безопасность. Екатеринбург, 2017. С. 6.
3. 李琪: 《“中亚”所指及其历史演变》, 《新疆师范大学学报(哲学社会科学版)》2015年第3期, 第65页。
4. 王治来: 《中亚史》第1卷, 北京: 中国社会科学出版社, 1980年, 第1页。
5. 加文·汉布里: 《中亚史纲要》, 吴玉贵译, 北京: 商务印书馆, 1994年, 第3页。
6. D. Sinor, “What is Inner Asia?” in: W. Heissig ed. *Altaica Collecta*, Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1976, pp. 245–266.
7. 《中国大百科全书(精粹本)》, 北京: 中国大百科全书出版社, 2002年, 第1893页。
8. 《不列颠简明百科全书》下册, 北京: 中国大百科全书出版社, 2005年, 第2002页。
9. 《苏联百科词典》, 北京: 中国大百科全书出版社, 1986年, 第1601页。
10. 新村出编: 《广辞苑辞典》, 东京: 岩波书店, 1993年, 第1662页。
11. 马大正、冯锡时: 《中亚五国史纲》, 乌鲁木齐: 新疆人民出版社, 2005年, 第2页。
12. 《周书》卷50《突厥传》, 北京: 中华书局, 1971年, 第909页。
13. 马长寿: 《突厥人和突厥汗国》, 上海: 上海人民出版社, 1957年, 第16页。
14. 《旧唐书》卷194《突厥传下》, 北京: 中华书局, 1975年, 第5179页。
15. 王治来: 《论中亚的突厥化与伊斯兰化》, 《西域研究》1997年第4期, 第19页。

¹ 王治来: 《中亚通史·近代卷》, 乌鲁木齐: 新疆人民出版社, 2004年, 第80页。

16. 蓝琪：《论中亚的突厥化》，《西域研究》2012年第3期，第3页。
17. 赵常庆：《中亚五国概论》，北京：经济日报出版社，1999年，第24页。
18. 法图麦·李静远：《古兰经译注》，香港：世界华人出版社，2011年，第109页。
19. 蔡鸿生：《唐代九姓胡与突厥文化》，北京：中华书局，1998年，第130-131页。
20. 蓝琪、苏立公、黄红：《中亚史》第1卷，北京：商务印书馆，2018年，第71页。
21. 王治来：《中亚通史·古代卷》上册，乌鲁木齐：新疆人民出版社，2004年，第215页。
22. 魏良弢：《喀喇汗王朝史稿》，乌鲁木齐：新疆人民出版社，1986年，第153页。
23. 志费尼：《世界征服者史》上册，何高济译，北京：商务印书馆，2004年，第27页。
24. 王治来：《中亚通史·古代卷》下册，乌鲁木齐：新疆人民出版社，2004年，第249页。
25. 王治来：《中亚通史·近代卷》，乌鲁木齐：新疆人民出版社，2004年，第80页。

Научная статья
УДК 94(510).09
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-83-88

**ЛЕНИНГРАДСКАЯ ШКОЛА КИТАЕВЕДЧЕСКОЙ БУДДОЛОГИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

© **Лепнева Мария Леонидовна**
главный специалист Департамента корпоративных программ КНР,
АТР, ООО «Ви Холдинг»
Россия, г. Москва
marystoryteller@mail.ru

Аннотация. Объектом рассмотрения в данной статье является история изучения китайского буддизма ленинградскими учеными во второй половине XX в. Основная цель исследования состоит в систематизации библиографии и составлении удобного справочного аппарата для знакомства с отечественной традицией китаеведческой буддологии. Развитие синобуддологии в Ленинграде было связано с обработкой дуньхуанского фонда, переводом письменных памятников и, наконец, подготовкой ряда обобщающих работ в 1980-х — начале 2000-х гг.

Ключевые слова: буддология, китаеведение, синология, китайский буддизм, китаеведческая буддология, синобуддология, ленинградская школа.

**LENINGRAD SCHOOL OF CHINESE BUDDHISM STUDIES
IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY**

© **Mariia L. Lepneva**
Senior Specialist of the Department of corporate programs in the PRC,
Asia-Pacific, Vi Holding LLC
Russia, Moscow
marystoryteller@mail.ru

Abstract. This article dwells upon the history of the study of Chinese Buddhism by Leningrad scholars in the 2nd half of the 20th century. Its main goal is to systematize the bibliography and compile a convenient reference tool for getting to know the domestic tradition of studying Chinese Buddhism. The development of Sino-Buddhology in Leningrad was associated with processing of Dunhuang collection, translation of written monuments, and, eventually, preparation of generalizing works in the 1980–2000s.

Keywords: Buddhist Studies, Chinese Studies, Sinology, Chinese Buddhism, Chinese Buddhism Studies, Sino-Buddhology, Leningrad School.

Введение

Буддология — это наука с одним объектом, коим является буддизм, но множеством предметов, в число которых входят письменные источники и история, учение и религиозная практика, образование и искусство, место буддизма в общественно-политических процессах. Картина ещё более усложняется с учётом наличия несхожих буддийских традиций, сложившихся в различных географических регионах [26, с. 238]. В силу вышесказанного, когда речь идет о буддологическом обзоре, он зачастую начинает охватывать деятельность учёных, занимав-

шихся весьма разноплановыми вещами. Именно такая ситуация наблюдается в существующих работах, освещающих историю отечественной буддологии [12, 16, 21]. Как правило, они построены не по тематическому, а по хронологическому принципу. В рамках того или иного периода рассматриваются научные школы, складывавшиеся по территориальному признаку (ленинградская, московская, бурятская и др.). Однако в рамках одного города или даже учреждения могли существовать коллективы или работать отдельные учёные, в сфере научных интересов которых находились весьма несхожие буддологические предметы.

Для общих обзоров буддийских исследований в России такой подход, несомненно, оправдан. Ведь невозможно говорить об истории российской буддологии, не упоминая, с одной стороны, великих исследователей индийского буддизма и знаменитых тибетологов, специалистов по изучению палийского канона и знатоков традиций буддизма в российских регионах. Несомненно, это является свидетельством того, что в разные периоды своего существования отечественная буддология достигала прорывов в различных предметных областях. Однако невозможно не обратить внимание на то, что при характеристике такой общей картины нередко из канвы повествования вытесняются на периферию, а то и вовсе исключаются работы буддологов-китаеведов.

В связи с этим в данной статье ставится задача осветить историю отечественной китаеведческой буддологии как самостоятельного направления научных изысканий. При этом на данном этапе исследования будут представлены результаты по ленинградской школе в хронологических рамках второй половины XX в. Статья носит обзорный характер и в систематизированном виде представляет буддологический вклад выдающихся отечественных синологов.

Первое послевоенное поколение: Л. Н. Меньшиков, А. С. Мартынов, И. С. Гуревич

Складывание ленинградской буддологической школы, из которой вышли, в частности, и специалисты по китайскому буддизму, происходило вокруг работы с дуньхуанским и тангутским фондами Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР. С 1957 г. во главе исследовательской группы, занимавшейся фондами, встал **Лев Николаевич Меньшиков** (1926–2005), разработавший схему описания рукописей и заведовавший организацией всей работы. В 1963 г. и 1967 г. вышли два выпуска «Описания китайских рукописей дуньхуанского фонда» [8, 9]. Спустя 30 с лишним лет в Шанхае было выполнено издание на китайском языке.

В 1963 г., опубликовав работу «Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы сувэнь-сюэ» [17], Л. Н. Меньшиков занялся исследованием дуньхуанских памятников буддийской простонародной литературы. Одним из первых в мировом китаеведении он обратил внимание на роль устной буддийской проповеди в становлении жанра *бяньвэней* 变文, ряд из которых он перевёл и исследовал.

В 1962 г. был включен в состав Дуньхуанской группы, а в 1966–1967 гг. принимал участие в инвентаризации тибетской части рукописного фонда из Хара-Хото китаевед, тибетолог, историк, филолог, переводчик **Александр Степанович Мартынов** (1933–2013). Он разработал оригинальную методологию изучения структуры китайской императорской власти, обращая особое внимание на

роль комплекса идей, связанного с ритуалом монархии. В 1982 г. увидел свет сборник «Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в Средние века» [4], начинавшийся предисловием А. С. Мартынова. В вошедшей в этот сборник статье и других работах А. С. Мартынов разрабатывал проблему соотношения официальной китайской идеологии с духовным миром конфуцианской личности, писал о роли буддизма при дворе в начале династии Тан и перевел сочинение Хуэй-юаня «Монах не должен оказывать почести императору».

В составе группы по описанию Дунхуанского фонда в 1962 г. была включена китаевед, филолог **Изабелла Самойловна Гуревич** (1932–2016). В особенности, И. С. Гуревич уделяла большое внимание буддийским текстам как источнику для изучения исторической грамматики разговорного китайского языка. Ее принадлежит ряд работ по переводу и анализу буддийских сутр. Важное место в ее работах имел жанр *юйлу* 語錄 – записи изречений чаньских патриархов [18]. В сферу научных изысканий И. С. Гуревич также входил жанр *бяньвэнь* и биографии переводчиков буддийских текстов на китайский язык.

Второе послевоенное поколение: М. Е. Ермаков, Е. А. Торчинов, М. Е. Кравцова, А. М. Кабанов

С работы по инвентаризации китайских фондов в ЛО ИВ АН начал свой научный путь **Михаил Евгеньевич Ермаков** (1947–2005). К изучению китайского буддизма он приступил ещё в студенческие годы на Восточном факультете ЛГУ под руководством Л. Н. Меньшикова и в 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию по сочинению Хуэй-цзяо «Гао сэн чжуань» («Жизнеописание достойных монахов» 高僧傳), на основе которой в 1991 г. и 2005 г. опубликовал перевод I и II тома указанного сочинения [24, 25]. Третий том остался раскрытым на столе М.Е. Ермакова в ночь его смерти. М. Е. Ермаков опубликовал и ряд статей, затрагивающих отображение буддийских биографии в официальной историографии, ранние упоминания об Авалокитешваре в китайской литературе, фрагменты монастырских хроник первой половины VI в., а также составил разделы о китайском буддизме в рамках обобщающих работ по буддологии и культуре Китая.

Сфера интересов М. Е. Ермакова никоим образом не ограничивалась официальным буддийским историописанием. Интерес М. Е. Ермакова к протонародному буддизму получил отражение в книге «Мир китайского буддизма» [10]. Результаты буддологических исследований М. Е. Ермакова были сведены в один том под названием «Синобуддология. Китайский буддизм первой половины I тысячелетия н.э.» [11].

Практически одновременно с М. Е. Ермаковым окончил Восточный факультет ЛГУ **Евгений Алексеевич Торчинов** (1956–2003). Его кандидатская диссертация, как и большинство его печатных работ, была посвящена даосизму. В области буддологии Е. А. Торчинов осуществил перевод ряда сино-буддийских текстов, а написанные им книги стали хорошими учебными пособиями. Его лекции по истории буддизма, которые он читал в 1990-х и начале 2000-х гг. на философском факультете СПбГУ и в РХГА были собраны в книге «Введение в буддологию» [21], которая в разных вариантах продолжает переиздаваться до

настоящего времени. На основании данной работы был подготовлен и «Карманный словарь» буддизма.

В сфере теоретического религиоведения Е. А. Торчинов широко применил разработки трансперсональной психологии и обосновывал психологический подход к религии, что отразилось в его монографии «Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния» [23] и посмертно изданной книге «Пути философии Востока и Запада» [22].

Организационный дар Е. А. Торчинова проявил себя и как выдающийся организатор. Он стоял у истоков учрежденного в 1993 году петербургского отделения международного общества «Фо гуан» («Свет Будды»), занимавшегося распространением знаний о буддизме, которое возглавлял до 1998 г.; с 1996 г. устраивал на философском факультете мероприятия под эгидой научного семинара «Восток», приглашая выступать ведущих востоковедов Петербурга; примерно в этот же период он инициировал проведение ежегодных буддологических конференций, которые продолжили функционировать под названием «Торчиновские чтения».

Существенное место занимает буддизм в научных интересах **Марины Евгеньевны Кравцовой**, одного из ведущих современных специалистов России в области истории литературы, искусства и культуры Китая. Ее авторству принадлежат работы о буддизме и мировоззрении аристократии, концепции верховной власти и образе вселенского правителя в буддийской культуре, храмовом строительстве, начальном этапе распространения буддизма в Китае. Также ею выполнены переводы с китайского языка ряда раннебуддийских сутр. Разделы, посвященные буддийскому изобразительному искусству, в составе энциклопедии «Духовная культура Китая» и десятитомной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» также были подготовлены М. Е. Кравцовой.

Вклад в исследование чань-буддизма внёс известный японист, учёный энциклопедического склада **Александр Михайлович Кабанов** (1952–2011). Магистральным направлением его исследований была дзэнская поэзия, однако вскоре после защиты диссертации он стал признанным в стране специалистом по буддизму в целом и ежегодно выступал на московских конференциях с преимущественно буддологическими докладами. Хорошо известна специалистам его развёрнутая статья «Чаньский ритуал» [14].

Складыванию плеяды буддологов-китаеведов сделало возможным подготовку ряда комплексных работ, с одной стороны, по истории и философии буддизма, а с другой – по истории и культуре Китая, в составлении которых участвовали, разумеется, и специалисты из смежных дисциплин. К числу таких книг, редактором-составителем многих из которых стал Е. А. Торчинов, относятся: «Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в Средние века» 1982 г. [4], «Буддизм и государство на Дальнем Востоке» 1987 г. [5], альманахи «Буддизм в переводах» [2, 3], «Буддийский взгляд на мир» 1994 г. [6], «Избранные сутры китайского буддизма» [13], учебник «Введение в буддизм» 1999 г. [7], «Срединное государство. Введение в традиционную культуру Китая» 1998 г. [1], «Категории буддийской культуры» 2000 г. [15], хрестоматия «Религии Китая» 2001 г. [19], «Религия и культура. Россия. Восток. Запад» 2003 г. [20] и др.

Проведенное исследование показало, что на протяжении второй половины XX в. можно выделить два поколения в составе ленинградской школы китаеведческой буддологии. Становление первого из них тесно связано с работой по систематизации дуньхуанского фонда ЛО ИВ АН. Неизменной чертой научного стиля этого и следующего поколения учёных стал перевод и исследование оригинальных письменных памятников. В результате коллективного труда специалистов в 1980-х — начале 2000-х гг. был подготовлен ряд обобщающих работ, ставящих китайский как в контекст общепсихологической, так и китаеведческой проблематики. Объектами исследований стали как сутры, так и сложившиеся на территории Китая жанры буддийских текстов — философские трактаты и записи изречений чаньских патриархов, *бяньвэни* и простонародные сказания о чудесах, а также психотехники и взаимоотношения сангхи с государством и обществом. Таким образом, деятельность ленинградской школы заложила обширную основу для дальнейшего развития китаеведческой буддологии, которое в настоящее время особенно актуально в связи с развитием стратегического партнерства между Россией и Китаем и ростом интереса россиян к китайской культуре.

Литература

1. Алимов И. А., Ермаков М. Е., Мартынов А. С. Срединное государство. Введение в традиционную культуру Китая. Москва: Муравей, 1998. 288 с.
2. Буддизм в переводах. Альманах / ред.-сост. Е. А. Торчинов. Санкт-Петербург: Андреев и сыновья, 1992. Вып. 1. 267 с.
3. Буддизм в переводах. Альманах / ред.-сост. Е. А. Торчинов. Санкт-Петербург: Андреев и сыновья, 1993. Вып. 2. 447 с.
4. Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в Средние века: сборник статей / отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин. Москва: Наука, ГРВЛ, 1982. 318 с. (Культура народов Востока: материалы и исследования).
5. Буддизм и государство на Дальнем Востоке / отв. ред. Л. П. Делюсин. Москва: Наука, ГРВЛ, 1987. 230 с.
6. Буддийский взгляд на мир / ред.-сост. В. И. Рудой, Е. П. Островская. Коллектив авторов: М. Е. Ермаков, Т. В. Ермакова, М. Е. Кравцова, Е. П. Островская, А. Б. Островский, В. И. Рудой, Е. А. Торчинов. Санкт-Петербург: Андреев и сыновья, 1994. 462 с.
7. Введение в буддизм / ред.-сост. В. И. Рудой. Авторский коллектив: В. И. Рудой, Е. П. Островская, А. Б. Островский, Т. В. Ермакова, Е. А. Островская, П. Д. Ленков. Санкт-Петербург: Лань, 1999. 384 с. (Серия «Мир культуры, истории и философии»).
8. Воробьева-Десятовская М. И., Гуревич И. С., Меньшиков Л. Н., Спирин В. С., Школяр С. А. Описание китайских рукописей дуньхуанского фонда Института народов Азии. Вып. I. Москва: ИВЛ, 1963. 778 с.
9. Воробьева-Десятовская М. И., Зограф И. Т., Мартынов А. С., Меньшиков Л. Н., Смирнов Б. Л. Описание китайских рукописей дуньхуанского фонда Института народов Азии. Вып. II. Москва: Наука, ГРВЛ, 1967. 687 с.
10. Ермаков М. Е. Мир китайского буддизма. Санкт-Петербург: Андреев и сыновья, 1994. 240 с.
11. Ермаков М. Е. Синобуддология. Китайский буддизм первой половины I тысячелетия н.э. Lewiston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001. 368 с.
12. Захаров Д. С. Специфика возрождения отечественной буддологии во второй половине XX века // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4(80). С. 67–71.
13. Избранные сутры китайского буддизма / пер. с кит. Д. В. Поповцева, К. Ю. Солонина, Е. А. Торчинова; отв. ред. Е. А. Торчинов. Санкт-Петербург: Наука, 1999. 464 с.

14. Кабанов А. М. Чаньский ритуал // Этика и ритуал в традиционном Китае. Москва: Наука, 1989. С. 236–255.

15. Категории буддийской культуры / ред.-сост. Е. П. Островская. Авторы разделов В. И. Рудой, М. Е. Ермаков, Т. В. Ермакова, Е. П. Островская, Е. А. Островская. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2000. 320 с. (Серия “Orientalia”).

16. Кий Е. А. Основные этапы истории отечественной китаеведческой буддологии в общем контексте российской науки о буддизме // Буддизм Ваджраяны в России: исторический дискурс и сопредельные культуры: коллективная монография / отв. ред. Е. В. Леонтьева; сост. В. М. Дронова. Москва: Алмазный путь, 2013. С. 39–44.

17. Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы сувэньсюэ / изд. текстов и предисл. Л. Н. Меньшикова. Москва: ИВЛ, 1963. 75 с.

18. Линь-цзи лу / вступ. статья, пер. с кит., комментарии и грамм. очерк И. С. Гуревич. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2001. 272 с. («Памятники культуры Востока»).

19. Религии Китая. Хрестоматия ред.-сост. Е. А. Торчинов. Авторы Е. А. Торчинов, М. Е. Ермаков, М. Е. Кравцова, К. Ю. Солонин. Санкт-Петербург: Евразия, 2001. 512 с.

20. Религия и культура. Россия. Восток. Запад: сборник статей / под ред. Е. А. Торчинова. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского гос. ун-та, 2003. 309 с.

21. Торчинов Е. А. Введение в буддологию: курс лекций. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. 304 с.

22. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание. Санкт-Петербург: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2005. 480 с.

23. Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 1997. 384 с.

24. Хуэй-цзяо. Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань) / пер. с китайского, исслед., коммент. и указатели М. Е. Ермакова: в 3-х т. Т. I (Раздел 1. Переводчики); отв. ред. Л. Н. Меньшиков. Москва: Наука, ГРВЛ, 1991. 251 с. (Памятники письменности Востока. ХС1Х, 1. Bibliotheca Buddhica. XXXVIII).

25. Хуэй-цзяо. Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань) / пер. с кит., вступ. статья, коммент. и указатели М. Е. Ермакова: в 3-х т. Том II. (Раздел 2. Толкователи). Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2005. 240 с. («Памятники культуры Востока», XVIII).

26. Янгутов Л. Е. Буддологические исследования Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в контексте мировых буддологических исследований // Буддологические исследования. Религиоведческий альманах. Улан-Удэ, 2019. С. 238–247.

Научная статья
УДК 94(470+510):070
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-89-92

**ОТРАЖЕНИЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ XIX В.**

© **Победаш Евгения Владимировна**

кандидат педагогических наук, преподаватель,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Россия, г. Москва
elka_evgeniya@mail.ru

© **Барбун Виктория Викторовна**

кандидат филологических наук, преподаватель,
Бельцкий государственный университет им. А. Руссо
Молдавия, г. Бельцы
bologanviktoria@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению китайских трудов, появившихся в русской печати в первой половине XIX в. В это время издаются первые художественные переводы с китайского и маньчжурского языков, осуществленные членами Русской духовной миссии. Отмечается интерес китайских исследователей к государственному и политическому устройству Российской империи, о чем свидетельствуют труды, посвященные историческим и дипломатическим взаимоотношениям России и Китая. По тематическому содержанию китайско-русской периодики условно выделяются четыре этапа переводческой рецепции: 1) работы о государственном устройстве Китая и России (1770 г.); 2) труды о русско-китайских контактах (1820 г.); 3) учебная литература о китайской грамматике (1828 г.); 4) произведения китайской художественной литературы (1830 г.). Делается вывод о том, что в России переводная литература с китайского и маньчжурского языков носила не столько имагологический, сколько культурно-просветительский характер. Первая половина XIX в., благодаря развитию печати и появлению научного подхода к изучению Китая, открыла новую страницу в истории взаимоотношений стран.

Ключевые слова: Китай, Русская духовная миссия в Пекине, русско-китайские взаимоотношения, периодические издания.

**THE REFLECTION OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS
IN PERIODICALS OF THE FIRST HALF OF THE XIXth CENTURY**

© **Evgeniya V. Pobedash**

Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
elka_evgeniya@mail.ru

© **Victoria V. Barbun**

Balti State University A. Russo
Moldova, Balti
bologanviktoria@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of Chinese works appearing in the Russian press in the first half of the 19th century. In this period, the members of the Russian Spiritual Mission made a literary translations from the Chinese and Manchurian for the first time. It is noted that Chinese researchers are interested in political system of the Russian Federation that confirmed by the writings on historical and diplomatic relations between Russia and China. According to the thematic content of the Sino-Russian periodicals are conditionally marked four periods: 1) works on the state structure of China and Russia (1770); 2) works on Russian-Chinese contacts (1820); 3) educational literature on Chinese grammar; 4) Works of Chinese fiction (1830). It is concluded that in Russia translated literature from Chinese and Manchurian languages was not so much imagological as cultural and educational. The first half of the 19th century, thanks to the development of the press and the emergence of a scientific approach to the study, opened a new page in the history of relations between countries.

Keywords: China, Russian Spiritual Mission in Beijing, Russian-Chinese relations, periodicals.

Начало-первая половина XIX в. ознаменовались появлением в Российской печати первых статей и литературных переводов с китайского языка на русский. Ранее переводы с китайского языка осуществлялись в основном членами Русской Духовной миссии в Пекине (РДМ) и были ограничены тематикой, интересной российской государству (вопросы истории, географии народов, расселению у границ с Россией, положению маньчжуров и монголов и т. п.).

Интерес, зародившийся к восточному соседу еще во времена правления Петра Великого, в конце XVIII — начале XIX в. не ослабевал, а лишь усиливался и благодаря деятельности РДМ, и благодаря политике «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, которая продолжила «моду на китайщину» при дворе. Подписание в 1783 г. указа о «Вольных типографиях» привело к появлению множества частных издательств, печатавших и китайские труды в том числе. Так, большой вклад в развитие и укрепление китайско-русских контактов внес Николай Иванович Новиков, известный издатель и общественный деятель. В журнале «Трутенъ» (1769–1770) был опубликован перевод А. Леонтьева «Чензья, китайского философа совет, данный его государю», в журнале «Пустомеля» (1770) — еще один перевод А. Леонтьева, «Завещание Юнджена, китайского хана, к его сыну». В 1788 г. вышли в свет два перевода А. Агафонова с китайского и маньчжурского языков «Джунгин, или книга о верности» и «Краткое хронологическое расписание китайских ханов: из книги Всеобщего зеркала с показанием летоисчислений китайского и римского от начала Китайской империи по 1786 г.». Еще раньше был опубликован перевод с латинского языка «Описания жизни Конфуция, китайских философов начальника» (1780).

В 1802 г. Н.М. Карамзиным был основан журнал «Вестник Европы», в котором была напечатана статья «Китайская мудрость» (перевод с французского). В 1812 г. появляется переводная работа «О китайских законах уголовных», в 1830 г. — «Китайская литература».

Основанное в 1816 г. П. Л. Шиллингом Литографическое заведение Государственной коллегии иностранных дел имело в своем запас литеры отличного качества, не отличимые от китайских, что позволило печатать оригинальные китайские тексты. Так, в 1819 г. выходит в свет первый литографированный китай-

ский текст «Саньцзыцзин», в 1823 г. – «Да сюэ» и «Чжунъюн». В 1829 г. в типографии Х. Гинца (г. Санкт-Петербург) был напечатан перевод «Сань-цзы-цзин», выполненный Н. Я. Бичуриным. Настоящим прорывом в отечественной синологии и методике преподавания китайского языка стало издание «Китайской грамматики» Н. Я. Бичурина (три издания 1828–1829, 1835, 1838 гг.). В 1829 г. выходит в свет его труд «Описание Пекина» с приложением плана китайской столицы.

В 1834 г. А. Ф. Смирдиным был основан журнал «Библиотека для чтения» (1834–1865). В нем был опубликован отрывок из повести «Путешественник», являвшийся собой художественным переводом с китайского, выполненным З. Леонтьевским (1836); «Китайская диетика», составленная по китайской книге «О сохранении условий здоровья» (1837); «Фаньсу, или плутовка горничная. Китайская комедия Джин-Дыхуя», (1839); перевод из китайско-маньчжурского словаря под названием «Мнение словаря китайской Академии о табаке» (1840), китайское сказание «Китаец, утвердившийся на середине, или 12 жемчужин ожерелья» (1843) и др. [41, с. 63]. В другом издании А.Ф. Смирдина, журнале «Сын отечества» (1838–1840), были помещены переводы с китайского и маньчжурского языков А. Владыкина: «Китайские анекдоты», «Золотое зеркало или мысли китайского багдыхана Тайдзуна, династии Тан, жившего в VII столетии по РХ», «Минь-Сянь-Дзы, или мнение великих людей», а также отрывок из книги «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» Н. Я. Бичурина.

В 1820 г. на страницах «Сибирского вестника» (1818–1824, основан Г. И. Спасским) появляется перевод С.В. Липовцова «О переходе тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию»; в 1821 г. – статья «Обозрение Зюнгарию». В «Азиатском вестнике» (бывший «Сибирский вестник», 1825–1827) в 1825 г. выходит «Драгоценный свод [сведений] о происхождении ханов», переведенный Татауровым, «Краткое описание Тибета» Келли и др.

Это были одни из первых вышедших в российской печати работ о Китае и переводов. В дальнейшем «китайская» тема в периодике развивалась в соответствии с движением науки; из типографий выходили учебные пособия и словари для изучающих китайский язык, что, несомненно, способствовало укреплению русско-китайских культурных связей.

Не располагая столь обширной информацией о периодике Китая того времени, посвященной России, можно отметить перевод с русского языка на китайский трех томов «Истории государства российского» Н. М. Карамзина, выполненный З. Ф. Леонтьевским. За эту работу в Китае он был удостоен титула государственного наставника «го ши», что указывает на знакомство с этой работой и ее высокую оценку китайцами. На маньчжурский также был осуществлен перевод М. Д. Храповицким «Царствования Петра I» и «Царствования Николая I». Известным фактом является и то, что по инициативе П. Тугаринова, главы двенадцатой миссии, Министерство иностранных дел передало в дар Китаю карту Российской империи, состоящую из 100 листов, обширную коллекцию из 300 книг по математике, астрономии, медицине, учебные пособия для русско-маньчжурской школы. Владимиром Горским был составлен каталог подарочных изданий на китайском языке. О том факте, что в Китае данный дар не остался незамеченным и неоцененным, свидетельствует передача российскому правительству свежейизданной карты Китая.

«Записки о путешествии на край света» — первая известная книга о России в Китае. Ее автор — Тулишэнь, член первого официального посольства китайцев в Россию (1712–1715). В работе представлены материалы о географическом положении страны, описание городов и селений по пути следования посольства, особенности климата; приложением является первая китайская карта, отражавшая представления китайцев о территории России. На тот момент подобное издание стало сенсационным, и в скором времени было переведено на французский, английский, японский, немецкий и русский языки. Это был огромный шаг для развития русско-китайского культурного обмена. В 1823 г. вышла в свет книга «Суйфуцзилюе» чиновника Сун Юня, в которой, подробно описаны исторические и дипломатические взаимоотношения России и Китая во время подписания Кяхтинского договора, а также образ жизни русских и фольклор (песни, танцы, традиционные праздники). По данным Фэнлинь Су [1], в период Первой опиумной войны губернатором провинций Гуандун и Гуанси Линь Цзэсюй составлена книга «Сычжоучжи», одна из глав которой — «Общие заметки о России». В книге дается описание территорий и населения России, впервые довольно полное за всю историю Китая.

В 1859 г. чиновником Хэ Цютао написана книга «Шофанбэйшен» (в переводе В. С. Мясникова — «Готовьте колесницы на страну полунощную») — комплексное исследование, посвященное политическим отношениям двух стран в цинскую эпоху. В то же время выходит ряд работ, которые являлись ценным вкладом в развитие китайско-русских отношений: сборник Вэй Юань «Хайготучжи» и сборник Сюй Цзишэ «Инхуаньчжшпоэ» (1848).

Очевидно, что первая половина XIX в., благодаря развитию печати и появлению научного подхода к изучению Китая, открыла новую страницу в истории взаимоотношений стран. У российских читателей стало складываться собственное представление о восточной стране, традициях, обычаях, государственном устройстве, культуре. Научное сообщество китаеведов получило доступ к трудам коллег; появилась возможность создания и приумножения научных трудов о Китае с опорой на предыдущий опыт. Значительно облегчился процесс изучения китайского языка благодаря появлению достаточного количества печатных изданий: учебных пособий, словарей и переводов. В свою очередь и в Китае наблюдается интерес к России: появляются статьи и достаточно подробные для своего времени труды, посвященные государственному и политическому устройству России.

Литература

1. Фэнлинь Су. История культурных отношений Китая с Россией до середины XIX в.: автореферат дис. ... д-ра истор. наук / Фэнлинь Су. Москва, 2000. 70 с.

СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Научная статья
УДК 323.2 + 327
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-93-96

ПОДХОДЫ КНР К РАБОТЕ С КИТАЙСКОЙ ДИАСПОРОЙ С НАЧАЛА ПОЛИТИКИ РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ ДО СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

© **Афонасьева Алина Владиславовна**
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Россия, г. Москва
alina-afonasyeva@yandex.ru

Аннотация. Статья базируется на материалах исследования диаспоральной политики КНР, проведенного автором в период 2019–2021 гг. [1]. В ней кратко представлен обзор основных концептуальных подходов лидеров КНР с 1978 г. по настоящее время и подведены итоги работы правительства КНР с китайской диаспорой на основе данных подходов. В заключении автор отмечает, что диаспоральная политика КНР к настоящему моменту оформилась в полномасштабную, эффективную и гибкую систему сотрудничества с зарубежными китайцами.

Ключевые слова: КНР; диаспоральная политика; китайская диаспора; зарубежные китайцы; родственники эмигрантов, реэмигрантов и этнических китайцев с иностранным гражданством.

THE PRC'S APPROACHES TO WORK WITH OVERSEAS CHINESE FROM THE BEGINNING OF REFORMS AND OPENING-UP UNTIL TODAY

© **Alina Afonaseva**
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
Russia, Moscow
alina-afonasyeva@yandex.ru

Abstract. The article is based on a study of the PRC's diaspora policy, conducted by the author in 2019–2021. It briefly provides an overview of the main conceptual approaches of the PRC's leaders from 1978 to the present and summarizes the results of the PRC's work with the Chinese diaspora based on these approaches. In conclusion, the author notes that the PRC's diaspora policy has now turned into a full-scale, efficient, and flexible system of cooperation with overseas Chinese.

Keywords: The PRC; Diaspora Policy; Chinese Diaspora; Overseas Chinese; Relatives of Emigrants, Re-emigrants, and Ethnic Chinese with foreign citizenship.

Политика КНР в отношении зарубежных китайцев (китайских эмигрантов и этнических китайцев с иностранным гражданством, по-китайски: *хуацяо-хуажэнь*) – это оригинальный и масштабный в мировой практике пример формирования государством взаимовыгодных отношений с соотечественниками за рубежом и их потомками. С одной стороны, эта политика сама по себе важна для стран, в которых проживают китайцы. С другой стороны, опыт КНР актуален для многих стран, желающих привлечь ресурсы соотечественников для социально-экономического развития.

Современная диаспоральная политика КНР во многом опирается на опыт времен фактического правления Дэн Сяопина (1977–1992 гг.), которому удалось после окончания «культурной революции (1966–1976 гг.)» в кратчайшие сроки провести восстановительную работу по взаимодействию с диаспорой и вписать ее в план стратегического развития КНР на десятилетия вперед. Эта политика строилась на выдвинутой Дэн Сяопином теории о зарубежных китайцах и о «зарубежных связях» реэмигрантов и родственников эмигрантов как об уникальном шансе для масштабного развития Китая [3, с. 12]. Генеральной линией в работе с китайской диаспорой на данном этапе стало стимулирование сотрудничества китайских эмигрантов и иностранных китайцев с КНР в целях обеспечения экономического строительства КНР, объединения Родины и развития дружеских связей с народами всех стран. Ключевые ставки были сделаны на привлечение зарубежного китайского капитала в КНР, пожертвований, защиту прав реэмигрантов и родственников зарубежных китайцев в КНР, увеличение объемов денежных переводов зарубежных китайцев своим родственникам в КНР. Руководство КНР рассчитывало на помощь зарубежных китайцев в воссоединении Родины и продвижении концепции «Одна страна – две системы».

Краткими итогами работы с диаспорой на основе подхода Дэн Сяопина стали:

- стремительный рост иностранных инвестиций в КНР с 57 млн долл. США в 1980 г. до 11 млрд долл. США в 1992 г. [2]. При этом более 70% этих инвестиций были инвестициями зарубежных китайцев [5, с. 271];
- социально-экономический подъем родных мест зарубежных китайцев в КНР (*цяосян*) за счет пожертвований и благотворительного строительства дорог, мостов, больниц, школ и других объектов инфраструктуры;
- рост благосостояния реэмигрантов и родственников эмигрантов за счет увеличения денежных переводов из-за рубежа (до 739 млн долл. США в 1992 г.) [8, с. 91];
- зарубежные китайцы подключились к работе по возвращению Гонконга, Макао и Тайваня в КНР. Был разработан «Основной закон ОАР Гонконг КНР (1990)».

При Цзян Цзэмине, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпине (с 1993 г. по настоящее время) работа с зарубежными китайцами вступила в фазу непрерывного совершенствования, оформилась в гибкую систему, способную адаптироваться к текущим реалиям КНР и мира. Цзян Цзэминь рассматривал зарубежных китайцев как уникальный ресурс и преимущество для масштабного развития Китая. Генеральная линия этой работы заключалась в служении делу ускорения реформ и открытости и строительства модернизации.

Ху Цзиньтао видел в китайской диаспоре «три имеющиеся большие возможности» для строительства общества малого благоденствия, воссоединения Родины и развития народной дипломатии [7]. Генеральной линией в работе стало

стимулирование устойчивого развития всех ресурсов зарубежных китайцев, реэмигрантов и их родственников в КНР (*гуйцяо-цяоцзюань*): капитал, таланты, технологии, связи, управленческий опыт и прочее. Работа с китайской диаспорой рассматривалась как служение государству в целом.

Си Цзиньпин считает зарубежных китайцев важным звеном в связях Китая с миром и важной опорной силой для стимулирования развития государства.

Генеральной линией в работе с китайской диаспорой можно считать официально поставленную Си Цзиньпином перед КПК в 2017 г. задачу тесно сплотить широкие массы соотечественников за рубежом, реэмигрантов и родственников эмигрантов и реэмигрантов, и стимулировать их активное участие в Великом возрождении китайской нации [4]. При Си Цзиньпине происходит значительное усиление роли КПК в работе с китайской диаспорой. С 2016 г. работой Всекитайской ассоциации реэмигрантов, которая по факту остается общественной организацией, официально руководит КПК. А с 2018 г. единое руководство работой с делами китайской диаспоры передано в ведение Департамента Единого фронта ЦК КПК. В структуру этого Департамента вошла без смены названия Канцелярия по делам эмигрантов при Госсовете КНР – ключевая организация, занимающаяся вопросами китайской диаспоры.

В 1993–2021 гг. работа КНР с китайской диаспорой была существенно усилена:

- КНР на сегодняшний день имеет реальные инструменты для защиты законных прав и бизнес-интересов китайских эмигрантов, и оказания помощи в сложных жизненных ситуациях этническим китайцам с иностранным гражданством. Этими инструментами, кроме посольств и генконсульств, являются так называемые центры помощи китайцам за рубежом (*хуачжэ чжунсинь*) и союзы китайских предпринимателей. Кроме того, с КНР по данному вопросу сотрудничают более 500 сообществ зарубежных китайцев. Около 50% этих сообществ участвуют в китайской инициативе «пояс и путь»;

- КНР активно работает над тем, чтобы сплотить всех китайцев за рубежом. В частности, 2014 год был объявлен «Годом строительства гармоничного сообщества эмигрантов (*хэсе цяошиэ цзяньшиэ нянь*)» [6]. Цель проекта – создать благоприятные условия для жизни и развития эмигрантов за рубежом;

- КНР смог привлечь зарубежных китайцев к участию в реализации стратегии «выход за рубеж» и в инициативе «Один пояс, один путь»;

- Состоялось возвращение Гонконга и Макао в КНР в 1997 г. и 1999 г. соответственно. Продолжается работа по стимулированию мирного воссоединения Тайваня с КНР;

- Рост благосостояния КНР не снизил актуальность инвестиций зарубежных китайцев. Несмотря на выравнивание налоговых ставок и льгот для иностранных и национальных предпринимателей в КНР, зарубежные китайцы до сих пор находятся в более выгодном положении, чем их иностранные и местные китайские конкуренты;

- Усилилась борьба со спекулятивными денежными переводами зарубежных китайцев и борьба с теневыми банками, через которые эти переводы осуществляются;

– Возросла роль жертвований зарубежных китайцев на цели благотворительности, особенно в связи с объявленным Си Цзиньпином новым трендом на достижение социальной справедливости в обществе и сокращение разрыва между очень богатыми и очень бедными людьми в КНР;

– КНР не только продолжает развивать тему защиты законных прав и интересов реэмигрантов и родственников эмигрантов, реэмигрантов и иностранных китайцев в КНР, но и разрабатывает специальную политику защиты законных интересов китайских эмигрантов и их бизнеса на территории КНР.

В заключении следует подчеркнуть, что подходы Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина к работе с зарубежными китайцами демонстрируют полную включенность диаспоральной политики в основные внешние и внутренние проекты развития КНР. На сегодняшний день диаспоральная политика КНР оформилась в полномасштабную, эффективную и гибкую систему сотрудничества с зарубежными китайцами, максимально учитывающую национальные интересы страны и интересы диаспоры.

Литература

1. Афонасьева А. В. Диаспоральная политика КНР: социально-экономическое направление. Москва: Изд-во ИДВ РАН, 2022. 336 с.

2. UNCTADSTAT. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 19.06.2022).

3. Дэн Сяопин лунь цяоу. Гоуюань цяоу баньгунши, Чжунъян вэньсянь яньцзюши бянь 邓小平论侨务。国务院侨务办公室，中央文献研究室编 [Дэн Сяопин о работе с эмигрантами / под ред. Канцелярии по делам эмигрантов и Кабинета по изучению документов ЦК КПК]. Пекин, 2000.

4. Си Цзиньпин дуй цяоу гунцзо цзочу чжунъяо чжиши; Ли Кэцян цзочу пиши 习近平对侨务工作作出重要指示；李克强作出批示 [Си Цзиньпин дал важные указания по работе с делами эмигрантов, Ли Кэцян подготовил инструкции]. URL: <http://src.people.com.cn/n1/2017/0217/c64094-29089830.html> (дата обращения: 07.06.2022).

5. Хайвай хуацяо хуажэнь юй чжунго гайгэ кайфан 海外华侨华人与中国改革开放 [Зарубежные китайцы и политика реформ и открытости в КНР] / гл. ред. Жэнь Гуйсян. Пекин, 2009.

6. Цю Юаньпин: «Хуачжу чжунсин» цзян вэй цяобао цзецзюе шиши куньнань 裘援平：“华助中心”将为侨胞解决实际困难 [Цю Юаньпин: «Центры помощи китайцам» будут решать проблемы соотечественников за границей]. URL: <http://lianghui.people.com.cn/2014nrc/n/2014/0309/c37664924579630.html> (дата обращения: 18.06.2022).

7. Чжунго гаоцэн дуй цяоце бэйцзя чжунши Ху Цзиньтао шоути цяоу «саньгэ дао цзовэй» 中国高层对侨界倍加重视 胡锦涛首提侨务“三个大有作为” [Высшее руководство КНР удвоило внимание к эмигрантским кругам. Ху Цзиньтао впервые выдвинул концепцию «трех имеющихся больших возможностей» в работе с эмигрантами]. URL: <http://www.chinaqw.com/news/2005/1223/68/10496.shtml> (дата обращения: 02.12.2020).

8. Юань Дин. Чжунго цяохуэй чжэнцэ яньцзю // Синь чжунго цяоу чжэнцэ люши нянь хуэйгу юй таньси 袁丁. 中国侨汇政策研究 // 新中国侨务政策六十年回顾与探析 [Юань Дин. Изучение политики КНР по денежным переводам хуацяо // Обзор и анализ политики Нового Китая по делам эмигрантов за 60 лет]. Пекин. Гоуюань цяоу баньгунши чжэнцэ фагуй сы бянь, 2010.

Научная статья
УДК 342
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-97-112

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР: САНКЦИИ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

© **Базина Ольга Олеговна**

кандидат юридических наук, доцент,
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Россия, г. Москва
maksimova_o@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена одному, из очень популярных сегодня, методу ведения внешней политики – санкциям. Внешняя политика КНР основывается на «пяти принципах мирного сосуществования», и четкой, сформировавшейся за длительный период санкционной политики, применяемой к КНР, негативным отношением к введению зарубежными государствами односторонних ограничительных мер (санкций). В работе вы сможете найти примеры и способы применения санкций Китаем, а так же будет описан правовой механизм применения санкций китайской стороной.

Ключевые слова: Китай, КНР, правовое регулирование, санкции.

CHINA'S FOREIGN POLICY: SANCTIONS. LEGISLATIVE FRAMEWORK

© **Olga Bazina**

MGIMO-University
Russia, Moscow
maksimova_o@mail.ru

Abstract. This article is devoted to one of the very popular methods of conducting foreign policy today – sanctions. The foreign policy of the PRC is based on the "five principles of peaceful coexistence", and a clear, formed over a long period of sanctions policy applied to the PRC, a negative attitude towards the introduction of unilateral restrictive measures (sanctions) by foreign states. In the work you will be able to find examples and ways of applying sanctions by China, as well as the legal mechanism for applying sanctions by the Chinese side will be described.

Keywords: China, PRC, legal regulation, sanctions.

Внешняя политика КНР основывается на «пяти принципах мирного сосуществования» [22], и достаточно четкой, сформировавшейся за длительный период санкционной политики применяемой к КНР, негативным отношением к введению зарубежными государствами односторонних ограничительных мер (санкций) без утверждения их Советом Безопасности ООН» [21]. Пекин также призывает другие государства противостоять практике введения отдельными странами незаконных односторонних ограничений.

Внутриполитическая обстановка в стране достаточно стабильна, стабильность гарантируется и поддерживается Коммунистической партией Китая КНР.

С позиции санкционной политики относительно внешнеполитического регулятора отношений, Китай тем интереснее что, с одной стороны сам являлся объектом (целью) длительного санкционного давления, а с другой – сам время от времени применяет односторонние экономические санкции.

Понятие санкций объединяет широкий круг ограничительных мер и требует четких формулировок. Стоит разделить такие понятия как «экономические санкции» и «торговые войны». Говоря об азиатском регионе, данные понятия часто путают (особенно когда речь идет об отношениях США и КНР). Указанные термины отличаются прежде всего по целям: торговые войны направлены на достижение экономических преимуществ для национальных производителей; санкции преследуют в основном политические, а также экономические цели. Страна-инициатор пытается добиться от страны-цели конкретных политических уступок или смены политического курса» [5].

Выделяют несколько типов ограничительных мер. Примером первого типа выступают санкции, которые вводятся Советом Безопасности ООН на основе статьи 41, главы VII Устава ООН. Примером второго - односторонние санкции, которые вводятся отдельной страной, группой стран или международной организацией на основе национального законодательства и без одобрения со стороны СБ ООН. Санкции как правило, вводят экономически развитые страны, обладающие значительным экономическим превосходством над странами-целями. Однако применение первых весьма время затратно, так как их применению предшествует длительная процедура, в то время как односторонние санкции (точечные) наиболее целеориентированны и чаще всего достигают цели.

Так, после событий 4 июня 1989 г., осудив силовой разгон демонстраций с применением танков на площади Тяньаньмэнь, США ввели санкции против Китая, очень похожие на те, которые сейчас действуют в отношении России. Многим компаниям запретили торговать с КНР, банкам перекрыли кредиты на Западе, американцы ввели эмбарго на поставки оружия и ограничили доступ к высоким технологиям. Этот сложный период для Китая, был преодолен. Теперь китайская экономика занимает второе место в мире. Благодаря своему уникальному опыту и восприятию экономических санкций Китай занимает негативную и осмотрительную позицию в отношении экономических санкций. Китай не одобряет умышленное применение или угрозу применения санкций при решении международных проблем; Китай не одобряет использование односторонних и всеобъемлющих санкций; считает, что Совет Безопасности ООН имеет право вводить санкции, но они должны вводиться поступательно и осмотрительно, учитывая негативные последствия как для страны-цели, так и для третьих сторон.

Позиция Китая относительно применения односторонних санкций в целом негативна. Однако рост китайской экономики и увеличение значение КНР в мировой торговле позволило Пекину пересмотреть свою позицию по оказанию экономического давления на другие государства. Начиная с 1990-х годов время от времени применять подобные меры экономического и политического воздействия на некоторые страны.

Санкционная политика Китая связана с уроками, полученными от западных государств, и формировалась с его специфической исторической традицией, национальными условиями и опыт применения санкций. Попытаемся рассмотреть и проанализировать с чего начинается и чем характеризуется санкционная политика Китая.

Итак, можно выделить отличительные черты односторонних санкций Китая:

- без объявления введения или снятия санкций, чем отличаясь от США. Китай редко публично, официально демонстрировал экономическое принуждение. В КНР не сложилась практика официально информировать государство-цель о начале применения или прекращения санкций. Вообще в юридической лексике, в нормативных актах отсутствовал термин «санкция». Так, в 2010 г. китайские портовые чиновники неофициально начали блокировать погрузку судов с контейнерами редкоземельных элементов, предназначенных для Японии.

- санкции применяются неофициально без издания соответствующего акта. В США и ЕС действует ряд нормативно правовых актов. Однако, что вполне свойственно для правовой системы Китая, официальных документов регулирующих процедуру применения санкций нет. Пекин предпочитает использовать расплывчатые угрозы, варьирование визитов руководства, выборочное покупки (или не покупки) и иные способы демонстрации санкционного применения.

- носит «точечный» характер относительно поставленной цели. Находясь длительный период под санкциями, Китай понимает, сколь пагубными могут быть последствия применения длительных санкций, старается применять санкции очень гибко, что скорее указывает на неумение применять и использовать механизм экономического давления на страны-цели.

- непрозрачный характер процедур принятия и применения неформальных ограничительных мер, вводимых Пекином, что в определенной степени усложняет анализ санкционной политики Китая. Решения о введении подобных неформальных ограничений принимает, как правило, Малая руководящая группа по внешней политике ЦК КПК, а их практическая реализация находится в зоне ответственности таможенных органов, органов санитарного контроля и других административных органов.

- санкции, вводимые Китаем в 2010-х гг., прежде всего вводились с целью защиты национальных интересов. Не с целью соблюдения международного права, сохранения региональной стабильности и защитить права человека, как это делают Соединенные Штаты» [8].

Учитывая выделенные особенности рассмотрим классификацию применявшихся КНР ранее мер санкционного характера, разработанную исследователем Нанькайского университета Янь Лян:

1. Санкции, нацеленные на изменение внешней политики государства по конкретным вопросам политики КНР, затрагивающих коренные интересы Китая («принуждение»). (Например: введение КНР экономических санкций против Франции в 1994 году за поставки вооружений Тайваню).

2. Угроза экономических санкций как дипломатический сигнал для внутренней и иностранной аудитории, применяемая в ответ на нежелательные действия. Это политический шаг, ценный сам по себе вне зависимости от реального

применения санкций. (Например: угроза КНР ввести санкции в отношении компаний США, вовлеченных в контракт на поставки вооружений Тайваню. 2010 г.).

3. Устрашение – превентивные меры. (например: введенные США санкции в отношении КНР и КНДР в попытке предотвратить участие КНР в войне на Корейском полуострове. 1950 г.).

4. Карательные санкции – как со стороны КНР в отношении Албании в 1978-1983 годах и в отношении Вьетнама в 1978-88 годах в ответ на нежелательные для Китая внешнеполитические шаги (критику Албанией политической линии КПК, сближение Вьетнама с СССР и ввод вьетнамских войск в Камбоджу).

5. Сдерживание экономического и военного развития – как блокада США в отношении КНР в 1949–1971, а также всеобъемлющие санкции США против СССР [17].

По мнению Янь Лян, на современном этапе китайской внешней политике наиболее присущи категории 1 и 2 (корректировка внешнеполитических действий по отдельным принципиальным вопросам и направление сигналов), тем не менее, не исключается переход к более жестким мерам.

Руководствуясь относительно небогатым опытом Китая, следует признать, что в отношениях с зарубежными партнерами Пекин прибегает к односторонним ограничениям как инструменту экономического и политического давления. Китай использует подобные меры в ответ на действия зарубежных государств, действия которых, непосредственно нарушают приоритетные интересы китайского народа. Такие как, угрозы суверенитету и территориальной целостности КНР, вмешательство во внутренние дела Китая, прежде всего касающиеся проблем Гонконга, Тайваня и Синьцзян-Уйгурского автономного района, а также размещение военных баз вблизи государственных границ КНР.

Основываясь на вышеизложенное, можно сформулировать некоторые особенности санкционной политики Китая 2020-х гг. Санкции являлись как правило «тактические», применяющиеся в ответ на конкретные действия страны применяющей санкции по отношению к Китаю. КНР не будет вводить санкции, связанные с внутривнутриполитической ситуацией в иностранном государстве, и будет воздерживаться от экстерриториальных санкций, при которых третьи страны будут страдать за сотрудничество с подсанкционным государством. В применении санкций всегда приуставал некий элемент намеренной иррациональности: трактовка и применение китайских санкционных действий максимально усложнены, они должны, как правило, неофициально объявляться, а вводимые ограничительные меры должны иметь альтернативные объяснения и оставлять пространство для гибкости и маневра.

Развитие законодательства в сфере санкционной политики КНР.

Традиционно для правовой системы КНР является принятие закона после того, как была разработана подзаконная база, была отработана процедура и соответственно опираясь на практику применяется закон.

В октябре 2019 г. и мае 2020 г. создание полноценного механизма для ограничения деятельности «ненадежных лиц» было заявлено соответственно в Решении ЦК КПК «О некоторых важных вопросах поддержки и совершенствования системы социализма с китайской спецификой и продвижения модернизации государственной системы и способности управления» и «Рекомендациях ЦК КПК и

Государственного совета КНР по ускоренному совершенствованию социалистической рыночной экономической системы новой эпохи».

Основная цель механизма введения санкций, заявленная КНР – борьба с недобросовестной практикой, при которой иностранные организации вводят дискриминационные меры в отношении китайских предприятий в нарушение базовых принципов торговли и, тем самым, причиняют вред китайским предприятиям, государственной безопасности и интересам КНР, а также создают угрозу нарушения глобальных систем производства и поставки товаров [1].

При помощи санкций КНР рассчитывает добиться трех основных целей: во-первых, обеспечить государственную безопасность (в том числе – экономическую, научно-техническую, информационную и ресурсную безопасность); во-вторых, защитить «справедливые интересы» китайских предприятий и снизить риски прекращения поставок и эмбарго в международной торговле; в-третьих, обеспечить стабильность сложившихся в мире сетей производства и поставок с участием КНР путем защиты принципов свободной торговли.

Что касается нормативной базы первым актом, регулирующим применение ответных мер КНР, стало Положение «О перечне ненадежных лиц» (Приказ № 4-2020) от 19.09.2020 г. [16] (далее — Положения), изданное Министерством коммерции КНР, устанавливающие основные правила введения ограничений на деятельность в КНР для иностранных организаций и физических лиц, которые могут представлять собой угрозу для безопасности КНР.

Основная цель механизма введения санкций, заявленная КНР – борьба с недобросовестной практикой, при которой иностранные организации вводят дискриминационные меры в отношении китайских предприятий в нарушение базовых принципов торговли и, тем самым, причиняют вред китайским предприятиям, государственной безопасности и интересам КНР, а также создают угрозу нарушения глобальных систем производства и поставки товаров. При помощи санкций КНР рассчитывает добиться трех основных целей: во-первых, обеспечить государственную безопасность (в том числе – экономическую, научно-техническую, информационную и ресурсную безопасность); во-вторых, защитить «справедливые интересы» китайских предприятий и снизить риски прекращения поставок и эмбарго в международной торговле; в-третьих, обеспечить стабильность сложившихся в мире сетей производства и поставок с участием КНР путем защиты принципов свободной торговли.

В соответствии с Приказом Министерства коммерции КНР № 4-2020 введение санкций основано на Законе КНР «О внешней торговле» [13] и Законе КНР «О государственной безопасности» [12]. Ст. 7 Закона КНР «О внешней торговле» допускает применение КНР ответных мер в отношении иностранных государств и территорий в случае введения дискриминационных запретов, ограничений или других мер в сфере торговли. В свою очередь, Закон КНР «О государственной безопасности» [12] обязывает государство защищать экономическую систему и экономическую безопасность (ст. 19), а также предупреждать и устранять риски в сфере государственной безопасности, связанные с иностранными инвестициями (ст. 59). КНР не будет распространять на иностранные предприятия системы оценки кредитоспособности, созданные в стране для организаций и физических лиц.

Согласно ст. 4 Положения ответственным органом за включение иностранных компаний и отдельных лиц в санкционные списки выступает межведомственная комиссия, сформированная из представителей министерств Государственного совета КНР, состав которой не разглашается. Решение о внесении иностранных лиц или организаций в перечень ненадежных принимается после проведения расследования, результаты которого должны быть оглашены публично. Отдельно стоит отметить, что процедура проведения

расследования, в том числе сроки и порядок его проведения, основания для прекращения или возобновления приказом не регламентируются. При принятии решения учитывается степень ущерба суверенитету, безопасности и развитию КНР, степень ущерба, нанесенного китайским гражданам и организациям, и степень соблюдения предполагаемым недружественным лицом общепринятых международных торговых правил.

В ст. 10 определяются меры, которые могут быть приняты в отношении лиц или организаций, включенных в перечень ненадежных:

- 1) ограничение или запрет на ведение импортно-экспортной деятельности, связанной с КНР;
- 2) ограничение или запрет на осуществление инвестиционной деятельности на территории КНР;
- 3) ограничение на въезд на территорию КНР;
- 4) ограничение или аннулирование разрешения на работу, проживание или пребывание на территории КНР;
- 5) наложение штрафа;
- 6) другие необходимые меры.

Предусмотренные Положением санкции носили индивидуальный характер, однако наличие в инструментарии экономических мер позволило бы Пекину вводить чувствительные для иностранных государств ограничения посредством внесения в Перечень крупных компаний, работающих на китайском рынке.

Даже в условиях формализации санкционного инструментария механизм правоприменения, в том числе порядок контроля над соблюдением ограничений импортно-экспортной и инвестиционной деятельности, остается непрозрачным. Вместе с тем Положение в ст. 12 предусматривает возможность получения в случае необходимости специального разрешения на экспортно-импортные операции с подсанкционными лицами.

Положения, в целом, создают основы для применения КНР санкций в отношении иностранных организаций и физических лиц, которые причиняют ущерб для страны в целом и отдельных китайских предприятий. Если ранее КНР вводила ограничения для «нежелательного» иностранного бизнеса спонтанно и непублично, теперь для введения санкций есть формальный механизм, предусматривающий обязанность для государства публично объявлять о намерении ввести санкции (провести расследование) и введении ограничений. В свою очередь, иностранным организациям и физическим лицам предоставлена возможность для самозащиты в процессе проведения расследования, а также возможность ходатайствовать об исключении из санкционного списка в будущем (при условии изменения обстоятельств, послуживших причиной для введения санкций) [1]. Кроме того, Положение не содержит многих деталей, в частности: отсутствует

подробный порядок проведения расследований, сроки проведения разбирательства и объявления решений, порядок рассмотрения ходатайств от иностранных организаций, основания для расчета штрафов и т. д. Что предполагает ее более конкретную регламентацию либо издание соответствующих уточняющих актов. Также, правила содержат довольно ограниченный перечень мер, который может быть использован в отношении иностранных лиц, попавших под санкции. Большинство из них эффективны только в отношении организаций, которые ведут деятельность на территории КНР (есть дочерние предприятия в Китае) или связанную с КНР (экспорт-импорт). Если деятельность организации не связана с необходимостью поддерживать коммерческое присутствие на территории КНР и осуществлять сделки с китайскими организациями, то эффект от введенных в КНР ограничений будет незначителен.

Ввиду указанных выше обстоятельств уже 09.01.2021 г. Министерство коммерции КНР опубликовало «Правила противодействия необоснованному экстерриториальному применению иностранного законодательства и иных мер» [9] (Далее — Правила), направленные на блокирование экстерриториальных санкций и иных мер иностранных государств, негативно влияющих на китайскую экономику. Правила во многом схожи с Блокирующим Регламент ЕС [10], разработанным в тех же целях.

Документ, точнее ст. 6. Правил, предусматривает создание межведомственной комиссии, которая под руководством Министерства коммерции КНР будет выдавать «запретительные приказы» об освобождении от соблюдения экстерриториально применяемого иностранного законодательства [6] в случае, если оно:

- 1) нарушает международное право и основные принципы международных отношений;
- 2) может оказать влияние на национальный суверенитет, безопасность и интересы Китая в области развития;
- 3) может оказать влияние на законные права и интересы китайских граждан, юридических лиц и других организаций.

К китайским гражданам и компаниям, нарушающим «запретительные приказы», могут быть применены такие санкции, как предупреждение, предписание о корректировке поведения в течение определенного срока и штраф. При этом в ст. 8 предусмотрена возможность для китайских физических и юридических лиц получить освобождение от соблюдения «запретительного приказа».

Правила также создали механизм правовой защиты: физические и юридические лица, пострадавшие от экстерриториального применения иностранного законодательства, на которое наложен «запретительный приказ», в том числе в случае соблюдения данных мер их контрагентами или принятия на их основе судебных и иных решений, могут обратиться в народные суды Китая для получения компенсации. Таким образом, если в производстве совместного продукта задействованы две компании, одна из которых соблюдает наложенные иностранным государством санкции, тем самым нанося ущерб китайской компании, эта компания вправе подать иск в суд с требованием возместить убытки. Кроме того, согласно ст. 11 акта в случае, если китайское юридическое или физическое лицо не соблюдает меры иностранного государства в соответствии с «запретитель-

ным приказом» и несет вследствие этого существенные убытки, государственные органы могут оказать данному субъекту таргетированную поддержку [2].

Подводя итог, Правила применяются к иностранным законам и мерам, которые прямо и неправомерно ограничивают или запрещают экономическую и торговую деятельность между китайскими организациями и третьими странами. Конкретным китайским организациям и неправомерно запрещать или ограничивать экономическую и торговую деятельность. Основной целью Правил является минимизация негативных эффектов от соблюдения иностранными и даже китайскими гражданами и организациями санкций США под угрозой вторичных санкций. Правовой механизм, посредством которого Пекин надеется защитить интересы физических и юридических лиц в китайской юрисдикции, носит достаточно гибкий характер.

Правила и «Положения о списке неблагонадежных организаций», вместе направлены на защиту интересов китайских граждан, юридических лиц и других организаций от неправомерных ограничений, защищают национальные интересы Китая. Обнародование Правил демонстрирует твердую позицию китайского правительства против ненадлежащего и экстерриториального применения иностранных законов и мер, предоставляет возможность защитить законные права и интересы предприятий, а также отражает ответственность Китая за поддержание международного экономического и торгового режимов [10].

Однако конкретная реализация Правил вызывает ряд затруднения.

Во-первых, с точки зрения юридической силы Правила являются лишь ведомственными нормативными актами с низким уровнем эффективности;

Во-вторых, хотя Правила наделяют стороны правом требовать возмещения ущерба, не отмечено, могут ли внутренние судебные решения быть исполнены за пределами территории. С этой целью Правила необходимо совершенствовать, чтобы предотвратить ненадлежащее применение иностранных законов и мер. С другой стороны, необходимо создать благоприятную деловую среду, энергично развивать экономику страны и укреплять рыночную привлекательность.

10 июня 2021 года 29-е заседание Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва проголосовало за принятие Закона КНР «О противодействии иностранным санкциям» [14]. Чжан Есуй, официальный представитель пятой сессии ВСНП 13-го созыва, обратил внимание на то, что китайский закон о санкциях против иностранных государств является специализированным законом, который является узконаправленным и целенаправленным, а слово «анти» [23] выделяется. Китайский закон о санкциях против иностранных государств представляет собой защитную меру по сдерживанию и подавлению и существенно отличается от «односторонних санкций» некоторых стран [19].

17 октября 2020 года 22-е заседание ПК ВСНП 13-го созыва официально проголосовало за принятие первого специального закона в области экспортного контроля [15], Закона об экспортном контроле Китайской Народной Республики. Статья 48 данного закона предусматривает, что, если какая-либо страна или регион злоупотребляет мерами экспортного контроля, чтобы поставить под угрозу национальную безопасность и интересы КНР, в этом случае КНР может принять

ответные меры против этой страны или региона в зависимости от фактической ситуации.

Таким образом, Закон об экспортном контроле, Закон о противодействии иностранным санкциям, Правила и Положение о списке неблагонадежных лиц предоставляют КНР правовую гарантию борьбы с необоснованными санкциями со стороны иностранных государств.

Закон о противодействии иностранным санкциям направлен на два аспекта: первый — своевременное блокирование возможного ущерба, причиненного иностранными незаконными санкциями, с тем, чтобы эти санкции не были эффективными; второй — страны и регионы вводят равнозначные (зеркальные) санкции.

Закон о противодействии санкций состоит из 16 статей, столь небольшой по объему закон, вполне допустим и обоснован для китайской правовой системы. Рассмотрим подробнее содержание данного нормативного акта. Статья 2 указывает, что Китай твердо придерживается независимой и самостоятельной внешней политики, принципа невмешательства во внутренние дела друг друга, мирного сосуществования и дружественного сотрудничества. В ст. 3 говорится о том, что Китай выступает против гегемонизма и политики силы и вмешательства в свои внутренние дела в различной форме под различным предлогом. Более подробно раскрывается содержание закона в ч. 2 ст. 3: «Если иностранное государство в нарушение международного права и основных принципов международных отношений под различного рода предложениями или на основании собственного законодательства в целях ограничения или давления на Китай вводит ограничительные меры дискриминационного характера в отношении китайских граждан или организаций и вмешивается во внутренние дела Китая, то Китай вправе ввести соответствующие контрмеры (контрсанкции)».

В ст. 6 указаны государственные органы, в чьем ведении находится вопрос наложения ответных мер. Так, соответствующие отделы Государственного совета КНР могут, в соответствии со своими обязанностями и задачами, принять решение о принятии одной или нескольких из следующих мер в отношении лиц и организаций, указанных в ст. 4 и 5 Закона, в зависимости от фактической ситуации:

- (1) Отказ в выдаче визы, отказ во въезде, аннулирование визы или депортация;
- (2) Опечатывание, арест и замораживание движимого, недвижимого и иного имущества на территории Китая;
- (3) Запрещение или ограничение организаций и физических лиц на территории Китая в проведении с ними соответствующих сделок, сотрудничестве и другой деятельности;
- (4) Другие необходимые меры.

Согласно ст. 5 Закона, в дополнение к лицам и организациям, включенным в список контрмер в соответствии с положениями ст. 4 Закона, соответствующие ведомства Государственного совета КНР теперь могут принимать решения о наложении мер на следующие категории лиц:

- 1) супруги и ближайшие родственники лиц, включенных в список контрмер;

- 2) высшие должностные лица организаций, включенных в список контрмер, либо фактически контролирующие их лица;
- 3) организации, чьи высшие должностные лица попали в список контрмер;
- 4) лица, участвовавшие в создании или непосредственной деятельности организаций, включенных в список контрмер, а также контролирующие их.

В ст. 7 Закона, принятые соответствующими отделами Госсовета КНР в соответствии с положениями статей 4–6 Закона, являются окончательными. Далее в тексте Закона отмечается, что если обстоятельства, при которых принимаются контрмеры, изменяются, соответствующие департаменты Государственного совета КНР могут приостановить, изменить или отменить контрмеры (ст. 8).

Статья 10 Закона закрепляет, что государство должно создать координационный механизм для антииностранный санкционной работы, который будет нести ответственность за координацию и координацию соответствующей работы. Как только страна введет контрмеры, она сразу создаст координационный механизм санкционной работы, например, создаст соответствующие рабочие группы для координации различных министерств и комиссий на уровне Госсовета, в том числе таможи, например: Комиссия по регулированию банковской и страховой деятельности, земли, налогообложения и т.д. для реализации санкций.

Никакая организация или физическое лицо не может осуществлять или содействовать осуществлению дискриминационных ограничительных мер, принятых иностранными государствами против китайских граждан и организаций (ст. 12). Если организации или отдельные лица нарушают положения предыдущего параграфа и ущемляют законные права и интересы китайских граждан и организаций, китайские граждане и организации могут подать иск в народный суд в соответствии с законом, требуя от них прекращения нарушения и компенсировать убытки.

Любая организация или физическое лицо, которые не осуществляют контрмеры или не сотрудничают с ними, подлежат расследованию для привлечения к юридической ответственности в соответствии с законом (ст. 14).

Как упоминалось выше, в действующем законодательстве Китая уже есть некоторые юридические документы, которые предусматривают контрмеры, в том числе Закон об экспортном контроле и Положения о списке неблагонадежных организаций и неправомерном блокировании иностранных законов и мер, последовательно издаваемые Министерством коммерции для экстерриториального применения. В настоящее время нет четкого положения о том, что «Закон о противодействии иностранным санкциям» и блокирующие меры образуют строгую взаимосвязь между высшим законом и нижестоящими положениями. В связи с этим в статье 13 «Закон о противодействии иностранным санкциям» конкретно оговаривается согласованность и совместимость, что еще более совершенствует правовую систему санкций. для других необходимых контрмер». Это также дает разрешение и больше пространства для последующей законодательной практики.

23 июля 2021 г. в ответ на так называемое «Предупреждение о бизнесе в Гонконге» [20], выпущенное соответствующими властями США, и включение семи заместителей директора Гонконгского офиса связи в Список граждан особых категорий, Министерство иностранных дел Китая объявило, что Китай при-

мет ответные контрмеры. В соответствии с Законом о противодействии иностранным санкциям были введены санкции против бывшего министра торговли США Росса и еще семи сотрудников США; Министерство иностранных дел КНР объявило о введении санкций. 21 февраля 2022 года пресс-секретарь Министерства иностранных дел объявил, что правительство Китая решило принять контрмеры против действий компаний Raytheon Technologies и Lockheed Martin, которые уже давно причастны к поставкам оружия Тайваню из США. Это первый случай, когда Китай выступил с инициативой принять контрмеры в соответствии с правовыми рамками Всекитайского собрания народных представителей на основании статьи 15 «Закон о противодействии иностранным санкциям»: «Для иностранных государств, организаций или отдельных лиц, помогать и поддерживать суверенитет, безопасность и развитие моей страны. Если необходимо принять необходимые контрмеры против действий интересов, следует сослаться на соответствующие положения настоящего Закона».

Исходя из выше указанного, «Блокирующие меры» в основном нацелены на вторичные иностранные санкции, а Закон КНР «о противодействии иностранным санкциям» в основном направлен на иностранные односторонние санкции против китайских граждан и юридических лиц, которые вмешиваются во внутренние дела Китая: сокращение поставок или дискриминационное поведение иностранных компаний. Все три документа дополняют друг друга и совместно достигают цели защиты суверенитета, безопасности и интересов Китая на разных уровнях.

Таким образом, вплоть до 2020 г. среди инструментов давления были лишь ограничительные меры, которые вводились точно без использования специфических юридических процедур и официальной огласки. На данный момент были изданы несколько нормативно-правовых актов разной юридической силы, с целью совершенствования механизмов применения ответных санкций против государств. Вероятность дальнейшего развития правового инструментария является более правдоподобной в связи с развитием и все большей автономности Китая в своем регионе.

Органы власти, принимающие участие в санкционной деятельности

Исходя из анализа текста рассмотренных выше документов, выделим органы государственной власти в ведении которых находятся вопросы санкционной политики: Министерство иностранных дел КНР, Министерство коммерции КНР, Главное таможенное управление КНР. Кроме того, Министерство общественной безопасности, Министерство промышленности и информационных технологий, а также правоохранительные органы; соответствующие департаменты провинциальных народных правительств. Кроме того, стоит отметить специфику взаимодействия Государственного совета КНР и Центрального комитета КПК, основные решения относительно санкционной политики принимаются ЦК КПК, а далее запускается механизм государственных органов, перечисленных выше.

Контрмеры, применяемые Министерством иностранных дел КНР

В 2021 году в ответ на введение США, Великобританией, Канадой, Исландией и Европейским союзом односторонних санкций против Китая под предлогом так называемых проблем с правами человека в Гонконге и Синьцзяне Министерство иностранных дел Китая объявил в общей сложности 9 раундов

контрмер [24] санкций против физических и юридических лиц. Среди них в США наибольшее количество субъектов, в отношении которых применяются контрмеры, в том числе 45 физических лиц (субъекты, в отношении которых применяются две и более контрмеры, учитываются дважды) и 1 юридическое лицо. В ответ на действия различных субъектов, подпадающих под санкции Китая (МИД КНР) принял одну или несколько из следующих контрмер: запрет на въезд в Китай соответствующим лицам и их семьям (включая специальные административные районы Гонконг и Макао), замораживание их имущества в Китае, запрет на въезд граждан Китая и операции учреждений с ним и т. д. После обнародования Закона о противодействии иностранным санкциям МИД КНР объявило о трех раундах контрмер, основанных на Законе.

Стоит отметить, что МИД дважды объявлял санкции против одних и тех же пяти лиц США. При первом объявлении санкций 23.07.2021 г. упоминались «принятие ответных контрмер» и «внедрение санкций», но не уточнялись конкретные санкции; при повторном объявлении санкций 30.12.2021 г. четко объявлялись «санкции, в том числе запрет на въезд вышеупомянутых лиц (включая Гонконг и Макао), замораживание их имущества в Китае и запрещение иметь с ними дело гражданам и учреждениям Китая».

Судебная практика применения Закона КНР о противодействии иностранным санкциям и Правил

После обнародования и введения в действие Закона КНР «о противодействии иностранным санкциям» широкое внимание стало уделяться тому, как народные суды будут толковать и применять соответствующие положения. Решение Шанхайского финансового суда от ноября 2021 года в некоторой степени затрагивает эти вопросы [18]. В данном случае Компания М обратилась в Шанхайский финансовый суд с заявлением о признании и приведении в исполнение Арбитражного решения № 135 от 2020 года, вынесенного Арбитражным судом SIAC. Компания-ответчик W просила суд не признавать и не приводить его в исполнение по семи причинам, двумя из которых были: (1) Крупная юридическая фирма, к которой принадлежал главный арбитр по этому делу, была санкционирована правительством Китая, поэтому само арбитражное решение было несправедливо; (2) В соответствии с положениями Правил компания W является китайским предприятием, занимающимся проектом по производству сжиженного газа, который влияет на общество и жизнь людей. Суд ориентировался на политику и защиту «шести стабильности и шести гарантий» центрального. Суд отклонил оба основания. По первой причине суд постановил, что: во-первых, китайское правительство наложило санкции на крупную юридическую фирму, а не на арбитра и его личность; во-вторых, когда решение о санкциях было принято, арбитражное решение по делу уже было вынесено; в-третьих, Санкции не подпадают под непризнание и приведение в исполнение, предусмотренные статьей 5 Нью-Йоркской конвенции; в-четвертых, в процессе выбора арбитра как арбитражное учреждение, так и Компания М выполнили свои обязательства по информированию Компании W, а арбитражная процедура не была ненадлежащей. По последней причине суд постановил, что неправомерное экстерриториальное применение иностранных законов, предусмотренное «Блокирующими мерами», к данному делу отношения не имеет. Автор считает, что компании W

действительно не удалось доказать, что данное дело связано с ситуацией, охватываемой Правилами, а что касается вопроса о санкциях, то данное постановление является первым случаем применения Народным судом «антисанкционных мер». Следует отметить, что данное Постановление выносится с учетом конкретных обстоятельств данного дела, и переоценивать отсылочное значение данного постановления представляется нецелесообразным.

**Примеры применения санкции в отношении конкретных государств
Монголия. 2002 г.**

Против Монголии неформальные санкции вводились дважды в ответ на визиты в эту страну Далай-ламы, воспринимавшихся Пекином как вмешательство в китайские внутренние дела и косвенная поддержка тибетского сепаратизма. Ответом на визиты 2002 и 2016 года становилось резкое ужесточение пограничных процедур для автомобильного и железнодорожного транспорта, что приводило к нарушениям торговли Монголии с внешним миром [4].

Норвегия. 2010 г.

По факту вручения Нобелевской премии мира китайскому правозащитнику и литератору Лю Сяобо в 2010 году, КНР ввела неформальные ограничения на импорт норвежского лосося.

Ограничения выражались в усложнении и затягивании таможенного оформления норвежского лосося, требовании дополнительных санитарных документов, усложнении процедур получения необходимых разрешений и т. п. [7].

США.

КНР дважды прибегала к открытым угрозам введения антиамериканских санкций за поставки американского оружия на Тайвань. Впервые заявление о возможном введении ограничений против американских компаний, вовлеченных в поставки оружия на остров, были сделаны в 2010 году. Угрозы были повторены при одобрении Государственным департаментом США очередной партии вооружений для острова в 2019 году [3].

Заключение.

Ожидается, что Китай продолжит принимать контрмеры на фоне продолжающихся санкций против Китая со стороны США и других стран. Механизм реализации контрмер, такой как способ публикации списка, применение санкций замораживания, отчетность о замороженных активах и т. д., может быть дополнителен и усовершенствован с правовой точки зрения, опыт копится.

Что касается Правил, стоит обратить внимание на то, будет ли Министерство торговли КНР издавать инструкции о том, как стороны выполняют свои обязательства по отчетности, и будут ли они издавать судебный запрет. В ответ на развитие ситуации не исключено, что Министерство торговли КНР официально обнародует список неблагонадежных субъектов, а также добавит в него иностранные компании, которые «перекрывают поставки» или принимают иные дискриминационные меры в отношении китайских компаний.

Что касается применения Закона о противодействии иностранным санкциям и Правил, то не исключена возможность формулирования Верховным народным судом КНР судебных толкований или руководящих документов. В 2022 году, будет принято больше судебных решений, обусловленных коммерческими потребностями, а также существующими внутренними и зарубежными делами, та-

кими как вышеупомянутое решение Шанхайского финансового суда и предварительное решение Суда ЕС по делу о блокировке ЕС в декабре 2021 года.

Исходя из вышеизложенного, большинство китайских предприятий, предприятий с иностранными инвестициями и иностранных предприятий крайне обеспокоены динамикой экспортного контроля и санкций Китая и приняли меры для усиления экспортного контроля и соблюдения санкций в той или иной степени. Компаниям следует поступать следующим образом:

- установить или улучшить систему соблюдения экспортного контроля. На основе комплексной оценки рисков сформулировать или обновить политику экспортного контроля, создать и постоянно поддерживать базу данных контролируемых товаров и запрещенных экспортных технологий предприятия, а также создать и внедрить соответствующие отделы, такие как исследования и разработки, закупки, продажи, логистика, персонал, и т. д.

- усовершенствовать процесс внутреннего контроля, обновление шаблона положений о соответствии, проведение обучения различной глубины для всех сотрудников и ключевых должностей, а также проведение регулярных проверок для выявления пробелов в законодательстве и их своевременного устранения.

Предприятия с иностранными инвестициями должны проводить адаптивную трансформацию в соответствии с требованиями законодательства Китая на основе системы соблюдения экспортного контроля, внедренной их зарубежными головными офисами.

Активно выполнять обязательства по отчетности в соответствии с Правилами, соблюдать контрмеры, объявленные Министерством иностранных дел, и «запрет» (если таковой имеется), выпущенный Министерством торговли. Добавить содержание соблюдения Китаем санкций в существующую систему соблюдения санкций, которая в основном адаптируется к требованиям иностранных санкций, например, приняв «трехэтапный метод оценки» «первичные санкции - вторичные санкции - контрмеры Китая».

Важным представляется этап изучения судебных дел, связанных с санкциями и ответными мерами, в народных судах и иностранных судах, в качестве справочной информации для составления или пересмотра документов по сделке (например, оговорки о представительстве и гарантии, оговорки о форс-мажоре, оговорки об ответственности за нарушение договора, оговорки о разрешении споров).

Судебные и арбитражные дела, возникающие в связи с контрмерами Китая, или использовать законодательство Китая о контрмерах для защиты законных прав и интересов. В этом процессе необходимо точно понимать требования китайского и иностранного законодательства, выявлять, существует ли реальное противоречие между китайским и иностранным законодательством, и на этой основе разумно управлять и контролировать риски. В настоящее время в центре внимания должны находиться санкции и контрмеры, связанные с Синьцзяном и Гонконгом.

Внимательно следить за процессом «реформирования, редактирования и отмены» соответствующих правил (включая, помимо прочего, формулировку вспомогательных административных положений Закона об экспортном контроле, например).

Литература

1. Бажанов П. Китайские санкции: как будет работать механизм ограничений для ненадежных иностранных компаний. https://cnlegal.ru/uncategorized/china_unreliable_entity_list_2020 (дата обращения: 11.05.2022).
2. Бакулина П. В., Кузьмина К. А. Политика экономических санкций КНР: правовое регулирование и правоприменительная практика // Финансовый журнал. 2021. Т. 13, № 4. С. 24–38. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-24-38> (дата обращения: 11.05.2022).
3. Кашин В., Пятачкова А., Крашенинникова Л. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 2. С. 123–138.
4. Родионов В. А. Фактор Далай-Ламы XIV в современных монголо-китайских отношениях // Власть. 2017. № 9. С. 153–157.
5. Тимофеев И. Азия под огнем санкций США / Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/30669> (дата обращения: 11.05.2022).
6. Bush N., Xu R. China's Expanding Economic Sanctions Regime / DLA Piper. March 31, 2021. URL: <https://www.dlapiper.com/en/global/insights/publications/2021/03/chinas-expanding-economic-sanctions-regime> (дата обращения: 11.05.2022).
7. Chen, X.; Garcia, R. J. Economic Sanctions and Trade Diplomacy: Sanction-busting Strategies, Market Distortion and Efficiency of China's Restrictions on Norwegian Salmon Imports // China Information. 2016. Vol. 30, No. 1. P. 29–57.
8. Clay Jian. Is China an Emerging Sanctioning State? / https://www.researchgate.net/publication/282298631_Is_China_an_Emerging_Sanctioning_State (дата обращения: 11.05.2022).
9. Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31996R2271> (дата обращения: 11.05.2022).
10. 《阻断外国法律与措施不当域外适用办法》发布 [Правила противодействия необоснованному экстерриториальному применению иностранного законодательства и иных мер] // http://www.puershi.gov.cn/info/egovinfo/1001/xxgk_content/1031-/2021-0611002.htm (дата обращения: 11.05.2022).
11. 浅析《阻断外国法律与措施不当域外适用办法》的出台背景及适用 [Краткий анализ предыстории и применения "Мер по блокированию ненадлежащего экстерриториального применения иностранных законов и мер"] // <https://www.163.com/dy/article/GROPPMFU0514CNF0.html> (дата обращения: 11.05.2022).
12. 《中华人民共和国国家安全法》2021.04.13 [Законе КНР «О государственной безопасности»] // http://www.qzsjw.gov.cn/flfg/202104/t20210413_67778986.html (дата обращения: 11.05.2022).
13. 中华人民共和国对外贸易法 [Законе КНР «О внешней торговле»] // URL: http://www.gov.cn/flfg/2005-06/27/content_9851.htm (дата обращения: 11.05.2022).
14. 中华人民共和国反外国制裁法 [Закон Китайской Народной Республики о борьбе с иностранными санкциями] 2021.06.10 http://www.gov.cn/xinwen/2021-06/11/content_5616935.htm (дата обращения: 11.05.2022).
15. 中华人民共和国出口管制法 [Закон Китайской Народной Республики об экспортном контроле] <http://www.customs.gov.cn/jsj/flgf65/4061748/index.html> (дата обращения: 11.05.2022).

16. 中华人民共和国商务部令 2020 年第 4 号 [Приказ Министерства коммерции КНР о Положении «О перечне ненадежных лиц» № 4] / URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2020/content_5565829.htm (дата обращения: 11.05.2022).

17. 颜良。中国堆外经济志才：穆标于正策一义 [Внешнеэкономические санкции Китая: дискуссии о целях и политическом курсе] // 外角平论：外角大雪宝. 2012. Vol. 29, No 6. P. 16–29.

18. 30 декабря 2021 года официальный представитель МИД Чжао Лицзянь провел очередную пресс-конференцию: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202112/t20211230_10477521.shtml (дата обращения: 11.05.2022).

19. http://www.china.com.cn/lianghui/news/2022-03/04/content_78085989.shtml (дата обращения: 11.05.2022).

20. <https://chinastocks.net/china-2/usa-o-riskah-v-gonkong/?lang=ru> (дата обращения: 11.05.2022).

21. В 2021 году МИД КНР выпустит в общей сложности 6 уведомлений о выполнении резолюций Совета Безопасности, касающихся 7 санкционных проектов, включая Судан, Йемен, Мали, Ливию, «Исламское государство» и «Аль-Каиду», Центральную Африку и Талибан. Обновление санкционного списка, продление действия отмены санкций и т. д. В вышеупомянутом уведомлении говорилось, что для выполнения международных обязательств в Китае все соответствующие органы власти должны принять соответствующие меры для их выполнения, в случае возникновения вопросов и уточнения положений уведомлений, должны своевременно консультироваться с Министерством иностранных дел.

22. Выдвинутые в середине 1950-х годов служат блестящей частью внешней политики Китая и надежной опорой для имиджа страны в качестве державы. «Пять принципов мирного сосуществования», включают уважение национального суверенитета и территориальной целостности, взаимное невмешательство и невмешательство во внутренние дела других стран. на характеризуется акцентом на приверженность нормам международного права/

23. Иероглиф «反» fan переводится как анти «外国» иностранное государства «制裁» санкции.

24. Пресс-секретарь МИД заявил, что Китай ввел санкции против Помпео и других: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202101/t20210121_7817107.shtml;

Пресс-секретарь Министерства иностранных дел объявил, что Китай ввел санкции в отношении соответствующих учреждений и персонала ЕС: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202103/t20210322_9177306.shtml; 26 марта 2021 года официальный представитель МИД Хуа Чуньин провела очередную пресс-конференцию: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202103/t20210326_9177311.shtml; Представитель министерства иностранных дел объявил о санкциях против физических и юридических лиц в США и Канаде: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202103/t20210327_9177312.shtml; Заявление пресс-секретаря посольства в Исландии о введении Китаем санкций в отношении соответствующих исландцев: <http://is.china-embassy.org/chn/zbqx/t1869511.htm>; 26 мая 2021 года официальный представитель МИД Чжао Лицзянь провел очередную пресс-конференцию: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202105/t20210526_9177359.shtml; Замечания официального представителя МИД по поводу решения Китая о санкциях в отношении персонала и организаций США: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202107/t20210723_9177406.shtml; 21 декабря 2021 года официальный представитель МИД Чжао Лицзянь провел очередную пресс-конференцию: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/202112/t20211221_10473728.shtml.

Научная статья
УДК 327 (510)
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-113-120

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ¹

© **Колпакова Татьяна Владимировна**
кандидат философских наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
Россия, г. Чита
tataktv@mail.ru

© **Тимошенко Алина Валерьевна**
студентка,
Забайкальский государственный университет
Россия, г. Чита
kuchmina2001@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ процесса экологизации высшего образования в КНР. Выделяется четыре этапа становления китайской модели экологического образования, которая прошла путь от осознания значимости экологического фактора до включения принципов устойчивого развития во все образовательные программы. Обозначены проблемы, снижающие эффективность экологического образования: реализация по принципу сверху вниз, слабая мотивация преподавателей и студентов, акцент на теорию, а не на практику и др.

Ключевые слова: экологизация высшего образования, образование для устойчивого развития, экологическое образование.

THE GREENING OF HIGHER EDUCATION IN CHINA

© **Tatyana V. Kolpakova**
PhD (Philosophy Sciences), Associate Professor,
Transbaikal State University
Russia, Chita
tataktv@mail.ru

© **Alina V. Timoshenko**
Student,
Transbaikal State University
Russia, Chita
kuchmina2001@gmail.com

Abstract. The paper presents an analysis of the process of greening higher education in China. There are four stages in the formation of the Chinese model of environmental education, which has gone from realizing the importance of the environmental factor to including the principles of sustainable development into all educational programs. The problems that reduce the effectiveness of environmental education are: top-down

¹ Статья подготовлена в рамках реализации научно-исследовательского проекта СНО РИ «Синолог» «Теория и практика реализации стратегии «зеленого вуза» в ЗабГУ».

implementation, weak motivation of teachers and students, emphasis on theory rather than practice, etc.

Keywords: greening of higher education, education for sustainable development, environmental education.

Современный мир стоит перед лицом постоянно усиливающегося глобального экологического кризиса. В данной связи особую значимость приобретает вопрос о формировании новой модели экологичного мышления, воспитании молодых поколений в соответствии с принципами устойчивого развития, что в свою очередь обуславливает необходимость адаптации традиционной системы образования к новым условиям.

Экологизация системы образования – это характеристика тенденции проникновения экологических идей, понятий, принципов, переходов в другие дисциплины, а также подготовка экологически грамотных специалистов самого различного профиля. Именно в наши дни требуется экологизация вообще всей системы образования и воспитания. Финальная цель данной трансформации – проникновение современных экологических идей и ценностей во все сферы общества, его экологизация. Ибо только так, через экологизацию всей общественной жизни, можно спасти человечество от экологической катастрофы [5].

Поэтому экологизация образования должна включать в свое содержание не только достижения наук, но и экологическую культуру с критерием нравственности и духовности; не только систему знаний, адаптивных к сложившимся экологическим, социально-экономическим и производственным ценностям, но и ценностные ориентации (здоровый образ жизни, устойчивое развитие, мир на планете Земля, здоровье, человеческая жизнь и т.д.); не только идею позитивных преобразований, но и конкретные способы их реализации в повседневной жизни человека.

Экологизация образования позволит рассматривать действительность как интегрированное целое, а не как собрание разрозненных элементов и фрагментов. Специалисты разного профиля, получившие основы экологических знаний, смогут интегрировать действительность в понятиях единства, взаимосвязанности и решать грамотно экологические проблемы на производстве и в обществе [4, с. 230–231].

Особый интерес представляет опыт экологизации высшего образования в КНР – стране, где экологический кризис приобрел особенно угрожающие масштабы. Политика реформ и открытости, реализуемая в Китае с конца 1970-х гг., не только принесла беспрецедентный экономический рост, но и огромные масштабы разрушения и деградации окружающей среды. Под влиянием девиза «Развитие – это суровая правда» противоречие между экономическим ростом и экологической устойчивостью становится серьезной проблемой для Китая.

В 1970-х годах Соединенные Штаты считались мировым лидером в плане разработки внутренней и внешней экологической политики, но они занимали эту позицию в течение очень короткого времени, утратив этот статус уже к началу 2000-х гг. Решение администрации Трампа о выходе из Парижского соглашения в 2017 г. подтверждает эту общую тенденцию. Некоторые ученые предполагают, что у Китая, «ближайшего конкурента» США в современном мире, есть шанс стать следующим зеленым лидером [7]. Экологическая политика Китая под ру-

ководством Ху Цзиньтао (2002–2012 гг.) и Си Цзиньпина (2013 г.– настоящее время), похоже, подтверждает эту оценку. «Понятие научного развития» администрации Ху уделяло большое внимание скоординированному и устойчивому развитию, а также поддержанию гармонии между человечеством и природой. Коммунистическая партия Китая разработала концепцию «экологической цивилизации» и официально объявила ее реализацию национальной целью на своем 17-м съезде партии в октябре 2007 г. Затем КПК закрепила это в Уставе партии на 18-м съезде партии в ноябре 2012 г. Администрация Си продвигала задачу построения «экологической цивилизации», добавив эту дальновидную цель в конституцию во время 3-го пленарного заседания 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва в марте 2018 г.

Предпринимаемые китайским руководством меры по решению экологической проблемы уже позволяют говорить о положительных сдвигах в сфере охраны окружающей среды, что подтверждается заявлением исполнительного секретаря Конвенции ООН о биологическом разнообразии Элизабет Марума Мрема во время мероприятия, посвященного Всемирному дню окружающей среды 5 июня 2022 г.: «Китай добился вдохновляющих и замечательных результатов в борьбе с изменением климата, утратой биоразнообразия и загрязнением окружающей среды» [1]. Тем не менее Китай не сможет реализовать свой потенциал зеленого лидера, если стремление к инновациям в области экологически устойчивого развития останется не чем иным, как инициативой правительства. Широкая общественность также должна научиться приспосабливать свое поведение к более экологичному образу жизни. Восприятие молодым поколением экологических проблем, стоящих перед Китаем, особенно важно. Их участие в процессе превращения Китая в действительно «зеленую» цивилизацию, безусловно, является одним из ключевых факторов, необходимых для гармонизации отношений между обществом и природой в Китае в ближайшие десятилетия [8]. Как гласит одно из изречений древнекитайского философского трактата Гуань-цзы: «Если вы думаете на год вперед, то нет ничего лучше, чем выращивать зерно; если вы думаете на десять лет вперед, то нет ничего лучше, чем посадить плодовые деревья; если вы думаете на сто лет вперед, то нет ничего лучше, чем просвещать людей» [2].

Процесс экологизации образования в Китае берет начало в конце 1970-х гг., параллельно с началом периода реформ и открытости. Следует отметить, что до этого времени при реализации политического курса в стране экологический фактор практически не брался в расчет. Поднятие же железного занавеса и «возвращение» КНР на международную арену обозначило ряд факторов, заставивших руководство страны включиться в работу по охране окружающей среды. Во-первых, именно в это время в западных странах разворачивается движение «зеленых» и экологическая повестка становится неотъемлемой частью политики большинства развитых стран. Во-вторых, вследствие недоучета экологического фактора в ходе интенсивной индустриализации в Китае стремительно ухудшается состояние окружающей среды, при этом руководство страны всеми силами стремилось избежать экологических «разоблачений» со стороны мирового сообщества. Таким образом, в конце 1970-х гг. в КНР разворачивается работа по разработке своей экологической политики и ее законодательному оформлению,

не остается без внимания и вопрос об экологизации образования. В целом, в развитии экологического образования в Китае выделяют следующие четыре этапа:

1. Предварительный этап экологизации образования (1973–1983 гг.)

На тот момент включение вопросов об охране окружающей среды в образовательные программы было новой для страны тенденцией, упор делался на изучении технологий защиты окружающей среды. С этой целью в высших учебных заведениях Китая разрабатывались академические программы по экологическому образованию, также формировалась институциональная база. Состоявшееся в 1973 г. первое Национальное совещание по охране окружающей среды впервые призвало к усилиям по проведению исследований, обменов и обучения в сфере охраны окружающей среды. По итогам конференции был принят документ «Положения об охране и улучшении окружающей среды», согласно которому китайские колледжи и университеты должны были подготовить учебные дисциплины и учебные планы по экологическому направлению.

Национальное совещание по охране окружающей среды знаменует собой становление экологического образования в Китае. С того времени в высшие учебные заведения Китая начали предлагать курсы и специальности в сфере экологии. Например, в 1977 г. в Университете Цинхуа была открыта специальность «Инженерия окружающей среды». С 1978 г. Пекинский педагогический университет также начал предлагать программы по охране окружающей среды на факультете географии. В 1979 г. состоялось первое заседание Рабочего комитета по образованию Китайского общества Науки об окружающей среде (CSES), по результатам которого было принято решение о проведении экспериментальных программ экологического образования в отдельных начальных и средних школах. В 1981 г. Второе совещание Рабочего комитета по образованию CSES рекомендовало создание комплексной системы экологического образования на всех ступенях обучения – от базового до высшего.

Знаковым событием в деле развития экологического образования в Китае стало его закрепление в принятом в 1979 г. опытным варианте Закона Китайской Народной Республики об охране окружающей среды. Важная роль была отведена средствам массовой информации, был создан ряд экологических журналов («Охрана окружающей среды» (1973 г.), «Окружающая среда» (1978 г.), «Всемирная окружающая среда» (1983 г.)), а в 1980 году была основана China Environmental Science Press, послужившие платформой для экологического просвещения.

2. Этап становления и развития экологического образования (1983–1992 гг.)

На этом этапе экологическое образование получает институциональную основу, в практическом плане акцент был сделан на повышении экологической осведомленности государственных служащих и общественности. Во время Второго национального совещания по охране окружающей среды, состоявшегося в 1983 г., охрана окружающей среды была признана неотъемлемой частью национальной политики, после чего экологическое просвещение вступило в стадию становления и развития. В 1985 г. состоялась Национальная конференция по обмену опытом и академический семинар по экологическому образованию. С тех пор ЭО необходимо было интегрировать в учебные программы базового образования в официальных документах. К ним относятся программа обучения в обычной начальной школе с полным рабочим днем и неполной средней школе для

9-летнего обязательного образования (в тестовом режиме) (1987 г.), Предложение по корректировке действующей учебной программы в средней школе (1990 г.), План учебной программы в дневной общеобразовательной начальной школе и неполной средней школе для обязательного 9-летнего обучения.

Что касается высшего образования, на данном этапе благодаря постоянному акценту на экологическое просвещение в высших учебных заведениях, к концу 1995 года в 241 университете были созданы специальности в области защиты окружающей среды на разных уровнях – от двухгодичных колледжей до пост-докторских институтов [8], кроме того, китайские вузы также начали предлагать курсы по охране окружающей среды для неспециалистов.

Дальнейшее распространение получило экологическое просвещение и через различные средства массовой информации. В 1984 г. была основана первая в Китае ежедневная экологическая газета China Environment; было создано Национальное агентство по охране окружающей среды (NEPA), которое затем в 1988 г. было переименовано в Бюро по охране окружающей среды при Министерстве городского и сельского строительства (ныне Министерство строительства Китая), все эти меры способствовали для продвижения экологического образования, в том числе и на макроуровне. А принятый в декабре 1989 г. а Закон КНР об охране окружающей среды закрепил правовой статус экологического образования и определил его роль в деле охраны окружающей среды.

3. Этап перехода от экологического образования к образованию для устойчивого развития (1992–2002 гг.)

В августе 1992 г. вскоре после Конференции ООН по окружающей среде и развитию китайское правительство разработало 10 политических установок, касающихся окружающей среды и развития в Китае, в число которых вошли реализация концепции устойчивого развития и продвижение экологического просвещения во всех регионах страны. В политическом дискурсе впервые были связаны понятия «окружающая среда» и «развитие», именно с этого времени в Китае происходит переориентация от экологического образования к образованию для устойчивого развития. В том же году было проведено Первое национальное совещание по экологическому образованию, где экологическое просвещение было признано одной из основных задач в деле реализации концепции устойчивого развития. В 1994 г. была издана «Повестка дня Китая на XXI век» – «Белая книга о народонаселении, окружающей среде и развитии Китая в XXI веке», позже, в 1996 г. были обнародованы Национальные руководящие принципы действий по информированию и просвещению в области охраны окружающей среды (1996–2010 гг.), положившие начало реализации в Китае проекта по созданию зеленых вузов, представляющего собой идею функционирования высших учебных заведений на принципах устойчивого развития. На этом этапе происходит теоретическое осмысление данной концепции, однако в силу ее масштабности и амбициозности поставленных задач, программа практической реализации еще не была подготовлена, а сама концепция «зеленого университета» носила декларативный и пропагандистский характер.

С середины 1990-х гг. в Китае был создан ряд природоохранных неправительственных организаций (НПО), таких как, например, Китайская первая экологическая неправительственная организация «Друзья природы» (FON). Основной задачей НПО стало распространение информации о важности охраны окружаю-

щей среды и устойчивого развития [9]. Для продвижения академических исследований в сфере экологии, в 1995 г. был основан научный журнал «Экологическое образование», в котором публикуются статьи по экологическому образованию, экологической политике, обнародуются результаты реализации образовательных программ, мероприятий и опытов и т. д.

4. Этап образования для устойчивого развития (2002 г. по н. в.)

С начала 2000-х гг. экологическая политика КНР реализуется в контексте идеи устойчивого развития, распространяясь на все сферы жизнедеятельности китайского общества. В 2003 г. китайское правительство выдвинуло идею научного развития, представляющую собой китайское понимание устойчивого развития. Согласно данной концепции в центр внимания ставится человек, развитие же при этом должно быть всесторонним, согласованным и устойчивым. Первичной задачей является развитие, суть концепции заключается в отношении к человеку, всесторонность, согласованность и устойчивость представляют базовые требования к развитию, а основной метод осуществления данной концепции – это общее планирование с учетом всех сторон (в том числе и экологической), требующих корреляции [3].

Одним словом, концепция научного развития предполагает строительство экологической цивилизации, она ориентирована на формирование нового «экологичного» мировоззрения, что невозможно без экологического образования. В рамках реализации данной концепции обязательным условием становится включение в процесс экологизации не только высшего, но и начального и среднего образования. В 2003 г. Министерством образования КНР было опубликовано два документа: Специальная учебная программа по экологическому образованию в начальных и средних школах и Руководство по внедрению экологического образования в начальных и средних школах. Согласно этим документам, экологические знания, взгляды и ценности должны быть включены в обязательную школьную программу. Кроме того, предполагается, что образование для устойчивого развития станет неотъемлемым компонентом реформы базового образования в Китае [10].

Что же касается экологизации высшего образования в этот период усиливается работа по практической реализации стратегии зеленых вузов; осуществляется проектирование и строительство энергосберегающих зданий, что также получает институциональное закрепление в планах развития народного хозяйства на 11-ую пятилетку.

Таким образом, экологическое образование в Китае представляет собой нисходящую модель, управляемую правительством. Основными характеристиками данной модели являются:

- 1) Ориентация на экологическое просвещение и формирование у учащихся базы знаний в области наук об окружающей среде;
- 2) Абсолютный приоритет государственных организаций, особенно природоохранных ведомств;
- 3) Основными формами экологического образования являются диалектическое взаимодействие преподавателей и учащихся и экологическое просвещение;
- 4) Объектом экологического образования являются все граждане КНР, при этом особо выделяются государственные чиновники, специалисты и эксперты;

5) В содержательном плане делается упор на экологические знания и мониторинг, а также навыки «экологически-правильного» поведения;

6) В процессе экологического образования больше внимания уделяется профессиональному образованию, в то время как непрофессиональное образование относительно игнорируется.

В процессе анализа истории развития экологического образования в Китае можно обнаружить, что суть концепции восходит к Стокгольмской конференции 1972 г., согласно которой экологические проблемы в основном возникают из-за невежества и безразличия людей, борьба с которыми становится одним из основных средств решения экологических проблем. Такое отношение напрямую повлияло на акцент китайской концепции экологического образования на экологическом просвещении. Способы концептуализации, систематизации и реализации экологического образования в Китае основаны на этом базовом подходе.

Подтверждением вышесказанного может послужить тот факт, что в 1970-х годах, когда правительство перестало скрывать беспрецедентный уровень загрязнения и экологической деградации в стране, общественность в силу собственной неосведомленности не придавала большого значения вопросам охраны окружающей среды, некоторые даже выступали против. В таких условиях защита окружающей среды и экологизация стали сложной задачей. В результате, разъяснение серьезности экологических проблем населению стало первоочередной задачей экологического образования как основного средства распространения знаний об окружающей среде.

В контексте анализа процесса экологизации высшего образования в Китае следует отметить ряд факторов, снижающих его общую эффективность. Во-первых, акцент на подготовке профессиональных экологов, а также специалистов в смежных экологических дисциплинах и областях. В современных вузах и колледжах Китая представлен широкий ряд экологических специальностей, тогда как включение экологической повестки в другие образовательные программы очень часто игнорируется.

Во-вторых, в процессе экологического образования основной упор делается на разъяснении форм защиты и восстановления окружающей среды (рециклинг, правильное обращение с твердыми отходами, экономия электроэнергии и воды, сокращение вредных выбросов и т.п.), тогда как такие аспекты, как зеленая экономика, социальная и природная устойчивость, экологический менеджмент и др., составляющие суть устойчивого развития, разработаны не достаточно полно. Студентов учат, как беречь окружающую среду, но не учат, как понимать отношения между человеком, обществом и окружающей средой, как эти отношения гармонизировать.

В-третьих, большинство преподавателей и учителей не имеют достаточной мотивации для включения экологических аспектов в свои занятия. Исследование, проведенное исследовательской группой BNU-Gakugei Research Group показало, что лишь небольшое количество учителей заявили, что они «много занимаются экологическим образованием» в классе [10].

Основными причинами, препятствующими внедрению экологического образования, являются нехватка времени, нехватка учебно-методических материалов, отсутствие признания со стороны руководства, нехватка финансов и трудности с реализацией. Таким образом, экологическое образование представляет

собой сочетание книжных знаний и внеклассных занятий, таких как посадка деревьев, уборка общественных мест и сбор использованных батареек.

В-четвертых, низкий уровень активности преподавателей и студентов по реализации экологического образования в вузах, поскольку зачастую практические действия сводятся лишь к необходимости посещения скучных, на взгляд многих студентов, лекций, что в итоге становится причиной нежелания принимать участие в экологических проектах и мероприятиях [6].

Таким образом, за последние 40 лет Китай разработал свою национальную модель экологического образования, которая носит скорее просветительский, нежели практический характер, эта модель реализуется сверху вниз, поскольку инициатива принадлежит руководству страны, но не обществу. Что касается экологизации высшего образования, то здесь ставка делается на реализацию стратегии зеленых вузов и подготовку специалистов по профильным экологическим направлениям.

Литература

1. Глава ООН по биоразнообразию высоко оценила экологические достижения Китая [Электронный ресурс] // REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/society/3612384.html> (дата обращения: 10.05.2022).
2. Гуань-цзы [Электронный ресурс] // Восточная литература. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Drvnkit_fil/frameset9.htm (дата обращения: 10.05.2022).
3. Концепция научного развития (Реформы и открытость) [Электронный ресурс] // Знакомство с Китаем. URL: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2018-10/23/content_67736294.htm (дата обращения: 10.05.2022).
4. Носырев Н. А. Экологизация образования в высших учебных заведениях Минамото в ЗАТО // ВЕСТНИК КГУ, 2005. № 2. С. 230–235.
5. Социальная экология [Электронный ресурс] // Библиотекарь. Ру. URL: <http://www.bibliotekar.ru/socialnaya-ecologia/59.htm> (дата обращения: 10.05.2022).
6. Green Universities in China — What matters? // Journal of Cleaner Production 61 (2013). P. 36–45.
7. Griffiths, James. Can China Pick Up US Slack on Climate Change? // CNN, March 29, 2017. URL: <https://www.cnn.com/2017/03/29/asia/china-trump-climate-change/index.html> (дата обращения: 10.05.2022).
8. Jing Chen. Environmental Education, Knowledge and Awareness in China: A Case of Xiamen University Students // A Journal for Asian Studies in the Liberal Arts. Volume 27. Issue 1. 2020. P. 54–72. DOI: <https://doi.org/10.16995/ane.298>.
9. Lin, J., & Ross, H. Addressing Urgent Needs: The Emergence of Environmental Education in China // Woodrow Wilson Environmental Series. 2005. № 7, P. 74–78.
10. Youyi Tian. Environmental Education in China: Development, Difficulties and Recommendations // Journal of Social Science Studies. 2016, Vol. 3, №. 1. P. 31–43.

Научная статья
УДК 130.2:323:327 (510)
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-121-127

**КОНЦЕПЦИИ И ПРАКТИКИ КИТАЙСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА:
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

© **Кучинская Татьяна Николаевна**

доктор философских наук, кандидат политических наук, доцент,
заведующая кафедрой востоковедения и регионоведения Северной Америки,
Забайкальский государственный университет
Россия, г. Чита
kuchinskaya_t@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу социокультурной специфики и практик реализации китайского регионализма как парадигмы управления пространственным развитием КНР. Основные положения автора выстраиваются на основе методологии познания китайского регионализма, разрабатываемой в рамках забайкальской регионоведческой научной школы синологии. В статье представлен анализ основных проектов новой концепции построения архитектоники КНР — «двойной циркуляции». Описываемая модель китайского регионализма характеризуется самобытностью; нацелена на расширение горизонтальной связанности пространства КНР в целях его устойчивого безопасного развития.

Ключевые слова: китайский регионализм, социокультурное пространство, архитектоника, стратегии пространственного развития, «двойная циркуляция», «Один пояс — один путь».

**CONCEPTS AND PRACTICES OF CHINESE REGIONALISM:
SOCIO-CULTURAL DIMENSION**

© **Tatiana N. Kuchinskaya**

Doctor of Philosophy, Ph.D (Political Studies), Associate Professor,
Head of Oriental and North American Regional Studies,
Transbaikal State University
Russia, Chita
kuchinskaya_t@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the socio-cultural features and practices of Chinese regionalism as a paradigm for managing the PRC spatial development. The main statements of the author are built on the basis of the original methodology of Chinese regionalism research, developed within the framework of the Transbaikal Regional Studies School of Sinology. The article presents an analysis of the main projects of the new concept of building the architectonics of the PRC – “Double Circulation”. The described model of Chinese regionalism is characterized by specifics, and is aimed to expansion of horizontal connectivity of the PRC space in order to ensure its sustainable and secure development.

Keywords: Chinese regionalism, socio-cultural space, architectonics, spatial development strategies, "Double Circulation", "Belt and Road".

Китайский регионализм как объективная социокультурная реальность, оказывающая все большее воздействие на соседние страны и мир в целом, требует тщательного анализа его содержания и практик. Для России в условиях истинного «разворота на Восток» и развития интеграции в пределах евразийского междоцивилизационного пространства значимость китайского регионализма постоянно возрастает.

Китайский регионализм во многом обусловлен цивилизационной спецификой и постоянно генерирует «новые» формы: «открытый», «гармоничный», «мягкий», «репрезентативный/культурный», трансграничный, приграничный, глобальный, трансрегиональный. Реализация инновационных проектов по управлению пространственным развитием КНР – внутренней регионализации, развитию горизонтальных связей, формирование культурной «мягкой силы», построение «гармоничного общества», «гармоничного мира», «китайской мечты», «сообщества единой судьбы человечества», продвижение глобальной цивилизационной инициативы «Один пояс – один путь», обуславливает необходимость научной рефлексии значимых для России характерных признаков китайского регионализма в единстве и разнообразии их социокультурных проявлений.

Познание специфики данных механизмов через методологию теории регионализма является одним из аспектов исследования международного коллектива научной Школы интерпретаций региональных практик современного Китая (В. А. Абрамов, Н. А. Абрамова, Т. Н. Кучинская, Т. В. Колпакова, Ли Пин, Чжоу Юй, Ни Цзяоцзяо, Ян Шуфань и др.). Основная научная идея Школы заключается в попытке систематизации и интеграции основных положений общей теории регионализма к исследованию современного социокультурного развития КНР в контексте познания внутренних и внешних практик регионализации КНР сквозь призму российско-китайских отношений и трансформации архитектоники мирового пространства [1–9].

Китайский «новый» регионализм, теоретическая конструкция которого представляется в рамках социокультурного и регионологического подходов, реализуется в различных управленческих практиках КНР, интерпретируемых нами как «внешняя» и «внутренняя» регионализация [1, с. 98; 2]. Появление инновационных форм региональных практик и трансформация архитектоники китайского социокультурного пространства актуализируют научную рефлексию отличительных признаков [8, с. 36].

В контексте познания китайского регионализма чаще всего речь идет о процессах внешней регионализации КНР, конструирования «китайского региона» в рамках Большой Восточной Азии, конфуцианско-буддийского ареала, Евразийского пространства (А. Д. Воскресенский, С. В. Севастьянов, А. В. Лукин, С. Г. Лузянин, В. А. Дергачев и др.). Однако не менее важным представляется анализ внутренней регионализации КНР в контексте построения новой архитектоники развития КНР в современных условиях.

Пространственная организация современного Китая представляет собой сложный и многомерный феномен, включающий региональные образования разного порядка, особые формы территориального управления и развития горизонтальных межрегиональных связей, связанности внутреннего и внутреннего;

вызывающие научный интерес с точки зрения теоретического и практического значения.

Основными формами пространственной организации КНР выступают административно-территориальные единицы (провинции, города центрального подчинения, автономные районы, особые административные районы и т. д.); макроэкономические региональные пространства (4–8 макроэкономических зон, выделяемых по уровню социально-экономического развития: Северо-восточный, Восточный, Центральный, Западный регионы КНР) и региональные образования, выделяемые по отдельным признакам (экологическая, культурная, этно-религиозная формы регионализации).

К инновационным формам пространственной организации КНР относятся особые зоны, кластеры, треугольники, оси, пояса, коридоры – механизмы, направленные на обеспечение горизонтальных связей и преодоление региональных разрывов в рамках стратегии «гармоничного» развития КНР.

К основным треугольникам развития (三角) КНР относятся [13]: 1) Регион дельты реки Янцзы(长三角): Шанхай-Цзянсу-Чжэцзян; 2) Бохайская зона (环渤海): Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй; 3) Регион дельты реки Чжуцзян (珠三角): Гуандун – Цзянси – Фуцзянь, расширенный до «Региона Большого залива: Гуандун – Сянган – Аомэнь»; 4) Западный треугольник развития (西三角): Чунцин – Сычуань – Шэньси.

Кратко охарактеризуем каждый из представленных проектов. Так, регион дельты реки Янцзы представляет собой пространство с самой высокой в КНР степенью экономического и инновационного развития, урбанизации, плотностью населения. Экономический треугольник дельты реки Янцзы объединяет агломерации Шанхай, Нанкин и Ханчжоу, включая другие крупные города региона – Наньтун, Нинбо, Сучжоу, Тайчжоу, Уси, Уху, Хучжоу, Хэфэй, Цзясин, Чанчжоу, Чжоушань, Чжэньцзян, Шаосин, Янчжоу и др. Скоростные автомобильные пути Шанхай-Нанкин и Шанхай-Ханчжоу, а также густая сеть железных дорог инфраструктурно «связывают» регион в единое целое.

Кроме того, регион дельты реки Янцзы является частью «Экономического пояса вдоль реки Янцзы» (长江经济带) наряду с двумя другими его зонами – среднего и верхнего течения реки Янцзы. Экономический пояс играет роль связующего «моста» между отдаленными западными провинциями и более развитыми территориями дельты реки, а также, соединяясь на западе с проектом «Экономического пояса Шелкового пути», является важным коридором коммуникации материкового Китая с миром. Встраиваясь в «Один пояс – один путь», стратегия ЭПП «стягивает» пространство востока, центра, запада (горизонтальные связи), севера, юга (вертикальные) в единый каркас, предоставляя возможность образовывать внутренним регионам гибкие межрегиональные связи для достижения целей краткосрочного и долгосрочного развития. Таким образом, более 29 городов вдоль реки Янцзы в полной мере используют как внутренние, так и международные ресурсы и рынки, чтобы стать одним из самых динамичных регионов страны. На сегодняшний день приоритетной задачей является формирование новой модели экономического роста без ущерба для окружающей среды на основе новых технологий, с привлечением талантов высокого уровня с

целью качественного улучшения уровня жизни населения слаборазвитых районов среднего и верхнего течения Янцзы. Для этой цели создан фонд размером более 100 млрд юаней [4, с. 11–13].

Зона Бохайского залива формируется в рамках стратегии «Согласованного развития региона Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй». На практике расширенная инициатива представляет собой экономический пояс Бохайского моря, соединяющий Северный регион КНР с международными транспортными коридорами. Регион «Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй» в треугольнике Бохайского залива выступает в качестве центра, Ляодунский и Шаньдунский полуострова – в качестве двух «крыльев»; в более широком формате регион формируется в рамках модели сотрудничества «5 + 2»: Хэбэй, Шаньдун, Ляонин, Шаньси, а также центральная и восточная части Внутренней Монголии, пять провинций и регионов, плюс два муниципалитета – Пекин и Тяньцзинь.

Особенности развития региона Бохайского залива в основном проявляются в формировании сети промышленных кластеров и городских поясов на основе интеграции транспортных коммуникаций, развитии и модернизации производства в целях создания новой платформы для регионального экономического развития, координации и сотрудничества.

Формирующийся треугольник развития «дельты реки Чжуцзян», который включает в себя девять провинций и два специальных административных района «9+2»: Гуандун, Фуцзянь, Цзянси, Хунань, Гуанси, Хайнань, Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Сянган и Аомэнь в последние годы демонстрирует значительный рост и возможности для расширения – до масштабов мегарегионального проекта мирового уровня.

Особенности развития региона дельты р. Чжуцзян в основном отражаются в: быстрой урбанизации территорий; формировании «экспортно-ориентированной» модели развития; появлении «взрывной» урбанизации с преобладанием сельской урбанизации; выраженной полицентричностью производственной специализации; развитии кластеров агломерационного типа со системе внутреннего, среднего и внешнего кругов «кольцевой модели развития», не характерной для сельской местности [10].

В 2017 году Правительством КНР было принято решение о расширении региона дельты р. Чжуцзян, главами особых административных районов (ОАР) и провинции Гуандун было подписано «Рамочное соглашение об углублении сотрудничества Гуандун-Сянган-Аомэнь и содействии строительству региона Большого Залива». Регион дельты реки Чжуцзян оказался в центре новой амбициозной инициативы, направленной на его преобразование в «зону Большого Залива Гуандун-Сянган-Аомэнь (кит. 粤港澳大湾区)» путем дальнейшей интеграции Сянгана, Аомэня и девяти городов провинции Гуандун, и превращение в городской кластер мирового уровня. Конкретные мероприятия по реализации данной инициативы вошли План на 13-ую пятилетку КНР. В 2019 г. китайские правительство опубликовало «Обновленный план развития района Большого Залива Гуандун-Сянган-Аомэнь». План предусматривает создание в регионе суперагломерации, в состав которой будут входить 11 городов. План будет осуществляться в два этапа: первый – до 2022 года, второй – до 2035 года. Главная цель – развитие тесного взаимодействия материкового Китая с Сянганом и Аом-

энем в соответствие принципа «Одно государство – две системы». Также План предполагает активное развитие зон свободной торговли в Шэньчжэне, Гуанчжоу и Чжухае, укрепление торговли, развитие специализированных отраслей экономики, улучшение инвестиционной среды и инфраструктуры. Регион «Большого Залива», соединяясь с проектом «Морской шелковый путь 21 века», наряду с регионами экономического пояса р. Янцзы выступает частью глобального проекта «Пояса и Пути».

Наименее развитый «треугольник» развития КНР расположен в Западном регионе КНР и носит название «Западный треугольник развития» (大西三角”、“新西三角” “西三角”经济区). Концепция была предложена китайскими учеными Лю Бинфу и Чу Хань (2007 г.) Регион охватывает территорию Чунцина, Сианя, провинция Шэньси, Чэнду, провинция Сычуань, и прилегающие к ним районы, общей площадью около 300 тыс. кв. км. Проект «треугольника» предполагает создание крупного экономического субъекта в западном регионе с центром в городской агломерационной связки Чунцин-Чэнду и городской агломерации Гуаньчжун в Сиане. Общий экономический объем ВРП региона составляет почти 1,2 трлн юаней, около 20% от общего экономического объема западного региона КНР. Расширенная инициатива охватывает более 60 городов, имеет общую площадь 380 тыс. кв. км, население 130 млн чел, с общим ВРП 1,9 трлн. юаней, что составляет 7% ВВП страны и 40% ВРП Западного региона КНР [12].

В октябре 2020 года проект построения экономической циркуляции в региональной паре городов Чэнду-Чунцин (《成渝地区双城经济圈建设规划纲要》) в рамках новой модели двойной циркуляции. Целью строительства региональной пары городов Чэнду-Чунцин является создание нового полюса роста и источника регионального роста для качественного функционирования внутри региона. Предполагается, что развитие региональной пары, поможет создать высокоуровневую модель регионального сотрудничества, сформировав промышленный кластер мирового уровня в сфере инновационных технологий.

Чэнду-Чунцин известны как города-потребители: отмечается высокий спрос на инвестиции, особенно – в инфраструктуру. В июле 2020 года, в городах Сычуань и Чунцин был запущен 31 крупный проект, объемы финансирования которых превысил 500 млрд юаней;

В 2020 году Западный треугольник развития получил новый импульс (План построения экономической циркуляции в региональной паре городов Чэнду-Чунцин (《成渝地区双城经济圈建设规划纲要》 [12]) в условиях перехода на новую модель развития, вызванного необходимостью противостояния внутренним социально-экономическим вызовам, протекционистской политике США и стран Запада, а также вынужденного изоляционизма периода пандемии, вызванной коронавирусом SARS-CoV-2. Руководство КНР анонсирует переход к новой модели построения архитектуры пространственного развития – модели «двойной циркуляции» («国内国际双循环» [11], представленной в «Предложениях ЦК КПК к Плану на 14-ю пятилетку национального экономического и социального развития и долгосрочных целей на 2035 год», принятые на 5 Пленуме Центрального комитета КПК 19-го созыва, который проходил в конце октября 2020 г. Предложенная модель предполагает управление пространственным развитием с

опорой на внутреннее и международную экономическую циркуляцию, первостепенное значение имеет обеспечение «связанности» внутреннего экономического пространства и продолжающееся его сопряжение с международными коридорами в рамках ОПОП.

Таким образом, в качестве основных управленческих стратегий, определяющих специфику китайского регионализма официально определены: «Один пояс – один путь» («ОПОП»), объединяющий инициативу «Экономический пояс Шелкового пути» («ЭПШП») и «Морской шелковый путь 21 века», «Экономический пояс вдоль реки Янцзы», «Скоординированное развитие региона Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй» в рамках треугольника развития «Бохайского Залива», «Регион Большого залива (Гуандун – Гонконг – Макао)» в рамках «треугольника» дельты реки Чжуцзян, «Расширенная инициатива Западного треугольника развития» с опорой на проект создания городской агломерации «Чэнду-Чунцин», «Северо-Восток – Восточная часть автономного района Внутренняя Монголия». Развитие данных стратегий в рамках новой модели построения архитектоники КНР «двойной циркуляции» предполагает обеспечение горизонтальной связанности национального пространства.

Другим важным практическим аспектом реализации китайского регионализма является поиск инновационных инструментов развития территорий. Помимо основных (производство, технологии, инновации, ресурсы) таковыми выступает национальной и региональная культуры посредством развития культурного брендинга территорий, культурных индустрий, культурной презентации и наращивания «культурной силы» [7].

Подводя итоги, отметим, что китайский регионализм как парадигма управления внутренним пространственным развитием КНР обладает рядом специфических черт. Во-первых, китайский регионализм формируется в условиях ряда факторов: культурно-цивилизационных, социально-экономических, геополитических и геоэкономических; является открытым (связанность внутренних и внешних стратегий пространственного развития), с формированием новой архитектоники в условиях изоляционистских тенденций политики «двойной циркуляции» (геополитические риски, санкционная политика, пандемия).

Основная цель – обеспечение связанности пространства посредством стратегий развития, направленных на обеспечение межрегиональных связей (основные формы: специальные зоны, кластеры, пояса, оси, треугольники, коридоры развития), основные инструменты – пространственные связи (транспортная инфраструктура, бюджетно-налоговая политика, инновации, привлечение альтернативных ресурсов развития – культурная репрезентация);

Построение новой архитектоники пространственного развития КНР требует дальнейшего анализа в ракурсе современной трансформации мирового порядка, геополитических сдвигов и расширении российско-китайского взаимодействия.

Литература

1. Абрамов В. А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения: монография. Москва: Восточная книга, 2010. 240 с.

2. Абрамов В. А., Кучинская Т. Н. Процесс регионализации КНР: реалии и их понятийное отражение // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 3 (54). С. 196–201.
3. Абрамова Н. А., Абрамов В. А. К вопросу о методологии управления развитием социокультурного пространства современного Китая // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы X Междунар. науч.-практич. конференции. Чита, 2018. С. 7–16.
4. Абрамова Н. А., Абрамов В. А. Ресурс стратегий в управлении пространственным развитием КНР // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы XI Междунар. науч.-практич. конференции. 2019. С. 7–15.
5. Абрамова Н. А., Абрамов В. А. Трансформация социокультурного пространства в модернизации современного Китая // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2017. № 20. С. 6–14.
6. Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / ЗабГУ. Чита, 2013. 413 с.
7. Кучинская Т. Н. Китайская модель мягкой силы: современные трансформации // Дискурс-Пи. 2017. № 2 (27). С. 103–109.
8. Кучинская Т. Н. Китайский регионализм: социокультурные основания: монография. Чита: ЗабГУ, 2017. 228 с.
9. Kolpakova T. V. China's "new regionalism" as a mechanism to strengthen the influence of China in the global integration processes: An example of eurasian economic union / T. V. Kolpakova, T. N. Kuchinskaya // International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. Vol. 5. No SPEC. ISSUE. P. 109-115. EDN WVFAZL.
10. Wu Jason Jia-Xi. Chinese Regional Planning Under Xi Jinping: The Politics and Policy Implications of the Greater Bay Area Initiative. Harvard University, Cambridge, MA, 2020. 54 p.
11. Лю Хэ. Цзякуай гоуцзянь и гонэй да сюньхуань вэй чжути, гонэй гоци шуан сюньхуань сяньху цуцзинь дэ синь фачжань гэцзюй 刘鹤：加快构建以国内大循环为主体、国内国际双循环相互促进的新发展格局 [Ускорение построения новой модели развития, в которой внутренний большой цикл является основной частью, а внутренние и международные двойные циклы продвигают друг друга] // 中华人民共和国中央人民政府. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2020-11/25/content_5563986.htm (дата обращения: 22.05.2021).
12. Мао Чжунгэнь, Лу Фэй. Дацзао чжунго цзинци “ди сы цзи” дэ лоци цзи цзяньи 毛中根、卢飞.打造中国经济“第四极”的逻辑及建议 [Логика и предложения по построению «четвертого полюса» экономики Китая] // 理论. URL: https://theory.gmw.cn/2022-01/18/content_35454951.htm (дата обращения 29.04.2022).
13. Сань да цзинци цюань 三大经济区 [Три экономические зоны КНР]. URL: <https://baike.baidu.com/item/4278514> (дата обращения: 22.04.2022).

Научная статья
УДК 325(510)
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-128-142

**RELOCATION AS A MODE OF POVERTY ALLEVIATION:
CASE STUDY OF JINGGU COUNTY, YUNNAN PROVINCE**

© **Pu Putian**

Doctoral Candidate
Yunnan University;
China, Kunming
Lecturer in Tourism and Culture College, Lijiang, Yunnan
784647017@qq.com

Abstract. The year 2020 was a decisive year when China won a nationwide battle against poverty to build a moderately well-to-do society. The key to combat poverty was placed on practical measures to identify poverty-stricken areas. One of the measures to relieve large numbers of people from poverty was relocation. Yunnan province is predominantly mountainous or hilly with many poor counties that often suffer from natural disasters. Taking the case of a typically poor, mountainous, and highly inaccessible Jinggu County for a special study, this paper evaluates the process of relocating 3,721 households during the years between 2016 and 2018, and the resolution of a series of subsequent problems after relocation. By means of a questionnaire survey, the investigation focuses on the manner by which relocation was carried out and the management of problems that followed. By means of a series of response measures and suggestions, the study will attempt to provide a useful reference on poverty alleviation through a relocation model.

Keywords: Relocation, Jinggu County, poverty, survey, counter-measures.

Since China implemented fully its precise poverty alleviation measures, an annual average of over 10 million people have been freed from poverty, which has created a miracle in the history of poverty reduction in the world.

Zou and Li, 2020: 54.

1. Introduction

Since the 18th National Congress, the Central Committee of the Chinese Communist Party, with the General Secretary Xi Jinping at its core, has made it clear that eradicating absolute poverty is one of the most urgent tasks in China. Xi claimed that it is critical to meet the basic requirement of the poor by 2020 in food, clothing, education, medical care and housing security. For him, lifting the poor out of poverty is the core indicator directly related to the quality of his political task (Xi, 2015:159). Xi also urged that poverty alleviation efforts must be carried out in five ways in response to the specific needs of each poor area and its people. These include improvement of the production system, education facilities, social security measures, and resettlement of the poor, and compensation to those resettled (Xi, 2017: 85).

Due to Yunnan's rugged topographic terrains and other unfavourable factors, poverty levels in the province are extremely serious, and may be ranked among those most difficult in the country (Liu & Liu, 2020:103). The province has a total of 88

counties classified as poor, as 94 per cent of them are found in mountainous zones, characterized by karst formation as well as their exposure to earthquakes, landslides, mudslides and other natural disasters such as floods and rugged terrains. It was found that 27 of these 88 counties, with 3539 abject poverty villages which require resettlement as the only means to improve the economic destiny of their inhabitants.

This paper explores the Jinggu County, Yunnan Province seen as most characteristic in its struggle against poverty and deplorable living conditions, and relocation of villagers is perceived as an effective means of poverty control.

2. Survey Method and Relocation Measures

Jinggu County has a land area of 7777 square kilometres, of which mountainous and hilly areas account for 97.46 percent, with a forest coverage of 575,000 hectares, which makes up 78.3 per cent of total area. Basic infrastructure is generally poor which makes access and external links extremely difficult.

Survey method

On June 10, 2017, the author first made a preliminary trip together with the Secretary for Poverty Alleviation stationed at Weiyuan Township and other village heads to Qianjia Village and Wenhui Village where we visited those who were required to move out and resettle elsewhere. An indepth understanding was made with the help of the village heads with regards to the difficulties and other problems of the villagers on transport, water supply, electricity, telecommunications, education as well as other infrastructure issues.

Jinggu County is one of the 88 poor counties in Yunnan Province, known as Jinggu Yi Autonomous County, located in southwestern Yunnan Province, west of Pu'er City, bordering Ning'er County to the east, and Simao District to the south. There are six towns, four townships and 136 administrative villages in the whole county (Figure 1). By the end of 2018, Jinggu County had a total population of 316,600, of whom 270,000 or 83 per cent were classified as farmers. Minority groups comprising mostly the Dai and Yi made up 152,900 or 48.3 per cent of the population while the majority were the ethnic Han people.

In September 2018, with the help of the local officials, we approached a few resettlement villages around Weiyuan Township, namely Qianjia Village (Qianjiacun), a village where a large number of people were relocated, involving 172 households or 713 individuals. Other villages were those relocated in concentration points near Weiyuan Township, namely Mangnai, Baoshan, Daping and Qianjiacun. Through a random questionnaire sampling method, a total of 50 questionnaires were distributed to the resettler household heads. The results were then processed and analysed in an attempt to help towards a better understanding of the effectiveness of relocation, job training and problems of adaptability.

Understandably, poor living conditions as the key reason for moving out made up more than one-third of the respondents who were resettled from their hilly villages. Before the move, because of their isolated location, transport cost was the highest of all expenses. Before they were resettled, surveyed households received almost half of the income from farming and petty trade, and indeed, households on average had one-fourth of income from government assistance.

Despite 70 per cent of the farms continued to be farmed after resettlement, six out of ten households had to rely on wage income in their new settlement sites, which

shows their traditional subsistence farming was terminated, and a new wage earning livelihood had just begun. This explains why 50 per cent of the household claimed they badly needed new skills training to equip them for new jobs. After the move, half the interviewees also complained their lost farmland was replaced with new farm plot which was small and far away from home. As the expenditure item after the move shows, 40 per cent of villages felt that new living expenses tended to be higher than their place of origin where they could be more self-sufficient in basic needs harvested from crops, vegetables and homestead livestock.

Relocation Measures

In 2013, an official preliminary study had listed 100 of the 136 administrative villages as poverty villages, comprising of 14247 poor households or 52,383 people. A target was then set by the Yunnan provincial government to relocate 3721 poor households or 14,292 people in two years from 2017 to 2018. According to the party and provincial government's instructions, the selection criteria, objective and relocation method were determined as follows (Song, 2021):

a) Selection criteria

- i. Villages sited in deep and rocky mountainous areas suffering seriously from severe cold, desertification and soil erosion. Soil fertility, water supply, and sunlight in these areas are difficult to come by to meet the production needs of local inhabitants;
- ii. Farming areas are situated within the prohibited or restricted development zones identified by China's "Major Function-oriented Zone Planning" under the jurisdiction of the State Council;
- iii. Infrastructure set-ups such as transport and communications, water and electricity supplies, education, and medical facilities are very poor, and it is extremely costly and difficult to build infrastructure in such areas;
- iv. Local fragility features such as natural disasters are serious and frequent; and
- v. Areas affected by reservoir construction or earthquakes.

As per procedure prior to the relocation, households affected will have to sign a "relocation agreement" with the township government which consists of the demolition of old houses, and compensation details. Upon signing, poverty relief and benefits are ensured with the compensation package and resettlers have agreed that their old houses could be dismantled by the authority.

According to the specific needs of affected villagers in different areas, both centralized and dispersed resettlement methods are adopted. By centralization approach, it means villagers are resettled in groups along important traffic lines based on rural township development planning. Such villages may be located near an industrial park or holiday resorts fit for rural tourism. Dispersed placement is divided into two types where villagers would be placed in urban-like settlements, along traffic lines where they could adapt more easily. Others who have found jobs in the nearby urban areas would be settled in rental housing blocks there.

(b) Housing subsidies

Resettled households will receive 20,000 yuan per capita as subsidy for building their new house, in addition to an old house demolition compensation of 6000 yuan per head if they choose to dismantle the house by themselves. Land cost subsidies for housing vary from place to place. Those relocated within 3 km around Jinggu County Town are entitled to 12,000 yuan per household, those located within 3 km around a

township will receive 10,000 yuan per household, and 8,000 yuan per household if relocated in a centralized village along key traffic lines. Those who have resettled individually by their own choice will receive no subsidies (Jingbanfa, 2016).

(c) Number of households involved in the relocation in Jinggu County jing

In 2016, Jinggu county identified 1151 poor households or 4319 people within its jurisdiction for resettlement in 41 centralized sites, comprising of 846 households or 3167 people, and 305 households or 1152 people in decentralized sites. Centralized placement made up 73.3 per cent. In 2017, the number of households to be relocated increased to 2570 households or 9973 people (Jingbanfa, 2016). By the end of December 2018, construction of all 3721 relocation housing units in Jinggu County had been completed and successfully approved. What remained to be done were some specific infrastructure projects and follow-up actions. Figure 2 below shows the contrast of housing conditions between the old sites and the new resettlement sites.

3. Jinggu County's Main Relocation Practices and Results

a) Safeguarding measures to facilitate housing construction.

In practical and implementation terms, Jinggu County's party Secretary General assumes the role of a commander-in-chief, assisted by his deputy secretaries. Their task is to ensure that the correct package of relocation is put in place. All those to be relocated will receive their housing units in accordance with household size and their choice of location offered for selection. All paper work must be executed accordingly in proper legal terms regarding compensation and other duties to comply with which resettlers have signed in acceptance. Based on the "Jinggu Yi Autonomous County's Poverty Reduction and Relocation Implementation Program", specified in Jing Office Issue (2016 No. 36) and 2017 Notice No. 49), all poor households living in the mountainous and hilly areas, suffering from scattered services, inconvenient transportation, ecological fragility and other difficulties are entitled to the government guidance and aids in the process of relocation (Jingtuo Zhifa, 2017).

b) Funding

In 2015, Jinggu County Xingjing Investment Co. Ltd. was established in association with the Pu'er branch of the Agricultural Development Bank of China, as the main body for providing construction loans to resettlers. Over the period 2015-2018, it had secured 695.30 million yuan to support relocation activities, subsidies provided for private housing construction took away 374.73 million yuan, and infrastructure construction cost 320.57million yuan¹.

c) Strict implementation of the "Double Monitoring System"

This system requires a key representative from the county government and the Director of the key developer company to form a joint management team to monitor the progress of the relocation work. Their role is to oversee and supervise all 72 relocation sites or settlements to ensure that construction of housing, infrastructure and public services are appropriately executed according to plan. They would have to make clear to their 740 cadres that organization in terms of policy publicity, housing construction, relocation measures, demolition of old houses, and the follow-up

¹ Provided by the local village officials.

non-farm employment and other assistance work were well conducted for the resettlers and met the standards¹.

d) Results of implementation

(i) By the end of December 2018, the construction of 3721 relocation housing units for 14,292 people had been completed and successfully passed the quality check. Our survey shows that a Li family, originally living in hilly Qianjiacun, had to send their children to a primary school 10 km away from home after their village school was demolished due to too small school population. To make it easier for their children's schooling, few village households did choose to lease small plots of land near Weiyuan Township and built simple houses with hollow bricks and asbestos tiles to live there. Consequently, better quality houses of relocation have provided a better accommodation alternative to villagers resettled in better serviced sites.

(ii) Improved living conditions. From sites with poorly equipped infrastructure especially transportation, educational resources, resettlers have moved to centralized settlements with richer resources, in terms of transportation and other infrastructure services, such as piped water, electricity, access roads, broadband Wifi, cultural rooms, recreational venues and public toilets.

According to a random questionnaire survey collected from the resettlers, 98.3 per cent of the respondents believed that new living environment and conditions were significantly better than the old ones. For example, the 58 households from Liu'an Villagers under the jurisdiction of Yongping Township were relocated to sites close to a Yongping Township's primary school and medicare centre, and the two high schools of the Jinggu County Town. This has facilitated access to better quality public services.

(iii) From our survey, resettled households' income levels have improved. With a relocation program aimed at employment protection, industrial training has been organized to equip resettlers with the needed skills to meet the needs of new employment opportunities. Work fairs have been set up to educate farmers new job possibilities and skills required. More specifically, there were a few areas in this resettlement program where resettled farmers would be able to find new jobs, as follows (Zhang & Duan, 2020:64):

- Land leasing for commercial farming: Given that much farmland has been left vacant near the township zone due to exodus of local workforce to urban areas, efforts have been made to encourage those farm plots lacking labour to lease them to resettlers for commercial farming purposes including aquaculture. Commercial crops such as sugarcane, fruit trees and vegetables are potential crops that have attracted resettlers as they provide relatively good cash income. The County's organizing committees are responsible for training resettlers to undertake such labour-intensive activities. In Mangnai resettlement area, for instance, our record shows there were 112 households who leased out a total of 530 *mu* of farmland to grow sugarcane, vegetables and fruit trees. In 2018, each household received a net income of 12,000 yuan². Jobs training to meet decent income levels. Relocation is not only to help people build new houses and new homes, it involves equally the rebuilding of life with dependable means of liveli-

¹ Data obtained from the statistical figure provided by the 740 local officials collated from different villages.

² One hectare (10000 m²) is equivalent to 15 Chinese *mu*.

hood whose sustainability and income stability are critical. Thus, the type of industries to develop to suit the needs of the resettlers from the deeply poverty-stricken areas has to be tailor-made. Their income levels should be gauged appropriately to meet at least the minimum living standards comparable to the low- and middle-income earners of the normal urban sector after adjusting the relative poverty line of China (Zhang & Duan, 2020:64).

- Skills training for labour intensive jobs: Through skills training, the displaced labour force population can master one or two skills, especially in the labour-intensive area which is more easily picked up by normally lowly educated resettlers. Those jobs more readily available jobs are services for the local community, handicraft and some other value-added activities so that the displaced people can be employed in close proximity. The Fuxingzhai settlement in Weiyuan Township shows jobs are available in construction, catering services, crop planting (vegetable, sugarcane and watermelon cultivation), fish breeding and repair. The whole settlement has so far generated more than 450 jobs for the resettlers, creating a total income of about 3 million yuan. Over 80 physically disabled and elderly after passing the assessment test, were assigned simple public welfare postings, by which they receive a monthly pay of 300 yuan.

- Land reuse in vacated areas. Land plots being left behind by resettlers are encouraged to be leased out to enterprising businesses to grow commercial crops on a profit-sharing basis. By so doing, resettler households will continue to earn extra income. Given their farming experience, resettlers would be able to provide useful advice to undertaking enterprises on soil fertility and other constraints.

- Development of poverty-relief workshops. These workshops aim at helping the poor to create home-based income-generating activities. By the end of 2018, Jinggu County had set up 15 poverty-relief workshops, absorbing 228 workers to take part. Employing the 5000 yuan subsidy provided for each household, for example, 50 relocated households from Minle Town took part to upgrade and expand a tea plantation and raise its yield after investing a total of 70,000 yuan. Resettler households have been hired on priority basis in the tea business and they are also involved in negotiating tea sales contracts and designing development plans.

- Development of photovoltaic power generation projects. Resettled villagers are encouraged to connect their home electricity supply by using sunlight to generate photovoltaic power. Such power is also used for villagers to invest in their cultivation of different crops, aquaculture and value-added processing of agricultural products.

(iii) Other measures to promote employment and income

- Employability recording of resettlers: A logbook system has been set up by recording details of resettlers, including their age group, educational and skill levels, and job preference. For those already being employed and those still waiting for employment, their skills and job preference are studied, and the type of training they hope to acquire. Having compiled their personal profiles in the data bank, data are shared as a pool among different levels of local government departments, public and private enterprises and various cooperatives. Appropriate arrangements are then made in the deployment of jobs. Updating of individual data is constantly executed by a computer system to facilitate such allocation of jobs.

- Encouraging enterprises and social organizations to offer employment to resettlers. An incentive system has been set up to encourage enterprises to take in resettlers.

Employers are offered social insurance subsidies or one-time job subsidies when they open up a stable employment for them. For instance, a sum of 200 yuan of social security benefits is given to an employer who offers a 3- to 6-month of stable employment to an individual. More subsidies are provided for longer employment periods. A subsidy of 250 yuan per person is provided for a maximum of 12 months from the seventh month.

- Posting of higher education graduates and supporting them to set up enterprises. Over 90 per cent of such graduates normally get employment within a year after graduating. For those about to graduate, what has been done is that each one is recommended jobs twice within a year after leaving school. More importantly, they are encouraged to start their own business which is considered a better way to bring them out of poverty. Free guidance is given to such potential entrepreneurs, and an eligible person is given a loan of up to 100,000 yuan to start a business venture, and this policy is also applicable to those who choose to return from the city to start a business in their home town or village.

- Matching job skills to new employment services for relocated workforce. In Yongping Town, Yiban Township, Bi'an Township, an employment transfer service centre has been set up to provide job transfer service to resettlers. During the "Employment Assistance Month", "Private Enterprise Recruitment Week" and other special activities, work fairs are organized as a platform by the township governments for enterprises to meet up with relocated villagers, serving as a recruitment "green channel", with job offers at the villagers' doorstep.

(iv) Using household publicity method to motivate enthusiasm

From the policy point of view, follow-up actions are seen as imperative to enhance effectiveness of resettlement. Initiatives have to come from cadres stationed in the village. From September 2018, cadres pay visit to resettled farmers once a week, finding out their livelihood difficulties and helping them with possible solutions. By understanding farmers' work plan, cadres normally have a meal together with them and hold a meeting to discuss issues; all these activities have improved their mutual relationship and mutual trust.

Educational forums are also held to propagate ways to build up "civilized villages" which include family management, improving village sanitary services, and effective ways to work and help each other. During the meetings, villagers are encouraged to express their views and share their own experience as to how they have improved their decent income. The purpose of such discussions is to motivate people's enthusiasm in making extra incomes.

From our survey, we found a resettler named Mr Ye who used to live alone in the old village, where he spent much time in heavy drinking with no interest to improve his life. After coming to the new village, he saw a entirely changed social environment where people enjoyed a new life of hope. He was influenced by his team members and the village cadres who kept giving him encouragement. He began to understand that poverty reduction must come from one's own effort. After moving into a new home, his living conditions have changed dramatically, and he now has more exposure to new things and job opportunities, and is prepared to learn new skills.

4. Existing Problems

As said, Jinggu County implemented its relocation plan in 2016, and completed its relocation in 72 sites with basic infrastructure provided in 2018. Follow-up actions have been taken up since 2019 to consolidate the results of poverty alleviation. Actions include the assurance of housing security, and improvement in income, access to medical care, education facilities, and living conditions in general.

Relocation project consists of a relatively long period of effects. The quick-impact refers to the assurance of housing security in a shortest possible time. Long-term effect refers to the follow-up development associated with adaptations of farmers' living habits. Due to limited education standards, farmers after moving to a new place could find problems in survival and livelihood. Having left their familiar living environment, they might encounter in their new life some sort of psychological exclusion, especially when they have been cut off from the production materials they used to have. They should be prepared to face the new challenge of survival, which is "moving out, be steady and then getting better off" (Xinhuashe, 2020). To achieve this objective, they must remove obstacles that hinder their efforts to improve income, as soon as possible by adjusting to the new environment which is a long cycle.

For Jinggu County resettlers, fighting poverty is just the beginning. Overcoming different types of difficulties and adaptations is no easy task. For example, housing size tends to be smaller than farmers' previous houses built within their own land plots. Administrative procedures and paper work are sometimes more complicated than they have expected, notably in the area of compensation and disputes. To some, adaptation is not that straight forward. From our interviews and questionnaire survey, it is possible to sort out the existing problems that require good follow-up actions.

Case 1: Mangnai resettlement site in Weiyuan Township is Jinggu County's most populous site and it is also Pu'er municipal government's prototype model for show to outsiders. The settlement is 7 km from Weiyuan, close to the provincial road. With good accessibility and locational advantage, a total of 193 households or 793 people moved into five administrative villages of the resettlement area.

During our visit in September 2020, we saw resettled villagers gathering around the village compound, and we were welcome by villagers who played violins and sang songs. To us, they expressed their gratitude to the Communist Party and the government with great joy shown on their face. They said they have concrete floors in the new house, their children go to school much more easily than before, and it is convenient to market their farm produce in the central market and visit their neighbours. The village we visited had 166 households, all of which now lived in new buildings. They said their old village which was more than 40 kilometres away from the county town, had no primary school, and children had to travel 15 kilometres to a school in a larger village. Now, they can easily consult a doctor.

The village party secretary of Qianjiacun also told us that relocation was organized on the "one household, one house" principle. After the move, old houses in the former village were demolished and land was returned to greenery because of poor suitability to farming. There was an exception however. Xu Yingwu was a 53-year-old man in a household of two and he was living with his mother Wang Jialan, aged 90. Having been long addicted to alcohol, he was unable to work as a regular worker. As his elderly mother was unwilling to move to the new concrete house in the Mangnai

resettlement site and given Xu's limited ability to work, they were allowed to stay on in the old village to lead a simple life.

(i) Problems

a) Reemployment is slow. The dualistic rural-urban issue has brought along new problems to resettlers after the move, as the new urban-like living environment is completely different from their previous rural environment." (Zou & Xiang, 2017:76). Arguably, relocation is merely the means but the purpose is poverty alleviation of the farmers. As such, developing a variety of economic activities serves to bring up the resettlers with higher incomes. Thus, it is key that those activities introduced must be sustainable in both income and business returns. To this end, as said earlier, the local county government has adopted measures to establish information banks in order that poor households could be trained a variety of skills. However, there are problems that could be summed up as follows:

- The fact is that training skills are often difficult to match jobs needed. In order to further improve the production technology level and employability of poor households, the Jinggu county's human resources and security bureau has organized training in pig and cattle breeding, tea cultivation, and skills in cleaning, welding, mud-brick design. Training is divided into two categories: a) longer term training organized during off-farm periods in groups lasting from 15 to 30 days. This normally covers welding and mud-brick design; and b) short-term training organized during busy farming period with on-site supervision provided. This covers livestock raising and economic cropping skills. Site supervision is most appropriate for the latter category because it is much easier to understand techniques and skills involved while doing the job and it is effective for supervisors to pinpoint mistakes on the spot.

- Lack of means of production is often a problem. After leaving their old farms, resettlers could hardly use tools they have brought along from their old homes. Going back to their old farms to cultivate something is far away even if it is allowed. The new place, however, has no provision of extra plots for farming purposes, and this has created among the resettlers a sense of disorientation. Many resettlers thought they could have created additional income or for self-consumption by having a vegetable or pig or fish raising plot near the new home. But this is not possible as there is no provision of additional land plots for such purpose in the original plan.

Though farming cooperatives have been created to allow richer farmers to guide or to employ resettlers to generate more incomes, the results so far have been unsatisfactory. In our interviews, it was found that some relocated farmers were unaware of the establishment of farmers' professional cooperatives in their villages or jurisdictions. The 1000 yuan provided to richer farmers to offer guidance is also felt to be too small and ineffective (Jingtuo Zhifa, 2017)

(b) Demolition of old houses has not been easy and smooth. Based on the principle of relocation, households having demolished their old houses and ancillary facilities, and buried all debris properly will be compensated a sum of 6,000 yuan. However, it was found that there were problems with households who have been relocated more than 50 km away as many have refused to do so. From our questionnaire survey, we realized that problems arose because, first of all, the distance was a barrier for them to return to demolish their old homes and handle livestock and other production materials on time due to difficulties and cost involved in travel.

Secondly, further away relocation sites have often less satisfactory facilities and this has made more difficult for resettlers to adjust to their new life. Simply said, certain elderly people are just reluctant emotionally to leave their old homes to which they have been attached for a long long time. Consequently, some have opted even to stay on and continue farming and keeping their livestock (Zhang, 2018: 77).

(c) Arbitrary construction of housing extension area. New houses provided to resettlers are based on household sizes, varying from 25 square metres for a single person to 150 square metres for a 6-person household and more. Household size however can increase with new babies born or additional needs after relocation. Some households have chosen to build their house extension without formal approval which has created unsightly structure as a result. Also, some aged people have never used electric utensils such as rice cooker. They would build a small kitchen extension to do cooking. Planning and design standards have hence been infringed upon. Naturally, it is extremely difficult and unpopular for officials to order them to demolish the added structure. Thus, they have been left as they are, at least for the time being.

Li Xuezhong is a case in point. Li used to live with his mother and a younger brother. They were relocated to a 75-square metre house at Mangnai settlement in Weiyuan Township, with two bedrooms, a kitchen and a living room. One of the two bedrooms was used by the mother, and the other shared by the two brothers. Soon after relocation, Li Xuezhong's brother got married and had a son. This household suddenly saw the increase from three people to five, making it very tight in getting around. They decided to convert the kitchen into a bedroom, and used simple materials with asbestos tiles to build a small kitchen outside in the yard. Li also leased a plot of land near the settlement to grow corn. Given the need to store the harvested crops, he transformed his living room to make it a storage room. From the practical need of the family, it is realistic that they have to solve their accommodation problems the way they could.

(d) Difficulties in social adaptation. There is no doubt that poor households from an adverse living environment have started after relocation to enjoy housing security, employment and school for their young. Nevertheless, moving from remote villages to better-developed areas, there is an urban and rural cultural gap that would emerge in their new life coupled with psychological pressure and impact that requires farmers to adapt. Compared with the countryside, the new urban-like life is competitive and fast-paced. Living previously in a small village where neighbours are familiar with each other and the production mode is simple and unique, the town has the characteristics of diversity and greater extent of indifference. Adjusting one's rural behaviour and way of life to an urban one definitely needs a relatively long period of time.

Clearly, adjustment requires adaptation in production lifestyle, and consumption patterns. In the old village, farmers were free to farm on plots allocated which on average was five *mu* or more. Besides growing rice and other cereals, they could raise livestock and have fruit trees and vegetables as they liked. Though cash income was generally low, they were able to make ends meet, and elderly people above 60 usually were satisfied with that kind of life.

After moving into the urban-like settlement, most of the relocated farmers have found their farmland is quite a distance away, and the land size for each household is much smaller. Getting a larger plot of land for farming requires rental to be paid. Given their low education level, many farmers have also found difficulties in picking up

new skills especially those needed for technical jobs. Moreover, unable to grow their own vegetables and raise a few chickens for self-consumption, they need much more cash to meet daily needs from the local market. Other household expenditure has also increased, such as piped water, electricity, garbage removal costs, to name just a few (Liu, 2018:42).

(e) Management deficiency. Handling resettlers from different villages in one new community requires unique management and coordination skills. During the first year of relocation, the management committee was first formed by nominations from all villages involved so that each would have a representative. As they were picked by public officials and not elected by their own respective villagers, instructions handed down to villagers sometimes were ignored. Moreover, committee members who worked without allowance and adequate fund would have little incentive to take up responsibility to perform. Consequently, bill collections were slow and maintenance jobs were not done up to the standard.

(f) Many Sustainable development issues needs skillful handling. The sustainable development and consolidation of poverty alleviation achievements after the relocation of the displaced people need to be careful proposed. Poverty alleviation relocation is an important issue. It is particularly important to consolidate the achievements of poverty alleviation in the border minority areas and prevent them from returning to poverty relocation implementation results and do a good job in the follow-up development of relocated people (Gao and Wang,2021:70).

Finally, registration for the transfer of residency from the old village to the new site has not been executed in good time. As a result, some resettlers have to go back to their old village to get some paper work done, as in China the seal of the local authority is a must when one has to make applications of some kind.

5. Countermeasures and conflict resolution

- Expedite follow-up actions: Training of new skills is an urgency that cannot be delayed. New skills especially technical skill training will enhance the competitiveness of resettled households in the job market. Skill training should aim at areas where supply is insufficient and this has to be identified through market research, as matching market demand and skills supply is critical. Where necessary, intensive training and on-the-job training have to be conducted.

- Encourage private enterprises to take part and develop industries with local characteristics and resources made available that the local population including the resettlers are familiar with. To make it more attractive, the government authorities should provide incentives to such enterprises such as tax exemption in the first five years. Along with such investment, proper training with the sponsorship of local government and the enterprises should be provided to resettlers to prepare them for the job.

As said earlier, developing photovoltaic power plants in Mangnai resettlement site of Weiyuan Township has a good potential given the relatively flat site with rich sunlight supply. From the present scale where 199 households have already been involved and an average household income of over 2000 yuan has been made, it is possible to expand the scale to a greater extent.

- Improve the management mechanism and promote the autonomy of villagers

Villagers including the resettlers should be recruited into the management committee. The committee has different sub-committees under the coordination of the president such as building, public environmental and health, resettlement issues etc. Committee members should be those with calibre and strong sense of responsibility from different relocated villages. Their term should be one year renewable yearly upon reelection. At this moment, committee members have no remunerations. An incentive mechanism should be set up to encourage them to perform better and take up more responsibility. In fact a role model system should be established so that those with excellent performance will be rewarded in kind or in cash. This will serve as a measure to improve the work of the members of the management committee.

Moreover, the management style of the elected committee must be transparent and open, willing to explain to the villagers the rationale of various charges and how fees collected are spent. Full accounts should be made public for verification and finally audited by a qualified auditor. With good involvement of the villagers, the sense of identity and participation can be built up. Reasonable rules and regulations should be drawn up or updated to cover details of the collection of fees, duties of personnel assigned to perform certain tasks will therefore be made clear and follow-up actions are monitored.

- Increase policy advocacy and stimulate endogenous motivation

People can be motivated to be self-reliant, to work hard and to maintain their interests to respond to poverty relief policies, rather than passively cooperate in the implementation of policies, as suggested by Zhai et al. (2019:22). In order to offer help towards poverty alleviation, tens of millions of public servants and civilians have offered themselves to fight on the poverty frontline in many aspects, not just in terms of income, but also in housing, education and health. In health issue, major illness insurance, medical insurance and basic medical care have been on the pipeline. However, poor households must help themselves in order to be helped effectively and this has to come from their own endogenous motivation, as it is the key element for the poor people to get out of poverty.

Nevertheless, many poor households have the mentality of dependence. They refuse to find their own way, instead their response to job training is not proactive. It is imperative therefore to strengthen ideological education to stimulate the residents to aspire them to do so.

- Strengthening social adaptability of the displaced population

Of the three main objectives of relocation, getting those who have 'moved out' and 'get steady' in the new life is the key focus and a positive rule on relocated households. That means adapting changes from an old environment to the new one, including establishing new interpersonal relationship is critical (Long et al., 2019). After moving, displaced farmers would experience the transformation of not only consumption pattern, way of life but also mode of production. Apart from improving income, new harmonious social relations have to be created with new neighbours and the neighbourhood as a whole which will help resettlers free themselves from the feeling of strangeness and exclusion. Therefore, the management committee needs to establish communication links among resettlers and local population. Organizing group public dance, singing folk songs and other activities during seasonal festivals or in the form

of contests is capable of enhancing neighborhood interaction, eliminating strangeness and feelings of isolation or loneliness.

Furthermore, expediting household registration process in the new site would help them associated more closely with the new environment. After they have settled down, resettlers should be encouraged to participate in the election activities which will enhance their sense of localized identity. As the scholar Ye Jihong has noted, cultural interaction is the coagulant of interpersonal relations, getting residents in the community to participate in cultural activities not only can establish mutually beneficial trust relationship, but is also conducive to improving neighbourhood relations (cited in Long & Liu, 2019:116). Through social capital, cultural interpersonal relations building, it has a great significance in the construction of a bonded community.

For Jinggu County which is an autonomous county with large numbers of Yi and Dai minority groups, ethnic Han farmers who have moved here would find cultural and social practices different from theirs. Therefore, it is highly useful to organize cultural performances characteristic of ethnic minorities with the participation of the Han resettlers. Strengthening cultural exchanges and interaction between local residents of different ethnic groups would consolidate partnership and identity building with the local community, thus promoting mutual understanding as well as a harmonious and friendly neighbourhood relations.

6. The social benefits of poverty alleviation

Poverty has always been an important problem troubling our development, and eliminating poverty is one of the core tasks to achieve regional sustainable development (The World Bank Research Observer,2013:140). Due to Yunnan's rugged topographic terrains, relocation is a valid method in poverty relocation and creates a lot of benefits, In order to consistent with the five pronged strategy overall plan for the cause of socialism with Chinese characteristics, we will promote poverty alleviation progress in economic, political, cultural, social and ecological areas: as we can see in our survey, the sum of income after move, the living expenses, the wage income of relocations have improved obviously; The political benefit mainly refers to the targeted poverty alleviation policy of the relocated poor households after the implementation of the relocation project(Lu and He,2018:78),as the income and infrastructure have been ameliorated, which have widely and highly appraised in the world; as we see in our survey, the expenditure of entertainment and education facility have greatly improved; after the relocation, the farmland has been turned back, the rocky desertification has been improved, it will be good to conserve water and soil, and the nature reserves construction.

Conclusion

After almost 10 years of fighting poverty vigorously since President Xi took over the national leadership in 2012, nearly 100 million of Chinese poor people have been lifted out of poverty which is indeed a remarkable result (People's Daily, 2021). This study used Jinggu County as a case study and we have discovered that relocation is not an easy task. Besides the provision of public services and subsidies, training and re-training of resettlers and their adaptation capacity to new life are issues that need to be strengthened as an important follow-up action. Government planning must also cover the feasibility study of potential crops and industries that can help resettlers raise income. Local conditions, market potential and the suitability issue are another key fac-

tor that can be critical to the success or failure when introducing economic activities. Certainly, resettlers are themselves the key decisive factor in changing their own destiny as to improvement of income and creation of a better future for their children. Initiatives come from resettlers and the public authorities can only play the role of facilitators and guidance.

Despite certain problems such as adaptation and skill deficiency, a total of 3721 resettlement housing units for 14,292 people in the whole Jinggu County had been completed by the end of 2018. There is housing security, and resettlers' living conditions have improved and income has improved. As a whole, poverty reduction has been effective in the Jinggu County's experience. However, follow-up developments have remained an uphill task. Promoting industrial development, improving the management mechanism, and advocating more villagers' autonomy, as well as stimulating endogenous motivation among villagers are a long-term process, which will serve as a basis towards a brighter rural revitalization and urbanization era. This is seen as the right development path, which will substantively achieve the objective of poverty alleviation paving a better off future.

References

1. Hu, Shilin (2019). Review and prospect of domestic research on legal governance of poverty. *Dynamics of Social Sciences*, 7, 17–22 [in Chinese].
2. Jingbanfa (2016). Relocation implementation plan of the Jinggu Autonomous County. No. 36. Unpublished report. Jinggu, Yunnan [in Chinese].
3. Jingtuo Zhifa (2017). Notice for relocation implementation plan of the Jinggu Autonomous County. No. 49. Unpublished report. Jinggu, Yunnan [in Chinese].
4. Liu, Jinjie (2018). We will increase social assistance and social security to help alleviate poverty. *Contemporary Jiangxi*, 2, 42–43 [in Chinese].
5. Liu, Xiaoling (2020). Connotation and value of Xi Jinping's important exposition on poverty alleviation and governance. *Studies on Marxism*, 12, 62–71 [in Chinese].
6. Liu, Yuqiong & Liu, Shaoxiang. (2020). An Analysis of Foreign Legislation Mode of Poverty Alleviation and the Chinese Path Choice. *Social Sciences Abroad*, 6, 93–104 [in Chinese].
7. Long, Yanyi & Liu, Xiaomin (2019). Interpretation of 'living space'—from the perspective of relocation policy of poverty alleviation from inhospitable areas. *Seeker* 1, 114–121 [in Chinese].
8. People's Daily (2021). Writing the Chinese miracle in the human history of anti-poverty, dated 02 January 2021. http://www.gov.cn/xinwen/2021-01/02/content_5576179.htm.
9. Song, Lidan (2021). Targeted poverty alleviation helps build a new development pattern: advantages and world significance of China's targeted poverty alleviation from the perspective of comparison between China and the West. *Studies on World Socialism*, 1, 48–60 [in Chinese].
10. Xi, Jinping (2015). The trumpet of the battle against poverty has sounded, the whole Party and the whole country have set their goals and worked hard. *People's Daily Overseas Edition*, November 01 [in Chinese].
11. Xi, Jinping (2017). *The Governance of China*, Vol.2. Beijing, Foreign Languages Press. 85 [in Chinese].
12. Xi, Jinping (2020). *The Governance of China*, Vol.3. Beijing, Foreign Languages Press. 159 [in Chinese].
13. Xinhuashe (2020). Xi Jinping mentioned about this more than 20 years ago. http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-06/11/c_1126098936.htm.

14. Ye, Jihong (2012). The transition and reconstruction of social network on immigrants in farmers concentrated residence community. *Journal of Social Sciences*, 11, 67–75 [in Chinese].
15. Zhai, Shaoguo; Zhang, Xing & Zhou, Qingxu (2019). Policy evolution and innovation of relocation for poverty alleviation. *Journal of Northwest University (Social Science Edition)*, 1, 15–22 [in Chinese].
16. Zhang, Jian (2018). Relocation of poverty alleviation under the vision of campaign-style governance. *China Agricultural University Journal of Social Sciences*, 5, 70–80 [in Chinese].
17. Zhang, Yuan & Duan, Wen (2020). Challenges faced by relative poverty research and governance and its enlightenment to China. *Social Sciences Abroad*, 6, 57–65 [in Chinese].
18. Zou, Guangling & Li, Kun (2020). The Global Value of Xi Jinping's poverty alleviation. *Studies on Marxism*, 9, 54–61 [in Chinese].
19. Zou, Ying & Xiang, Deping (2017). Difficulties in giving status of city-dwellers to impoverished households in relocation poverty-alleviation program and its path choice. *Journal of Jiangsu Administration Institute*, 2, 75–80 [in Chinese].
20. Lu Neng & He Hao (2018). The Benefits Evaluation of Relocation of Poverty Alleviation: Theoretical Basis and Preliminary Study of System, *Journal of Northwest University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 7, 75–83 [in Chinese].
21. Gao Dashuai & Wang Rui (2021). Study on Effectiveness Evaluation of Poverty Alleviation Relocation in the Frontier Minority Areas: A Case of Gongshan Dulong Nu Autonomous County. *Journal of Yunnan Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 5, 70–78 [in Chinese].
22. Ravallion M. How Long will it take to lift one billion people out of poverty? *The World Bank Researcher Observer*, 2013, 28(2):139–158.

Научная статья
УДК 33.339
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-143-147

ЦИФРОВЫЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ И КИТАЯ: ВЫЗОВЫ, БАРЬЕРЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

© **Субанова Ольга Сергеевна**
кандидат экономических наук, генеральный директор,
ООО «Топатет консалтинг»
Россия, г. Москва
nihao@tolmuch.com

Аннотация. В работе рассматриваются ключевые вызовы и барьеры, с которыми сталкиваются российская и китайская цифровые экономики на современном этапе развития. Акцентируется внимание на проблемах контроля за оборотом данных, концепта «данные как торгуемый актив», укрепления технологического суверенитета. **Ключевые слова:** цифровая экономика; технологический суверенитет; управление данными.

DIGITAL ECONOMIES OF RUSSIA AND CHINA: CHALLENGES, BARRIES AND OPPORTUNITIES

© **Olga S. Subanova**
Topatet consulting, Ltd
Russia, Moscow
nihao@tolmuch.com

Abstract. We consider main challenges and barriers faced by digital economies of Russia and China. Focused on data governance and data turnover, 'data as a tradeable asset' and problems of developing tech sovereignty in both countries.
Keywords: digital economy, technological sovereignty, data governance.

Активизация усилий России по укреплению технологического суверенитета в условиях разнообразных экономических санкций и ограничений, введенных весной 2022 года, определяет новые вызовы и задачи развития цифровой экономики. Успешное технологическое развитие России, как и цифровой экономики в целом, зависит, в том числе, от способности оперативно нивелировать отрицательные последствия разрыва экономических отношений, прямых запретов на использование зарубежных технологий, сервисов и продуктов зарубежных стран, прежде всего США и Европейского союза.

Многолетний опыт Китая в защите национального технологического суверенитета и противостоянии ведущим американским ИТ-корпорациям (Amazon, Alphabet (Google) и др.), на фоне очевидных успехов в развитии национальной цифровой экономики интересен для изучения и сравнительного анализа.

Преобразование экономики в цифровую под влиянием технологических новаций носит необратимый характер, поскольку последние обеспечивают цифровую информационную связность окружающей действительности, охватывая уже

не только бизнес, но и государственное управление, социальную сферу и т. д. Наблюдаемые экономические процессы свидетельствуют об усилении роли и вклада цифровой экономики в стратегическое развитие страны, наряду с этим актуализируют острые проблемы защиты национальных интересов.

Глобальная пандемия COVID-19 ускорила процессы цифровизации [1], став катализатором социальных, экономических изменений, появления новых форм общения и образа жизни миллиардов людей. Закрытие границ и жесткие ограничения физических перемещений, регулирование доступа к объектам инфраструктуры, ускорили внедрение разнообразных технологий, прежде всего информационно-коммуникационных, что также способствовало многократному увеличению объемов генерируемого трафика и контента, трансформируя не только сложившиеся ранее экономические процессы, но и стимулируя появление новых. Глобальная цифровая экономика, как цифровые экономики отдельных стран получили новый импульс развития. Не стали исключением Россия и Китай.

Китайская цифровая экономика занимает ведущие позиции в мире, то для лидерства российской потребуются наращивать не только темпы цифровизации, обновляя технологическую инфраструктуру, развивать отечественную программно-аппаратную базу, повышать квалификацию персонала. Цифровая экономика любой страны это, прежде всего, кадровое обеспечение, информационно-коммуникационные технологии, развития технологическая инфраструктура, физические объекты, обеспечивающие возможность генерации, сбора, обработки, хранения и передачи разнообразных данных и информации, программное обеспечение и т. д.

На протяжении нескольких десятилетий, в стране с наибольшим в мире числом интернет-пользователей законодательно и институционально ограничивают деятельность зарубежных корпораций, создавая условия для развития национальных технологических компаний, ускоренного развития информационно-коммуникационной инфраструктуры. Согласно официальным данным, по состоянию на 31.12.2021, в Китае установлено 1,4 млн станций 5G, что составляет 60% от мирового [3].

Согласно официальным данным, в 2020 году добавленная стоимость основных отраслей цифровой экономики Китая составила 7,8% от общего объема ВВП. Увеличиваются темпы цифровизации промышленности, расширяется использование облачной инфраструктуры, в том числе промышленного интернет. Активно развивается электронная торговля, широкое распространение имеют онлайн-покупки, трансляции в реальном времени и т. д. [2].

Китайские технологические корпорации (Tencent, ByteDance, Huawei и др.) входят в списки ведущих по рыночной капитализации компаний, их успехи как внутри Китая, так и за его пределами, объясняются используемыми инновационными бизнес-моделями, сетевыми эффектами и активному следованию стратегии «победитель получает все». В стремлении формировать вокруг своих продуктов и услуг определенную «среду обитания», так называемые экосистемы, китайские технологические компании становятся все более привлекательными для существующих и новых пользователей, независимо от их физического местонахождения.

Стратегии интернационализации у китайских компаний разные, но используемые бизнес-модели и технологические возможности позволяют оперативно «проникать» через физические границы стран. Запаздывание нормативно-правового регулирования как на глобальном, так и национальных уровнях в силу быстрого появления технологий и инновационных бизнес-моделей, позволяет китайским компаниям наращивать рыночную мощь, вступая в конкурентную борьбу, прежде всего, с американскими ИТ-корпорациями.

Обладая необходимыми ресурсами для внедрения инноваций, китайские компании способны влиять не только на скорость распространения цифровых продуктов, но и формировать новые стандарты и правила, т.е. оказывать влияние на развитие институциональной поддержки цифровой экономики отдельно взятой страны или региона. Пример популярного приложения TikTok компании ByteDance служит наглядным примером успешной глобальной экспансии одного из лидеров цифровой экономики Китая. Законодательные инициативы ряда стран (Индия, США и др.) по ограничению или полному запрету TikTok на территории своих стран свидетельствуют о стремлении институционально защищать цифровое пространство, в том числе за счет усиления контроля за оборотом данных пользователей, обрабатываемых популярным приложением.

Инициативы и внимание законодателей разных стран к процессам сбора и обработки данных, их конфиденциальности, в особенности, последующей трансграничной передаче, являются вызовами для успешного развития цифровой экономики. Так, в Китае, с 1 ноября 2021 в КНР вступил в действие Закон о защите персональной информации (Personal Information Protection Law, PIPL). Закон имеет экстерриториальный характер и поэтому касается всех, кто работает с персональными данными граждан Китая. Вне зависимости от территории, в любой части планеты.

Согласно «Плану развития цифровой экономики на 14-ую пятилетку» внимание в Китае будет уделено развитию рынка данных и всестороннему продвижению цифровой трансформации промышленности, а также реализации 11 ключевых проектов, в числе которых: повышение качества данных, инновации в области цифровых технологий, развитие новых форматов цифровой экономики, развитие «умных» городов нового типа и строительство цифровых деревень.

Информация и данные в Китае это факторы производства, а доступ к ним и их последующая обработка – важное стратегическое преимущество. *Вызовом для развития цифровых экономик являются инициативы по превращению данных в торгуемые активы (tradeable assets)*. Открытая 25 ноября 2021 года в Шанхае первая в мире биржа данных (Shanghai Data Exchange) это первый институциональный шаг по организации инфраструктуры торговли данными, на бирже представлены наборы данных 8 отраслей (финансы, транспорт и пр.).

Важным шагом с практической и научной точек зрения станет возможность трансграничной торговли данными, создание правил идентификации владельцев данных, методик и инструментов определения стоимости, механизмов выстраивания доверия между продавцами и покупателями, доступные формы совершения транзакций и т. д. Торговля данными (данные как торгуемый актив) ставит новые вопросы в отношении конкуренции, как на национальном, так и на глобальном уровнях.

«План развития цифровой экономики на 14-ую пятилетку» предусматривает реализацию 8 аспектов, а именно: оптимизацию и модернизацию цифровой инфраструктуры, использование в полной мере цифровых данных, содействие цифровой трансформации отраслей промышленности, ускорение продвижения цифровой индустриализации, повышение уровня цифровизации государственных услуг, совершенствование системы управления цифровой экономикой, укрепление системы безопасности цифровой экономики и расширение международного сотрудничества в сфере цифровой экономики [2].

Как уже было отмечено, *укрепление технологического суверенитета стран является важным вызовом на пути развития цифровых экономик*. В условиях технологического доминирования отдельных стран, возникает новая повестка формирования системы защиты, включая полный или частичный запреты на использование технологий, оказывающих влияние на межотраслевое и межстрановое взаимодействие, а также конфигурацию и формы международных экономических связей. Пример Китая с контролем за допуском иностранных технологических компаний может служить хорошим примером решения задач национальной безопасности.

Цифровая трансформация определяет задачу пересмотра традиционных подходов к управлению и регулированию экономики, новые технологии меняют экономическую действительность. При этом, следует отметить, что трансформация происходит не одномоментно, а в течение какого-то времени, по мере распространения информационно-коммуникационных технологий и внедрения инноваций. Из этого следует, что определенный промежуток времени цифровая экономика функционирует наряду с традиционной, что порождает ряд проблем, связанных с оценкой, конкуренцией, получением преимуществ от цифровизации и интеграции в цифровое пространство «всех и каждого», измерением показателей и темпов цифровой трансформации экономики и т. д.

Подходы к оценке вклада цифровой экономики базируются на разных теоретических концептах, вместе с тем не вызывает сомнений, что помимо прямого вклада в ВВП страны, существует и косвенный «непрямой», затрудняющий процессы количественной оценки. Затрудняет расчет и необходимость учета вклада импортируемых информационно-коммуникационных технологий и услуг, предоставляемых зарубежными странами.

В отличие от Китая, цифровая экономика России более зависима от иностранных (в том числе китайских) информационно-коммуникационных технологий, патентов, оборудования, услуг и т. д. Большую территорию страны и неравномерность темпов цифровой трансформации в разных регионах также можно отнести к барьерам на пути развития российской цифровой экономики.

Одним из значимых феноменов влияния ИКТ на развитие цифровой экономики стало появление и активное распространение технологических онлайн-платформ, под которыми понимают бизнес-модели, использующие программное и аппаратное обеспечение, стандарты и правила, регламентирующие права и обязанности участников платформы. В отличие от традиционной, линейно или «конвейерной» цепочки создания стоимости, в которой последовательно задействованы производители, посредники и потребители, платформы используют нелинейную «матричную», в которой роли производителя и потребителя могут

быть выбраны исходя из сложившихся обстоятельств и ресурсов платформы. Нелинейная цепочка создания стоимости, используемая в платформах, устраняет посредников, обеспечивая производителей прямыми контактами с потребителями, предоставляя последним большую свободу выбора с учетом их индивидуальных потребностей и предпочтений. С этих позиций, а также с учетом доступа к производственной инфраструктуре, возможности обрабатывать огромные массивы данных и информации, выстроенных вокруг платформ экосистем, позиции китайских технологических компаний сильны, а их вклад в развитие цифровой экономики Китая столь значим, что получил название «экономика ВАТ» по первым буквам популярных платформ (Baidu, Alibaba, Tencent).

Развитие цифровых экономик через платформы имеет преимущества и недостатки. По мере увеличения количества пользователей платформ повышается ценность их использования (двусторонний сетевой эффект с положительной обратной связью), с другой – отказ от их использования может привести не только к информационной, но и фактической «изоляции» экономических агентов. Нагляден пример иностранных платформ Booking.com, Airbnb ушедших из России весной 2022 года.

Проблемы, возникшие с уходом иностранных компаний, с одной стороны, подчеркнули важность укрепления национального технологического суверенитета, с другой – открыли возможности ускоренного развития российской экономики, в том числе цифровой. Прогнозируемый дефицит энергоносителей, ограничение поставок российских редкоземельных ресурсов для производства технологического оборудования и другие последствия масштабных санкционных ограничений окажут негативное воздействие на темпы развития цифровых экономик в недружественных для России странах. Что открывает перспективы для ускоренного развития цифровых экономик России и Китая.

Литература

1. How COVID-19 has pushed companies over the technology tipping point — and transformed business forever URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/how-covid-19-has-pushed-companies-over-the-technology-tipping-point-and-transformed-business-forever> (дата обращения: 05.06.2022).
2. В 14-й пятилетке цифровая экономика перейдет на новую стадию доступного всеобщего блага URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2022-01/21/content_78003145.htm (дата обращения: 05.06.2022).
3. 工信部：中国 5G 基站总量占全球 60% 以上 URL: https://mp.weixin.qq.com/s/NQIivhdwHqZdX_AMAAvqFw (дата обращения: 06.06.2022).

Научная статья
УДК 1+316.75
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-148-152

БУДДИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ

© **Хандархаева Виктория Викторовна**

старший преподаватель,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии бурятского научного центра
Сибирского отделения Российской академии наук,
Россия, г. Улан-Удэ
khandarkhaeva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается буддийская дипломатия как фактор «мягкой силы» Китая. Термин «мягкая сила» вызывает несомненный интерес в современном обществе, впервые введенный американским политическим деятелем Джозефом Наем 1989 г. в работе «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы». В Китае фактору «мягкой силе» придают особую значимость. «Мягкая сила» содержит в своей основе принцип достижения цели без применения давления. В статье подчеркивается, что эти принципы созвучны политическому направлению развития страны современного Китая направленного на построение гармоничного мира. Рассматриваются традиционные ценности буддизма, которые широко используются в современной политической стратегии Китая. Уделяется особое внимание к значимости буддизма, как языка дипломатии. Буддизм является надежной основой для расширения культурного и политического влияния Китая в странах Азии, а также в странах Европы и Америки.

Ключевые слова: буддизм, язык дипломатии, «мягкая сила», Джозеф Най, Буддийская ассоциация Китая, толерантность, миролюбие, политическая стратегия, гармония.

BUDDHIST DIPLOMACY AS A FACTOR OF CHINA'S "SOFT POWER"

© **Viktoria V. Khandarkhaeva**

Senior Lecturer,
Dorzhi Banzarov Buryat State University,
Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Buryat Scientific Center, Si-
berian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Ulan-Ude
khandarkhaeva@yandex.ru

Abstract. The article considers Buddhist diplomacy as a factor of China's "soft power". The term "soft power" is of undoubted interest in modern society, first introduced by the American politician Joseph Nye in 1989 in the work "Bound to Lead: The Changing Nature of American Power". In China, the "soft power" factor is given special importance. "Soft power" is based on the principle of attraction, achievement of the goal, without the use of subordination. The article emphasizes that these principles are consonant with the political direction of the development of the country of modern China aimed at building a harmonious world. The traditional values of Buddhism, which are widely used in the

modern political strategy of China, are considered. Special attention is paid to the importance of Buddhism as the language of diplomacy. Buddhism is a reliable basis for the expansion of China's cultural and political influence in Asia, as well as in Europe and America.

Keywords: Buddhism, language of diplomacy, "soft power", Joseph Nye, Buddhist association of China, tolerance, peacefulness, political strategy, harmony.

Термин «мягкая сила» впервые появился в трудах политика Джозефа Ная, который посвятил данному концепту особую значимость. Впоследствии из теории, «мягкая сила» трансформировалась в стратегический инструмент многих стран во внешней политике. Дж. Най считал, что «мягкая сила» - это «способность воздействовать на других посредством сотрудничества в формировании программы воздействий, убеждения и оказания позитивного привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов» [2]. Каждое государство обладает своими культурными, политическими ценностями, а военные и экономические потенциалы представляются инструментами давления. При грамотном и правильном использовании этих ценностей, появляется возможность выхода на уровень международного престижа, в перспективе добиваться желаемых результатов на геополитическом, геоэкономическом пространстве [6, с. 39]. Культурная и политическая сила страны играет гораздо большее значение на международной арене, чем военная или экономическая мощь, потому что их применение исключает насилие и силовые методы при достижении стратегических целей государства, и именно эти ценности и считаются «мягкой силой» (软实力). Филимонов Г.Ю. предложил: «Уравнять государство с международными организациями, церквями, неправительственными организациями, транснациональными корпорациями, революционными движениями и др. При этом особо подчеркивалось, что разнообразные и сложные связи и взаимозависимости между государствами и обществами растут, в то время как фактор военной силы во властном балансе большинства стран снижается, уступая место культурной дипломатии» [7, с. 27]. Филимонов на «дипломатии» делал важный акцент, как ключевого инструмента, с которым возможно будет укреплять взаимоотношения и связи между государствами, минимализируя масштабные военные столкновения в мире.

В условиях развития технологий в разных областях современной науки, человечество прогрессивно продвигается вперед. Эффективное производство, результативность, скорость, выстраивание «мостов» и бизнес - площадок в интернет пространстве – все это особенности современного века. Следовательно, сегодня растворяются географические, культурные и многие грани между государствами, «возрастает роль религиозного фактора как консолидирующего и интегрирующего начала. Особая роль в этом принадлежит буддизму, благодаря тому, что он изначально не был вовлечен ни в какие религиозные и идеологические конфликты. Не вовлечен он и в сегодняшние конфликты» [9, с. 50]. Следовательно, в настоящее время буддизм (佛教) все чаще используют в качества фактора «мягкой силы» во внешнеполитических взаимоотношениях стран мира. В частности активно применяют и в Поднебесной буддийскую дипломатию, где

несомненно, принцип «мягкой силы» (软实力) плотно вошел в идеологию китайского народа. В ноябре 2006 г. во время проведения Всекитайской конференции председатель КНР Ху Цзиньтао (胡锦涛) выдвинул идею о значимости увеличении международной конкурентоспособности культуры страны и повышении мягкой силы государства [4, с. 149], где и впервые он официально озвучил термин «мягкой силы».

Согласно, историческим событиям огромную роль в проникновении и распространении буддизма в Китае сыграли странствующие паломники и монахи, наносившие частые визиты в Индии, передававшие буддистские тексты, реликвии, опыт изучения по религиозной практике. Китайский философ, монах Сюаньцзан (玄奘) стал посредником между правителями танского Китая и правителем Индии Харшавадханой, установивший между этими государствами религиозную и дипломатическую связь [12]. В индийские университеты со всего света приезжали ученые, которых интересовал буддийский университет Наланда, в котором проводились научные исследования в изучении буддизма [10]. Развитие буддизма не замыкалось на одной пропаганде учения. В этом случае, буддизм явился фактором «мягкой силы», благодаря которому, древние мудрые правители Китая могли распространить учение за пределы страны для взаимовыгодного расчета.

Различные философские учения, художественные и архитектурные школы, образ жизни верующего человека, взгляды на жизнь и мысли буддиста стали эпитомией буддизма. Буддизм, как фактор «мягкой силы» Китая стал отправной точкой и важным звеном для налаживания активных стратегических контактов и взаимовыгодных отношений между соседними азиатскими странами. Правители соседних государств регулярно вели переговоры по религиозным вопросам тесно связанные с буддизмом, отправляя и встречая миссионеров, принимая и отсылая различные буддийские реликвии. Буддизм древним правителям открыл выгодные и прагматичные сотрудничества со многими странами. Согласно историческим событиям в период проникновения и распространения буддизма в древнем Китае, переводческая деятельность текстов и реликвий были главным средством и орудием дипломатии того времени, и как правило, труды осуществлялись несколькими монахами из разных стран [11].

Буддистская дипломатия сыграла важную роль не только в период ее распространения и проникновения I в. - первая половина II в. н.э., но и оказала значимое влияние в выстраивании отношений Китая с соседними странами еще в 1950-е и 1960-е годы. В рамках устойчивого развития и налаживания взаимовыгодных отношений с Монголией, Шри-Ланкой, Камбоджей, Индией, Таиландом, Мьянмой, Лаосом, Японией, Индонезией и Непалом Китай осуществил несколько буддийских мероприятий «самым значимым из которых стало применение в дипломатических целях шарира - зуба Будды (佛牙), одной из телесных реликвий, сохранившейся в Китае» [13].

По словам Б.У. Китинова: «В последние годы буддизм становится не только популярной религией в разных уголках мира, но и объектом углубленного внимания со стороны государственных органов стран, на чьей территории это учение имеет распространение. Во внешнеполитической деятельности КНР немало-

важной является так называемая буддийская дипломатия - использование потенциала буддизма для реализации политических, экономических и иных интересов государства» [1, с. 55]. В. С. Кузнецов по этому поводу считал, что определение народной дипломатии покрывает собой и буддийскую дипломатию, т. е. «дипломатические акции, связанные с буддизмом как общественно-политический феномен» [3, с. 26]. Он отмечал, что буддийская дипломатия Китая применяется как духовный фактор в формировании экономически взаимовыгодного союза КНР, Японии и Южной Кореи. Китайский профессор Хуан Сянянь полагает, что у буддизма существует «много функций, таких как стабилизация общества и налаживание взаимоотношений со многими странами. Невозможно игнорировать такую функцию буддизма, как установление прочных связей со странами посредством культурного обмена. Если говорить современной терминологией, у буддизма существует важная функция — это способствование общению с другими странами, а главной формой такой функции является народная дипломатия» [5, с. 291].

Председатель Буддийской ассоциации Китая Ши Сюэчэн считает, что распространение религии осуществилось путем международного общения и дипломатии. Известны были случаи, когда «международное сотрудничество буддистов сильно повлияло на отношения между государствами и становилось примером для налаживания дружеских отношений» [5, с. 291] между странами. В наши дни осуществляется активная интернационализация государств, где все друг с другом сотрудничают, проводятся различные мероприятия, форумы, площадки. Ши Сюэчэн акцентировал, что религия — это отличный канал для проведения публичной и народной дипломатии Китая.

Старейшина Шэнхуи (圣辉), вице-президент Буддийской ассоциации Китая (далее сокращенно БАК- 中国佛教协会) и Президент Хунаньской Буддийской ассоциации, считает, что буддизм является значимой религией в мире. Нет этнических или национальных границ между буддистами всего мира. Без поддержки и защиты страны и общин, монахам просто невозможно практиковать даосизм со спокойствием ума и реализовывать свои желания распространять дхарму и приносить пользу в этой жизни [8]. По словам старейшины Шэнхуи, только мир может позволить людям со всего мира жить и работать в мире. Поэтому любовь к миру во всем мире, поддержание мира во всем мире и защита мира во всем мире являются величайшим делом для китайских буддистов и буддистов во всем мире. «Не делай зла, стремись ко всему хорошему и очищай себя» - это основная доктрина буддизма. В Китае существует поговорка Чжоу Эньлая (周恩来), который говорил: «Садись на лошадь, чтобы убить вора, слезай с лошади, чтобы изучать буддизм» (上马杀贼, 下马学佛) [8]. Этим Шэнхуи подчеркивал важность и значимость обучения буддизма в жизни людей.

Сегодня БАК поддерживает внешнюю политику Китая, занимается восстановлением разрушенных китайских древних храмов и монастырей, организует учебные образовательные программы для монахов и послушников, также активно пропагандирует свои учения за пределами Поднебесной. БАК принимает участие в религиозных международных форумах, например, Всемирное братство буддистов. В международной сфере создаются проекты для обмена опытом и

знаниями с буддийскими верующими со всего света, организуются делегации монахов во многие страны мира, например, в Европу, Африку, Америку. Благодаря буддийской дипломатии как фактору «мягкой силы», в современном китайском обществе с формированием значимости буддизма, придерживается и сохраняется гармоничный мир. Буддизм стал важным ключевым фактором в расширении культурного и политического влияния Китая с другими странами, идеи толерантности становятся все более актуальными и востребованными.

Литература

1. Китинов Б. У. Буддийская культура: от возможностей «мягкой силы» до потенциала Лумбини // Азия и Африка сегодня. Москва: Изд-во РАН, 2015. № 7. С. 53–57.
2. Кочетков В. В., Грачиков Е. Н. Идентичность как источник «Мягкой силы» Китая // Вестник Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2014 № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-kak-istochnik-myagkoy-sily-kitaya/viewer> (дата обращения: 30.11.2021).
3. Кузнецов В. С. Буддизм с «коммунистическим» лицом // Азия и Африка сегодня. Москва: Изд-во РАН, 2006. № 4. С. 25–29.
4. Лю Цзайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. 2009. № 4. 149 с.
5. Панькова Т. И., Джанабаева А. Э., Цзелинь Чжао. Буддизм как ресурс «мягкой силы» Китая // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. Выпуск 17 № 2. Москва, 2017. С. 290–300.
6. Регзенова Д. Б.-О. Исторический опыт стратагемности и принципа "мягкой силы" в социально-экономических реформах Китая: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Бурятский гос. университет. Улан-Удэ, 2012. 39 с.
7. Филимонов Г. Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / РУДН. Москва, 2013. 27 с.
8. Хунань цзюйсин джоунянь цидо шицзе хэпин фахуэй. (Состояние и обзор буддийской культуры. Буддизм). Пекин, 2022.
9. Янгутов Л. Е. Буддизм как фактор мягкой силы в политической стратегии Китая // Философская мысль. 2019. № 10. 50 с.
10. Sen T. Introduction: Buddhism in Asian History // Sen T. (ed.) Buddhism across Asia: Networks of Material, Intellectual and Cultural Exchange. Singapore: ISEAS and Delhi: Manohar, 2014. P. XVII.
11. Sen T. The Spread of Buddhism to China: A Re-Examination of the Buddhist Interactions between Ancient India and China // China Report. 2012. Vol. 48, № 11. P. 16.
12. Sen T. The Travel Records of Chinese Pilgrims Faxian, Xuanzang and Yijing: Sources for Cross-Cultural Encounters between Ancient China and Ancient India // Education about ASIA. 2006 (Winter). Vol. 11. № 3.
13. Juyan Zhang, an expert on faith diplomacy and Associate Professor at the Department of Communication, University of Texas at San Antonio, interviewed via email on 6 July 2014.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Научная статья
УДК 811.581'37+811.581'35
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-153-162

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ МОТИВИРОВАННОСТИ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

© Михалькова Надежда Васильевна
кандидат филологических наук, доцент,
Минский государственный лингвистический университет
Белоруссия, г. Минск
nadezhdakr@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается подсистема многокомпонентных иероглифических знаков с детерминативами-соматизмами в китайском языке. На основе этимологического и семантического анализа определяются мотивировочные признаки и когнитивные основания включения детерминатива в сложный иероглиф, что приводит к разработке формулы выбора смыслового компонента в графике производного знака китайской письменности.

Ключевые слова: семантика, иероглиф, детерминатив, мотивированность, когнитивные основания, китайский язык.

COGNITIVE BASES OF CHARACTERS CONSTRUCTION IN THE CHINESE LANGUAGE

© Nadezhda V. Mikhalkova
Ph.D., Associate Professor,
Minsk State Linguistic University
Belarus, Minsk
nadezhdakr@yandex.ru

Abstract. The article deals with the subsystem of multicomponent characters with radicals-somatisms in the Chinese language. On the basis of etymological and semantic analysis, motivational features and cognitive grounds for the inclusion of a determinative in a complex character are determined, which leads to the development of the formula for choosing the semantic component in the graphics of a derivative sign of Chinese writing.

Keywords: semantics, character, determinative, motivation, cognitive bases, the Chinese language.

Иероглифика китайского языка, как любая письменная система, строится на логическом принципе конструирования целого из отдельных компонентов-частей. Подобно языкам звуко-буквенного типа, где ограниченное число знаков-букв приводит к практически неограниченной комбинации их в морфемы, а за-

тем – в слова, в иероглифической системе мы имеем ограниченный набор графем, позволяющий путем практически бесконечной их комбинации образовать необходимые многокомпонентные знаки [1]. Очевидно, что в основе комбинаторики определенных графем лежит ряд связей – мотивировочных оснований, обуславливающих их включение как в простой [4; 8], так и в многокомпонентный сложный знак [2]. Учитывая высокую степень фоно-идеографичности сложносоставных иероглифов китайской письменности [5], определить особенности данных связей становится не только сложно, но и в некоторых случаях практически невозможно. Следовательно, детерминатив иероглифа, смысловая функция которого остается неизменной на протяжении более чем двух тысячелетий, является тем исходным семантическим ключом, который позволит выявить закономерности «смыслового наполнения» многокомпонентного знака и соответственно всей китайской письменности в целом. Не затрагивая по вышеуказанным причинам фонетическую составляющую сложного знака, для выявления когнитивных оснований мотивированности китайского письма в данной работе мы остановимся исключительно на семантической части иероглифа, функцию которой выполняет детерминатив.

В основе нашего исследования лежит ставшая уже фундаментальной идея Сюй Шэня о комбинации всей системы китайского письма вокруг ключей 部首 [18]. Несмотря на то, что в количественном отношении эта система корректировалась в зависимости от подхода и критериев рассмотрения иероглифики китайского языка (от 130 до 650 единиц, см. подробнее [6]), сам принцип анализа знаков относительно серии общих компонентов стал для многих поколений исследователей важной отправной точкой в области определения специфики построения китайского письма. Кроме того, исходным положением выполненного нами анализа многокомпонентных знаков явилось также особое свойство идеографического письма, заключающееся в отрыве письменной системы от звуковой нормы, ее функционировании как отдельной области китайского языка со своими правилами семантики и синтагматики [3].

Таким образом, исходной точкой при выявлении когнитивных оснований выбора смысловых компонентов при фиксации того или иного представления носителями китайского языка послужили детерминативы, т.е. смысловые компоненты сложных знаков, выступающие, с одной стороны, в качестве их производящей основы и формирующие специфические иероглифические гнезда (ср. рус. словообразовательные гнезда [9-10]), с другой стороны, являющиеся т.н. грамматикализованными единицами – дейктиками, позволяющими рассматривать область сложных знаков, куда они входят, как особую семантическую сферу единиц, объединенных общей идеей, заключенной в детерминативе. Выявление этих идей и определение закономерностей построения знаков на их основе и является целью данной статьи. Для решения поставленной задачи были отобраны детерминативы, которые могут быть отнесены к общей семантической группе, в частности, в данной работе это соматизмы – обозначения частей тела человека. Согласно исследованию В.Ф. Резаненко [8], в их число входят такие единицы, как 目 ‘глаз’, 皮 ‘кожа’, 牙 ‘зуб’, 手 ‘рука’, 又 ‘ладонь; правая рука’, 口 ‘рот’, 足 ‘ступня’, 舌 ‘язык’, 心 ‘сердце’, 耳 ‘ухо’, 鼻 ‘нос’, 骨 ‘кость’, 皮 ‘кожа’ и др. Дан-

ные детерминативы входят в состав более 2000 многокомпонентных знаков (учитывая устаревшие, вышедшие из употребления, диалектные, а также традиционные варианты иероглифов), которые и стали объектом для данного исследования [17]. Это такие иероглифы, как, например 眈 ‘всматриваться’, 睇 ‘взглянуть’, 眯 ‘щуриться’ (детерминатив 目 ‘глаз’), 皸 ‘трещина’ (детерминатив 皮 ‘кожа’), 牙 ‘подпорка’ (детерминатив 牙 ‘зуб’) и др.

Поскольку соматизмы являются базовыми понятиями для человека, возникает вопрос, какие представления окружающего человека мира описываются с их помощью, каковы когнитивные основания их выбора и можно ли их свести к нескольким единым принципам, т. е. насколько выбор детерминатива из системы китайской графики подчиняется или не подчиняется, например, определенным семантическим ролям [12]. Так, сложные иероглифические знаки с детерминативом 牙 ‘зуб’ представлены такими единицами, как 𪔐 ‘грызть’, ‘жевать’, 𪔑 ‘подпорка’, ‘упор’. Процесс ‘грызть’, ‘жевать’ естественным образом ассоциируется с некоторым элементом жизнедеятельности человека, связанным с непосредственным использованием зубов в качестве инструмента разделения пищи. В данном случае 牙 ‘зуб’ рассматривается носителями китайского языка в своей основной функции как *инструмент* производимого действия, что и явилось когнитивным основанием для включения данного детерминатива в состав производного иероглифического знака со значением ‘грызть’, ‘жевать’. С одной стороны, это свидетельствует о своеобразной концептуализации мира носителями китайского языка через выбор прототипических для выполнения определенной функции объектов: зуб – грызть, язык – лизать, рука – брать, ухо – слушать (聆), нога – волочить ноги, шаркать ногами (蹶) и т.п. С другой стороны, если сопоставить полученные данные с другими языками, то можно заметить иные мотивировочные признаки, например, в английском языке *bite* происходит от прагерманской формы *bitan*, а *bitan* – из праиндоевропейского *bheid* ‘разделять’ [13–15]; в русском языке *грызть* – производное от звукоподражания ‘гры’ (глухой вариант: *хрупать*) [7; 11]. В то же время анализ семантического значения данных слов показывает общие когнитивные механизмы определения данного понятия через *инструмент* действия: в английском языке *bite* – с помощью *зубов* разрезать что-то или кого-то [13–15]; в русском языке *грызть* – раскусывать *зубами* (что-нибудь твердое), кусать челюстями (о насекомых) [7; 11]. Следовательно, можно предположить, что детерминатив является репрезентантом в сложном знаке наиболее релевантных дифференциальных признаков описываемого понятия.

Следует отметить, что данные иероглифические знаки в современном китайском языке взаимозаменяемы с другими иероглифами, обозначающими те же представления, однако имеющими в своем составе иные детерминативы. В данном случае партитив (牙 ‘зуб’) был заменен на холоним (口 ‘рот’). Например, 啃 – разрезать зубами что-то твердое; 咬 – с помощью зубов сдавливать или разрезать предметы на части; 噬 – кусание верхними и нижними зубами твердых предметов; 啮 – кусать ртом; 嚼 – перемалывать пищу зубами [19]. Следовательно, когнитивное основание *инструмент* может быть выражено разными детер-

минативами, с помощью которых можно описать потенциально одинаковые или схожие представления. В данном случае взаимозаменяемыми оказываются холоним 口 ‘рот’ и мероним 牙 ‘зуб’. Отметим также, что большая по объему система иероглифов с детерминативом 口 ‘рот’ в китайском языке сформировалась также вследствие действия механизма языковой экономии знаков, семантика гиперонима шире, чем гипонима, следовательно, в языковой системе уменьшается число детерминативов, репрезентирующих части человеческого тела со схожими функциями (ср. 214 детерминативов, выделенных в современных лексикографических источниках, относительно, например, 650 реконструированных и существовавших ранее базовых знаков [см. подробнее 8], ср. также 踮 («встать на колени»), детерминатив 足 ‘нога’, не колени)).

Когнитивным основанием *инструмент* мотивированы также номинации с другими детерминативами-соматизмами, например, 目 ‘глаз’ – 瞠 ‘всматриваться’, 眈 ‘смотреть вдаль’, 瞪 ‘пристально смотреть’, 眯 ‘щуриться’ и др.; 手 ‘рука’ – для характеристики процессов, связанных с действиями удержания, хватания, переноса, копания, кражи и др., например, 捉 ‘брать в руки, хватать’, 挹 ‘брать, тянуть’, 捧 ‘брать обеими руками’, 执 ‘держат в руках’, 扒 ‘брать, цепляться’, 托 ‘подносить, подавать’, 把 ‘крепко держать, сжимать в руке’, 弄 ‘воровать; воркарманник’ и др. Когнитивное основание *инструмент* обуславливает выбор детерминатива рука 手 ‘рука’ в более чем 80% обозначений, связанных с действиями, выполняемыми с помощью данной части человеческого тела. К указанной группе также может быть отнесен детерминатив 口 ‘рот’. Когнитивное основание *инструмент* прослеживается при описании информационных процессов говорения (召 ‘звать, приглашать’, 呻 ‘бормотать, стонать’, 吵 ‘шуметь, скандалить’, 告 ‘говорить, объявлять’, 吼 ‘орать, вопить, галдеть’, 嗥 ‘кричать, орать, звать’, 噪 ‘шуметь, галдеть, кричать’, 叱 ‘порицать, осуждать’) или выражения эмоциональной оценки (叹 ‘вздыхать, охать’, 呷 ‘вздыхать над, восторгаться’, 晒 ‘улыбаться, смеяться, насмехаться над кем-либо’), а также многочисленных звукоподражаний: 呕 (подобие лепету птиц, ребенка, скрипу), 呜 (звук плача, печали; гудок), 呀 (скрип, карканье), 呱 (квakanье, кряканье), 咔 (щелчок), 唳 (крик птицы), 咣 (бум!, бах!), 哄 (крик, рев, шум), 哐 (звук лошади и-го-го), 咕 (смех), 咄 (звукоподражание звукам угрозы), 咩 (блеяние овец бе-бе-бе), 咔 (звукоподражание щелчку), в том числе и с помощью других детерминативов, например, 足 ‘ступня; нога’ – 蹶 ‘звукоподражание звуку шагов, цоканью копыт, топоту’ и др.

Когнитивное основание *инструмент* обуславливает выбор детерминатива 足 ‘ступня; нога’ в китайской письменной системе также при описании процессов, выполняемых с помощью данной части тела, при этом в семантическую область включаются номинации действий разнонаправленных, разноскоростных и разнохарактерных и др., ключевым при этом является *инструмент* выполняемого действия – нога. Например, 蹶 ‘волочить ноги; шаркать ногами’, 跃 ‘прыгать; скакать’, 踏 ‘топтать; подпирать ногами’, 踮

‘раздавить ногой; растоптать’, 跋 ‘наступать ногами; задевать’, 跌 ‘оступаться, спотыкаться’, 蹴 ‘ступать на цыпочках’, 跑 ‘бежать’, 跣 ‘притопнуть, отбивать такт’, 跛 ‘ковылять, прихрамывать’, 踮 ‘топтать; поднимать ноги’, 跨 ‘расстелить ноги; шагать широким шагом’, 踉 ‘идти, переваливаясь с боку на бок, по-утиному’ и др.

Когнитивное основание *инструмент меры* детерминирует включение смыслового компонента 才 ‘рука’ в целый ряд квантитативов – обозначений измерителей различного типа: 1) контейнеров (扎 (кружка)), 2) множеств (担 (вязанка), 摞 (стопка), 摊 (кучка, лужа), 搂 (охапка, обхват), 搭 (пачка, связка, стопка, прядь, струя), 掐 (пучок), 掛 (ряд, цепочка), 抱 (обхват, охапка), 担 (связка, пучок), 批 (партия), 拈 (пучок), 扎 (связка, пучок), 3) кусков (挺 (ломоть), 捲 (сверток, тюк), 4) частей недискретных сущностей (撮 (щепотка, горстка), 握 (горсть, пригоршня), 掬 (пригоршня, горстка), 掬 (пригоршня), 捧 (пригоршня), 杯 (пригоршня, горсть)), 5) счетных слов (抹 (счетное слово для зари и луны), 把 (счетное слово для предметов, имеющих ручку)), 6) номинаций точного количества (担 (вязанка, дань (мера в 100 斤 или 1 石), пикуль (=60,5 кг)), 捷 (мера в 11/2 ляна, или 36 铢), 指 (палец как мера ширины), 拃/拃 (пядь (мера длины)), 担 (пикуль (=60,5 кг)), 拃 (пучок из 100 перьев), 扶 (ладонь как мера длины в 4 пальца), 打 (дюжина)).

Иные когнитивные основания отмечены нами при выборе детерминатива 皮 ‘кожа’ для производных иероглифов, это *локация* и *объект*, т.е. свойства и характеристики, связанные и присущие самому органу, а также его части. Это могут быть иероглифы, именующие 1) неболезненные и болезненные, аномальные образования на теле, в организме, кожные проявления болезни, раны, поврежденные места (皴 ‘заболевание кожи’, 皸 ‘трещина’); 2) волосяной, кожный, роговой покров (皴 ‘морщины’, 皸 ‘прыщи’), 3) разные образования, вызванные состоянием самого организма или нанесенные извне (皴 ‘кровоточивость’, 皸 ‘образования на эпидермисе’, 皸 ‘образования на эпидермисе’, 皸 ‘шрам’), 4) тканевые покровы и их части (皴 ‘омертвевшая кожа’, 皸 ‘загрубелая кожа грязно-черного цвета’, 皸 ‘широкий кусок кожи’, 皸 ‘крепкая/твердая кожа’, 皸 ‘мягкая кожа’). Для иероглифического знака 皸 ‘синусит’ выбор детерминатива 皮 ‘кожа’ также обусловлен мотивировочным признаком *локация* болезни. Воспаленное образование на коже – характерный *локальный* источник болезни – синусита. Когнитивное основание *локация* прослеживается также в отношении и детерминатива 1) 目 ‘глаз’ при номинации, например, бровей (眉), зрачка (眈), инородного тела в глазу (眵) или метафорическом описании чувств, понять которые очень часто можно, заглянув в глаза, 眵 ‘ярость’, 眵 ‘ревность’; 2) детерминатива 耳 ‘ухо’ при номинации 耻 ‘стыд, позор’; 3) детерминатива 才 ‘рука’ при графическом отображении части одежды (掖 ‘рукав’, 扞 ‘наплечник, наконечник древка, кожаный напальчник’). Когнитивное основание *локация* обуславливает также обозначения частей тела с помощью детерминатива 才 ‘рука’, например, 扬 ‘лоб’, 掖 ‘подмышка’, 指 ‘палец’, 捩 ‘бедро’, 拇 ‘большой палец руки или ноги’ и

др., детерминатив 足 ‘нога’ при номинации ее частей – 跣 ‘ступня, подошва ноги’, 跗 ‘предплюсна’, а также включение смыслового компонента 口 ‘рот’ в обозначения частей данного органа (唇 ‘губа’, 咙 ‘горло’, 嚙 ‘глотка, гортань’), при этом как иероглиф-холоним, так и иероглиф-мероним содержит данный детерминатив, например, 囁 ‘рот, пасть’, 喙 ‘клюв’.

Кроме когнитивных оснований *инструмент* и *локация* также могут быть выделены и другие мотивировочные признаки, в частности, *объект*, который детерминирует включение смыслового компонента-соматизма в атрибутивные и процессуальные номинации, описывающие характеристику или действие самого объекта, например: 1) детерминатив 皮 ‘кожа’ – 皸 ‘потрескавшийся’, 皴 ‘потрескаться’, ‘лопнуть’, 皴 ‘линять’, 2) детерминатив 耳 ‘ухо’ – 聒 ‘шептать’, 聊 ‘болтать’ и др. Эти действия и атрибуты тесно связаны с объектом, для которого они характерны, что в свою очередь обуславливает выбор соответствующего детерминатива.

Объект также является когнитивным основанием при включении иных детерминативов-соматизмов в состав сложных знаков. Это могут быть иероглифы, именующие сам орган, его части или функциональные особенности, например, 1) 目 ‘глаз’ – 盲 ‘слепой’, 瞶 ‘слепец’, 矇 ‘слепой’, 眊 ‘подслеповатый’, 眇 ‘одноголазый’, 眈 ‘косоглазие’, 眈 ‘близорукость’, 盹 ‘дремота’; 2) 耳 ‘ухо’ – 聒 ‘вислоухий’, 聒 ‘большеухий’, 聒 ‘диал. глухой’, 3) 足 ‘нога’ – 跣 ‘босоногий’, 4) 骨 ‘кость’ – 髀 ‘берцовая кость; голень’, 骹 ‘сустав’, 骹 ‘крестец’, 骸 ‘берцовая кость’, 骸 ‘лодыжка’, 5) 血 ‘кровь’ – 衄 ‘кровотечение’, 衄 ‘свернувшийся, сгустившийся’ и др.

Когнитивное основание *объект* и его свойства также являются мотивировочным признаком при графическом обозначении предметного имени 𠂇 ‘подпорка’, ‘упор’. Как известно, твердость является прототипическим свойством зуба – зуб ассоциируется с твердостью и, наоборот – свойство твердости настолько характерно для зуба, что объект 牙 ‘зуб’ стал использоваться в качестве выразителя прототипического свойства. Если говорить об иероглифическом знаке 𠂇, то он означает ‘подпорка’, ‘упор’, а также может быть использован для выражения процессуального понятия ‘упираться, подпирать’ (согласно фольклору данный знак мог репрезентировать понятие «клык», но это лишь одна из неверифицированных версий его происхождения). В данном случае мотивировочным признаком выступает прототипическая характеристика части человеческого тела – зуб. Следует также отметить, что наряду с иероглифом 𠂇 (детерминатив 牙 ‘зуб’) в китайской языковой системе также имеют место и другие знаки, выражающие схожее понятие, например, 撑 – подпирать, поддерживать, упираться. Мотивировочным признаком может выступать, таким образом, и другое понятие – происходит замена признака твердости 牙 ‘зуба’ и когнитивного основания *объект* на *инструмент* 扌 ‘рука’. Соответственно, в данном случае 扌 ‘рука’ выступает ведущим смысловым мотиватором для создания взаимозаменяемого знака 撑. При графическом обозначении схожего понятия ‘столб/опора’ может быть применено иное когнитивное основание – *материал*, из которого наиболее часто

ранее изготавливались упоры при строительстве зданий, например, 樁 – ‘столб/опора’. Следовательно, мотивировочным признаком выступает ‘рама’ как конструкция, как правило, деревянная, закрепляющая какой-либо предмет – то есть, ‘опора’.

Таким образом, принципы выбора детерминатива китайского иероглифического знака заключаются в определении типа описываемого объекта или представления и его свойств (формы, материала, локации, функции). При этом на последующем этапе выбора смыслового компонента выявляются наиболее релевантные из названных признаков. Данный этап является наиболее сложным, что приводит к вариативности детерминативов относительно отображения в графике того или иного понятия. Например, в исследуемой нами области иероглифических знаков с детерминативами-соматизмами имеют место разные модели вариативности: «кожа-болезнь» (皰-疱), «кожа-шерсть» (絨-毳), «кожа-нос» (皴-皸), «кожа-рис» (皴-糙), «глаз-луна» (眸-眸), «глаз-рука» (睇-揚), «глаз-огонь» (瞽-熒) и др.

Так, модель «кожа-болезнь» может быть представлена такими знаками, как 皰-疱, где иероглифический знак 皰 ‘прыщ’ (детерминатив 皮 ‘кожа’) может быть взаимозаменяем с 疱 ‘прыщ’ (детерминатив 疒 ‘болезнь’). В первом случае когнитивным основанием выступает *локация* как место появления болезни, во втором случае когнитивное основание – *объект* как тип болезни, ее видовая разновидность. Соответственно можно говорить также о вариативности когнитивных оснований *локация-объект* при выборе детерминатива для графического представления схожих понятий средствами иероглифического письма. Данная вариативность прослеживается и на примере иных моделей, например, модель «кожа-нос» (皴-皸). Иероглифический знак 皸 ‘розацеа’ с радикалом 鼻 ‘нос’ обозначает небольшие красные прыщи на носу, то есть угри. Розацеа – воспалительный процесс, образовавшийся на коже. Физиологически, воспалительные образования на коже лица трансформируются в акне – то есть ‘огрубевшую кожу’. Вариативность когнитивных оснований *объект-локация*, репрезентированный в графике детерминативами 皮 ‘кожа’ и 鼻 ‘нос’ свидетельствует о неоднозначности выбора наиболее релевантного мотивировочного признака объекта или его свойства.

В некоторых случаях когнитивное основание остается единым, например, *материал*. Иероглифическая номинация 絨 ‘мяч’ взаимозаменяема с иным обозначением – 毳 ‘мяч’. В данном случае вариативны детерминативы 皮 ‘кожа’ и 毛 ‘шерсть’. Согласно лексикографическим источникам китайского языка, 毳 обозначает старинную разновидность кожаного мяча, набитого шерстью, по которому ударяли палкой или пинали ногой. То есть 皮 ‘кожа’ является оболочкой мяча, содержащего 毛 ‘шерсть’. Когнитивным основанием выступает соответственно *материал*, однако репрезентанты разные, с одной стороны, 皮 ‘кожа’ – внешняя конструкция мяча, имеет более общий характер, так как может быть наполняема внутри любым веществом, в то время как 毛 ‘шерсть’ характеризует определенный вид мяча. Возникает своеобразная гиперо-гипонимическая связь, где выбор детерминатива обусловлен или общим, или частным понятием. Похожая ситуация возникает при рассмотрении пары иероглифов 鞠 – 鞠, где в значе-

нии «мяч» могут в графике использоваться детерминативы 足 ‘нога’ – и соответственно иероглиф 鞠 со значением «мяч», а также 革 ‘кожа’ и многокомпонентный знак 鞞. Следовательно, выбор смыслового компонента может быть обусловлен спецификой именуемого понятия (мяч, набитый шерстью; мяч, сделанный из кожи) или его функцией, в таком случае выбор детерминатива основан на знании того, для чего предназначен данный предмет и как им пользоваться. С другой стороны, стремление более точно определить видовой признак и указать в графике на более конкретное представление, нежели общее приводит к схожим иероглифическим номинациям и с другими значениями, ср., например, 髀 ‘кость, застрявшая в горле’ (детерминатив 骨 ‘кость’) и 鯁 ‘рыбья кость’ (детерминатив 鱼 ‘рыба’).

Вариативность когнитивных оснований может быть обусловлена лингвистическими процессами семантической деривации, в частности, расширением и включением в структуру значения иных лексико-семантических вариантов. Так, например, модель «кожа-рис», представленная иероглифическими знаками 皴-糙, на сегодняшний день формируется исходя из первоначального значения иероглифа 糙. Иероглифический знак 糙 ‘грубый; необработанный’ связан с детерминативом 米 ‘рис’ через признак «необработанный». Следовательно, мотивировочным признаком в данном случае выступает *форма*. Иероглифический знак 皴 обозначает признак *грубый*, связанный, прежде всего, с описанием кожи, ее свойства. Вариативность возможна относительно значения необработанный, поскольку иероглиф 皴 стал также употребляться в данном значении и когнитивная формула будет выглядеть *объект1-объект2*, где выбор детерминатива обусловлен типом описываемого объекта. Репрезентантами одного когнитивного основания будут разные детерминативы. К этому же типу могут быть отнесены и другие примеры, в частности, пара знаков 瞽-熒, где вариативны детерминативы 目 ‘глаз’ и 火 ‘огонь’. В данном случае графическое отображение значения «сияние, сияющий» мотивировано признаком данного органа. Иероглифический знак 熒 ‘сияние’, имеющий в своем составе детерминатив 火 ‘огонь’, взаимозаменяем с детерминативом 目 ‘глаз’ и предполагает отождествление свойств, характерных *огню*, свойствам *огня* на основании метафорического переноса. Например, *блеск в глазах, глаза горят, глаза светятся от счастья*. В данной вариативной модели мотивировочным признаком выступает свойство объекта, а когнитивное основание – общее (*объект*). Вариативность наблюдается относительно выбора типа объекта, способного репрезентировать подобные свойства. К описанной когнитивной модели может быть отнесен также еще один интересный пример: 睇-嫵 (красота), где наблюдается вариативность детерминативов 目 ‘глаз’ и 女 ‘женщина’. Наличие детерминатива 目 ‘глаз’ в иероглифической номинации 睇 ‘красота; красивый’ обусловлено физической способностью глаза воспринимать внешние характеристики объектов. Поскольку любой внешний вид предмета мы воспринимаем исключительно глазами, данная функция становится когнитивным основанием выбора смыслового компонента знака 睇. С другой стороны, красота очень часто связывается с иными носителями данного признака, в частности, с

женщиной, что обуславливает также возможный выбор детерминатива 女 ‘женщина’ в соответствующем иероглифе 姘 ‘красота; красивый’. Следовательно, в данном случае мы имеем одно общее когнитивное основание – *объект*, выраженное в графике китайского языка разными детерминативами, отражающими различные объекты, с которыми ассоциируется указанный признак.

Таким образом, выбор детерминатива сложного иероглифического знака китайского языка зависит от 1) того, насколько выбранный объект является прототипическим представителем данного признака или свойства [16], 2) степени релевантности того или иного дифференциального признака объекта или представления – *формы, материала, функции*, а также 3) типа когнитивного основания – *объекта, локации, инструмента* [12]. Каждый этап выбора обусловлен двумя факторами: лингвистическими (наличие в системе графики необходимого базового элемента – логограммы или морфограммы [2; 8]) и экстралингвистическими (включающим исторические и национально-культурные особенности жизни китайского общества, детерминирующие соответствующее представление, восприятие и описание окружающей действительности).

В своем общем виде указанные нами принципы и закономерности выбора детерминатива многокомпонентного иероглифического знака китайского языка могут быть представлены в виде следующей формулы:

$$D = \sum_{i=1}^n F (P_i, R_i, C_i), \text{ где}$$

D – детерминатив,

P – прототип,

R – релевантность,

C – когнитивное основание,

n – число возможных вариаций,

F – функциональная зависимость множеств P_i, R_i, C_i , между которыми существуют определенные связи, выражающиеся как в объединении, так и пересечении данных множеств,

\sum – суммирование возможных вариаций,

i – индекс выбора вариантов по n.

Следовательно, выбор детерминатива-соматизма представляет собой учет трех взаимообусловленных факторов: 1) тип объекта, включая его характеристики и функции, 2) релевантность признака, 3) когнитивное основание. Так, например, выбор детерминатива 目 ‘глаз’ для графического обозначения понятия «смотреть вдаль» 睇 может быть описан следующим образом: 目 ‘глаз’ = $\sum_{i=1}^n F$ (часть тела, функция, объект).

Таким образом, выбор в графике сложносоставного иероглифического знака китайского языка детерминатива-соматизма происходит согласно трем когнитивным основаниям: *объект, локация, инструмент*. Данные когнитивные основания обуславливают дальнейший выбор смыслового компонента, что детерминируется 1) наличием в системе базовых элементов соответствующей графемы, 2) ее продуктивностью, 3) историческими или 4) национально-культурными особенностями жизни человека. Дальнейший анализ иных детерминативов даст возможность выявить всю подсистему когнитивных оснований выбора смыслового компонента знака и разработать более точную модель формализации этого процесса.

Литература

1. Гордей А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Москва, 1998.
2. Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. Москва: ИД ВКН, 2020.
3. Карапетьянц А. М. У истоков китайской словесности. Москва: Вост. лит. 2010. 478 с.
4. Карасева К. В. Принципы декодирования логограмм и реконструкция их семантики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / БГУ. Минск, 2019.
5. Кондрашевский А.Ф. Знаки первоначальных категорий китайской письменности и система ключей "шовэня": автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / МГУ. Москва, 1982.
6. Михалькова Н.В. Динамика развития системы детерминативов китайского иероглифического письма // Вест. Мин. гос. лингв. ун-та. Сер. 1. Филология. 2021. № 3 (112). С. 81–89.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 1997. 944 с.
8. Резаненко В. Ф. Семантическая структура иероглифической письменности. Киев: КГУ, 1985.
9. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. Т. 1. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Астрель: АСТ, 2003. 860 с.
10. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. Т. 2. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Астрель: АСТ, 2003. 941 с.
11. Толковый словарь русского языка: в 4-х томах / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва: Изд. Центр «Тerra», 1996. 1424 с.
12. Fillmore C. J. "The Case for Case". *Universals in Linguistic Theory*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968.
13. Longman: Dictionary of contemporary English. Third edition. Pearson Education Limited. 2001. 1668 p.
14. New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition. Surjeet Publications. Fourth Reprint. USA. 1998. 1824 p.
15. Oxford Advanced Learner's Dictionary / edited by S. Wehmeier. 6th edition. Oxford University Press, 2000. 1539 p.
16. Rosch E. Principles of Categorization // *Cognition and Categorization*. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates. 1978. P. 27–48.
17. Иероглифический словарь китайского языка. 汉字字典 (Словарь китайских иероглифов) [Chinese Characters Dictionary]. URL: <https://www.zdic.net/zd/bs/?bs=%E4%BA%BB> (accessed 24.01.2022).
18. Сюй Шэнь 许慎. 说文解字 (Объяснение простых и толкование сложных знаков; Shuō wén jiě zì). Юйлу: Издательство в Юйлу, 2006. — 540 с. [Xu Shen. Explanation of simple and interpretation of complex signs. Yulu: Yulu Publishing House, 2006. (in Chinese). 540 p.].
19. Толковый словарь китайского языка. 现代汉语词典 (第 5 版) /中国社会科学院语言研究所词典编辑室编。—北京: 商务印书馆, 2009. 1870 页 = Словарь современного китайского языка (пятое издание) / сост. Словарным коллективом Института языкознания академии общественных наук Китая. Пекин: Шаньбу иньшугуань, 2009. 1870 с.

Научная статья
УДК 811.581.11
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-163-171

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА)**

© **Емельченкова Елена Николаевна**
кандидат филологических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург
emelchenkova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена описанию дискуссионных моментов в теории членов предложения в современном китайском языке. На примере дополнительного элемента (补语 *bǔyǔ*) рассматриваются противоречивые подходы к этой особой синтаксической функции, выделяемой в китайской лингвистике по структурному критерию. Обсуждаются критерии размежевания второстепенных членов (дополнения, обстоятельства и дополнительного элемента), а также целесообразность использования позиционного подхода к выделению членов предложения.

Ключевые слова: китайский язык, грамматика китайского языка, синтаксис китайского языка, члены предложения, дополнительный элемент, дополнительный член, комплемент.

**POINTS FOR DISCUSSION OF THE THEORY OF SENTENCE PARTS
IN THE CHINESE LANGUAGE (THE CASE OF COMPLEMENT)**

© **Elena N. Emelchenkova**
Saint-Petersburg State University
Russia, Saint-Petersburg
emelchenkova@gmail.com

Abstract. The article discusses controversial points of a linguistic concept of parts of a sentence in Chinese with the special attention to the case of complement (补语 *bǔyǔ*). The task of distinguishing grammatical units of a sentence that share one syntactic function is considered. The article analyses structural and semantic features of the units that perform the role of complement in a sentence, as well as discusses the criteria for distinguishing it from other parts of a sentence, i.e. from an object and adverbial modifier.

Keywords: Chinese language, Chinese grammar, Chinese syntax, Sentence parts, Parts of a sentence, Sentence elements, complement, buyu.

В современной синологии можно отметить два различных направления исследований и описаний синтаксических явлений в языке. Одно из них – это важные, но крайне немногочисленные теоретические изыскания, не ориентированные на преподавание китайского языка (КЯ), второе – работы лингводидактического характера, прежде всего нацеленные на практические аспекты обучения языку.

В теоретических работах по грамматике естественных языков, в том числе и КЯ, ставится задача анализа синтаксических единиц с позиций общеграмматического учения, выявления универсальных и лингвоспецифических особенностей данной подсистемы. При таком подходе структурная схема словосочетаний и предложений чаще всего представляется в терминах классов слов и категориальных значений частей речи («сущ. + глаг.», «предлог + сущ.» и т. п.). Сочетаемость возможности единиц анализируются в рамках различных синтагматических учений, теории валентности и др. (одновалентные глаголы, двухместные предикаты и т.п.). Содержательное наполнение структурных единиц синтаксического уровня описывается с помощью семантических (тематических) ролей, набор которых все еще далек от единообразия, однако базовые роли (Агенса, Пациенса, Бенефактива, Инструмента и т. п.) является более-менее устоявшимся и широко применяется в научной литературе.

На этом фоне в лингводидактических пособиях и педагогической практике преподавания иностранных языков, в нашем случае китайского, одно из ключевых мест по-прежнему занимает синтаксический анализ в терминах членов предложения (ЧП), где в структурных схемах и моделях построения предложения учитываются функциональные компоненты, на которые членится предложение в зависимости от их логических и формально-грамматических характеристик («подлежащее + сказуемое» и т. п.). Однако в силу отсутствия общепризнанного, стройного и последовательного учения о ЧП, ограничится лишь этой системой зачастую оказывается невозможно, поэтому в предлагаемых схемах построения единиц синтаксического уровня смешиваются разные грамматические подходы, и наблюдается ситуация, когда в учебниках и ресурсах по грамматике китайского языка, активно разрабатываемых и продвигаемых в связи с растущей его популярностью, описание синтаксических моделей дается как сборная солянка разнородных элементов из определенным образом коррелирующих между собой, но не относящихся к одной общей теории систем, например:

(1) S+时间+在+地方+V

(2) Субъект + время + образ действия 地 + 在 место + 用 инструмент + адресат + глагол [+ объект] + длительность

Подобное смешение логических понятий (субъект, объект), синтаксических функций (S, O, подлежащее, дополнение), содержательного наполнения соответствующих компонентов (место, длительность), семантических ролей (Инструмент, Адресат) в сочетании с иероглифическими вставками (как формой представления грамматических показателей служебных слов и морфем) свидетельствует об очевидном несовершенстве имеющихся подходов к представлению синтаксических структур в КЯ, что особенно ярко проявляется в лингводидактическом аспекте.

Несмотря на очевидно недостаточную степень разработанности и, как будет показано далее, непоследовательность теории ЧП в КЯ, она в том или ином виде фигурирует в любом описании китайской грамматики. Причина востребованности этой концепции, с одной стороны постоянно критикуемой в лингвистической литературе, с другой стороны, столь же постоянно применяемой для описания линейной структуры и функциональных особенностей предложения в изучаемых

иностранных языках, заключается в ее широком использовании в образовательном процессе на начальном этапе обучения языку, относительной эффективности ее приложения к индоевропейским языкам, на материале которых она собственно и была разработана, и отсутствием альтернативных концепций в описании синтаксиса в китайской науке. В этой связи представляется актуальным обсудить дискуссионные моменты учения о ЧП применительно к фактам КЯ, обозначив проблемные зоны соответствующей теории.

Теория ЧП может опираться на два различных по своему типу классификационных критерия. В качестве основания выделения могут фигурировать абсолютные свойства членов, когда функционально-синтаксические роли устанавливаются каждая по отдельности вне зависимости от других элементов предложения и для каждого ЧП определяется набор свойств, не обнаруживаемых у других компонентов в предложении. Применительно к китайскому языку, где структурные свойства представлены очень точно, и не могут выступать отправной точкой анализа, а морфология в силу своей крайней скудности не может включаться в число классификационных признаков, будет иметь место опора на исключительно семантический критерий. В такой классификации функцию сказуемого всегда выполняет слово, обозначающее определенную ситуацию (действие или состояние), в большинстве случаев подлежащим будет единица, называющая главного участника этой ситуации, который осуществляет действие в отношении объекта, выступающего в предложении в роли прямого дополнения. Как обстоятельство в синтаксических построениях фигурируют слова или группы слов, поясняющие отдельные стороны реализуемой ситуации, например, место, направление, время, цель, образ действия и т. п.

Классификация может также строиться как относительная, где каждый ЧП определяется в зависимости от его отношений с другими ЧП, в качестве которых могут выступать типы смысловой связи между словоформами, типы формальной связи между ними или линейный порядок элементов в предложении, подробнее см. [1]. Для китаеязычного материала тип формальной связи между словами (управление, примыкание, согласование) не может служить основанием полноценной классификации ЧП относительного типа. Здесь более актуальной будет опора на особенности складывающейся между компонентами предложения смысловой связи. При таком подходе классификация ЧП будет трактовать слова, реализующие семантически обязательные валентности глагола в сказуемом, как дополнения, из которых главному обычно приписывается роль подлежащего, второму по значимости – функция (прямого) дополнения, а слова, по смыслу независимые от сказуемого, будут являться второстепенными членами, набор которых и критерии размежевания не является универсальным и может варьировать от языка к языку в силу сложившейся традиции описания той или иной языковой системы. Так, в китайской лингвистике принято все вводимые предложно компоненты с семантическими ролями Инструмент или Средство относить к обстоятельствам, в отечественной традиции их трактуют как косвенное дополнение:

(3) 他用毛笔写字呢。 *Tā yòng máobǐ xiězì ne* ‘Он пишет кистью.’

Подобные расхождения свидетельствуют о том, что семантически сходные компоненты в частнолингвистических концепциях могут трактоваться не унифицировано и иметь свои особенности, осложняя, во-первых, процесс формального представления соответствующих структур, во-вторых, затрудняя освоение этих аспектов носителями других языков.

В рамках позиционной классификации, основанной на линейном соотношении элементов в предложении, подлежащим считается слово, которое предшествует глагольному сказуемому, а дополнением – слово, следующее за ним. Этот же критерий лежит в основе выделения двух типов дополнений в КЯ, где при трехместных предикатах выделяют ближнее (近宾语 *jìn bīnyǔ*) и дальнее (远宾语 *yuǎn bīnyǔ*) дополнения. Например, с глаголами донативной семантики ближнее дополнение обычно называет Реципиента или Адресата и выражается местоимением. В литературе его еще иногда называют заимствованным из грамматик западных языков термином 间接宾语 *jiànjiē bīnyǔ* ‘косвенное дополнение’, не углубляясь в его этимологию и не поясняя основания его применения к китайскому материалу. Дальнее дополнение обычно вводит пациентивного участника, то есть называет передаваемый предмет (4), который соответственно трактуется как 直接宾语 *zhíjiē bīnyǔ* ‘прямое дополнение’, в нашем примере это 礼物 *lǐwù* ‘подарок’:

(4) 我想送你一件礼物。 *Wǒ xiǎng sòng nǐ yī jiàn lǐwù* ‘Я хочу подарить тебе подарок.’

Такой подход в корне отличен от имеющихся в частнолингвистических грамматических традициях Запада концепций прямого и косвенного дополнений, выделяемых по семантическому (например, в английском) или морфологическому (в русском) критериям.

Позиционный критерий лег в основу специфической китайской концепции большого и малого подлежащих (大、小主语 *dà, xiǎo zhǔyǔ*) в предлагаемой на современном этапе развития теории ЧП в Китае, когда сказуемое предложения выражено словосочетанием субъектно-предикативного типа. Оставляя в стороне вопрос целесообразности выделения двух подлежащих в предложении, обсуждение которого могло бы стать предметом отдельного исследования, отметим лишь несколько бросающихся в глаза особенностей этой концепции: 1) гетерогенность единиц, относимых китайскими лингвистами к этому типу ЧП, 2) гетерогенность отношений, складывающихся между ними; 3) преобладание посессивных (5), (6), партитивных (7) или локативных (8) отношений между двумя «подлежащими», позволяющих трактовать их атрибутивно (как определение или обстоятельство); 4) характер отношений между действием и обозначаемым с помощью «подлежащих» предметов, проявляющих семантические признаки Агенса, Пациенса и др. семантических ролей, выделяемых в современной науке о языке (9), (10). Ср.:

(5) 老王脾气很好。 *Lǎo Wáng píqì hěn hǎo* ‘У Лао Вана хороший характер.’

(6) 这家工厂规模不大·设备精良。 *Zhè jiā gōngchǎng guīmó bù dà, shèbèi jīngliáng* ‘Фабрика по размерам небольшая, оборудование (на ней) прекрасное.’

(7) 四只杯子两只碎了。 *Sì zhǐ bēizi liǎng zhī suìle* ‘Из четырех чашек две разбились.’

(8) 无线电他内行。 *Wúxiàndiàn tā nèiháng* ‘В радиосвязи он – большой профессионал.’

(9) 这台新机器我们只做实验。 *Zhè tái xīn jīqì wǒmen zhǐ zuò shíyàn* ‘Этот новый агрегат мы только испытали.’

(10) 他汉字有兴趣·语法没有兴趣。 *Tā hànzi yǒu xìngqù, yǔfǎ méiyǒu xìngqù* ‘Его интересуют китайские иероглифы, но не грамматика.’

Из сказанного очевидно следует, что опора на позицию слова в предложении как критерий выделения ЧП без учета семантики не позволяет адекватно описать синтаксические структуры, объективно существующие в языке. Если допустить, что даже в языках с фиксированным порядком слов, как в КЯ, один и тот же ЧП может занимать линейно разные позиции, что мешает трактовать как дополнение компонент, встречающийся как в постпозиции так и в препозиции к сказуемому, если его семантическое наполнение и роль в предложении остаются при этом без изменений? Подобные эмфатические конструкции с инвертированным порядком слов как раз и служат для выделения того или иного члена предложения, когда именно нетипичная позиция подчеркивает его коммуникативную значимость:

(11) 她没买什么。 *Tā méi mǎi shénme* ‘Она ничего не купила.’

(12) 她什么也没买。 *Tā shénme yě méi mǎi* ‘Она так ничего и не купила.’

Еще один важный момент, который следует учитывать, применяя позиционный критерий размежевания ЧП в КЯ, это возможность реализации разных синтаксических отношений между словами одной и той же категориальной принадлежности в одной и той же синтаксической позиции, когда игнорирование семантики приводит к неадекватной трактовке соответствующих единиц. Так, изоморфность количественных групп в постпозиции к сказуемому с одинаковым линейным расположением в предложении в (13) и (14) отнюдь не свидетельствуют о наличии одних и тех же синтаксических отношений между ними и стоящим перед ними сказуемым или следующим за ними существительным. В (13) речь о количественной характеристике события, представленного предметным именем в роли дополнения, тогда как в (14) это уже аспектуальная характеристика действия, названного глаголом в сказуемом:

(13) 哥哥看了一场球赛。 *Gēgē kànle yī chǎng qiú sài* ‘Старший брат посмотрел (один) футбольный матч.’

(14) 哥哥看了一晚球赛。 *Gēgē kànle yī wǎn qiú sài* ‘Старший брат смотрел футбольный матч весь вечер.’

Игнорирование очевидных семантических различий на фоне структурной прозрачности подобных компонентов предложения, довольно часто встречающихся в КЯ, по факту действительно привела к некоторой неразберихе в квалификации ЧП в китайской лингвистике, отголоски которой наблюдаются и в оте-

чественных описаниях грамматического строя вообще и системы ЧП в КЯ в частности. Так, например, разграничение сущностно разных функций обстоятельства и дополнения, осложненных в КЯ наличием не прижившегося в отечественной традиции (но выдвигавшегося русскими синтаксистами начала XX в.) понятия дополнительного элемента/члена, освоение которого для неподготовленного человека, по нашему опыту, также представляет собой одну из больших премудростей китайской грамматики.

Очевидно, что одноаспектное описание синтаксических единиц языка в силу узости взгляда и ограниченности инструментария не дает целостного представления о характере соответствующих единиц в системе. Их сложный формальный и содержательный характер требует более комплексного подхода и применения нескольких, как минимум двух, критериев классификации; структурного и семантического (включающего и логический), поскольку именно эти аспекты отражают наиболее существенные свойства предложения, проявляющиеся при его функционировании в речи. Но следует учитывать, что использование гетерогенных оснований классификации ЧП может дать (и собственно уже дает в тех системах, где предпринимались такие попытки) пересекающиеся типологии, накладывающиеся одна на другую, в результате чего обнаруживаются серые зоны промежуточных и периферийных случаев. Наблюдаемое в этих зонах совмещение функций или свойств выделяемых по разным основаниям синтаксических классов/типов, также усложняет картину описываемых синтаксических структур и вносит дополнительные трудности в анализ соответствующих языковых феноменов.

Ограниченность приложения той или иной теории одной довольно узкой сферой, например, исключительно областью преподавания языка, приводит к недостаточной степени разработанности и верификации концепции, в результате чего теоретическая и методологическая база может обнаруживать ряд слабых мест, а практическое применение будет постоянно вызывать разнообразные вопросы. Ярким примером тому являются попытки описания системы ЧП в учебной литературе по КЯ, в которых применяются смешанные подходы к выделению отдельных членов, вплоть до использования разноаспектных критериев для анализа какого-то одного второстепенного ЧП. Неразработанность собственных грамматических концепций и слабая приложимость инструментария, разработанного на материале флективных и агглютинативных, то есть совершенно иных по морфологическому типу, индоевропейских языков, привели к заполнению этой лакуны специфическими трактовками языковых явлений, обсуждение которых в мировом лингвистическом сообществе могло бы способствовать уяснению сильных и слабых сторон китайского учения о ЧП и решению ряда вопросов, неизбежно возникающих в силу замкнутости данной сферы науки.

Таким образом, наблюдаемая в практике преподавания КЯ непоследовательность в определении структурного и семантического объема ЧП в известной мере объясняется узостью приложения этой теории исключительно к решению лингвометодических задач в рамках одного языка и ее не востребованностью в общелингвистическом ключе. При этом ясно и другое: одной из актуальных задач современной синологии вообще и лингвистики в частности сегодня является проработка вопроса о соотношении структурных и семантических свойств всех

членов предложения в КЯ с позиций значимости этого учения для общей грамматической теории языков.

Очертим ряд дискуссионных моментов концепции размежевания второстепенных ЧП, выявленных при работе с материалом КЯ.

При грамматическом членении простого предложения подлежащее и сказуемое характеризуются соответственно как главные (основные) ЧП, которые противопоставляются всем остальным компонентам как второстепенным (поясняющим). При попытке приложить к классификации ЧП в КЯ смешанные критерии, совмещающие семантические и структурные свойства компонентов предложения, обнаруживается, что несмотря на очевидную приоритетность семантического критерия для целей синтаксического анализа, при освоении языка по факту на первом плане оказываются не семантические, а структурные особенности того или иного члена, поскольку именно формальные признаки лежат на поверхности и доступны для непосредственного наблюдения, нежели те имплицитные свойства, которые связаны с языковыми значениями и требуют разбора не только семантики самих компонентов, но и отношений между ними.

Среди структурных признаков ЧП в КЯ обычно фигурируют синтаксическая позиция в предложении (относительное расположение компонентов в линейной цепочке) и способ их выражения. Характер связи, обычно фигурирующий среди свойств этого типа в традиционном языкознании, для КЯ в силу его типологических особенностей оказывается не столь актуален. При квалификации ЧП китайские лингвисты с самого начала пошли по пути обращения к позиционному критерию как самому яркому и очевидному структурному показателю на синтаксическом уровне, зачастую игнорируя семантические признаки ЧП, куда обычно относят категориальные значения соответствующих компонентов, логические связи и значения, обнаруживаемые между компонентами, и коммуникативную нагрузку, которую они при этом имеют в предложении.

Особое место среди второстепенных ЧП в КЯ занимает *дополнительный элемент* (补语 *bǔyǔ*), в отечественной китаеведческой литературе фигурирующий также как дополнительный член, комплемент или буюй. Представления о наличии этого члена возникли в китайской науке под влиянием соответствующей концепции, бытовавшей на рубеже XIX-XX вв. в европейской науке, как особом компоненте предложения, поясняющем семантически неполное сказуемое:

(15) He feels *exhausted* all the time. 'Он постоянно чувствует себя *усталым*.'

(16) We consider him *clever*. 'Мы считаем его *умным*.'

В (15) и (16) *exhausted* и *clever* вносят изначально недостающую глаголам *feel* и *consider* признаковую семантику.

В [3] было предложено именно таким образом трактовать в КЯ контексты, структурно и семантически схожие с (17). Для этого компонента Ли Цзиньси по аналогии с англоязычным термином **complement** предложил термин 补足语 *bǔzúyǔ* 'дополняющий член' в КЯ:

(17) 工人们都显出愉快的样子。 *Gōngrénmen dōu xiǎnchū yúkuài de yàngzi* 'Рабочие выглядели радостными.' [3, с. 27]

В 50-е гг. в китайской науке о языке имел место сдвиг в трактовке данного понятия, и из поясняющего сказуемое компонента, выделяемого по семантиче-

скому критерию, данный ЧП постепенно превратился в постпредикативный элемент структуры предложения, вытеснив исходно применявшееся основание классификации структурными свойствами (линейной позицией относительно сказуемого), а в литературе получил хождение новый терминологический вариант – 补语 *bǔyǔ* ‘дополнительный элемент’.

Таким образом, в середине XX в. в китайской лингвистике сформировалась и начала внедряться в систему преподавания языка шестикомпонентная система ЧП, в которой, помимо имевшихся в грамматических описаниях других языков синтаксических функций *подлежащего, сказуемого, дополнения, обстоятельства и определения*, имелся еще один ЧП – 补语 *bǔyǔ* ‘дополнительный элемент’, трактуемый в данной системе как любой «дополняющий или поясняющий член предложения, который стоит после глагола или прилагательного» [2, с 11]. При этом смешение семантического и структурного критериев при выделении этого ЧП неизбежно вело к разночтениям в его трактовке и трудностям в размежевании дополнительного элемента с другими второстепенными ЧП, в частности с дополнением и обстоятельством.

Дискуссия, развернувшаяся в дальнейшем вокруг этой проблемы, носила вполне обоснованный и предсказуемый характер, поскольку дополнительный элемент по семантическим свойствам оказался идентичен обстоятельству, называя признак действия, но противопоставляясь ему по позиционному критерию и занимая постпозицию к сказуемому предложения. По актуальным для КЯ структурным свойствам дополнительный элемент оказался схож с дополнением, но расходился с ним по семантическим характеристикам. Среди важных моментов той дискуссии следует отметить позицию Люй Шусяна, который еще в [4] писал о необходимости введения в КЯ постпозитивного подтипа обстоятельств, понимая под этим ЧП стоящие после глагола в сказуемом компоненты. Те лингвисты, которые не используют в своей концепции понятие дополнительного элемента, предлагают для постпозитивного к сказуемому члена роль ‘постпозитивного обстоятельства’ (后置状语 *hòuzhì zhuàngyǔ*), аргументируя такой подход путем сравнения двух семантически идентичных предложений:

(18) 李四写在黑板上。 *Lǐ Sì xiě zài hēibǎnshang* ‘Ли Сы пишет на доске.’

(19) 李四在黑板上写。 *Lǐ Sì zài hēibǎnshang xiě* ‘Ли Сы на доске пишет.’

[5, с. 393–394].

Функция компонента 在黑板上 *zài hēibǎnshang* ‘на доске’, называющего признак действия, остается неизменной вне зависимости от позиции ЧП относительно сказуемого (до или после), его сущность также остается без изменений. Для определений и обстоятельств, находящихся в атрибутивных отношениях с тем компонентом, который они призваны пояснять, линейные перемещения не вызывают изменений в их синтаксических свойствах. Тогда как требование непротиворечивости научной теории и логического тождества ее составляющих предполагает унифицированный подход к позиционированию в системе тех элементов, у которых обнаруживается общность семантических и функциональных свойств; выделение двух подтипов обстоятельств в КЯ – препозитивного и постпозитивного – оказывается вполне достаточным для непротиворечивого описания природы и структурных особенностей компонентов предложения в терминах ЧП.

Не столь принципиальна позиция слова, например, наречия, выступающего как обстоятельство меры, локативной группы в функции обстоятельства места, количественной группы, указывающей на длительность или кратность действия, названного глаголом в сказуемом, синтаксическая функция соответствующего компонента во всех этих случаях будет одна и та же – уточнение каких-либо деталей ситуации (признака действия), обычно выполняемая обстоятельством. Поэтому введение еще одного ЧП, находящегося в аналогичных синтаксических отношениях со сказуемым, исключительно по позиционному критерию представляется избыточным.

С учетом вышеизложенных соображений в дальнейшем, по-видимому, следует более внимательно взглянуть на имеющуюся в современной китайской лингвистике теорию членов предложения и рассматривать эту концепцию не изолированно в рамках явлений одной отдельно взятой языковой системы, а с учетом той методологии исследования синтаксических единиц, которая была разработана в общей теории грамматики. Любые аспекты описания грамматического строя языка, тем более такого не столь хорошо описанного, как китайский язык, пусть даже преследующие довольно узкие лингводидактические цели, должны иметь теоретическое обоснование, почерпнутое из достижений общей науки, и проводиться системно и последовательно, исключая в качестве критерия приемлемости или неприемлемости той или иной концепции исключительно аргумент удобства или доступности концепции для освоения того или иного языкового явления обучающимися.

Литература

1. Храковский В. С. Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века // С. Д. Кацнельсон и др. (ред.). Грамматические концепции в языкознании XIX века. Ленинград: Наука, 1985. С. 124–180.
2. Дин Шэншу дэн чжу. Сяньдай ханьюй юйфа цзянхуа. Бэйцзин: Шаньгу иньшугуань, 1961/ 1999. 丁声树等著. 现代汉语语法讲话. 北京: 商务印书馆, 1961/ 1999. [Дин Шэншу и др. Лекции по грамматике современного китайского языка. Пекин: Издательство коммерческой прессы, 1961/ 1999. 228 с.] (На кит. яз.)
3. Ли Цзиньси. Синьчжу гоуй вэньфа. Чанша: Хунань цзяюй чубаньшэ, 1924/ 2007. 黎锦熙. 新著国语文法. 长沙:湖南教育出版社, 1924/ 2007. [Ли Цзиньси. Новая грамматика китайского языка. Чанша: Хунаньское издательство высшей школы, 1924/ 2007. 347 с.] (На кит. яз.)
4. Люй Шусян. Ханьюй юйфа фэньси вэньти. Бэйцзин: Шаньгу иньшугуань. 1979. 吕叔湘. 汉语语法分析问题. 北京:商务印书馆, 1979. [Люй Шусян. Проблемы грамматического анализа китайского языка. Пекин: Издательство коммерческой прессы. 1979. 113 с.] (На кит. яз.)
5. Цзинь Лисинь. Цзецзюэ ханьюй буюй вэньти дэ и гэ кэсинсин фаньянь // Чжунго юйвэнь, 2009 (5): 387-398. 金立鑫. 解决汉语补语问题的一个可行性方案. 中国语文, 2009(5):387-398. [Цзинь Лисинь. Возможное решение проблемы дополнительного элемента в китайском языке // Китайский язык. 2009, №5. С. 387–398.] (На кит. яз.)

Научная статья
УДК 811.581
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-172-178

СЛОВА С ОБРАТНЫМ ПОРЯДКОМ КОМПОНЕНТОВ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ, ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЯЗЫКА

© Шмарова Жанна Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
Россия, г. Чита
shmarova73@mail.ru

Аннотация. В китайском лексическом фонде есть необычные пары слов, они состоят из одинаковых компонентов, но порядок расположения этих компонентов обратный. Их появление обусловлено слоговым характером китайского языка и наличием большого количества диалектов. Китайские ученые проявляют большой интерес к этому явлению, а в отечественной синологии практически нет детальных исследований по данной теме. Такие слова весьма значимы для словарного фонда языка, встречаются во всех функциональных стилях и в топонимической системе.

Ключевые слова: слова с обратным порядком компонентов; слоговой характер языка; классификации слов с обратным порядком компонентов.

WORDS WITH REVERSE ORDER OF COMPONENTS IN CHINESE, THEIR MEANING FOR THE LANGUAGE

© Zhanna V. Shmarova
Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
Russia, Chita
shmarova73@mail.ru

Abstract. There are unusual pairs of words in the Chinese lexical fund, they consist of the same components, but the order of these components is reversed. Their appearance is due to the syllabic nature of the Chinese language and the presence of a large number of dialects. Chinese scientists show great interest in this phenomenon, but in domestic Sinology there are practically no detailed studies on this topic. Such words are very significant for the language vocabulary, they are found in all functional styles and in the toponymic system.

Keywords: words with reverse order of components; syllabic character of the language; classifications of words with reverse order of components.

В китайском языке существует особая группа слов – слова с возможностью обратного порядка компонентов. Их называют 同素词、倒文词、逆序词、反序词、字序兑换的双音词、字序颠倒的复合词、字序颠倒词、同素逆序词、同素异序词、AB/BA 式异序词. Чаще всего встречаются следующие названия: 同素逆序词、同素异序词、同素反序词.

Слова с обратным порядком компонентов – это уникальный феномен в китайском словообразовании. Подобное явление можно сравнить с понятием анаграммы в индоевропейских языках.

Исследование этих слов является актуальным как с лингвистических позиций, так и с точки зрения методики обучения, так как слова с обратным порядком компонентов представляют трудность для изучающих китайский язык. Сложность заключается в определении точного значения слов такой пары, их семантического различия, и как следствие этого, проблема правильного их употребления в речи.

Появление таких слов в языке имеет историческую обусловленность, это результат длительного эволюционного развития китайского языка, имеющего сложной характер. Самым главным способом словообразования в китайском языке является словосложение, которое предполагает возможность прямого соединения (без каких-либо соединительных элементов) двух однослогов в новую языковую единицу.

Как известно, слова древнего китайского языка были в большинстве своем односложные, в определенный период развития односложность, сопровождаемая большим числом омонимов, начинает противоречить тенденциям развития языка и общества, два синонимичных односложных слова соединяться в одно двусложное слово, поэтому в языке, прежде всего, образуются слова с сочинительным типом связи, например, 斗争–争斗 *бороться*, 名声–声名 *известность* [6, с. 26].

Китайский исследователь Лю Яньпин (刘艳平) пишет о том, что слова с обратным порядком компонентов существуют в китайском языке уже давно, например, они встречаются уже в текстах «Шицзин», «Чуских строф». Немало китайских ученых изучали разные аспекты такой лексики. Например, Чжэн Дянь (郑奠) в своей работе «Двусложные слова древнего китайского языка с обратным порядком компонентов» впервые определил и исследовал 64 пары таких слов древнекитайского языка. За ним Цао Сяньчжо на основе большого фактического материала провел всестороннее исследование слов сочинительной структуры с обратным порядком компонентов с точки зрения семантики, стилистики и словообразовательных возможностей. Тань Жувэй рассмотрел такой тип слов в современном китайском языке с позиций их определения (разграничения), особенностей, их происхождения и стилистического функционирования [3].

Большой пласт лексики древнего языка, в том числе и слова с обратным порядком компонентов, сохранился до наших дней и стал неотъемлемой частью современного языка. Кроме того, к лингвистическим факторам относят большое число диалектов, заимствования. К внеязыковым факторам следует добавить обширность территории и большую численность населения. Все эти объективные факторы сыграли свою существенную роль в появлении и существовании таких слов в языке.

Как пишет Ван Лихуэй (王丽会), несмотря на то, что в результате перестановки компонентов происходит образование нового слова, однако его не выделяют отдельным способом словообразования, так как в результате перестановки компонентов образуется незначительное количество слов [4]. Однако такое явление играет важную роль в развитии синонимии языка и способствует обогащению

нию словарного состава языка. Язык за счет своих собственных ресурсов самым естественным и простым способом обогащает себя.

Существуют разные классификации таких слов. При этом учитывают следующие критерии: лексическое значение слова (сходство и различие), принадлежность к части речи, частота использования, отнесенность к диалекту, тоновая характеристика слова, объем выражаемого понятия.

Пара слов может относиться к одной или разным частям речи. Выделяют 7 групп, в шести из которых слова одной частеречной отнесенности: существительные, глаголы, прилагательные, наречия, предлоги, местоимения и одна группа, в которой слова относятся к разным частям речи [5, с. 31].

Например, предлоги: 从打 с тех пор, как... 打从 со времени; из; с; местоимения: 各自 сам 自各 сам, каждый. Совмещение частей речи: 欠缺 и 缺欠 не хватать, нехватка (глагол и существительное); 和缓 смягчать, умеренный, мягкий и 缓和 смягчать, сглаживать, умеренный (глагол и прилагательное).

Что касается семантической близости значений, то китайские исследователи выделяют 6 видов:

- 1) отношения тождества (等同关系) 喊叫 – 叫喊 кричать;
- 2) отношения, подразумевающие возможность определения значения одного слова через другое (互释关系): 伴侣 – 伙伴 партнер, компаньон (второе слово определяется через первое);
- 3) отношения комбинирования (组合关系), слова обладают близким значением, в дефиницию одного слова может быть включено второе слово или дефиниция второго слова: 常时 1) определенное время, 2) часто; 时常 часто, постоянно. Второе значение первого слова определяется через второе слово 时常;
- 4) отношения включения (包孕关系), одно из слов имеет только одно значение, другое же слово – более одного, в число которых включается значение первого слова: 人犯 преступник – 犯人 1) преступник, 2) оскорбить (кого-л.);
- 5) коррелятивные отношения (相关关系), хотя значения двух слов различны, но их сближает наличие общих сем в значениях: 产生 создавать, порождать – 生产 родить, производить;
- 6) несвязанные отношения (无关关系), их появление в языке случайно: 断垄 с/х ряд с плешинами – 垄断 монополия.

Первый и второй типы образуют полные синонимы, третий и четвертый – близкие синонимы, слова пятого типа показывают наличие общих сем в значении, их частеречная принадлежность в большинстве случаев расходится, в шестом типе наблюдаются полное расхождение значений [5, с. 33-91].

Эти шесть видов отношений группируются в четыре крупных типа. Они универсальны и наблюдаются в других языках. Доктор филологических наук, специалист в области русского языка, Л. А. Новиков пишет о том, что между двумя множествами логически мыслимы следующие типы отношения: тождества, включения, пересечения и исключения. При отношении тождества множества равны, семантически эквиваленты [1, с. 137]. При отношении включения одно множество, например М, содержится в другом – N [1, с. 137]. При отношении пересечения множества М и N обнаруживают, с одной стороны, общие (оди-

наковые) элементы, а с другой, – поскольку ни одно из них не включает в себя полностью другого, – необщие (неодинаковые) элементы [1, с. 139]. При отношении исключения (дизъюнкции, внеположенности) множества М и N являются разделенными, так как у них нет общих (одинаковых) элементов [1, с. 141].

С точки зрения грамматической связи компонентов внутри двусложного слова, здесь наблюдаются прежде всего сочинительные отношения. Именно такой тип связи и позволяет произвести смену порядка морфем внутри слова, поэтому значения слов синонимичны или близки по своему значению. А. Л. Семенина отмечает, что «порядок компонентов здесь выступает средством выражения синонимических отношений» [2, с. 60].

Несмотря на близость семантического значения и даже возможность взаимозамены в контексте, мы не можем говорить об абсолютном равенстве этих единиц в системе языка. Различия могут касаться стилистических употреблений слов или частотности употребления единиц в языке. Любой язык – это достаточно экономная система и лишние элементы не выдерживают проверки временем. «В процессе развития языка часть синонимов с общими компонентами расходится в значении и употреблении» [2, с. 60].

Рассмотрим пару употребительных слов в современном китайском языке: 互相 *взаимно, друг друга* (выражает отношение двух лиц или предметов) и 相互 *между собою, взаимный*. Оба слова, будучи наречием, могут выполнять функцию обстоятельства в предложении, в этом случае они взаимозаменяемы: 互相 (相互) 作用, 互相 (相互) 谅解, 互相(相互)尊重, 互相(相互)支持. Кроме того, слово 相互 будучи прилагательным, выступает в роли определения. В отличие от 互相 в сочетании со служебными словами 间, 之间 может образовывать локативное сочетание 相互间 深切的鼓舞 *глубокое воодушевление между [ними]*. Может употребляться в рамочной конструкции “是……的”, например, 怕是相互的 страх [был]взаимным. Данные национального корпуса ВСС показывают, что частотность употребления в словаре слова 互相 (26261 раз) заметно уступает слову 相互 (36739 раз). Два слова относятся к близким синонимам (3-я группа) в вышеприведенной классификации.

В такой паре одно слово может относиться к общеупотребительному языку, а другое – к диалектному. 比较 – 较比 *сравнивать, в сравнении*, 刚才 – 才刚 *только что*, 烦劳 осмеливаюсь просить Вас – 劳烦 беспокоиться, 紧要 важный – 要紧 *серьезный; опасный, критический*, 腐乳 ферментированный тофу – 乳腐 *бобовый сыр*, 眉眼 брови и глаза; настроение – 眼眉 брови. Словарная статья второго слова этой пары имеет помету «диалектное», его значение определяется через первое. Пара слов появилась в разных регионах, область употребления вторых слов уже [6, с. 27].

Чтобы убедиться в частотности употребления обратимся к данным одного из национальных корпусов китайского языка – корпус ВСС при Пекинском университете языка и культуры (The Beijing Language and Culture University Corpus Center – сокр. ВСС). Корпус делится на два раздела, первый из которых – словарь (кит. 词典). В этом разделе можно узнать все значения слова, в каком из значений слово упоминается чаще всего, в состав каких двусложных слов входит тот

или иной иероглиф, в каких конструкциях встречается слово. Второй раздел корпуса называется «китайский язык» (кит. 汉语). В данном разделе можно узнать, как слово или иероглиф реализуются в контексте художественных, научно-технических, древнекитайских и газетных текстов.

Проанализируем 3 пары слов на основе национального корпуса китайского языка.

Таблица 1
Частотность употребления словарных единиц в корпусе ВСС

	Частотность употребления в словаре	Частотность употребления в газетных текстах
比较	65551	186739
较比	105	78
刚才	65584	5398
才刚	4969	1263
腐乳	30	125
乳腐	6	3

Приведенные цифры убедительно показывают, первое слово из пары является общеупотребительным. У вторых слов в паре во всех случаях есть помета «диалектное», а значение определяется через первое слово. Частотность употребления диалектного слова намного ниже.

Слово 乳腐 распространено в уезде Инь (鄞县 провинции Чжэцзян, один из ареалов группы диалекта У), для этого диалекта характерны слова, первый компонент которых обозначает объект, а второй – определение к нему, тогда как в путунхуа, существует это же слово с обратным следованием компонентов: 人客 *гости* (путунхуа 客人), 棒冰 *мороженое на палочке* (путунхуа 冰棒 или 冰棍), 米胖 *конфеты из риса* (путунхуа 胖米), 饭干 *круто сваренный рис* (путунхуа 干饭).

Слово 才刚 распространено в диалектах цзинь (晋语), мандаринском диалекте цзянхуай (江淮官话).

Слово 较比 распространено на северо-востоке, Шаньдуне, Пекине.

Если говорить о заимствованных словах в таких парах, то исследователи говорят о появлении слова из японского языка. 权威–威权 *авторитет, могущество*; 讯问 *допрос, запрашивать* – 问讯 *осведомляться, допрашивать*; 出超 *активный торговый баланс* – 超出 *превышать*. Первые слова из этой пары являются исконно китайскими, последние вернулись в родной язык из японского со схожим или совершенно другим значением [6, с. 28].

Лю Яньпин на основе исследования 60 пар одноморфемных слов с обратным порядком компонентов (древнекитайский язык) пришел к выводу, что у 47 пар отношения между морфемами внутри слов – сочинительные, у 13 пар наблюдаются иной тип связи (глагольно-объектный – субъектно-предикативный, атрибутивный – субъектно-предикативный или результативный – атрибутивный) [3].

Авторы исследования слов с обратным следованием компонентов, опираясь на материалы «Словаря современного китайского языка», выделяют 9 типов свя-

зи отношений между компонентами сложного слова в случае подчинительных отношений:

1. Сочинительная – атрибутивная:
津要 *важный пункт* – 要津 *важная переправа* (обр. в знач.: *высокое положение, важный пост*)
2. Сочинительная – результативная:
实证 *реальное доказательство* – 证实 *подтверждать*
3. Сочинительная – глагольно-объектная:
牧畜 *скотоводство* – 畜牧 *заниматься скотоводством*
4. Сочинительная – субъектно-предикативная:
形体 *форма, структура* – 体形 *фигура (форма тела), форма*
5. Атрибутивная – результативная:
绝灭 *вымирание, уничтожение* – 灭绝 *истребить, уничтожить*
6. Атрибутивная - глагольно-объектная:
喜报 *радостная весть* – 报喜 *рапортовать об успехах*
7. Атрибутивная – субъектно-предикативная:
快手 *быстро, расторопный* – 手快 *проворный*
8. Глагольно-объектная – субъектно-предикативная:
养家 *содержать семью* – 家养 *домашний*
9. Глагольно-объектная – результативная:
逃脱 *сбежать* – 脱逃 *спастись бегством* [5, с. 27–28].

Можно заметить, что все модели сложения представлены в структуре таких слов, при этом доминирует сочинительная.

Как интересное и довольно распространенное явление можно отметить наличие топонимов, образованных обратным порядком слогов, такие пары называют 相互颠倒的地名 (букв. топонимы-«перевертыши»). Приведем примеры топонимов из числа названий уездов, округов: 北海 (*городской округ Бэйхай в Гуанси-Чжуанском автономном районе*) и 海北 (*автономный округ Хайбэй пр. Цинхай*), 宁乡 (*городской уезд Нинсян пр. Хунань*) и 乡宁 (*городской уезд Сяннин пр. Шаньси*), 和平 (*городской уезд Хэтин пр. Гуандун*) и 平和 (*городской уезд Пинхэ пр. Фуцзянь*), 开封 (*городской округ Кайфэн пр. Хэнань*) и 封开 (*уезд Фэнкай пр. Гуандун*).

Таким образом, слоговая особенность китайского языка и ее отличительные характеристики (ограниченное количество разнозвучающих слогов, минимальные возможности варьирования фонем внутри слога) не ограничивают, а, напротив, дают возможность языку путем простой перестановки компонентов слова образовывать новые лексические единицы. Существование таких слов также указывает на то, что порядок следования компонентов в слове, равно как и порядок слов китайского языка, остается одним из важных грамматических средств.

Литература

1. Новиков Л. А. Семантика русского языка: учебное пособие. Москва: Высшая школа, 1982. 272 с.
2. Семенов А. Л. Лексикология современного китайского языка. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. 279 с.
3. Liu Yanping Gu hanyu jiedaici zhong de tongsu nixu xianxiang 刘艳平 古汉语借代词中的同素逆序现象 [Лю Яньпин Перестановка компонентов в заимствованных словах древнего китайского языка]. URL: <https://www.docin.com/p-373575039.html> (дата обращения: 10.05.2022).
4. Wang Lihui “Hanyu shuiping cihui yu hanzi dengji dagang” zhong tongsu yixuci xide pandu yanjiu 王丽会“汉语水平词汇与汉字等级大纲”中同素异序词习得难度研究 [Ван Лихуэй Исследование проблем усвоения слов с обратным порядком компонентов в “Программе изучения китайского языка и иероглифической письменности”]. URL: <https://wenku.baidu.com/view/c3e1f0fd4a649b6648d7c1c708a1284ac85005c0.html> (дата обращения: 13.05.2022).
5. “Xiandai hanyu cidian” di 6 ban zhong de tongsu nixuci yanjiu 《现代汉语词典》(第6版)中的同素逆序词研究 [Исследование слов с обратным порядком компонентов по материалам «Словаря современного китайского языка» 6-ое издание]. URL: <https://www.docin.com/p-2088041123.html> (дата обращения: 20.05.2022).
6. Xiandai hanyu tongsu nixuci yanjiu yi “Xiandai hanyu cidian” di 5 ban wei zhongxin 现代汉语同素逆序词研究——以《现代汉语词典》(第五版)为中心 [Исследование слов с обратным порядком компонентов по материалам «Словаря современного китайского языка» 5-ое издание]. URL: <https://www.doc88.com/p-494984477332.html> (дата обращения: 23.05.2022).
7. Национальный корпус китайского языка при Пекинском университете языка и культуры ВСС. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 5.04.2022).

Научная статья
УДК 81-139
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-179-185

**ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИЙ ФРАЗОВЫХ ЧАСТИЦ КИТАЙСКОГО
ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОРПУСА**

© Павлова Алена Дмитриевна
кандидат филологических наук, преподаватель,
Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ
Россия, г. Москва
ahisha@mail.ru

Аннотация. Роль фразовых частиц в построении предложений уникальна. Они могут выполнять риторические, экспрессивные, анафорические, грамматические функции. В связи с этим перевод фразовых частиц в парах языков разной типологии, где функции фразовых частиц оригинала могут быть переданы разными средствами языка перевода (интонационно, грамматически, лексически и т. д.), представляется достаточно сложным. Типология китайского языка как изолирующего, в котором роль служебных слов значительнее в выражении синтаксических отношений между словами, обуславливает обязательность и большую частотность использования фразовых частиц для построения предложений, выражения отношения между его частями.

В статье рассматриваются подходы к исследованию функций фразовых частиц китайского языка. По результатам проведенного исследования предложен алгоритм анализа функций фразовых частиц, описаны преимущества и особенности его проведения на материале лингвистического корпуса.

Ключевые слова: фразовая частица, лингвистический корпус, модальные частицы, методы исследования, китайский язык.

**CHINESE DISCOURSE PARTICLES' LINGUISTIC CORPUS
BASED ANALYSIS**

© Alena D. Pavlova
PhD, Senior Lecturer,
Military University Ministry of Defense of the Russian Federation
Russia, Moscow
ahisha@mail.ru

Abstract. The role of sentence-final particles (discourse particles) in the construction of sentences is unique. They can perform rhetorical, expressive, anaphoric, grammatical functions. In this regard, the translation of phrasal particles in pairs of languages of different typologies, where the functions of the original sentence-final particles can be conveyed by different means of the target language (by intonation, grammatically, lexically, etc.), seems to be quite difficult. The typology of the Chinese language make the role of function words more significant in expressing the syntactic relations between words, determines the obligatoriness and greater frequency of using sentence-final particles to build sentences, expressing the relationship between its parts. This article is dedicated to the *research methods* of the Chinese sentence-final particles (discourse particles) functions.

Based on the linguistic corpus research of the discourse particles function we propose the analyzing algorithm, describe the advantages and difficulties of the corpus based methods.

Keywords: sentence-final particles, discourse particles, linguistic corpus, research methods, Chinese language.

Термин «фразовые частицы» в отечественном китаеведении был впервые предложен В.И.Гореловым в книге «Грамматика китайского языка» (1982) [1]. В работах российских исследователей также используются термины «модальная частица», «фразовая модальная частица». В работах западных исследователей наиболее современными являются термины discourse/pragmatic particle (sentence-final particle – все еще довольно частотный термин, однако уже признан устаревшим в отношении китайского языка, как не отражающий функциональные особенности частиц). В исследованиях современного китайского языка китайскими лингвистами фразовые частицы относят к самостоятельной категории служебных слов и называют 语气词 (дословно «модальные слова») (Ван Ли, Ма Чжэнь, Чжу Дэси, Хуан Божун, Чжан Чжигун, Ху Юйшу, Ци Хуъян, Хоу Сюэчао, Сунь Синь, Го Силян, Ли Сяоцзюнь и т. д.) [6].

Исследования фразовых частиц следуют за развитием лингвистической науки. В отечественной лингвистике фразовые частицы рассматриваются с точки зрения их позиции в предложении и структуры (В. И. Горелов) [1], пресуппозиции и импликации (Тань Аошуан) [8], выражения оттенков экспрессивно-модального отношения говорящего и позиции в предложении (Е. И. Шутова) [9], указания на изменение характера согласования деятельности между коммуникантами при тождественном наполнении предложения (В.А. Курдюмов) [3]. В работах западных синологов основными подходами к исследованию фразовых частиц нами выделены функциональный (Чжао Юаньжэнь, Ч. Ли и С. Томпсон) [10;12] и дискурсивный подходы (Ruey -Jinan Regina Wu, Li Boya) [11;13].

Однако в работах теоретического и справочного характера по исследованию функций фразовых частиц как китайских, так и отечественных, западных исследователей анализ проводится на языковом материале преимущественно в виде отдельных фраз или предложений. При перечислении функций предлагаются отдельные примеры для подтверждения определенной функции. Как правило, примеры использованы из литературных произведений или придуманы автором [14;1;3].

Рассмотрим на примере 1 фразы «Ты ученик» с использованием разных фразовых частиц в конце.

Пример 1.

你是学生吗?

你是学生吧。/?!

你是学生呢? /。

你是学生啊! /?/。

你是学生了。

Перед нами несколько предложений, которые отличаются только фразовой частицей в конце. Можем ли мы дать точные переводы этим выражениям? Для

предложений с частицами 吗, 吧 смысл предложения достаточно очевиден: вопросительное предложение с частицей 吗, подразумевающее, что ответ будет да или нет; с частицей 吧 в зависимости от типа предложения (повествовательное, вопросительное, восклицательное) значение будет немного отличаться, но в любом случае частица привнесет значение почти стопроцентной уверенности говорящего в том, что «ты ученик». Однако если бы не было знаков препинания у частиц 吧, 呢, 啊, мы не смогли бы восстановить интонацию и дать точный перевод фразы. Также неоднозначна частица 了, так как может быть и утвердительной частицей, и показателем изменения ситуации, а также совмещать эти два значения. И без контекста «дешифровать» такие предложения крайне затруднительно.

Контекст фразы, отношение говорящего и скрытая семантика, выраженная в частице, часто не поддаются «дешифровке» только на основании одного предложения. Наши лингвистические эксперименты с носителями по восстановлению фразовых частиц в тексте подтверждают, что фразовая частица является маркером модальности, который дополнительно фиксирует отношение говорящего к контексту, интонацию, и является часто вторичной, усиливающей уже имеющуюся в предложении модальность [7, с.183]. Стоит отметить, что это справедливо не для всех функций, и не для всех частиц и случаев употребления.

Исследование функций фразовых частиц разных исторических периодов показало, что исследование фразовых частиц на основе текстов позволяет четче определять их функции, увидеть, как «работают» частицы в тексте, связывают его смысловые части между собой [5]. Однако исследование функций фразовых частиц только на основе художественных произведений имеет свои ограничения. Во-первых, любой художественный текст является отражением языка автора, т.е. это дискурс одного человека, отражающий особенности его речи или речи, которой он подражает. Во-вторых, объем художественных произведений недостаточен, чтобы иметь сравнимый по объему материал для анализа каждой частицы, так как частотность их функций в речи различна. Например, в диалогах будет больше частиц употреблено, чем в повествовании, но чаще тех, что имеют экспрессивные функции. Такое неравномерное распределение может исказить представление о частотности тех или иных функций.

В разрешении представленных выше ограничений может помочь проведение исследования функций фразовых частиц на основе лингвистических корпусов. Для современного китайского языка выделено 10 лингвистических корпусов, к которым имеется открытый доступ [2]. В целом они не имеют существенных различий для исследования функций фразовых частиц, так как имеют схожие лингвистические разметки и поисковые менеджеры.

Использование лингвистического корпуса в исследовании функций фразовых частиц на основе лингвистического корпуса имеет следующие преимущества: большой объем, тексты даны полностью, в ряде случаев можно выбрать конкретные тексты, периоды, материалом является естественный текст, созданный не в учебных целях или для примера, что особенно важно для корпуса разговорной речи. Исследование функций фразовых частиц на основе лингвистического корпуса, также, как и исследование на основе художественного

произведения, проводится на конкретном языковом материале и его синтаксические особенности непременно будут влиять на то, какие частицы используются.

Рассмотрим частотность использования фразовых частиц в разных корпусах, созданных Пекинским университетом языка и культуры (北京语言大学语言智能研究院语料库) [17]. Объем корпуса публицистических текстов составляет 2 млрд. иероглифов, художественной литературы - 3 млрд. иероглифов, разговорного корпуса - 600 млн иероглифов (посты в социальной сети вэйбо, субтитры сериалов и кино).

Таблица 1
Частотность использования фразовых частиц в разных корпусах

Корпус публицистических текстов			Корпус разговорной речи			Корпус художественной литературы		
Фразовая частица	Количество примеров	В процентах	Фразовая частица	Количество примеров	В процентах	Фразовая частица	Количество примеров	В процентах
Всего	2 295 306		Всего	19 200 376		Всего	1 423 306	
了	1607789	70,05%	了	3546149	18,47%	了	786985	55,29%
呢	214186	9,33%	啊	1941774	10,11%	呢	133825	9,4%
吗	122418	5,33%	吧	1067497	5,56%	吧	128926	9,06%
吧	86979	3,79%	吗	1033276	5,38%	吗	126944	8,92%
啊	69273	3,02%	呢	672521	3,5%	啊	72294	5,08%
呀	40344	1,76%	啦	560855	2,92%	呀	41265	2,9%
啦	28941	1,26%	么	465200	2,42%	啦	36899	2,59%
么	14044	0,61%	呀	444921	2,32%	么	15582	1,09%
呵	13097	0,57%	嘛	328582	1,71%	嘛	11952	0,84%
哩	12390	0,54%	呗	58894	0,31%	哩	10445	0,73%

Как мы видим из таблицы 1, несмотря на то, что разговорный корпус меньше в объеме, частицы используются почти на 90% чаще. Также стоит обратить внимание на распределение частотности употребления частиц внутри каждого из корпусов. Если в корпусе художественной литературы и публицистических текстов мы видим преимущественное использование частицы 了 (мы связываем это с тем, что повествовательных предложений в этих корпусах будет больше), а затем шесть частиц, частотность которых постепенно снижается. То в корпусе разговорной речи процент использования каждой из частиц распределен более равномерно. И наиболее частотными частицами в разговорном корпусе становятся частицы, которые чаще используются в выражении экспрессии и паузы (啊, 吧).

В нашем исследовании функций фразовых частиц современного китайского языка (путунхуа) мы анализировали корпус публицистических текстов на основе

текстов ежедневной газеты «人民日报» («Народная ежедневная газета») за 2017–2018 гг. (приблизительно 10 308 газетных страниц, 36 752 639 иероглифов). Так как тексты газеты написаны на нормативном китайском языке (путунхуа), проверены редакторами, оформлены по правилам пунктуации, - все это обусловило выбор именно такого материала для проведения исследования.

Суммарно количество проанализированных примеров по всем частицам составило 36 724 примера. Количество примеров по частицам получилось неравномерным: 啊 (948), 呢 (1947), 吗 (2188), 吧 (884), 的 (11968/814), 了 (18789). Мы связываем преобладание частиц 了, 的 с тем, что характер текста в большей степени повествовательный.

В Таблице 1 и в целом во всем списке фразовых частиц, который автоматически предлагает корпус, не будет указана частица 的. Это связано с технической особенностью при автоматической разметке текста. В нашем исследовании мы столкнулись с тем, что невозможно задать в поисковой строке корпуса параметр «искать иероглиф 的 со значением фразовой частицы», можно только задать поиск по части речи в сочетании с фразовой частицей. В результате мы получили первоначально 52 559 примеров, где встречается и частица 的, и служебное слово 的. Мы разработали алгоритм поиска фразовой частицы по ее позиции в предложении, и это позволило сократить количество примеров до 11 968. И далее уже можно было применять метод экстрадиции примеров с одинаковыми синтаксическими структурами. В случае с частицей 的 оказалось, что в большинстве случаев она будет частью структуры 是...的. После выделения этой структуры осталось лишь 814 примеров для анализа, что было сопоставимо по количеству примеров с другими частицами.

Результатом анализа фразовых частиц на материале лингвистического корпуса стало более подробное описание случаев употребления каждой частицы, выявлены новые устойчивые сочетания в составе синтаксических структур, функции, ранее не описанные в теоретической литературе, уточнены особенности использования фразовых частиц в разных позициях в предложении, в разных типах предложений. Например, для частицы 吗 мы выделили употребление в вопросительных предложениях с вопросительными словами (58 примеров, большая часть из них с вопросительным словом 什么), где фразовая частица усиливает модальность. В анализе частицы 啊 была выделена функция, которая исторически существовала у предшественников современной частицы, но не отмечена в современных справочниках: использование частицы в структурах «существительное—частица—существительное», «глагол — частица — глагол», где глагол или существительное одинаковы. При использовании с глаголами это удвоение глагола; при использовании с существительными это могут быть обращения, рассуждения. В случае фразовой частицы 的 мы подтвердили возможность использования ее в середине предложения (в конце фразового единства), что не указано в современной научной и справочной литературе [7].

Для проведения дальнейших исследований фразовых частиц на материале лингвистического корпуса мы разработали алгоритм анализа, включающий три этапа.

На первом этапе происходит выявление всех примеров с использованием фразовой частицы с помощью встроенного в корпус поискового менеджера. Если количество примеров велико, стоит уже на этом этапе производить поиск в разных типах предложений по-отдельности, сочетая этот поиск с позицией частицы в предложении. Затем примеры необходимо разделить по цели высказывания на повествовательные, вопросительные, побудительные предложения, по интонации на два типа —восклицательные и невосклицательные, по позиции частицы в предложении: в конце предложения или в конце фразового единства, т.е. в середине предложения. Так как лингвистические корпуса не имеют автоматизированного способа выявления вышеописанных типов предложений, необходимо использовать пунктуацию в поисковом запросе.

Второй этап подразумевает первичную обработку примеров, а именно устранение дубликатов, выявление примеров, в которых иероглиф частицы используется в другом значении (например, как словообразовательный суффикс: 酒吧, 书吧).

Третий этап подразумевает анализ примеров. Сначала из массива примеров экстрадируются те, где фразовая частица является частью устойчивой синтаксической структуры, используется с определенными маркерами (наречия, служебные слова и т. д.). Оставшиеся примеры анализируются вручную. Перед началом анализа необходимо разработать кодификатор уже описанных в научной литературе функций. В процессе анализа те примеры, что не могут быть классифицированы в одну из уже имеющихся функций, выделяются отдельно для повторного анализа и поиска схожих грамматических, лексических явлений, анализируется то, какое значение придает частица предложению, как меняется оно, если частицу не использовать.

Исследование функций фразовых частиц китайского языка на материале лингвистических корпусов открывает большие возможности по систематизации всех функций фразовых частиц во множестве контекстов и, вероятно, позволит создать наиболее подробное и точное описание функций на основе больших массивов данных. Лингвистические корпуса позволяют проводить сравнения между функциями частиц разных дискурсов, что позволяет получить более точное, детальное и объективное представление о функциях частицы в разных дискурсах, типах предложений, позициях и сочетаниях. Тем не менее необходимо помнить, об особенностях использования фразовых частиц в разных стилях речи, и что исследование на основе лингвистического корпуса существенно облегчает задачу по анализу, но не решает ее автоматически только лишь за счет объема материала.

Анализ функций фразовых частиц на большом массиве данных не может быть автоматизирован на современном этапе. Однако все большее количество обнаруживаемых закономерностей в построении предложений с частицами в синтаксических структурах дают возможность алгоритмизировать и ускорить обработку примеров.

Литература

1. Горелов В. И. Грамматика китайского языка. Москва: Просвещение, 1982. 279 с.
2. Гурулева Т. Л. Цифровые ресурсы переводчика китайского языка: учебное наглядное пособие. Москва: ВКН, 2022. 158 с.
3. Курдюмов В. А. Морфологический уровень китайского языка как изолирующего топикового. Сущность и содержание позиции частицы // Вестник МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 1(13). С. 37–46.
4. Павлова А. Д., Гурулева Т. Л. Особенности генезиса классических фразовых частиц китайского языка // *Litera*. 2021. № 1. С. 134–143.
5. Павлова А. Д. Развитие научных представлений китайских лингвистов о роли фразовых частиц в китайском языке // Сборник XII Международной научно-практической конференции «Россия — Китай: история и культура». 2019. С. 591–596.
6. Павлова А. Д. Генезис функций фразовых частиц (на материале китайского языка): диссертация ... кандидата филологических наук. Москва, 2021. 274 с. URL: https://vumo.mil.ru/upload/site57/document_file/Pavlova_Avtoreferat.pdf (дата обращения: 10.06.2022).
7. Тань Аошуан. О фразовых модальных частицах (ответ коллеге Юй Сухуа) // Изучение китайского языка. 2003(a). С. 47–52.
8. Шутова Е. А. Синтаксис современного китайского языка. Монография. Москва: Наука, 1991. 392 с.
9. Chao Y. R. *A Grammar of Spoken Chinese*. University of California Press. 1968. 1109 p.
10. Li Boya, *Chinese Final Particles and the Syntax of the Periphery*, 2006. URL: <https://scholarlypublications.universiteitleiden.nl/handle/1887/4393> (дата обращения: 25.07.2019).
11. Li Ch. and Thompson S. *Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*. University of California Press. 1981. 691 p.
12. Ruey-Jiuan Regina Wu. *A conversation analysis of Mandarin final particles*. John Benjamins Publishing Company. 2004. 260 p.
13. 吕叔湘, 《现代汉语八百词 (增订本)》, 北京: 商务印书馆, 1999. 760 页 [Люй Шусян, 800 слов современного китайского язык. Дополненное издание. Пекин: Изд. Коммерция, 1999. 760 с.]
14. 北京语言大学语言智能研究院语料库 / [Лингвистический корпус китайского языка / Исследовательский институт языкового интеллекта Пекинского университета языка и культуры]. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 10.06.2022).

Научная статья
УДК 811.58'373
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-186-191

**AN ANALYSIS OF THE PRODUCING MECHANISM OF HOMOPHONIC
WITTICISM FROM THE PERSPECTIVE OF VERBAL COMMUNICATION:
TAKING *ROAST* AND *TALK SHOW CONGRESS* AS AN EXAMPLE**

© **Wang Sen**
Ph.D. Student,
School of International Chinese Studies,
East China Normal University
China, Shanghai
xlchen@admin.ecnu.edu.cn

Abstract. With the make complaints about comedy show in the two stage of Tucao conference and talk show Congress, the frequent "homophonic witticism" has also been widely watched and imitated by the public. As the dissemination of information, "homophonic witticism" is a kind of innovation in language form, which has a unique expression function. In addition to the classification and analysis of "homophonic witticism" in form, its internal mechanism is also worth exploring. The "homophonic witticism" in talk show is more used by talk show actors to express their attitude towards post-modern social life with this special language form, which reflects the relationship between language and thinking. In addition, "homophonic witticism" is different from other network catchwords in that it teaches the public a new way of expression and thinking.

Keywords: Talk show; Homophonic witticism; Verbal communication; mechanism of production.

语言传播视域下“谐音梗”的产生机制分析
——以《吐槽大会》和《脱口秀大会》为例

王森

(华东师范大学国际汉语言文化学院, 上海 200062)

摘要: 伴随着《吐槽大会》和《脱口秀大会》两档脱口秀类喜剧节目的热播, 其中频繁出现的“谐音梗”亦受到大众的关注及模仿。“谐音梗”是一种语言形式上的创新, 具有独特的表达功能, 除了可以从形式上对其进行分类分析之外, 其内在产生机制也是非常值得探讨的。从语言传播的角度来讲, “谐音梗”首先是脱口秀演员, 即语言传播主体, 通过这一特定形式来建构自己的传播话语, 在试图逗乐观众的基础上, 进一步传达他们所代表的群体对于当今社会的看法; 其次, 作为语言传播信息, “谐音梗”是对语言形式的一种重建, 包含了他们所要传达的信息内容, 是思维的一种外在形式。作为语言传播的媒介, 以这两档节目为代表的语言类综艺节目需要明确其所能够带来的传播效果, 如此才能体现综艺节目该有的价值。

关键词: 脱口秀; “谐音梗”; 语言传播; 产生机制

一、引言

时代的迅速发展不仅引起了人们生活方式上的巨大变化，在文化、哲学观念以及价值观念上也在不断地变化着。而语言作为思维的外在形式，能够体现思维的变化。作为语言艺术形式的脱口秀，相比于中国的其他喜剧形式，如相声、小品、海派清口等，脱口秀不具有明显的地域特征，虽然是舶来品，但却体现出了突出的普适性特点，非常容易为大众所接受。加上其幽默、诙谐的特点，伴随着网络时代信息传播的便捷及迅速，脱口秀类综艺节目越来越受大众，尤其是年轻人的喜爱。《吐槽大会》和《脱口秀大会》便是其中代表。这两档节目将脱口秀从无人关注做到了全民欢迎的程度，取得了极佳的节目效果。

作为语言类节目，这两档脱口秀类喜剧节目的语言风格是非常值得关注的，特别是其中频繁出现的“谐音梗”。我们知道谐音是利用语音上的相近或相同来达到语义的转变，而“梗”是最近比较火的网络用语，意思是笑点，是对“诨”字的误用。所以“谐音梗”就是指利用语言形式上的谐音来触发笑点，带来诙谐、幽默的效果。“谐音梗”在其他的语言类节目中也多多少少出现过，但这两档节目可以说真正带火了“谐音梗”，使得玩“谐音梗”成为了全民性的一种风潮。如今，“谐音梗”在社会各层面、各领域的出现，甚至连政府部门都在使用“谐音梗”，如安徽政府服务公众号名为：“皖”事通，湖南政府服务号为心“湘”事成。由此，我们不得不进一步加深对此类语言表达问题的关注。

为什么“谐音梗”会有这种“魔力”？我们认为，这与“谐音梗”的产生机制有关，我们可以从多个角度来进行分析其这一问题。Cooper（1982）认为语言传播是语言行为的传播，可以从形式、功能和普遍性三个方面来分析语言传播，其中形式指被传播的语言或语言变体，功能指语言或语言变体传播的目的，普遍性指说话者为实现一定的交际功能而使用一门语言或语言变体的程度。¹这里我们按照语言传播的构成要素（周芸 崔梅，2015），从语言传播主体和信息两方面来分析。

二、传播信息：“谐音梗”的语言形式分析

我们知道“谐音梗”是利用音近或相同的两个词达到语义的转变，从而达到幽默的效果。但是“谐音梗”也可以从形式上来进行分类，第一类就是通过一种固定的组合创造一种全新的表达，这一类可以分为两种情况，首先是与固定组合中某一部分的谐音，这样的例子是最多的，试看下例：

例 1：我也做了核酸（检测），也捅鼻子……而且为了安全，上周还带着我爸妈一起去，大夫看见我们都说：哎呀，全家“捅”（桶）！^[1]

例 2：我爸妈也疼我，给钱经常就不要，不要我也给，硬给，哭着喊着也要给。嗷嗷喊：求求你们收下吧，让我尽尽孝心吧！是吧？二十四孝头一孝，仰天长“孝”（啸）。

例 3：不是，你想想，真输了我可咋整啊？人家比赛之前，选手一个一个对我还贼客气，是不是？一个一个还管我叫哥呢。等比赛完了我要是输了，人家不得问一句：你到底算是个什么哥？你说我咋说？我说我是老脸往哪儿哥（搁）？

例 4：进决赛已经不错了，我们已经是全国五强了。五强啊，五常（强）的大米可是很好吃的。还可以分为不同的品种，有黑无常和白无常。听完这个谐音梗，有没有觉得人生无常。

例 5：你看你胖，你这一身肥肉。你跟 Rock 组个组合，就叫 Rock and Roll（肉）。

例 1 和例 2，“全家桶”指某快餐店的一款套餐，已成为有着固定语义的组合，“仰天长啸”本身就是一个成语，例 3 中的“老脸往哪儿搁”也是大家比较常见的一种相对固定的

¹ 见王辉 语言传播的理论探索[J], 语言文字应用, 2019 第 2 期, 第 20-25 页。

表达，表示比较羞愧的意思。但在这里，脱口秀选手利用“捅”、“孝”、“哥”，与其中的同音字进行了替换，产生了一种不同与原意的表达。本身全家桶和捅鼻子进行核酸检测是没有任何关联的，但是这里选手通过利用谐音，将表示套餐的全家“桶”，变成了全家一起“捅”鼻子做核算检测，由此便产生了一种张力，幽默效果便得以凸显了。

例4中，选手将“五常”与“五强”进行谐音，原因在于有些地区的方言中，“常”和“强”是同音的，因此，选手利用了普通话与方言的谐音进行“谐音梗”的创作。“五常大米”中的“五常”是一所城市的名字，“黑白无常”是中国神华中的一对神祇，这里的“无常”特指在人死时勾摄生魂的使者，而“人生无常”中的“无常”，意指事物是不停变化的。选手利用谐音进行了另类的表达，让观众感到了脱口秀的“无常”。例6则是利用中英两种语言的谐音创作的。我们知道，一般情况下，不同国家不同地区的人在说英语时，总会带有自己的一些地域特征，尤其是语音方面，比如很多中国人说的英语被称为“中式英语”，好多泰国人说的英语被称为“泰式英语”。那么选手就利用“中式英语”的这一特征，将“roll”和“肉”进行谐音，经过选手的创造性表达，这类“谐音梗”产生了一种强大的张力，有些荒诞，但却具有不错的幽默感。

第二类是对一些固定组合进行打破重组，试看下面的例子。

例5：很多人说我在黑黑寡妇。你听听这话说的，感觉我是个“流氓”，在调戏寡妇，说：嘿嘿，寡妇！

例6：那你用郭靖造个句吧，好。这口破锅（郭），净（靖）是铁锈！用李红林造句，火柴里（李），红磷（红林）的含量是多少？

例5和例6都是通过改变谐音本体的语调构造以及语法形式来产生的谐音。例5中，选手首先利用“黑”与“嘿”的谐音，然后改变了“黑黑寡妇”的语调构造，并且使得原本为动宾关系的组合，变成了一个拟声词“嘿嘿”与“寡妇”的组合，这样一来，本义为抹黑黑寡妇的组合，变成了调戏寡妇的“嘿嘿，寡妇！”例5同样是在利用谐音的基础上，对谐音本体进行了语调和语法的重组。

第三类是将两个不相关的词进行组合，形成新的组合，且具有了与这两个词都不相关的新的意思。试看下例：

例7：我上大学的时候几乎不在饭店买酒喝……大家都说我是全辽宁最省的人，江湖人称“辽宁省”。

例8：你的脸只是不大，但不代表它不方啊。你仔细看看你那个小方脸，又小又方，有一首歌就是拿你写的，村里有个姑娘叫小芳。

这一类的“谐音梗”与之前两类的不同之处在于，这类“谐音梗”中谐音的本体并不是一个固定的组合，选手将其进行拼贴后形成了形式上的固定组合，而选手要表达的意思却并不是该组合的传统意义。也就是说，这类“谐音梗”更像是一种简称，只不过这个简称的含义是选手打破其原来固定词义之后又赋予其新的含义。

以上三类都有一个共同的特征，即，“谐音梗”运用谐音达到言此意彼的目的，其实是对会话合作原则（H.P.Grice）的暗中违反^[2]，在一个会话场景中，对于会话原则的违反会表达了说话人的“言外之意”。有些甚至打破了原先词或词组的语法、语调结构。比如例3中的“老脸往哪搁”，其实问话方问的是“算什么哥”，但是选手故意运用“搁”与“哥”的谐音进行一种含蓄的回答，既表明了自己的尴尬境遇，也由此产生了一种幽默感。

本节对“谐音梗”进行了大致的分类，并从语言学的角度分析了其传播信息形式上的产生机制，指出，汉语中的、汉语与方言中的、汉语与外语中的谐音词语为“谐音梗”创作创造了条件，对于会话原则的暗中违反可以看成是创作“谐音梗”的语用目的。但是这些主要是从语言形式方面来进行的分析，我们需要进一步分析“谐音梗”产生的内在机制，下面我们将从语言传播主体出发，探讨其内在思想，深入分析“谐音梗”的产生机制。

三、传播主体：“谐音梗”的内在产生机制探讨

语言传播主体是指参与语言传播活动并在其中完成语言编码、语言解码等任务的对象，包括语言传播者和语言接受者¹。而语言传播者是编码的主体。

如今，时代的迅速发展不仅引起了人们生活方式上的巨大变化，在文化、哲学观念以及价值观念上也在不断地变化着。作为思维的外在形式，语言总能适时地表现出思想的变化。“沃尔夫-萨丕尔假说”提到语言与思维相互影响的关系，阐明了语言结构决定某个文化群体成员的行为和思维习惯。从语言哲学观来看，经过“语言学转向”，西方哲学对语言的态度发生了转变，语言由一种工具转变为哲学反思自身的一个基础，而在后现代主义的影响下，语言哲学观又发生了改变，在语言学流派中，真正能体现后现代人本性的当属认知语言学。^[3]认知语言学认为语言表达背后是人对世界的认知机制。邱彤村、陈妍（2020）从心理认知层面对谐音的生成机制进行探究，他们着重用“激活-转喻/隐喻生成机制”对谐音生成的原动力进行了探究和解释，认为谐音是人们把对外部世界的认知所得通过大脑内部整合重新输出的一种心理过程，这就从更深的层面剖析了谐音产生的动因。

语言是人类最重要的交流工具，我们用语言传达思想、完成交际和传播。日常语言是以完成交际为目的的，如果仅为达到交际的目的，那么日常语言就是保守的，保守就意味着显无聊和乏味，因此文学多是在寻求语言上的突破，修辞的目的也在于打破原来的语言规则、语用规则，进而进行重组，试图与日常语言分开，以达到某种特定的表达效果。而如今随着全球化及网络时代的影响，语言间的碰撞也在时刻及深刻地进行着，这不可避免地影响着人们使用语言的方式。此外，当今后现代社会人性化、自由化的特点，影响了当代人的思维方式，他们很多时候无法使用原来的语言形式来准确表达出自己当时的所感所想，因此便尝试打破传统的语言形式，并希望以此来凸显个性。受到网络时代与全球化的影响下，语言内部各要素、语际间的交流与碰撞愈显频繁，为创造新的语言形式提供了充足的条件，越来越多的流行语便由此诞生。本文探讨的“谐音梗”，就是利用一种或者多种语言之间的谐音而创作出来的。正如我们前文所说，有些“谐音梗”是利用谐音赋予原先固有组合一种全新的表达及含义，如例1中的“全家桶”；有些是利用不同语言间的谐音，如“Rock and roll（肉）”；等等。

脱口秀是一种特殊的语言表达形式，脱口秀类节目在西方早已成为了一道独特的文化景观，我们可以从脱口秀解读当今社会经济、政治、文化现状，因此脱口秀类节目具有十分重要的社会影响力。所以脱口秀在中国是一种舶来品，但脱口秀传入中国后，受到了中国类似于脱口秀形式的相声、海派清口等艺术形式的影响，所以脱口秀目前在中国更多的是作为一种单口喜剧而存在的。随着《吐槽大会》和《脱口秀大会》这两档节目的热播，中国脱口秀才真正走进大众视野。中国脱口秀更多的代表了年轻一代对于社会和生活的看法。试看下例：

例9：公司里面，但凡一个老板可以不给你涨工资，那个title可以随便给的。真的，什么经理、VP，可以的话给你封个九千岁。开心吧？后来才知道，月薪九千不含税，“九千税”。

例10：你们都知道，我不是一个脱口秀演员，我到这来，就是我老板非得让我来的。他天天忽忽悠悠的，就知道给我画饼：李**，你行，你有天赋，你能进决赛，完了你就飞黄腾达了。我以为我老板就能够忽悠的了，结果到这块儿，李*（节目评委）还在台上说我：李**，天赋异禀！你说我有啥天赋，我现在就有个饼。

当下，很多企业、机构在创业之初，都会仿照成型大机构设置岗位，但刚开始岗位多而职工少，因此几乎每个人都会被委以一个看似位高权重的职位。这样做一来可以满

¹ 周芸 崔梅. 语言传播概论[M].北京：北京大学出版社，2015，p. 40.

足新入职场的年轻人的虚荣心，二来可以让公司系统显得完备，但其实这种职称是虚无缥缈的，没有实际意义的。例 9 中所说的“九千税”便是如此。“九千岁”本意是古代的一个头衔，仅次于“万岁”，即皇帝，表示一人之下万人之上的地位。但是在这里，只是一个华而不实的称号，因此选手将之解读为“九千税”，暗指承担的责任重，但薪资却与之不符，表达了当下年轻人对于这种没有实质作用的称号的不屑，同时也反映出他们对于这种虚假的社会现象的不齿。例 10 中提到了当下比较受争议的“画饼式”企业文化，即领导为新员工绘制梦想蓝图，希望以此激励新员工奋发图强。这种做法本身没有不妥之处，但是大多都只是空头支票，无法兑现，好比“画饼充饥”，因此越来越多的职场人员看透了这种做法，并表现出了嫌弃的态度。此外，在传统的认知中，领导是权威的代表，对领导给予的称呼的不屑，显示了年轻一代敢于挑战权威的想法，同时也反映出当代年轻人自我意识的觉醒，他们开始抗争以往的传统及权威，并希望以此来实现自我与自由。因此这些“谐音梗”很好地表现了当代青年的精神气质和集体焦虑，反应了新时期年轻人的社会心态和社会心理，代表了他们的心声，这也是脱口秀受到年轻人欢迎的根本原因。

另外，“谐音梗”符合后现代社会下大众的审美需求：相比于语言的功能意义，更注重其形式。从社会语言学的角度来看，这与当今青少年这一语用群体所特有的求新、求变、求雅等心理特点有关。这种凸显自我个性的语言受到青年一代的追崇，这也是后现代主义社会中，广大底层人民在争取自我语言权利的一种表现。当今中国仍处在一个巨变着的时代，极速的社会变化及生活节奏，留给大众的思考时间是极少的。在欣赏脱口秀时，很少会有观众从逻辑和理性出发来进行思考，更多地是跟随着脱口秀演员的节奏进入到特定的情景当中，与演员一起颠覆正统的思想意识，暂时忘却生活中、工作中的烦恼和困苦，获取一时的欢乐。随着大家越来越习惯于这种欢乐，便产生了娱乐至死的精神主义，即任何事情都可以以娱乐的方式表现出来。因为脱口秀与现实联系紧密，选手大多以自嘲的形式表现自己应对生活的态度，因此观众们在听脱口秀的时候，不仅能够从中收获快乐，也能感受到选手们乐观的生活态度，这也是脱口秀类节目能够非常受欢迎的一个重要原因。脱口秀中的“谐音梗”作为脱口秀中比较典型的一个表达形式，具有很强的自娱性，能使表达耳目一新，且又创作简单，受到大众关注也就合乎情理了。

综上，“谐音梗”是脱口秀演员，即语言传播主体思想意识的体现。维特根斯坦在《逻辑哲学论》中提到：“我的语言的界限意味着我的世界的界限。”¹因此作为一种独特的表达形式，“谐音梗”是人们在各种文化、语言激烈碰撞的今天寻求表达界限的体现。脱口秀演员为代表的社会大众，思维受到了当今社会的影响，对于世界的认知机制也发生了变化，在他们看来，各种语言、方言间的界限不再明确，出于编码的需要，可以利用多种语言、方言的谐音现象来创造性地表达自己所要传达的信息。这也体现了后现代主义解构的特点。

四、结语

如今，一些特别的语言表达经过网络的传播，很快就会以网络流行语的身份进入大众视野，“谐音梗”便是如此。王晓宁、陈珍珍（2021）指出网络热词具有自我娱乐、纾解情绪、延展话语及舆论监督的社会功能。的确，从这两档节目的语言风格我们可以看出，选手利用“谐音梗”来表达自己的情绪，有着很明显的自我娱乐及纾解情绪功能。但我们要知道，“谐音梗”受欢迎并不仅仅是因为其独特的语言表达形式，更重要的是它教会了大众一种全新的思维及表达方式。这种表达方式，从语言形式上来看是对传统语言的一种解构与重构；从其背后深层的意识形态来看，它充满了对于现代社会的种种批

¹ [奥地利]路德维希·维特根斯坦. 逻辑哲学论[M]. 贺绍甲译. 北京: 商务印书馆.

判。比如很多选手所讲的脱口秀内容很容易引起特定人群的不满，因此他们便会遭到来自网络上的各种批评及谩骂，对此，他们也只能以“嘿嘿，寡妇！”的形式来自嘲；很多顶着巨大就业压力好不容易进入职场的新职工，不得不面对来自领导的各种工作压力，他们带着“九千岁”的名号，却拿着“九千不含税”的薪资。从这些方面我们可以看出当下年轻人所面临的生活压力与挑战，脱口秀为他们提供了一种吐槽生活的形式，《脱口秀大会》和《吐槽大会》这两档节目的播出，使得年轻大众的心声通过选手的脱口秀得到了宣泄。吐槽更多的是一种自嘲，而自嘲需要面对生活压力与挑战的勇气，这样我们才能有机会去战胜它。因此我们可以借助脱口秀或者其他语言形式来宣泄情绪、吐槽生活，但是宣泄、吐槽过后，应该是重新鼓起勇气的扬帆起航，这一点应该是这两档综艺节目所要体现的精神价值。

参考文献

- [1] 本文语料皆来自《吐槽大会》和《脱口秀大会》两档节目，以下不再另作说明。
- [2] 胡壮麟，李战子 语言学简明教程[M]. 北京：北京大学出版社，2013，p. 137。
- [3] 王寅 从后现代哲学的人本观看语言象似性[J].《外语学刊》，2009第6期，第33页。
- [4] 陶秀璈，姚小平 语言研究中的哲学问题[M].中央编译出版社，2010年版，第19页。
- [5] 佟立 现代西方语言哲学的百年演化与新走向——从现代性向后现代性的语言哲学转向[J].《天津外国语大学学报》，2019第3期，第9页。
- [6] 邱彤村，陈妍 认知语言学视角下的谐音生成机制探究[J].《教育界》，2020第11期，第91页。
- [7] 王晓宁，陈珍珍 网络热词的传播与社会功能探究——基于2020“十大网络热词”的分析[J].《青年记者》，2021第4期，第42-43页。
- [8] 周芸，崔梅 语言传播概论[M]. 北京：北京大学出版社，2015，p. 40。
- [9] [奥地利]路德维希·维特根斯坦. 逻辑哲学论[M].贺绍甲译.北京：商务印书馆。

Научная статья
УДК 811.581.11
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-192-195

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ КИТАЙСКИХ ИЕРОЛИФОВ

© **Перепелкина Анна Александровна**
ассистент,
Нижегородский государственный лингвистический университет
Россия, г. Нижний Новгород
Aney1@yandex.ru

Аннотация. Овладение китайской иероглификой довольно сложный процесс, что побуждает к поиску эффективных методов обучения. В статье китайские иероглифы рассматриваются в рамках мотивологии. Автором дается определение внутренней формы иероглифа и проводится анализ ряда сложных иероглифических знаков с целью выявления гносеологической функции внутренней формы китайских иероглифов.

Ключевые слова: внутренняя форма слова, внутренняя форма иероглифа, познавательная функция, мотивационная форма, мотивационное значение.

GNOSIOLOGICAL FUNCTION OF THE INNER FORM OF CHINESE CHARACTERS

© **Anna A. Perepelkina**
Assistant,
Linguistics University of Nizhny Novgorod
Aney1@yandex.ru

Abstract. Mastering of Chinese characters is a laborious process, that induces to search new effective methods of teaching. In the article Chinese characters are considered within the framework of motivology. The author gives the definition of the inner form of characters and analyses a number of compound characters with a view to reveal the gnosiological function of their inner form.

Keywords: inner form of a word, inner form of a character, gnosiological function, motivational form, motivational meaning.

Изучение китайского языка не мыслится без освоения иероглифов. Китайская письменность уникальна по своей природе и является единственной иероглифической системой, получившей такое широкое распространение. Иероглифическое письмо имеет статус официальной письменности и используется во всех сферах жизни общества. Графика иероглифа не просто передает значение, она несет в себе более глубокие смыслы, строящиеся на внутризнаковых отношениях, которые можно рассмотреть в рамках мотивологии (науки о явлении мотивации слов).

Средством реализации в слове его мотивированности является внутренняя форма. О. И. Блинова определяет внутреннюю форму слова как морфо-

семантическую структуру слова, позволяющую объяснить связь его звучания и значения [3, с. 28]. С опорой на приведенное выше определение, внутреннюю форму иероглифа можно описать как морфо-семантическую структуру знака, позволяющую объяснить связь его графики и значения. Графемы и иероглифические ключи, входящие в состав более сложных знаков (идеографических или фоноидеографических), являются морфемами, а значение сложного знака связано с семантикой указанных элементов.

В терминосистему мотивологии О. И. Блиновой были введены два понятия – мотивационная форма и мотивационное значение. Мотивационная форма – это значимые сегменты (или сегмент) звуковой оболочки слова, обусловленные его мотивированностью; мотивационное значение – значение или синтез значения мотивационной формы [1, с. 40–41]. Мотивационной формой иероглифического знака с учетом его специфики будут считаться значимые сегменты (или сегмент) его графической оболочки.

Внутренняя форма слова многофункциональна, среди основных ее функций выделяют познавательную функцию. А.А. Потенба отмечал, что во внутренних формах слова отражается «толкование действительности» [6, с. 21]. О. И. Блинова пишет: «в мотивированных названиях закреплены итоги познавательной деятельности человека в его взаимоотношениях с природой, с другими людьми и т.д., и внутренняя форма слова отражает этот многовековой опыт многих сотен поколений. В этом заключена познавательная, или гносеологическая функция внутренней формы слова» [2, с. 18]. Благодаря данной функции носители языка могут получить опыт познания мира своими предками. Изучающие язык как иностранный благодаря анализу внутренней формы могут также получить данные знания. Внутренняя форма иероглифа также обладает познавательной функцией, прежде всего это доказывается образованием новых сложных знаков для обозначения более сложных понятий с использованием иероглифических ключей или простых графем, обозначающих базовые понятия. Иероглифический ключ № 85 水 (氵) shuǐ «вода» входит в состав фоноидеографического знака 洗 xǐ «мыть» (очистить предметы можно с помощью воды). Иероглифический ключ № 167 金 (钅) jīn «золото, металл» входит в состав фоноидеографического знака 鍛 duàn «ковать» (действие выполняется с металлом). Иероглифический ключ № 64 手 (扌, 扌) shǒu «рука» входит в состав идеографического знака 看 kàn «смотреть» (чтобы ясно видеть, необходимо расположить руку над глазами, загораживая их от солнечного света).

Познавательная (гносеологическая) функция внутренней формы иероглифов просматривается и в том случае, когда иероглифический ключ относит предмет к определенному классу. Ключ № 142 虫 chóng «насекомое» встречается в иероглифах, обозначающих насекомых и пресмыкающихся (蚤 zǎo «блоха», 蛾 é «мотылек», 蝇 yíng «муха», 蛛 zhū «паук»), ключ № 167 金 jīn (钅) «золото, металл» входит в состав иероглифов, обозначающих разные виды металлов (铜 tóng «медь», 铁 tiě «железо», 铍 bēi «родий»); ключ № 140 艸(艹) cǎo входит в состав иероглифов, обозначающих разные виды растений (薑 táng «осока», 苔 tái «мох»,

芥 jì «пастушья сумка»); ключ № 75 木 mù «дерево» встречается в иероглифах, обозначающих виды деревьев (橡 xiàng «дуб», 枫 fēng «клен», 杨 yáng «тополь»).

В ходе анализа сложных иероглифических знаков были отобраны иероглифы, внутренняя форма которых выполняет познавательную (гносеологическую) функцию.

1. Иероглифы, внутренняя форма которых указывает материал, используемый для изготовления предмета.

栅 zhà «изгородь, забор» в мотивационной форме содержит ключ № 75 木 mù «дерево»;

绳 shéng «веревка, шнур» в мотивационной форме содержит ключ № 120 纟 (糸) mì «нить, шелк»;

针 zhēn «игла», 钉 dīng «гвоздь», 钩 gōu «крюк» в мотивационной форме содержат ключ № 167 金(钅) jīn «золото, металл»;

笼 lóng «клетка», 笔 bǐ «кисть», 篮 lán «корзина» в мотивационной форме содержат ключ № 118 竹 (⺮) zhú «бамбук».

2. Иероглифы, внутренняя форма которых указывает природу предмета, его физическое свойство.

В сложных иероглифах 油 yóu «масло, жир», 汤 tāng «суп», 泪 lèi «слеза», 汗 hàn «пот» ключ № 85 水 (氵) shuǐ «вода» указывает физическое свойство обозначаемых предметов.

В сложных иероглифах 氧 yǎng «кислород», 氢 qīng «водород» ключ № 84 气 qì «газ» также указывает природу обозначаемых предметов.

3. Иероглифы, внутренняя форма которых указывает предмет, обладающий характеристикой, выражаемой сложным знаком.

Иероглифы 狡 jiǎo «хитрый», 猾 huá «хитрый, лукавый», 猾 juàn «резкий, вспыльчивый» в мотивационной форме содержат ключ № 94 犬 (犭) quǎn «собака». Мотивационное значение сложных знаков: «*хитрый как собака*», «*резкий как собака*». Иероглифический ключ был выбран исходя из наблюдений человека за животным.

清 qīng «чистый, светлый, прозрачный», ключ № 85 水 (氵) shuǐ «вода» входит в состав сложного знака, так как именно вода обладает данной характеристикой;

明 míng «светлый; ясный; яркий» в мотивационной форме содержит графемы 日 rì «солнце» и 月 yuè луна, так как с Земли именно эти два небесных тела самые яркие и ассоциируются с данной характеристикой;

砖 zhuān «кирпич» в мотивационной форме содержит ключ № 112 石 shí «камень». Мотивационное значение 砖: «*кирпич такой же твердый, как камень*».

4. Иероглифы, внутренняя форма которых указывает условия.

活 huó «жить» в мотивационной форме содержат ключ № 85 水 (氵) shuǐ «вода», мотивационное значение: «*употребление воды необходимо для жизни*»;

安 ān «спокойный» в мотивационной форме содержит ключ № 40 宀 mián «крыша» и графему 女 nǚ «женщина», мотивационное значение: «*женщина чувствует себя спокойно под крышей (дома)*»;

晒 shài «сушить на солнце», «сохнуть» в мотивационной форме содержит ключ № 72 日 rì «солнце», мотивационное значение: «сохнуть на солнце».

5. Иероглифы, внутренняя форма которых указывает инструмент.

抓 zhuā «схватить» в мотивационной форме содержит ключ № 64 手 (扌, 扌) shǒu «рука». Мотивационное значение: «действие, выполняемое рукой»;

战 zhàn «война», «вести войну» в мотивационной форме содержит ключ № 62 戈 gē «копье, клевец», мотивационное значение: «действие, выполняемое с применением данного вида оружия»;

结 jié «вязать, завязывать» в мотивационной форме содержит ключ № 120 纟 (糸) mì «нить, шелк». Мотивационное значение: «действие, выполняемое с помощью шнура»;

刻 kè «вырезать», 划 huà «проводить черту» в мотивационной форме содержат ключ № 18 刀 (刂) dāo «нож». Мотивационное значение: «действие, выполняемое с помощью ножа».

础 chǔ «фундамент» в мотивационной форме содержит ключ № 112 石 shí «камень». Мотивационное значение: «камень, подкладываемый под опоры построек»;

洗 xǐ «мыть» в мотивационной форме содержит ключ № 85 水 (氵) shuǐ «вода», мотивационное значение: «действие, выполняемое с помощью воды».

Анализ ряда сложных знаков показал, что во внутренней форме иероглифов отражаются результаты познавательной деятельности человека. Внутризнаковые отношения графических элементов необходимо принимать во внимание при овладении иероглификой, это позволит получить дополнительные знания о культуре страны изучаемого языка, что, в свою очередь, будет способствовать процессу запоминания иероглифических знаков.

Литература

1. Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты: «Язык глазами человека». Изд. стереотип. Москва: КРАСАНД, 2021. 302 с.
2. Блинова О. И. Русская мотивология: учеб-метод. пособие. 3-е изд. Томск, 2005. 394 с.
3. Блинова О. И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Изд. стереотип. Москва: ЛИБРОКОМ, 2017. 208 с.
4. Кондрашевский А. Ф. Современный китайско-русский словарь / А. Ф. Кондрашевский, М. В. Румянцева, М. Г. Фролова; под ред. А. Ф. Кондрашевского. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2008. 714, [6] с.
5. Котов А. В. Новый китайско-русский словарь / А. В. Котов. 2-е изд., стереотип. Москва: Рус. яз. Медиа, 2005. XII. 605 [7] с.
6. Потенция А. А. Из записок по русской грамматике. Москва, 1958. Т. 1–2. 536 с.
7. Сюй Хуэй Этимология китайских иероглифов. Сто самых красивых китайских иероглифов, которые должен знать каждый / пер. с кит. Д. Е. Куликова, А. А. Никитиной, А. О. Фиалковской. Москва: Шанс, 2020. 407 с.
8. <http://qiuyan.chaziwang.com>.
9. <https://studychinese.ru/kljuchi>.
10. <https://www.mdbg.net/chinese/dictionary>.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Научная статья
УДК 81'27
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-196-207

КУЛЬТУРНАЯ ЛАКУНА ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА В КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

© **Чжан Юй**
магистр,
Чанчуньский политехнический университет
Китай, г. Чанчунь
228703424@qq.com

© **Гуань Хуэйин**
доцент,
Чанчуньский политехнический университет
Китай, г. Чанчунь
1287364371@qq.com

Аннотация. Прецедентный феномен (далее ПФ) является важной причиной неудачи межкультурной коммуникации, поскольку содержит в себе глубокую национальную культуру и фоновые знания. В статье мы исследуем ПФ с точки зрения межкультурной коммуникации, выдвигаем причины культурной лакуны ПФ в китайско-российской межкультурной коммуникации и ответные меры, чтобы помочь русским и китайцам эффективнее выстраивать общение с целью культурного обмена. Кроме того, данная статья также имеет практическое значение для формирования способности изучающего иностранный язык к межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: прецедентный феномен, китайско-российская межкультурная коммуникация, культурная лакуна.

A STUDY OF THE CULTURAL VACANCY OF PRECEDENT PHENOMENON IN SINO RUSSIAN INTERCULTURAL COMMUNICATION

© **Zhang Yu**
Postgraduate Student,
Chang Chun University of Science and Technology
Changchun, China
228703424@qq.com

© **Guan Huiying**
Associate Professor,
Chang Chun University of Science and Technology
Changchun, China
1287364371@qq.com

Abstract. The precedent phenomenon, which contains profound national culture and background knowledge, has become an important reason for the failure of cross-cultural communication. This paper studies the phenomenon of precedent from the perspective of cross-cultural communication, and puts forward the reasons and Countermeasures for its cultural vacancy in Sino Russian cross-cultural communication, so as to help the Chinese and Russian people carry out cross-cultural communication more effectively. In addition, this paper also has practical significance for the cultivation of foreign language learners' intercultural communicative competence.

Keywords: precedent phenomenon, Sino-Russian cross-cultural communication, Cultural vacancy.

1. Обзор теории прецедентов

Теория прецедентов вела свое начало от изучения прецедентных текстов. Слово «прецедент» происходит от латинского “praecedens”, и его основное значение может быть истолковано как «вещи, которые существовали или произошли, или слова, которые были сказаны» и т. д. Термин «прецедентный текст» (далее ПТ) впервые стал реальным объектом исследования лингвистики в 1986-ом году на 6-ом конгрессе Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). На конгрессе известный русский психолингвист Ю. Н. Караулов выступил с докладом на тему «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности», в которой Караулов впервые предложил научный термин «прецедентный текст» и на конкретных примерах изложил свои взгляды на языковой прецедент. Ю. Н. Караулов сначала определяет прецедентный текст следующим образом:

- значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях;
- имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников;
- обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [3].

Однако китайский ученый Чжао Айго (赵爱国) считает, что так называемые прецедентные тексты следует делить на широкие и узкие. Очевидно, Караулов определил ПТ в узком смысле, ограничиваясь понятиями уровня социальной общности или национальной общности, а в широком смысле ПТ должен включать в себя следующие категории:

- (1) общечеловеческий ПТ;
- (2) национальный ПТ;
- (3) социумный / этнический ПТ;
- (4) групповой ПТ;
- (5) индивидуальный ПТ [14].

Как только была выдвинута концепция ПФ, она привлекла к себе широкое внимание ученых, среди которых большое количество русских ученых дополнили и расширили понятие прецедентных текстов на основе точки зрения Караулова. Чтобы специализироваться на этом исследовании, русские ученые организовали семинар «Текст и коммуникация», членами которого стали лидеры научного исследования и главные силы в этой области: В. В. Красных, Д. Б. Гуд-

ков, И. В. Захаренко. Наиболее систематическое и всестороннее исследование ПФ семинара «Текст и коммуникация» отражено в работах «Виртуальная реальность или реальная виртуальность?» (1998 г.) и «Прецедентное имя и проблемы прецедентности» (1999 г.). Эти две работы ознаменовали собой начало официального перехода исследований ПФ от разрозненных к специализированным и систематическим исследованиям.

На основе определения ПТ, данного Карауловым, В. В. Красных определяет ПФ следующим образом:

- хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»);
- актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;
- обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества.

ПФ могут быть как вербальными, так и невербальными: к первым относятся самые разнообразные тексты как продукты речемыслительной деятельности, ко вторым - произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные произведения и т. д. [5, с. 52]. Вербальные ПФ можно выразить словами, содержащими в себе прецедентное имя и прецедентное высказывание. Невербальные ПФ нельзя прямо выразить словами, к которым мы относим прецедентный текст и прецедентную ситуацию.

В 2002 г. вышла в свет книга В. В. Красных «Этнопсихолингвистика и культуролингвистика», в которой объединены такие феномены, как прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание и прецедентная ситуация, составляющие «ПФ», а также стандартизован и определен каждый из этих феноменов, что заложило теоретическую основу ПФ [6].

1.1 Прецедентный текст

Прецедентный текст (ПТ) — законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли) предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-лингво-культурного сообщества [В. В. Красных, 2000, с.172].

Обращение к ПТ может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена.

Приведем примеры:

① русский ПТ - Наконец-то высветился Данко, который выведет заблудшую Россию из тьмы. Вернее — «высветилась». Ради торжества справедливости Ирина Муцуовна Хакамада готова вырвать сердце из груди (Е. Баюн, Н. Галимова, МК, 15.01.2004).

② китайский ПТ — 绿水青山就是金山银山, 我们应该遵循天人合一、道法自然的理念, 寻求持续发展之路, по-русски: Изумрудные воды и покрытые буйной растительностью горы — это наше бесценное богатство. Мы должны, следуя идее гармонии природы и человека и законам самой природы, найти путь длительного устойчивого развития.

1.2 Прецедентное имя

Прецедентное имя (ПИ) — индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, или с прецедентной ситуацией [6].

Примеры:

- ① русские ПИ — Кощей, Митрофан, Плюшкин...
- ② китайские ПИ — 雷锋 (Лэй Фэн) 、 华佗 (Хуа То)、 孙悟空 (Сунь Укун).

1.3 Прецедентное высказывание

Прецедентное высказывание (ПВ) — воспроизводимый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной [7].

К числу ПВ принадлежат цитаты из текстов различного характера, названия статьи, полное копирование одного или нескольких выражений, пословицы.

Примеры:

- ① русский ПВ — Что посеешь, то и пожнешь.
- ② китайский ПВ — 千里之行始于足下, по-русски: путь в тысячу ли начинается с первого шага. (“Лао-цзы”, гл. 64)

1.4 Прецедентная ситуация

Прецедентная ситуация (ПС) — некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; означающим ПС могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя [7].

Например, русский ПС — Бери, а то я его в Муму превращу, - пригрозила баба (Андреев О. Отель. С. 20).

2. Причина культурной лакуны прецедентного феномена в китайско-российской межкультурной коммуникации

ПФ - это лингвистическое явление с долгой историей и богатыми коннотациями. Являясь важным объектом лингвистических и культурологических исследований, ПФ не только тесно связан с лингвистикой, но и с национальной культурой, поэтому в процессе межкультурной коммуникации ПФ, используемый адресантом, может вызывать непонимание адресата. Различные природные условия, образы жизни, социально-исторические процессы в Китае и в России создали различные культурные образцы, сформировавшиеся с древних времен, и, таким образом, возникли различия в обычаях, образе мышления и других аспектах жизни двух стран. Культурная лакуна ПФ в китайско-российской межкультурной коммуникации, вызван многими факторами. В этой главе анализируются причины культурной лакуны прецедентного феномена в китайско-российской межкультурной коммуникации на основе таких четырех основных различий, как история и культура, религиозная культура, традиционные обычаи и образы мышления между Китаем и Россией.

2.1 Различия в истории и культуре

Исторические события содержат богатую культурную информацию и культурную память, отражают духовный мир национально-культурного сообщества, являются важным источником прецедентов. В ходе своего непрерывного развития Китай и Россия сформировали свои уникальные национальные культуры и

создали разные национальные истории. История и культура передавались из поколения в поколение, многие крупные исторические события и деятели вошли в список прецедентов. Стоит отметить, что в процессе китайско-российской межкультурной коммуникации говорящие часто используют прецеденты, для адресанта такие межкультурные тексты имеют много скрытой информации и способствуют непониманию адресата, о чем идет речь, что приводит к коммуникативной неудаче.

Рассмотрим пример прецедента, связанный с русской историей и культурой:

(1) [Антоновка] Как **Мамай** прошел по дому... нате-ка, поглядите, разбросано все, растворено... уйти нельзя. (М. Горький, Дети солнца.)

По-китайски: [安东诺夫卡] 就跟**马迈**来过家里似的.....看, 东西扔得到处都是, 什么都打开了.....不能走了。

Из данного примера мы видим, выражение “Мамай” типичное ПИ. Мамай был полководцем Золотой Орды во времена монгольского владычества и был врагом Русского княжества. Он часто жег, убивал и грабил на русской земле и был известен своей жестокостью. Поэтому из примера выражение “Как Мамай прошел” используется для обозначения того, что в доме хаос, после того как он был разрушен.

Рассмотрим пример прецедента, связанного с китайской историей и культурой:

(1) “在抗击疫情的阻击战中, 中国女性是一股不可或缺的强大力量, 她们是巾帼英雄, 是国之脊梁, 是新时代的‘**花木兰**’。” (红网, 2020.03.06)

По-русски: “В борьбе с эпидемией китайянки являются незаменимой и могущественной силой. Они - героини страны и «**Хуа Мулань**» новой эры.”

В приведенном выше примере «Хуа Мулань» является типичным ПИ на китайском языке. Можно сказать, что нет человека в Китае, кто не знает ее великих подвигов. Хуа Мулань - героиня китайской поэмы. Хотя она и девушка, она очень смелая и храбро сражалась, служила своей семье и стране; она надела доспехи, пошла на службу вместо стареющего отца и помогла в борьбе с вторгшимся врагом; она не боялась трудностей и опасностей, сражалась на поле боя, столкнувшись с невзгодами и трудностями смогла взять на себя ответственность и принять вызов, осмелиться прорваться сквозь гендерную дискриминацию и стереотипы, осмелилась бороться и усердно работать. Поэтому, когда в Китае называют кого-то «Хуа Мулань», то превозносят его драгоценные качества, такие как храбрость, неустранимость и преданность Родине.

2.2 Различия в религиозной культуре

Религия является важной частью культуры, следовательно, различие в религиозных верованиях между Китаем и Россией также является одной из основных причин возникновения культурной лакуны ПФ в процессе их межкультурной коммуникации. В 988 году нашей эры произошло официальное Крещение Руси князем Владимиром Святославовичем, был установлен ортодоксальный статус христианства. Православие, как государственная религия России, прошло практически через всю историю развития русской культуры, если не считать раннего сосуществования православия и политеизма. В то же время православие, как одно из трех основных направлений христианства, считает «Библию» своим клас-

сическим догматом и основным источником, который призывает людей верить, учиться жить, идти на воскресное богослужение и так далее. Поэтому, как религиозная и культурная классика, Библия оказывает большое влияние на сердца русских людей, что также отражается в русском языке, а многие русские прецеденты происходят именно из религиозных историй и догматов.

Рассмотрим пример прецедента, связанного с русской религиозной культурой:

Лавров С. В.: “Россия не протягивала Турции **оливковую ветвь**.” (Известия, 31.05.2016).

По-китайски это 拉夫罗夫: “俄罗斯不会率先向土耳其抛出象征和平的**橄榄枝**”.

Оливковая (Масличная) ветвь по-китайски это “**橄榄枝**”, это ПФ происходит из Библии. Ной выпустил голубя, чтобы узнать, сошла ли вода после наводнения, но голубь не нашел места покоя и возвратился к нему в ковчег, ибо вода была еще на поверхности всей земли; и он простер руку свою, и взял его, и принял к себе в ковчег. И помедлил еще семь дней других и опять выпустил, голубя из ковчега. Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот, свежий масличный лист был во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли. Позже это выражение стало символом мира и примирения. Поэтому оливковая (масличная) ветвь часто используется в русском речевом общении для выражения стремления к примирению в сердце.

Религиозная культура Китая разнообразна, в основном включает буддизм, даосизм, ислам, католицизм и христианство, среди которых буддизм оказывал глубокое влияние на религиозную культуру Китая. Всем известно, что развитие буддизма в Китае неотделимо от культуры даосизма и конфуцианства. После проникновения в Китай, буддизм постепенно стал уделять особое внимание и моральным качествам человека, которые являются важной идеей конфуцианства, и особенно подчеркивал заботу о мире, что способствовало дальнейшей секуляризации этой религии. К династиям Суй и Тан в Китае сложилась ситуация, характеризующаяся сильными влияниями конфуцианства, буддизма и даосизма. С одной стороны, азартно боролись три религии, с другой стороны, они влияли друг на друга и сливались друг с другом. В целом, после проникновения буддизма в Китай, он интегрировался в местную даосскую идею и конфуцианскую культуру, и в то же время некоторые оригинальные идеи буддизма были адаптированы к национальным условиям и народным обычаям Китая, что обогатило содержание буддизма и сделало его легким для понимания китайским народом. Стоит отметить, что, хотя в Китае сосуществуют несколько религий, но господствующей идеологией остается конфуцианство, которое не является религией по западным меркам. Это была гуманистическая философия, возведенная в ранг государственной религии, которая определяла ценности и моральные принципы системы правления и социальной структуры в Китае, а также поведенческую модель членов китайского общества.

Рассмотрим пример прецедентного феномена, связанного с китайской религиозной культурой:

刘姥姥道：“**阿弥陀佛！**这全仗嫂子方面了” [8].

– **Амитаба!** - воскликнула старуха Лю. – Теперь, тетушка, все зависит от вас! («Сон в красном тереме»)

В приведенном выше примере “Амитаба” является типичным ПФ на китайском языке. Амитаба — буддийский святой, имя которого произносилось как заклинание. Буддизм занимает важное место в китайской религиозной культуре, поэтому в Китае многие люди верят в буддизм, они часто произносят “Амитаба”, что означает молиться или благодарить Будду.

2.3 Различия в традиционных обычаях

Китайская и русская нации создали в процессе своего общественного развития блестящие культуры, и в то же время сформировали и своеобразные национально-культурные обычаи. Так называемый обычай — это совокупность привычек, этикета, обычаев и т. д., сохраняющихся в течение длительного времени в процессе развития общества. Кроме того, традиционные обычаи являются наследием культуры с древнейших времен до настоящего времени, которые передаются из поколения в поколение, а также являются важной частью национальной культуры. Всем известно, что различия в географической среде и исторических условиях вызвали различия в традиционных обычаях между Китаем и Россией. Поэтому такие различия также являются важной причиной культурной лакуны ПФ в процессе китайско-русской межкультурной коммуникации.

Рассмотрим пример прецедента, связанный с русским традиционным обычаем:

Родне, прибывшей издалече,
Повсюду ласковая встреча,
И восклицания, и хлеб-соль. (А. С. Пушкин, “Евгений Онегин”).

来自远方的亲戚道出受到亲切的接待，
惊喜声此起彼伏，
面包和盐端上来。

Из примера ПФ “хлеб-соль” отражает традиционный русский обычай: на официальных церемониях почетных гостей встречают хлебом-солью, чтобы выразить им свое уважение и сердечность. Однако в китайской культуре такого обычая нет, что может вызвать непонимание у китайцев, которые не знают этого русского обычая.

Рассмотрим пример прецедента, связанный с китайским традиционным обычаем:

“白露身不露”, по-русски это «В сезон Байлу нельзя обнажаться!» Всем известно, что в Китае 24 субсезона, а Байлу - пятнадцатый из них. «Байлу» дословно переводится как «белые росы». При низкой температуре на листьях растений и поверхности других предметов конденсируются капельки росы, которые кажутся белыми. Отсюда и название сезона Байлу — Белые росы. Выражение “В сезон Байлу нельзя обнажаться!”, которое китайцы часто говорят, на самом деле означает, что с наступлением этого сезона становится прохладно, поэтому находиться на свежем воздухе до пояса обнаженным уже невозможно. Поэтому, если русские не знают о китайском субсезоне Байлу, то им трудно понять истинный смысл этого выражения.

2.4 Различия в образе мышления

Мышление — это процесс обобщения и косвенной реакции человеческого мозга на объективные вещи с помощью языка, поэтому мышление также напрямую влияет на образ выражения людей. После длительного периода исторических миграций и культурных изменений каждая страна формирует свой уникальный образ мышления. Кроме того, разные нации живут в разной природной среде, и у людей складывается разное понимание окружающего мира, что также приводит к разному образу мышления. Различия в образе мышления разных наций отражаются во многих аспектах, в том числе и в языке. Различное отношение русских и китайцев к вещам является важной причиной культурной лакуны в процессе китайско-русской межкультурной коммуникации. Возможно, что-то есть и в китайской, и в русской культурах, но их имплицитный смысл разный. Таким образом, представление о том, что две нации относятся к одной и той же вещи по-разному, также является одной из причин неудачи их межкультурной коммуникации.

Например, русское ПВ «Аист тебе принес ребенка».

В России аист имеет три основных символических значения: во-первых, аист, стоящий на крыше, является символом мира во всем мире; во-вторых, им можно описать людей, которые любят стоять на одной ноге, как аист; наконец, в России существует популярный миф о том, что аисты приносят детей. Но в Китае аист не имеет очевидного символического значения, поэтому если китайцы не знают символических значений аиста в России, то будет трудно понять, что это ПВ значит.

Еще одним примером является китайский ПТ: «古老的东方有一条龙，它的名字就叫中国。古老的东方有一群人，他们全是龙的传人» (歌曲《龙的传人》)

По-русски это “На древнем Востоке один дракон, и его зовут “Китай”. На древнем Востоке группа людей, и все они являются **потомками дракона** (Песня "Потомки дракона)".

Китайцы называют себя «потомками дракона». В традиционной китайской культуре дракон занимает важное положение и является тотемом китайской нации. На протяжении тысячелетий культура дракона глубоко укоренилась в общественной жизни китайской нации, она включает в себе смысл радости, счастья и процветания. Образ дракона проник во все сферы жизни китайского общества, став культурным накоплением. Он является священным символом китайской нации. Дракон — тоже мифическое животное в русской национальной культуре, но это чудовище в форме змеи с двумя крыльями и изрыгающий пламя. В России дракон считается воплощением зла из-за его сходства со змеей. Таким образом, символическое значение «дракона» в китайской и русской культурах совершенно различно, поэтому русские имеют совершенно противоположное понимание китайского ПТ «Потомки дракона», что может привести к неудаче межкультурной коммуникации между Китаем и Россией.

3. Способы устранения культурной лакуны ПФ в китайско-русской межкультурной коммуникации

Процесс межкультурной коммуникации на самом деле является диалогом между разными культурами, только в этом процессе диалога и столкновения культур может быть коммуникация и культурное слияние. Однако наличие куль-

турной лакуны ПФ затрудняет межкультурную коммуникацию, одна сторона коммуникации воспринимает использование прецедентов как нечто само собой разумеющееся, не принимая во внимание барьеры понимания и культурные лакуны другой стороны. Поэтому устранение культурной лакуны ПФ имеет большое значение для успешной межкультурной коммуникации. В познании обеих сторон установить возможность взаимопонимания, передать культурно-фоновые знания и глубокую коннотацию ПФ — это цели, которые мы преследуем, чтобы максимально увеличить объем смысловой и культурной информации в межкультурной коммуникации.

Ю. А. Сорокин — один из основателей теории лакун. Он с И. Ю. Марковиной подразделяют лакуны на лингвистические и культурологические. Кроме того, Ю. А. Сорокин предложил два основных метода устранения «лакун»: заполнение и компенсация. Далее в данной статье будет проанализировано, как устранить культурные лакуны ПФ в китайско-российской межкультурной коммуникации, на основе метода устранения «лакун», предложенного Ю. А. Сорокиным.

3.1 Заполнение

Заполнение является важным методом устранения культурных лакун ПФ. Так называемое «заполнение» заключается в выявлении и объяснении значения элементов с национальными культурными колоритами в исходном тексте.

Обычно заполнение можно разделить на следующие категории:

(1) Заполнение-перевод — перевод и создание лакун в прецеденте с помощью языковой единицы оригинала.

(2) Заполнение-комментарий.

(3) Заполнение-примечание — лакуны в тексте могут быть заполнены также с помощью примечаний различного характера и объема (Ю. А. Сорокин). Благодаря примечаниям можно конкретизировать значение прецедента и максимально сохранить исходное культурное значение.

В большинстве случаев мы используем заполнение-примечание, чтобы выявить национально-культурные коннотации прецедентов. Примечание инокультурного явления, возникающего в прецеденте, может конкретизировать его смысл. Кроме того, можно глубже понять смысл ПФ путем объявления характеристики, значения национальной культуры, воплощенной в ПФ, можно глубже понять смысл текста. При использовании примечания не требуется давать четкое понятие инокультурного явления, а скорее предлагается описание характеристик внешности, характера и источника исходного текста и т. д.

Рассмотрим конкретный пример:

... Эти статейки пишутся отчасти французскими **Маниловыми**, отчасти французскими **Чичиковыми**, потому что... во Франции, как и повсюду, есть свои Маниловы и Чичиковы... (Н. Г. Чернышевский, «Характеризуя статейки буржуазных европейских журналистов»).

По-китайски:这些文章部分是法国的**马尼罗夫**们写的, 部分是法国的**乞乞科夫**们写的, 因为.....法国与其他地方一样, 有自己的**马尼罗夫**和**乞乞科夫**们.....

Манилов — один из помещиков в романе «Мертвые души» известного русского писателя Н. В. Гоголя. Герой — бесхозяйственный, неосторожный и небрежный человек, часто предается пустым мечтам, любит заниматься болтовней. Маниловщина (стиль Манилова) — пустая, досужая мечтательность и фантазерство, начисто оторванное от реальной жизни. А Чичиков, как главный герой романа «Мертвые души», характеризуется в основном хитрым, жадным и льстивым, однако внешне он порядочный и уважаемый. Чичиков был прототипом спекулянта в капиталистическом мире. Поэтому в китайско-русской межкультурной коммуникации, если китайцы не знают черты характера героев романа «Мертвые души», трудно понять значение этого ПТ, таким образом, необходимо дать примечание, чтобы помочь адресатам понять его смысл.

3.2 Компенсация

Компенсация — еще один важный способ устранения культурной лакуны. Компенсация, то есть добавление культурного явления другой нации в свою национальную культуру, в определенной степени устранение исконных национально-культурных особенностей и наложение к нему своих культурных особенностей. То есть путем сравнения культурных вещей и явлений других наций со своими компенсируются культурные лакуны аналогичными вещами и явлениями в своей культуре. Это и есть особенности компенсации.

Обычно используются следующие методы компенсации:

(1) Заимствуя вещи, явления и культурный фон, существующие в реальной жизни своей нации, в процессе аккультурации стараться найти по возможности те же культурные корни, чтобы передать их смысл;

(2) Заменить что-то в исходной культуре на что-то в своей культуре, но общий смысл текста не изменять.

Мы должны максимально стараться передать культурный смысл, отраженный в ПФ другой стороне общения, а применение способа компенсации неизбежно приводит к утрате исходной культуры. Следовательно, хотя компенсации является одним из эффективных методов устранения культурной лакуны прецедентного феномена, нужно использовать такие методы с осторожностью, когда он содержит глубокие национально-культурные коннотации.

Пример 1:

– Ты **пьян, как сапожник!** — сказал Чичиков.

– Нет, барин, как можно, чтоб я был пьян! (Н. В. Гоголь, Мертвые души).

– “你**烂醉如泥**了!” 乞乞科夫说。

– “没有的事，老爷！我怎么会喝醉呢！”

Русский ПВ «пьяный, как сапожник» буквально переводится на китайский язык как “醉得像个皮靴匠”, но мы обычно переводим его на китайский язык как “烂醉如泥”, социально-культурное значение, отражаемое словом “сапожник” потеряно. Говорят, что в 16 веке социальный статус сапожников был низок, они считались чернорабочими, в то время обычно крепостные крестьяне занимались починкой обуви, поэтому в них заметно и духовное, и материальное угнетение. В китайском же фразеологизме “烂醉如泥” слово “泥” относится к роду червя, который обитает в Южно-Китайском море и не имеет костей. Это высказывание тоже характеризует очень пьяного человека, извивающегося как червь “ни”. Из

этого примера видно, что первоначальный колорит был утерян в процессе компенсации культурных лакун в межкультурной коммуникации.

Пример 2:

“近朱者赤，近墨者黑；声和则响清，形正则影直”（晋·傅玄）

По-русски: “**Кто близок к киноvari - краснеет, кто близок к туши - чернеет**; гармоничный голос звучен, а от прямой фигуры и тень прямая” (Фу Сюань, династия Цзинь).

Китайский ПВ «Кто близок к киноvari — краснеет, кто близок к туши - чернеет», в котором «朱» относится к «киновари», которая представляет собой красный пигмент; а «赤» относится к «красному»; «墨» относится к «туши», поэтому на русский язык буквально переводится как «Кто близок к киноvari - краснеет, кто близок к туши — чернеет». Мы обнаружили, что в общении с русскими русские часто использовали выражение «С кем поведешься, от кого и наберешься» для компенсации значение этого китайского ПВ, образ этого выражения отличается от китайского выражения «近朱者赤，近墨者黑», но значение одинаковое.

Нетрудно заметить из приведенных примеров, что китайцы и русские часто используют компенсацию для ликвидации культурной лакуны ПФ в процессе межкультурной коммуникации. Компенсация имеет определенные преимущества, например, заимствование учащимися языковых средств или культурных понятий своей нации для обозначения языкового явления другой нации, что облегчает запоминание и обучение. Кроме того, благодаря компенсации ПФ возможно привести русских и китайских учащихся к формированию одного и того же ассоциативного значения, тем самым способствуя лучшему межкультурному общению между китайцами и русскими. Однако этот метод также имеет определенные недостатки, такие как глубокий культурный феномен целевого языка, который может быть проигнорирован или воспринят с трудом.

4. Заключение

В статье сначала обобщается обзор теории прецедентных феноменов, а затем на основе соответствующих теорий прецедента анализируется причина культурной лакуны ПФ в китайско-русской межкультурной коммуникации с таких четырех основных различий, как история и культура, религиозная культура, традиционные обычаи и образы мышления. Также по методу «устранения лакун», предложенного Ю. А. Сорокиным, демонстрирует, как в наибольшей степени ликвидировать культурные лакуны ПФ в китайско-русском межкультурном общении, что имеет определенное практическое значение для содействия успеху китайско-русского межкультурного общения.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Москва: Русский язык, 1976.
2. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. Москва: Изд-во Моск. уни-та, 1999.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Наука, 1987.
4. Костомаров В. Г., Бурвиков Н. Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1(147). С. 73–76.

5. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. Москва: Диалог-МГУ, 1998.
6. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: лекционный курс. Москва: Гнозис, 2002.
7. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 62–85.
8. 曹雪芹, 高鄂. 红楼梦[M]. 长春: 长春出版社, 2006.
9. 李向东. 空缺现象与空缺研究[J]. 中国俄语教学, 2002, 4: 6–10.
10. 李向东. 论先例现象与互文本[J]. 中国俄语教学, 2009, 1: 40–44.
11. 刘宏. 外语教学中的先例名现象[J]. 外语与外语教学, 2003, 11: 22–26.
12. 刘宏. 跨文化交际中的空缺现象与文化观念研究[J]. 外语与外语教学, 2005, 7: 37–41.
13. 刘宏. 跨文化交际中的先例现象研究[J]. 外语与外语教学, 2007, 12: 25–28.
14. 赵爱国. 先例理论及其研究——认知心理与跨文化交际视角之阐释[J]. 外语与外语教学, 2006, 11: 1–6.
15. 赵爱国. 语言文化学论纲[M]. 黑龙江: 黑龙江人民出版社, 2006.
16. 张晶. 俄语广告篇章中的先例文本[J]. 北京第二外国语学院学报, 2003, 2: 79–81.

Научная статья
УДК 811. 581
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-208-211

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФЕМИННЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛАХ КИТАЯ

© **Дубяга Анастасия Михайловна**
аспирант, преподаватель английского и китайского языков,
Московский государственный областной университет,
ГБОУ СОШ № 947
Россия, г. Москва
anastasiya.dubyaga.96@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу языковой репрезентации феминных стереотипов. Были даны определения терминам «стереотип», «гендерный стереотип» и «новая феминность». В качестве материала исследования были отобраны цитаты из статей, опубликованных в популярных глянцевах журналов Китая. Основной задачей исследования было распределение отобранных гендерно ориентированных текстов на 3 подгруппы с целью выявления и последующего анализа способов языковой репрезентации феминных стереотипов внутри каждой из подгрупп. Практическая значимость данного исследования заключается в возможности использовать полученные результаты при изучении не только стилистики китайского языка, лингвокультурологии и психолонгвистики, а также дисциплин, связанных с маркетинговыми исследованиями.

Ключевые слова: стереотип, феминные стереотипы, новая феминность, языковая репрезентация, репрезентация стереотипов, глянцева журналы Китая, язык глянца.

LINGUISTIC REPRESENTATION OF FEMININE STEREOTYPES IN CHINESE GLOSSY MAGAZINES

© **Anastasia M. Dubyaga**
Postgraduate Student,
Moscow State Regional University;
English and Chinese teacher at secondary school No. 947
Russia, Moscow
anastasiya.dubyaga.96@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the linguistic representation of feminine stereotypes. Definitions were given to the terms "stereotype", "gender stereotype" and "new femininity". As a research material, quotations from articles published in popular glossy magazines in China were selected. The main objective of the study was to distribute the selected gender-oriented texts into 3 subgroups in order to identify and then analyze the ways of linguistic representation of feminine stereotypes within each of the subgroups. The practical significance of this study lies in the possibility of using the results not only the stylistic of the Chinese language, cultural linguistics and psycholinguistics, but also in disciplines related to marketing research.

Keywords: stereotype, feminine stereotypes, new femininity, linguistic representation, representation of stereotypes, Chinese glossy magazines, glossy language.

«Стереотип» — это неотъемлемый компонент обыденного сознания человека. Изначально данный термин был позаимствован из типографского ремесла и впервые был введен Уолтом Липпманом при его попытке построения концепции общественного мнения. Так, Социальный стереотип — прочно сложившийся, постоянный образ социального объекта (групп, людей, событий), складывающийся в условиях дефицита и формации как результат обобщения личного опыта индивида и представлений, принятых в обществе [1, с. 313]. Основные черты, присущие стереотипу — это его устойчивость, прочность и убежденность в истинности с точки зрения реципиента. Человек в большинстве ситуаций, в которых у него не хватает определенных знаний, умений или по просто времени будет прибегать к использованию стереотипичного мышления. Данный тип мышления он получает зачастую либо от социальной группы, с которой часто общается или же к которой принадлежит, либо от средств массовой информации. Но стоит отметить тот факт, что частое использование стереотипичного мышления характерно для юношеского возраста, когда система собственного видения мира еще не сформирована окончательно.

В ходе развития истории отношение к мужчинам, женщинам, девочкам и мальчикам имеет существенные различия. Основные причины этих различий кроются не только в культуре, религии, праве, уровне экономического развития, но и в устоявшихся социальных нормах общества, в котором проживает человек. Стоит подчеркнуть, что половые и гендерные стереотипы возникают в раннем возрасте, формируясь постепенно.

Как было упомянуто выше, мнения о маскулинности (мужественности) и феминности (женственности) кардинально отличаются в некоторых культурах. В связи с этим причиной, это накладывает определенный отпечаток на принципы построения коммуникации и природу общения и взаимоотношений между женщинами и мужчинами [4, с. 1413].

Сегодня в Китае на пике популярности находятся женские глянцевого журналы. Тексты, представленные в них, экспрессивны и направлены в основном «на чувственную сторону восприятия» определенного товара или понятия [2, с. 274]. А.Н.Назайкин в свою очередь подчеркивает, что любой товар или понятие, которое находится в сфере стереотипных интересов женщины, эмоционально окрашен и не носит рациональный характер [3, с. 189].

Для определения репрезентаций феминных стереотипов на языковом уровне были изучены, переведены и проанализированы китайские гламурные журналы «Чжунго Ньюсин», «Юеди», «Vogue» и «Cosmo мода» гендерным адресатом которых является современная женщина. Все примеры были разделены на тематические подгруппы: внешность и характер, дети//домашний быт и социальный статус//занимаемое положение в обществе. Проанализируем нижеперечисленные цитаты на предмет лексических маркеров в каждой из выше упомянутых подгрупп.

Тематическая подгруппа «внешность и характер»

1) 汤老师不仅有漂亮的外出, 出色的事业, 更有着完美女人所拥, 精致, 周到。。(«Преподаватель Тан не только успешна в карьере и привлекательна внешне, но и имеет почти все качества идеальной женщины. Она утончена, вдумчива, обходительна...») [5, с. 43].

В данном примере для описания внешности и характера современной женщины используются такие лексические обороты как «привлекательна», «идеальна», «утончена», которые отображают не только положительные качества характера, но и описывают психологическое состояние женщины («вдумчива», «успешна в карьере»)

1) 谁都无法想象这个纤柔身躯的女性, 在投身一个崭新的疆域后, 所爆发出的巨大能量以及令人刮目的商业触觉。Никто не мог себе представить, насколько она нежная и ласковая женщина, а после того как занялась совсем новой областью, у нее вспыхнула огромная энергия, и она проявила невероятный талант в бизнесе (и она проявила себя как невероятно талантливый предприниматель) [10, с. 180].

В данном отрывке для описания женщины используются прилагательные положительной коннотации «нежная и ласковая», которые рисуют образ хрупкой женщины. Однако стоит заметить, что во второй части предложения эта женщина описывается как невероятно сильный предприниматель («вспыхнула огромная энергия», «невероятно талантливый ...») с неиссякаемой энергией и желанием идти вперед, добиваясь поставленных целей. Эффект от прочтения усиливается благодаря комбинации прилагательных, описывающих разные стороны характера одного человека.

2) 要仪态大方, 不可说的别说出口, 宁可被认为是“哑巴“也比“大嘴巴”好。Необходима безупречная осанка, нельзя болтать попусту. Предпочитает быть немой, чем быть говорливой [8, с. 143].

В этом примере автор использует комбинацию прилагательных «безупречная», «немая» и «говорливая» и фразеологизма «» для описания качества женщины. Подобное сочетание выполняет эмоционально-экспрессивную функцию и рисует в голове читателя образ не только красивой, но и серьезной умной женщины.

Тематическая подгруппа «дети // домашний быт»

1) 小 S “100 分妈妈”, 一个聪明的妈妈平时在节目上总是妙语如珠, 伶牙俐齿。Miss S 妈妈 на "100 баллов" (отличница), умная мама. На сцене она всегда красноречива, за словом в карман не полезет [3, с. 132].

Лексически-окрашенная единица имеет эмоционально-экспрессивный характер и служит для описания «идеальной матери 21 столетия». Такая женщина превосходно знает не только как себя вести в обществе, но и отлично ладит со своим ребенком, зная, как найти к нему правильный подход.

2) 左手事业, 右手家庭 Одна рука — на работе, другая — дома [10, с. 180].

В данном примере читателю сразу бросятся в глаза две параллельные структуры в предложении. При помощи них автор лаконично описывает, что современная женщина успешна на любом поприще – как дома, так и на работе.

Тематическая подгруппа «социальный статус // занимаемое положение в обществе»

1) 要想成功, 你就要多体验, 许多人从开始不愿意做的事, 你都要自己尝试着做, 而且要第一个举手, 因为, 第一个举手的人分到的题目往往最容易发挥, 成绩也最容易看到。Чтобы быть успешным, надо больше пробовать.

Многие в начале своей карьеры чего-то не хотят делать, тебе же надо обязательно начинать с самого начала и делать все самой, даже если это не хочется делать [6, с. 127].

2) 我觉得我很幸福, 我知道很多人都不爱他的工作, 幸福的是, 我找到了。

Я счастлива, я знаю, многие не любят свою работу, к счастью, я ее нашла [9, с. 68].

3) 选择一个与美好相伴的职业。生活就是一个态度的问题, 我很幸运, 可以做自己喜欢的事情, 很快乐。Выбирай одну любимую профессию. Жизнь такая, как ты относишься к ней. Я очень удачлива, есть возможность делать свое любимое дело, я очень довольна [9, с. 68].

В трех примерах, относящихся к тематической подгруппе «социальный статус // занимаемое положение в обществе» отчетливо видна взаимосвязь понятий «работы/карьеры» с «любовью к выполняемой работе». Именно благодаря этой взаимосвязи читателю предстает образ уверенной и образованной женщины, которая благодаря любви к своему делу добивается успеха в жизни.

Таким образом, из выше проанализированных примеров видно, что в глянцевых журналах Китая феминные стереотипы представлены на лексическом уровне с помощью использования различных прилагательных («нежный», «безупречный», «ласковый», «счастливый» и т. д.) и их производных. Также фразеологические обороты, отобранные по их ассоциации с женским началом, являются превосходным инструментом для описания статуса и роли женщины в современном обществе. Однако стоит заметить тот факт, что в языке глянца все больше и больше появляется так называемая «новая феминность». Данное явление подразумевает наличие у женщины не только красоты и уютного домашнего очага, но и подразумевает ее желание занять активную жизненную позицию в обществе и реализоваться как самостоятельная образованная уверенная личность с разносторонними интересами. Именно эти изменения и нашли отражение в языке современных глянцевого журналов Китая.

Литература

1. Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. Москва: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.
2. Маали Шади А. А. Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 4–1. С. 272–279.
3. Назайкин А. Н. Рекламная деятельность газет и журналов: практическое пособие. Москва: РИП-холдинг, 2002. 206 с.
4. Хасанова С. А. Стереотипы маскулинности и феминности в современном обществе // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2014. Т. 20. С. 1411–1415.
5. «Чжунго Ньюсин». 2011. № 8. С. 43.
6. «Юеди» 2013. № 1. С. 127.
7. «Юеди» 2010. № 3. С. 132.
8. «Юеди» 2013. № 7. С. 143.
9. «Cosmo мода» 2013. № 7. С. 68.
10. «Vogue» 2013. № 8. С. 180.

Научная статья
УДК 82-121
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-212-216

**КОНЦЕПТ «ХАОС» В ЛИРИКЕ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА
И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДАХ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК
(на примере стихотворения «Раковина»)**

© **Духнова Мария Александровна**
ассистент, магистрант,
Пермский государственный научный исследовательский университет
Россия, г. Пермь
mariyafei@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются лексические средства, формирующие концепт «хаос» в стихотворении О. Э. Мандельштама «Раковина». Сопоставляются два варианта перевода стихотворения на китайский язык, выявляются особенности репрезентации концепта при переводе.

Ключевые слова: поэтический концепт, китайский язык, русская поэзия, перевод поэзии.

**THE CONCEPT OF "CHAOS" IN MANDELSTAM'S LYRICS
AND REFLECTION IN TRANSLATIONS INTO CHINESE
(on the example of the poem "Shell")**

© **Mariya A. Dukhnova**
Assistant, Master's Student,
Perm State University
Russia, Perm
mariyafei@gmail.com

Abstract. The article analyzes the lexical means that form the concept of "chaos" in Mandelstam's poem "Shell". Two variants of the poem's translation into Chinese are compared. The article highlights the features of the concept in the translation texts.

Keywords: poetic concept, Chinese language, Russian poetry, translation of poetry.

В современной лингвистике существует множество работ, связанных с попыткой как можно более детально и широко представить понятие «концепт». В общем смысле «концепт» можно представить в виде единицы, с помощью которой моделируется картина мира. В. В. Колесов определяет концепт как резервуар смысла, который организуется в системе отношений множественных форм и значений [4, с. 68]. Н. Н. Болдырев дает такое определение концепта – это единица осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности [1, с. 25–26]. Исследователями подчеркивается слоистость структуры концепта, его нестатичность. В конкретном поэтическом тексте актуализируются различные признаки и слои концепта, обусловленные разной комбинаторикой его призна-

ков, что и создает индивидуальную неповторимость поэтического произведения [6, 13].

Анализ ключевых концептов творчества авторов важен не только для понимания его поэтической картины мира, но и для корректного перевода произведения на другие языки. Поэтический перевод представляет собой особую область художественного перевода. С. Ф. Гончаренко определяет поэтический перевод, как перевод текста, созданного на одном языке, при помощи поэтического текста на языке перевода [3, с. 109]. Фактически он предполагает создание нового поэтического текста с сохранением оригинального концептуального и эстетического содержания. В свою очередь Я. Л. Либерман выделяет такие понятия как «эмоционально-психологический потенциал произведения», а также «эмоционально-психологическая восприимчивость читателя» [5, с. 7]. По мнению исследователя, чем более совпадают потенциал и восприимчивость, тем более качественен перевод. Особого внимания заслуживает репрезентация поэтических концептов на языке оригинала и последующее их сопоставление с отражениями в переводе.

Данная статья посвящена репрезентации концепта «хаос» на языке оригинала и его отражению в переводах на китайский язык. Для анализа было выбрано стихотворение 1911 года «Раковина» и варианты его перевода на китайский язык двух авторов: Ван Чжиляна (王智量) и Ли Шудуна (李树冬). Не смотря на большое количество работ, посвященных исследованию творчества О. Э. Мандельштама, поэтические концепты его лирики до сих пор недостаточно изучены. Концепт «хаос» в лирике О. Э. Мандельштама отличается индивидуально-авторским стилем, разнообразием образов, динамичностью и расширяемостью в формате всего творчества автора. Кроме того, концепт «хаос» отражает особенности его поэтической картины мира, черты символизма и акмеизма, которые причудливо сочетаются в творчестве автора [2, с. 116].

Рассмотрим первую строфу стихотворения «Раковина»: *Быть может, я тебе не нужен, / Ночь; из пучины мировой, / Как раковина без жемчужин, / Я выброшен на берег твой.* Концепт «хаос» здесь раскрывается через образы ночи и мировой пучины. Ночь – явление, неподвластное человеку, в то же время это некая высшая таинственная стихия. Образ пучины неотрывно связан с морской стихией, с другой же стороны пучина ассоциируется с губительной бездной, хаосом. Здесь же сам этот образ дополняется еще и словом «мировая», т.е. всеобъемлющая, глобальная. Лирический герой сравнивает себя с «раковиной без жемчужин», ощущение пустоты, покорности подчеркивается и использованием пассивного залога в строке «я выброшен на берег твой».

Обратимся к двум вариантам перевода данного стихотворения на китайский язык и проанализируем лексические единицы, относящиеся к концепту «хаос». При переводе словосочетания «из пучины мировой» оба переводчика используют сочетание 宇宙的深渊 ‘мировая бездна’, при этом слово 深渊 толкуется в китайском словаре 新华字典 как ‘очень глубокая вода’ – а также метафора сложных и опасных ситуаций. Как видно образы «хаос – стихия» и «хаос – опасность» сохранены в обоих вариантах перевода.

В следующей строфе лирической герой продолжает обращаться к незримому и молчаливому собеседнику, при этом тема моря и стихии становится все шире и

глубже: *Ты равнодушно волны пенишь / И несговорчиво поешь, / Но ты полюбишь, ты оценишь / Ненужной раковины ложь*. Равнодушные волны, несговорчивая стихия – это образ первоосновы существования, с ее равнодушным течением времени, которое не зависит от человека. «Ты полюбишь, ты оценишь», – герой будто уговаривает стихию быть снисходительнее к маленькой раковине. Образ стихии, хаоса здесь иллюстрируются с помощью оборотов «равнодушно волны пенишь», «несговорчиво поешь». В переводе этих словосочетаний у авторов видно расхождение в используемых лексических единицах. В варианте Ван Чжиляна 你淡漠地揉取泡沫, 用那浪花 ‘ты апатично замешиваешь пену, используешь брызги волн’ глагол «пенишь» заменяется на оборот 揉取泡沫 ‘вымешивать, растирать пену’. Слово 浪花 имеет несколько значений: и барашки волны, и брызги морской воды, и пена волн, что усиливает создаваемый образ морской стихии. Вариант Ли Шудуна отличен: 你冷漠地吐着泡沫的浪花 ‘ты равнодушно выплевываешь пенящиеся волны’, переводчик выбирает другой глагол с более негативной окраской – 吐 ‘плевать, извергать, выплевывать’, тем самым усиливая равнодушное отношение стихии не только к лирическому герою, но и ко всему внешнему. При переводе словосочетания «несговорчиво поешь» Ван Чжилян отходит от приема полного перевода, вводя фразу 你只顾自己在固执地歌唱 ‘ты, заботясь только о себе, упрямо поешь’. В другом варианте перевода используется фраза 并自以为是地歌唱 ‘самодовольно поешь’, при этом словосочетание 自以为是 имеет значение ‘считать себя всегда правым, непогрешимым, не сомневаться в своей правоте’. Таким образом, лексические единицы, выбранные Ван Чжиляном для перевода отражают равнодушие стихии, ее независимость от человека. В варианте же Ли Шудуна использован глагол с более негативной эмоциональной окраской, кроме того перевод фразы «несговорчиво поешь» усилен использованием сочетания «самодовольный, непогрешимый».

В следующей строфе стихия уже не столь равнодушна к раковине, она ложится рядом, она наделяет раковину одеянием, в этих строках чувствуется надежда на гармоничное сосуществование, надежда на будущее, происходит связь стихии и раковины: *Ты на песок с ней рядом ляжешь, / Оденешь ризою своей / Ты неразрывно с нею свяжешь / Огромный колокол зыбей*. При этом создается ощущение глобальности происходящего. Зыбь – мельчайшее, практически незаметное колебание – соединяется с образом огромного колокола. И «зыбь», и «колокол» можно воспринимать как колебания, импульсы жизни. В этой строфе чувствуется, как рождается связь стихии и раковины, как наполняется ранее пустая оболочка.

Ключевой фразой, раскрывающей концепт «хаос» в данной строфе является словосочетание «огромный колокол зыбей». Ван Чжилян в своем варианте перевода 你会和它连结在一起, 要分也难, / 被那水浪奏出的洪亮钟声 ‘Ты будешь с ней связана вместе, разлучиться трудно, / Играемый волнами воды громкий колокол’ использует пассивный залог, а также глагол 奏出 ‘играть на музыкальных инструментах’. Тем самым, образ колокола ассоциируется в первую очередь с музыкальным инструментом. Ли Шудун в свою очередь переводит эти строки так: 你将牢固地把它 / 系在波涛的巨钟之上 ‘Ты будешь прочно ее привязывать к

водяному гигантскому колоколу'. Если в первом варианте присутствует музыкальный образ (колокол, как инструмент, используемый глагол – играть на музыкальном инструменте), то во втором варианте даже сам колокол водяной, созданный из огромных волн. Второй вариант перевода воссоздает образ колокола как часть стихии, часть хаоса.

В последней строфе уже нет ощущения торжественности, нет громких звуков, только шепот, туман, звуки дождя: *И хрупкой раковины стены, / Как нежилого сердца дом, / Наполнишь шепотами пены, / Туманом, ветром и дождем...* Прилагательное «нежилой», которое принято употреблять с помещением, здесь относится к слову «сердце», «нежилое» – значит лишённое смысла, и все же в финале стихотворения оно станет заполненным, обретет смысл существования. В отличие от первых строф стихотворения, где стихия была равнодушна к существованию раковины, здесь же раковина уже является связанной со стихией, является частью жизни. Если ранее образ стихии был губительным, опасным, несговорчивым, то здесь уже используются такие лексические единицы как «шепоты пены», «туман», «ветер», «дождь». Это все также проявления стихии, неподвластной человеку, однако, хаос уже не столь отрешен и безжалостен, он уже находится в связи с раковиной.

В последних двух строках, где в оригинале нет ни одного прилагательного, Ван Чжилян предпочитает добавить эпитеты для создания звукового образа: 被你充满了, 用喃喃的泡珠, /用轻风, 用细雨, 用海上迷雾 'Тебя наполнит пузырящейся пеной, легким ветром, морозящим дождем, туманом над морем'. Автор перевода «окрашивает» каждое существительное: у слова «пена» появляется эпитет 喃喃的 'бормочущий, невнятный', у «ветра» 轻 'легкий', «дождь» становится 细雨 'морозящим дождем', а просто «туман» превращается в 海上迷雾 'туман надо морем'. Все это помогает сохранить музыкальный образ, возникший еще в предыдущей строфе, подчеркивает переход от громких и резких звуков к мягким и слабым. Вариант Ли Шудуна более конкретен, хотя также не лишен дополнительных эпитетов: 你让它充满波涛的絮语 /还有迷雾、急风和暴雨 'Ты наполняешь ее бормотание волнами, / Туманом, резким ветром и проливным дождем'. Интересно, что автор использует словосочетание 波涛的絮语, которое можно перевести как 'болтовня, докучливые разговоры волн'. Ветер здесь становится 急风 'порывистым', а дождь – 暴雨 'шквалистым, проливным'. Если в варианте Ван Чжиляна картина создавалась вполне мирная и спокойная, даже музыкальная, то в варианте Ли Шудуна подчеркивается сила и резкость стихии.

Человек уподобляется маленькой раковине, хрупкой, пустой. В противопоставление этому образу стихийное начало, ассоциативно связанное с хаосом, представляется как нечто масштабное, всеобъемлющее, изначально равнодушное. Автором выражается хрупкость и стихийность жизни, однако, равнодушная стихия все же принимает раковину, наполняет ее, тем самым даруя жизнь и смысл. Так аллегорически демонстрируется рождение гармонии из хаоса.

Концепт «хаос» в стихотворении представляется в первую очередь первоосновой жизни. Средствами репрезентации концепта в стихотворении являются как отдельные лексические единицы (*ночь, пучина мировая*), так и метафоры (*огромный колокол зыбей, равнодушно волны пенишь, наполнишь шепотами пены*). Так

образ хаоса с одной стороны связан с образом пучины, глобальной и гибельной, и в тоже время является источником жизни, путем к гармонии. Переводчикам удалось сохранить связь «хаос-первооснова», «хаос-стихия», хотя лексические единицы, представляющие концепт «хаос» различны в двух вариантах перевода. Перевод Ван Чжиляна представлен более мягкими эпитетами, создает в первую очередь музыкальный образ, перевод Ли Шудуна ярче демонстрирует отрешенность и резкость стихии. Безусловно, каждый вариант перевода отражает индивидуальный взгляд на творчество Мандельштама, под разным углом раскрывает образ стихии в стихотворении, сохраняя при этом ряд ассоциирования «хаос-первооснова».

Литература

1. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка: концептуализация мира в языке. Москва; Тамбов, 2009. Вып. 4.
2. Болотнов А. В. Репрезентация концепта хаос на основе текстовых ассоциатов в лирике О. Э. Мандельштама. Вестник ТГПУ. 2009. Вып. 4 (82). С. 116–120.
3. Гончаренко С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика: науч.-теор. сб. / под редакцией С. Ф. Гончаренко. Москва: Изд-во МГЛУ, 1999. Вып. 24. С. 107–122.
4. Колесов В. В. Слово и дело: из истории русских слов. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 703 с.
5. Либерман Я. Л. Как переводят стихи (заметки о переводе еврейской и не только еврейской поэзии). Екатеринбург: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1995. 90 с.
6. Чумак-Жунь И. И. Поэтический концепт и его статус в типологии концептов. Научные ведомости БелГУ. 2009. № 14(69). С. 11–20.

Научная статья
УДК 37.062.2
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-217-220

CULTIVATION OF CULTURAL SELF-CONFIDENCE IN COLLEGE FOREIGN LANGUAGES COURSE

© **Danni Ma**
M.A. Degree, Associate Professor,
Changchun University of Science and Technology
China, Changchun
madanni@cust.edu.cn

Abstract. Cultivating students with "Chinese wisdom and international vision" has become the primary task for College Foreign Language courses in Chinese universities. This paper analyzes the causes of Chinese cultural aphasia in foreign language education, explores strategies of integrating excellent traditional Chinese culture into foreign language teaching, including switching teaching philosophy, reorganizing teaching materials, optimizing teaching methods and improving evaluation mechanism.

Keywords: Cultural awareness, Foreign language courses, Cultural aphasia.

文化自信在大学外语课程中的培养路径研究

©**马丹妮**
长春理工大学外国语学院
长春，中国
madanni@cust.edu.cn

【摘要】随着经济全球化的发展，西方文化渗透加剧对中国青年群体的文化自信产生巨大冲击。培养具有“中国立场和国际视野”的大学生，已成为大学外语课程人才培养的首要任务。文章从归纳中国文化内涵及融入大学外语课程的适切性着手，分析大学外语课程中中国文化失语现象的原因，探索课程中中华优秀传统文化融入的路径，最终得出结论，大学外语课程应注重跨文化交际的双向传输。

【关键词】：文化自信，大学外语，文化失语。

一、前言

全球化深层次的发展趋势，在一定程度上正在削弱世界各国的文化向心力。借力于先进信息技术手段及全球传播媒介，西方发达国家倡导的文化长驱直入地渗透到世界各国，双向的交流很大程度上变成了单向的文化输出，使得发展中国家的思想意识、价值体系、民族文化与信仰受到动摇，这种现象在思想活跃，易于接受新事物、新思潮的青年学生群体中体现尤为突出。然而，不可否认的是，全球化也为人们开拓了审视自身民族文化的新视角，促进了文化共享。怎样使青年学生在中外文化互鉴中坚定文化自信，传播中国思想，融通多元文化、增进文明交流，是大学外语课程中亟待解决的问题。

二、文化自信的内涵

美国学者 Lundeberg Mary A 等人在对不同国别人群调查中发现信心与国家和文化有关 (Lundeberg et al., 2000)。Muzumdar Jagannath Mohan 等人调研发现文化能力课程能够

提高药学生对不同文化人群提供药学服务的意识和信心，并得出结论：文化相关的课堂活动能提升学生知识水平、文化能力和文化自信。(Muzumdar et al., 2020).

廖小琴(2012)认为文化自信“是一种主体心态”，具体表现为“精神价值诉求”、“精神生活质量”。刘林涛(2016)认为文化自信是文化主体对身处其中的作为客体的文化，通过对象性的文化认知、批判、反思、比较及认同等系列过程，形成对自身文化价值和生命力的确信和肯定的稳定性心理特征。具体表现为文化主体对自身文化生命力的充分肯定，对自身文化价值的坚定信念和情感依托，以及在与外来文化的比较与选择中保持对本民族文化的高度认可与信赖。林志友(2016)指出“当代中国迅速增强的经济实力”、“中国优秀传统文化”、“无产阶级先进文化”分别奠基、涵养、引领当代中国的文化自信。仲呈祥(2016)认为文化自信主要是指“对中华文化的自信”，具体包括源远流长的中华优秀传统文化，革命文化、红色文化、先进文化，社会主义核心价值观和中华民族伟大复兴中国梦的信念。由此，文化自信是民族、国家及政党对自身文化价值的强烈认同感和自豪感，并对自身文化的生命力有着坚定的信心，“是一个国家、一个民族发展中最基本、最深沉、最持久的力量。向上向善的文化，是一个国家、一个民族休戚与共、血脉相连的重要纽带。”(习近平，2019)。

三、坚定文化自信在大学外语教学中的适切性

文化是语言的内涵，语言是文化的载体。文化烙印在语言当中，影响着人们的核心传统、价值观、交流和行动方式，而语言让交流变得容易(Dale Kinkade, 1975)。因此语言教育与文化传播和价值传递密不可分。大学外语不仅是一门语言基础课程，也是拓宽知识、了解世界文化的素质教育课程，在培养学生的语言技能、文化素养及价值观传递方面，有着极强的优势。从课程性质和目标看，大学外语课程兼具工具性和人文性，不仅提升学生的语言综合运用能力，还需增进学生对不同文化的理解，建构其对中外文化异同的意识和跨文化交际能力，坚持其对本民族的文化认同，最终达到坚定文化自信的目标。从教学理念看，大学英语课程教学理念为产出导向，注重学用一体，学生的产出必然多围绕熟悉的学习生活环境，也就是本土环境。从教学内容看，“理解中国”，才能“沟通世界”，沟通不同国家的文化生活、传统习俗、价值观念的基础，必然是掌握本民族深厚的文化蕴藏，否则就是空中楼阁。从教学主体来看，大学外语课程一般对全校非外语类专业学生，在一年级即开始开设，一般在 144-216 学时之间。课程通识性强、受众面广。从教师层面看，大学外语课程多实行小班教学，教师和学生接触的机会较多，对学生具有较强的影响力。

四、大学外语课程中的文化缺失

目前的大学外语课程中，由于缺乏对跨文化交际行为传输的双向性的明确阐释，导致大学外语课程中中国文化的“失语”现象。许多有相当英文程度的中国学生，在与西方人交往中，无法展现出自身文化的深厚底蕴和价值取向。

1. 过于注重课程工具性导致人文性狭义化。

长期以来，由于与社会需求以及教学对象的对接，大学外语教学的工具性被放大，教学目标也局限于知识技能的提升，而忽视了深层次素养目标的培养。在教学设计和实施过程中，教师聚焦听、说、读、写、译综合技能训练，教材处理更注重挖掘词、句子和篇章中结构性语言点。在评价环节，也针对学生对于语言技能的掌握和把控。在测试评分中，很难发现对于人文性有关的标准描述。另外，为了学生语言产出地道得体，能够恰当地使用交际策略，教师通常会详细解释目的语文化的社会深层构架、文化价值观、社会本位、思维模式等。对于中国优秀传统文化的产出份额，相对减少。久而久之，就会忽视了树立本民族文化立场，造成学生缺乏民族文化认同感，丢弃母语文化的状况。

2. 教学主体缺乏树立文化自信的意识和内驱力。

在教师的教學理念中，外語教學是以目的語文化為指向的，這種理念從教師接觸到外語專業學習就已根深蒂固。為了掌握更高的語言技能，往往需要浸潤式的語言環境。因此大學外語教師受西方文化影響往往更大。更有少數教師由於缺乏思辨能力和正確立場，在教學中照搬、傳播、宣揚西方文化和西方社會價值觀和文化價值觀，不利於學生對自身文化自信心的培養。高校學生是易於捕捉社會前沿及新思潮的群體，本身就處於多元文化碰撞的環境，深受多種文化思潮的衝擊。隨著信息技術和網絡在其生活中所占比例的日益增加，其價值觀也必將受到網絡輿情的廣泛影響。同時，高校學生經過常年的“學用分離”的外語技能訓練，對英語學習已產生疲倦感。由於缺乏語言環境及產出口，更加會引發關於“外語何用”的質疑。因此，更多的學生對外語學習持有“現用現學”和提高績點的態度。也就無從談起基於文化自信而自發地使用外語對本民族文化的輸出。

五、大學外語課程中增強文化融入的路徑

1. 轉換教學理念，大力提升教師文化素養。

2014年教育部關於印發《完善中華優秀傳統文化教育指導綱要》的通知中明確提出：“全面提升中華優秀傳統文化教育的師資隊伍水平”。“加強面向教師的中華優秀傳統文化教育培訓。”外語教師作為課程的主導者，須首先厘清自身的双重身份。作為本國文化和外來文化的橋樑紐帶，大學外語教師需保有堅定的中國立場，以自身的專業素養和思辨能力，在文化互鑒中發揮作用。其次，教師需明確教育者先受教，從提升自身中華優秀文化修養做起，建立文化自覺，樹立堅定的文化自信。“全人教育”理念，努力克服以西方文化為中心的教學模式，自覺把提升學生文化自信貫穿教學全過程。當然，堅定文化自信絕不等同於在文化上的盲目自大，絕不是對西方文化中的優秀成果不加分析地加以排斥。歸根結底，大學英語教師要在對中西方文化進行客觀理性的比較基礎上，幫助大學生在內心深處構建起對中華優秀文化的堅定自信。

2. 重組教學內容，切實改變文化失語的現象。

要改變大學外語課堂中的“文化失語”現象，就要將中國文化的英語表達教育貫穿到英語教學之中。對現有的教材進行“選、調、改、刪”。選擇富有適度挑戰性，又具有吸引力的認知內容，以增加驅動力。調整現有材料的先後順序，以使教學內容更符合認知規律和教學邏輯。改變任務練習的難度和形式，使難度遞進化，任務形式多模態化，以符合不同層次不同程度學生的需要。增添新的切合度高的教學素材，將傳播我國歷史文明、家國情懷、社會主義核心價值觀和中華民族偉大復興中國夢的中國文化素材與學習借鑒國外優秀文化成果相結合，引導學生樹立世界眼光，博采眾長的同時，培育學生的民族自信心、自豪感。同時，採用線上資源庫的形式，以文本、音、視頻以及虛擬仿真的形式設計學習資源和練習，對學生進行線上線下資源浸潤，創造真實的本土文化環境，實現合圍。

3. 優化教學設置，有效培養學生“讲好中国故事”的能力。

從提升學生使用英語表達中國文化的能力、提升基礎英語表達水平及增強其對西方文化了解方面切入，合理設計教學。在課堂教學中，對焦授課主題，融入弘揚中華優秀傳統文化的元素。教學產出任務場景設計中，增加任務產出的話題、身份和場合的指向性。選取貼近學生生活環境，符合學生目前或將來身份的，適宜文化主題描述或觀點表達的場景，以此來增加任務的貼合度。理解中華優秀傳統文化的精髓，強化學生文化主體意識和文化創新意識。同時，可建立長效機制，增設大學外語實踐學時，拓寬第二課堂領域，以用外語“讲好中国故事，传播中国声音”為主要思路，開展優秀作品展播、征文評選以及技能競賽等活動，以賽促學，也為課程的注入了活力。

4. 完善评价机制，验证教学成效。

采取量化评价和质性评价相结合，从评价内容、评价方式、评价主体三方面入手。在评价内容上，将载有中国文化元素或跨文化交际元素语料与命题形式相对应，如全国大学英语四六级考试，在翻译与写作方面，即围绕传统文化节日、传统菜系食物、著名景点、中医书籍、时代人物等话题测试。评价方式上，将学生的文化类输出作为过程性评价的一个评价标准并制定相应评价描述。评价主体采用师生合作评价，综合评价学生的语言水平、自我反思能力、合作学习能力和见贤思齐的学习态度。

六、结束语

“没有高度的文化自信，没有文化的繁荣兴盛，就没有中华民族的伟大复兴。”中国需要更好地了解世界，同时，世界也需要更好地了解中国。“讲好中国故事、传播好中国声音，向世界展现真实、立体、全面的中国，提高国家文化软实力和中华文化影响力”是时代赋予每一位中国公民的历史使命。大学外语课程更应该发挥课程优势，培养学生立足本国文化，担负起传承中国文化，与世界人民共享人类宝贵精神财富的责任。

References

1. Lundeberg Mary A. et al. Cultural influences on confidence: Country and gender[J]. Journal of Educational Psychology. 2000. 92 (1):152.
2. Muzumdar Jagannath Mohan et al. Cultural competence knowledge and confidence after classroom activities[J]. American journal of pharmaceutical education. 2010. 74(8):150.
3. Dale Kinkade, Kenneth L.Hale.Gaps in Grammar and Culture.In Linguistics and Anthropology [M]. Switzerland: Peter De Ridder Press. 1975.
4. 习近平 .新时代中国特色社会主义思想学习纲要[M].北京:学习出版社,人民出版社. 2019:138.
5. 教育部关于印发《完善中华优秀传统文化教育指导纲要》的通知[EB/OL] (2014-03-28). URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A13/s7061/201403/t20140328_166543.html.
6. 教育部.教育部关于印发《完善中华优秀传统文化教育指导纲要》的通知[Z]. 2014-04-01.
7. 廖小琴.文化自信:精神生活质量的新向度[J].齐鲁学刊. 2012(2):79.
8. 刘林涛.文化自信的概念_本质特征及其当代价值[J].思想教育研究. 2016(4):21.
9. 林志友.坚定中国化自信根源[J].科学社会主义. 2016(5):17.
10. 仲呈祥.“四个自信”后为何要加“文化自信”? [N].中国艺术报. 2016-7-15 (03).
11. 教育部.教育部关于印发《完善中华优秀传统文化教育指导纲要》的通知[Z]. 2014-04-01.
12. 李柯.“一带一路”视域下中国优秀传统文化融入大学公共英语教学的实践探究[J].科教导刊—电子版(下旬). 2019(12): 218-219.
13. 曹艳春, 王国志.大学英语教学中有机融入中国传统文化可行性教学策略和方法的研究[J]. 沈阳工程学院学报(社会科学版). 2020,16(2): 79-83.
14. 徐奉臻.“文化自信”的定位内涵及功能路径[J]. 社会科学家. 2017(10):7-11.
15. 叶小文 .中国文化拿什么“走出去”[J].红旗文稿. 2010(10):39.

Научная статья
УДК 81-22
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-221-225

ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА ЧЕЛОВЕК-ЛОШАДЬ
(на материале идиом китайского, английского и русского языков)

© **Моргун Виктория Геннадиевна**
преподаватель,
Сибирский федеральный университет
Россия, г. Красноярск
morgun.vichka@bk.ru

Аннотация. В настоящей статье представлен сравнительно-сопоставительный анализ зооморфных метафор «человек-лошадь» на материале китайских, английских и русских идиом. Выявляются и описываются общие и частные национально-специфические механизмы метафоризации, культурные ценности и ориентиры в различных языковых картинах мира.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, языковая картина мира, метафорическое моделирование, зооморфная метафора, идиома.

ZOOMORPHIC METAPHOR MAN-HORSE
(based on Idioms of Chinese, English, Russian Languages)

© **Viktoria G. Morgun**
Lecturer,
Siberian Federal University
Russia, Krasnoyarsk
morgun.vichka@bk.ru

Abstract. This article presents a comparative analysis of zoomorphic metaphors "man - horse" based on the Chinese, English and Russian idioms. The general and particular national-specific mechanisms of metaphorization, cultural values and landmarks in various linguistic pictures of the world are identified and described.

Keywords: cognitive linguistics, linguistic worldview, metaphorical modeling, zoomorphic metaphor, idiom.

В последние десятилетия одним из ключевых направлений переводоведения является сравнительно-сопоставительный анализ общих и частных явлений в языке, на основе которых возможно изучение лексем и их сфере применения в различных лингвокультурах. Так, например, в случае употребления автором зооморфной метафоры переводчику предстоит задача исследовать отношение отдельной культуры к образу человека-животного для доместикации или форенизации тропов и стилистических приемов, поскольку одной из актуальных проблем современной лингвистики является проблема самопознания и идентификации человека, принадлежащего к определенной культуре. Согласно работам Дж. Лакоффа и С. Джонсона, метафора в когнитивной лингвистике – это «основная ментальная операция, посредством которой человек познает мир за счет от-

ражения новых знаний через старые» [Лакофф, Джонсон, 2004: 25]. В то время как А. П. Чудинов отмечает, что метафора тесно связана с окружающим миром и представляет собой «существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики, находящихся в отношениях непосредственной мотивации первичных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных знаний» [Чудинов, 2001: 68]. Таким образом, ученые отмечают, что метафора отражает ментальное восприятие, факты и явления в отдельной языковой картине.

В свою очередь, зооморфная метафора понимается как лексическая единица, которая используется в номинации метафорической характеристики, а именно: антропоморфных и зооморфных свойств, посредством которых формируются «универсальные типологические модели зооморфной метафоры: «внешний вид животного – человека», «поведение животного – человека» и т. п.» [Устуньер, 2004: 23]. Следует также отметить, что вышеуказанные характеристики на основе представления животного отражают самобытность наций, языков через призму оценочных образов [Шаховский, 2008: 17]. Основными функциями зоонима являются эмоциональность, экспрессивность и оценочность, последняя позволяет определить положительную и отрицательную коннотации самой идиомы.

Объектом нашего исследования являются зооморфные метафоры «человек-лошадь», применяющиеся в идиоматических выражениях китайского, английского и русского языков. Целью статьи является определение общих и отличительных черт представления человека как лошади/коня. Материал работы был собран на основе выборки из корпусов 现代汉语语料库 (с кит. яз. «Корпус современного китайского языка»), International Corpus of Learner English и «Национальный корпус русского языка». Объем выборки на основе 3 корпусов составил 250 идиом с метафорическим значением «человек-лошадь»: 95 китайских, 77 английских и 78 русских зооморфных метафор. Основными методами исследования стали сравнительно-сопоставительный, метод концептуального анализа, метод моделирования образа, метод сплошной выборки, квантативный метод, который применялся для создания статистики наиболее и наименее частотных единиц.

Проведя сравнительно-сопоставительный анализ определения к слову «лошадь» в китайском, английском и русском языках необходимо отметить, что общими описательными элементами образа лошади стали: «одомашненное млекопитающее» и «парнокопытное животное, основной функцией которого является транспортировка людей и предметов повседневного быта», иными словами, лошади – это трудолюбивые животные, которые служат людям на протяжении долгих веков; обладают отличительными физическими особенностями. К частным характеристикам следует отнести:

1) детальное описание внешности животного в китайском языке («头小、脸长、耳朵突出、颈有鬃毛、尾毛长» [现代汉语词典] – букв. «маленькая голова, длинная морда, оттопыренные уши, грива на шее, длинная шерсть на хвосте»);

2) указание на образ питания в английском языке («a herbivorous animal» [Britanica] – букв. «травоядное животное»);

3) уточнение на вид и тип животного в русском языке («единственный ныне живущий род семейства лошадиных, или однокопытных, отряда непарнокопытных» [Academic]).

Символический образ лошади/коня в различных языковых картинах мира также имеет схожие и различные характеристики, например, в русском языке лошадь является символом мужества и великодушия, трудолюбия и красоты; в английском – это сила, импульс, война; в китайском же языке лошадь выступает символом героизма, силы и упорства.

Выполняя детальный анализ метафорических номинаций «человек – лошадь» в идиомах и фразеологизмах нам удалось выделить общие и специфичные характеристики ключевых текстовых метафор, репрезентирующих признаки сходства и различия между человеком и животным.

К общим характеристикам следует отнести:

Внешний вид (возраст, красота).

Яркими примерами описания внешнего облика являются отрицательно коннотативные метафоры, которые передают значение некрасивого, пожилого и немощного человека: «**красивая, как кобыла сивая**», «**старая кляча**», «**broken-down horse**», «**五花杀马**» (букв.: «*пять цветов убивают лошадей*») – метафора старости и немощи. Однако, в целях экспликации также часто используются фразеологизмы и идиомы с положительным значением, такие как: «**牛高马大**», «**高头大马**» (букв.: «*корова высокая, лошадь большая*») или «**красивый жеребец**» / «**великий жеребец**» – рослый, крупный и дородный мужчина, «**бравый конь**» – молодеватый и видный молодой человек; «**filly**» (букв.: «*молодая кобыла*», «*телочка*»), имеющее идиоматическое значение молодой и красивой женщины.

Трудоголизм.

Например, для обозначения человека трудоголика или человека, который много и напряженно трудиться и выполняет работу за других часто используются следующие метафоры «**рабочая лошадка**» / «**ломовая лошадь**» – в русском языке; «**willing horse**» (букв.: «*человек, с готовностью берущийся за что-либо, охотно взваливающий на себя работу, работага*») и «**wheel horse**» (букв.: «*практичный и трудолюбивый человек*») – в английском и в китайском «**当牛做马**» (букв.: «*стать коровой и работать как лошадь*»), что обозначает усердно трудящегося человека, которому приходится выполнять обязанности как минимум двоих человек. Кроме того, в китайском языке носители употребляют идиоматическое выражение «**出了一身大汗的马**» (букв.: «*вспотеть как конь*»), которое применимо для описания тяжелого труда, который приходится выполнять человеку-лошади. В качестве отрицательного значения «трудоголика» китайцы используют фразеологизм: «**作牛作马**» (букв.: «*работать как лошадь и трудиться как вол*») – быть рабом, прислуживать, быть на положении рабочего скота. Образ лошади символизирует слуг, которыми управляют.

Приобретенные навыки и опыт.

Лишь в двух из трех рассматриваемых нами картинах мира для описания мудрого, проникательного и опытного человека, которого трудно провести, обмануть применяются такие устойчивые выражения как: «старый конь борозды не испортит» – работник, который ошибки не допустит; «old war horse» – пожилой, но опытный человек.

Качества.

Несмотря на небольшие отличия в определениях, для описания неизвестно как появившегося человека или человека, силы и качеств которого никто из окружающих не знает в русском и английском языках используются выражения «темная лошадка», «dark horse». Применяя идиомы «троянский конь» и «trojan horse» носители языка описывают скрытного человека, которому нельзя довериться; человека с тайным или злым умыслом, который играет разрушительную роль.

К частным характеристиками относятся метафоры человека-лошади, раскрывающие **характер/состояние**. Такие зооморфные метафоры опираются на национальные стереотипы сознания и позволяют идентифицировать фигуральное значение каждого отдельного высказывания.

Так, например, наибольший спектр метафор, описывающих характер и состояния человека с использованием лексемы *лошадь* является китайский язык. При помощи переложения значения или на основе какого-то сходства и сравнения человека с лошастью китайцы выделяют 4 основных черты.

1. Заурядность. «驽马恋栈豆» (букв.: «кляча любит бобы в своем стойле») – заурядный человек, боится потерять теплое место. Другими словами, это некомпетентные люди, жаждущие комфорта, но не имеющие амбиций.

2. Талант. «率马以骥» (букв.: «веди лошадь к Цзи») применяется по отношению к талантливым людям, которые являются лидерами в своей сфере деятельности;

3. Невнимательность. «瞎马临池» (букв.: «слепая лошадь возле пруда») – метафора, в которой лошадь выступает образом человека, находящегося в опасности и растерянности.

4. Невежество. «马牛襟裾» (букв.: «рабочий скот в одежде») означает бесстыдных, тупых и невежественных людей.

В английском и русском языках выделяются по 2 черты характера, не характерные другим культурам. Так, например, в английском метафора «grey mare» (букв.: «серая кобыла») используется для обозначения женщины, угнетающего своего мужа и окружающих. Другими словами, это властная, расвирепешшая женщина, которая вечно недовольна поступками людей. В устойчивом выражении «to flog a dead horse», dead horse обозначает человека, занимающегося бесполезным делом. Тогда как в русском выделяется выражение «конь в пальто» – шуточно определяющего человека, которого не узнали или приняли не в серьез. Кроме того, «врет как сивый мерин» используется для описания человека, который нагло врет.

Следовательно, несмотря на то, что языковые формы различны, зооморфной метафоре присуща согласованность и культурное единство. Несмотря на обширное использование иероглифа 马 в китайских выражениях, 23% от всех идиом являются зооморфными метафорами с образной и номинативной функцией передачи образа человека, в то время как в русской культуре доля составляет 17% и в английской культуре – 13%. Более того, наибольшая частотность употребимости метафор «человек-лошадь» приходится на китайскую культуру, затем на русскую и английскую культуры.

Таким образом, в китайской, английской и русской языковой картине мира образ и символ лошади является уникальным, однако это животное имеет как универсальный набор характеристик и выполняемых действий в разных культурах, так и частный. Основными чертами образа лошади являются сила, размеры, величественность, стойкость, необузданность, частными характеристиками выступили повадки, темперамент и осуществляемые этим животным действия. Тогда как общими характеристиками зооморфных метафор «человек-лошадь» в трех культурах являются внешний вид, трудоголизм, а в английском и русском еще выделяются опыт, качества. К частным характеристикам относится характер и состояние. В различных культурах, используя лексему лошади, носители описывают присущие их культурной картине манеры и повадки человека, в китайском языке – талант, заурядность, невнимательность и невежественность, в английском языке – негативная коннотация властности и прокрастинации, а в русском языке – искажение истины и непостоянство во внешнем виде и поведении.

Литература

1. Лакофф Дж., Джонсон С. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
2. Устуньер И. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2004. 172 с.
3. Чудинова А. П. Россия в метафорическом зеркале. Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. 238 с.
4. Шаховский В. Лингвистическая теория эмоций. Москва: Гнозис, 2008. 416 с.
5. Academic. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/19484> (дата обращения: 15.05.22).
6. Britanica. URL: <https://www.britannica.com/animal/horse> (дата обращения: 17.04.22).
7. 现代汉语词典. URL: <https://cidian.bmcx.com/> (дата обращения: 25.04.22).

Научная статья
УДК 811.581'23:7.011.2
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-226-230

**ОБРАЗ ИСКУССТВА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
(на материале психолингвистического эксперимента)**

© **Пигалева Мария Владиславовна**
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Россия, г. Пермь
pigaleva-m@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа наивных толкований искусства китайской молодежью, которые сопоставляются с определениями искусства, представленными в словарях. Предпринимается попытка интерпретации полученных результатов и выявления актуальных значений слово *искусство* для китайских молодых людей.

Ключевые слова: искусство, семантический компонент, словарное значение, эксперимент, молодежь.

**THE IMAGE OF ART IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
OF THE CHINESE YOUTH
(by the material of a psycholinguistic experiment)**

© **Mariia V. Pigaleva**
Perm State University
Russia, Perm
pigaleva-m@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of the analysis of the naive interpretations of art by Chinese youth, which are compared with the definitions of art presented in dictionaries. An attempt is made to interpret the results obtained and to identify the actual meanings of art for Chinese young people.

Keywords: art, semantic component, dictionary meaning, experiment, youth.

Искусство возникло на ранних этапах развития общества, отделившись от практической деятельности, и в настоящее время оно рассматривается как важный инструмент познания мира и средство духовного развития людей. Существует целый ряд определений искусства в соответствии с разными научными направлениями: гносеологией, эстетикой, культурологией, психологией, религией, семиотикой. Приведем определение из Философского энциклопедического словаря, которое кажется нам наиболее исчерпывающим: «первоначальное обозначение всякого мастерства более высокого и особого сорта (“искусство мышления”, “искусство ведения войны”); в общепринятом специальном смысле – обозначение мастерства в эстетическом плане и созданных благодаря ему произведений – произведений искусства, которые отличаются, с одной стороны, от творений природы (понятийная пара: искусственный – естественный), с другой –

от произведений науки, ремесла, техники, причем границы между этими областями человеческой деятельности очень нечетки, так как в величайших достижениях в этих областях участвуют также и силы искусства» [3]. Таким образом, в этом определении зафиксированы важные для понимания феномена искусства значения: искусство как мастерство и искусство как создание культурных артефактов, отличных от творений природы или технических устройств.

Искусство во всем своем многообразии видов и жанров стремится к сохранению и трансляции культурного опыта. В то же время оно выступает и в роли определенной формы обновления социального опыта, т.к. в нем постоянно фиксируются актуальные для современных поколений исторические и социальные процессы. Искусство выступает как источник познания, духовного обогащения и формирования мировоззрения личности, и именно поэтому представляется актуальным изучение репрезентации этого концепта в языковом сознании представителей разных лингвокультурных сообществ. Так, в 2015 г. был выполнен лингвокультурологический анализ концепта «искусство» в русской и английской языковой картине мира [1]. В данной статье, представляющей собой часть исследования, посвященному изучению концепта 艺术 *искусство* в китайской языковой картине мира, мы обращаемся к толкованию искусства китайскими информантами и сопоставляем полученные наивные толкования со значениями, приведенными в словаре. Подобное сопоставление позволяет отследить наиболее часто актуализируемые смыслы данного слова, а также выявить социальные вариативности значения.

В китайском языке слово 艺术 *искусство* включает в себя два иероглифа: 艺 [yì] ‘способность, талант, образец’ и 术 [shù] ‘техника, прием’.

Краткий словарь современного китайского языка Xiandai Hanyu Xiao cidian дает следующие определения искусству:

1. Форма общественного сознания, отражающая действительность с помощью определенного моделирования в таких видах как литература, живопись, скульптура, архитектура, музыка, танец, театр, кинематограф и т. д.
2. Способ и метод творческого самовыражения.
3. Изображенная с помощью знаков форма, обладающая эстетической привлекательностью и оригинальностью [5: 899].

В определении искусства, приведенном в Словаре китайского языка Ханьдянь, делается акцент на отражении искусством жизни общества: «Литература и (другие виды) искусства, отражающие социально-бытовые условия, а также созданные произведения, включающие в себя литературу, изобразительное искусство, скульптуру, архитектуру, музыку, танец, театр, кинематограф и т. д.» [4]. В определении внимание акцентируется на словесном творчестве, в чем прослеживается внимание к древней литературной традиции Китая.

Более глубокое понимание слова могут дать производные от 艺术 слова. По данным Большого китайско-русского словаря [2], наиболее часто употребляемыми производными словами от 艺术 являются следующие лексемы: 艺术家 ‘деятель искусства, артист’; 艺术界 ‘мир искусств’; 艺术展 ‘выставка’; 艺术馆 ‘художественная галерея’, 艺术团 ‘творческая группа, ансамбль’. Из приведенных

примеров видно, что в данных словах 艺术 обозначает изобразительное искусство, а другие иероглифы уточняют его субъект.

В Китайском словаре синонимов представлены следующие синонимы к слову 艺术: 不二法门 ‘лучший способ’, 主意 ‘мысль, идея’, 章程 ‘ловкость, сноровка’, 解数 ‘способность, умение’, 道 ‘искусство, техника исполнения’, 长发 ‘расчитанный на длительный срок’ [6]. Исходя из представленного материала, можно сделать вывод, что искусство в китайском языке – это прежде всего умелое владение какими-либо навыками, а также дело, которое требует сноровки и мастерства исполнения. Значения «техника исполнения» и «ловкость» не отражены в словарных дефинициях, значение искусства как мастерства в словарях не зафиксировано.

Для сравнения со словарными значениями слова 艺术 нами был собран материал исследования, представляющий собой ответ на вопрос 对您来说, 艺术是什么? ‘что такое искусство?’ 40 китайских информантов в возрасте от 18 до 35 лет. Так как на форму и содержание ответа может существенно повлиять такое социальный параметр как образование, выборка была сбалансирована не только по полу, но и по образованию: нами были отобраны по 20 ответов студентов гуманитарных специальностей и по 20 ответов информантов негуманитарных специальностей. Наивные толкования информантов были подвергнуты компонентному анализу с последующим выделением семантических компонентов.

Объем реакции китайских информантов разнится от 1 иероглифа, равному одному значению (美 ‘красота’), до предложения (人类文明中对于美的创造和鉴赏, ‘созданные человеческой цивилизацией прекрасные вещи, которые получили признание’). В ответе, содержащем более чем 1 иероглиф, выделялось несколько семантических компонентов. В качестве примера укажем реакцию 艺术是美的极致表现, 比如油画, 雕塑等等 (‘высшая мера проявления прекрасного, например, масляная живопись, скульптура и т. д.’), где возможно выделение таких значимых семантических компонентов как *высшая степень проявления, эстетика, виды искусства*. Характерными особенностями ответов именно китайских информантов мы считаем присутствие в реакциях четырехсложного выражения, представляющего собой идиомы 诗词歌赋 ‘ши, цы, гэ, фу’ (четыре жанра стихотворных произведений, основные формы китайской поэзии и ритмической прозы), а также кулинарную метафору 生活调味品 ‘приправа жизни’, поскольку искусство кулинарии занимает особое место не только в китайской культуре, но и в китайском языке, встречаясь в целом ряде фразеологизмов.

По количеству упоминаний в ответах информантов первое место занимает семантический компонент *жизнь* (9 ед.), затем следуют *эстетика* и *человек* (по 8 ед.), *внутренний мир* (6 ед.), *чувство прекрасного, вид искусства, общество, материальный носитель* (по 4 ед.), *природа* (3 ед.), *культура* и *абстракция* (по 2 ед.). Семантический компонент *жизнь* указывается всеми группами информантов, укажем только некоторые примеры: 表达现实生活的方式 ‘способ познания жизни’; 生活调味品 ‘приправа жизни’; 生活的一部分, 就像食物和水 ‘часть жизни, такая как еда и питье’; 生活就是艺术 ‘жизнь – это искусство’. Таким образом,

жизнь выступает и как источник искусства, и как объект познания искусством, и даже как базовая потребность. Одинаково большое количество единиц компонентов *человек* и *эстетика* объясняется присутствием этих компонентов в словарных определениях искусства, и, как и в словарных статьях, искусство тесно связано с человеческой деятельностью: 对自然, 科学和人的表达 ‘выражение природы, науки и человека’; 一切给人带来美感的东西 ‘все то, что приносит людям чувство прекрасного’. *Чувство прекрасного* выделено нами отдельно как нечто изначально не заложенное в человеке, но развиваемое за счет эстетически привлекательных произведений искусства.

В связи с присутствием компонента *человек* нельзя не упомянуть менее частотный компонент *общество*, весьма характерный для ответов китайских информантов: 艺术是一种文化现象, 是文化的精华提炼, 是主要服务于人们精神层面的产品 ‘искусство – культурный феномен, сущность культуры, продукт, служащий главным образом духовному уровню людей’. Произведение искусства – это не только индивидуальный акт творчества, но и то, что вносит существенный вклад в культурное развитие общества. Трактовка искусства как нечто, имеющее материальный носитель, также упоминается информантами 4 раза. Кроме того, в наивном толковании информантов присутствуют и перечисления видов искусства, что было выделено в соответствующий семантический компонент: 我觉得艺术是绘画, 诗歌, 雕塑, 舞台剧等等 ‘я думаю, что искусство – это живопись, поэзия, скульптура, театр и т. д.’; 音乐 美术文学等 ‘музыка, изобразительное искусство, литература и т. д.’.

Обратимся к менее упоминаемым семантическим компонентам *природа*, *культура* и *абстракция*. Основу китайской традиционной эстетики составляет именно изображение природы как чего-то, что скрывает множество образов и символов. Примечательно, что компонент *природа* упоминается исключительно представителями не гуманитарных специальностей обоих полов, что может быть обусловлено как специальностью, связанной с естественно-научными науками, так и с традиционным китайским мировоззрением. В ответах информантов только гуманитарных специальностей присутствует семантический компонент *абстракция*: 抽象的语言 ‘язык абстракций’; 是一种抽象但深深植根于人们心中 ‘что-то абстрактное, но уходящее корнями глубоко в человеческое сердце’. Таким образом, можно отметить дополнительное бытование искусства не только в материальном носителе, но и в виде абстракции.

Сравнение словарных значений слова 艺术 с ответами информантов дает нам возможность увидеть, насколько многогранно восприятие искусства китайцами. Как и в словарных дефинициях, искусство определяется информантами как продукт творческой человеческой деятельности, формы которого диктуются разными видами искусства и который обладает эстетической привлекательностью. Искусство – это не только материальные произведения искусства, но и абстракция. Значение искусства как высшей формы владения каким-либо навыком почти не упоминается, однако появляются новые значения как если не необходимой, то очень важной части жизни («приправа жизни») и как воплощения природы. И, в соответствии со словарным определением, искусство – общественная ценность, которая развивает чувство прекрасного и способствует творческой самореализации.

Литература

1. Банькова Н. В. Концепт «искусство» / “art” в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015. 170 с.
2. БКРС. Большой китайской-русский словарь. URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 05.05.2022).
3. ФЭС. Философский энциклопедический словарь. URL: <http://www.philosophydic.ru> (дата обращения: 06.05.2022).
4. Handian [汉典]. URL: <https://www.zdic.net> (дата обращения: 05.05.2022).
5. Xiandai hanyu xiao cidian [现代汉语小词典]. Beijing: Shangwu yinshuguan [北京 : 商务印书馆], 2016. 899 p.
6. Yishu [艺术] // Chinese Synonyms Thesaurus. URL: <https://chinese.gratis/tools/synonym> (дата обращения: 05.05.2022).

Научная статья
УДК 395.6
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-231-234

СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО РЕЧЕВЫХ ЭТИКЕТОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

© **Сунь Сюйна**
аспирант,
Российский университет дружбы народов
Россия, г. Москва
1161799398@qq.com

Аннотация. Статья посвящена проблемам коммуникативной значимости речевых этикетов в русской и китайской культурах. В данной статье приводятся примеры типичных различий в русском и китайском речевых этикетах и даются рекомендации по их преодолению. Анализ речевого этикета, в определенной степени, помогает коммуникаторам добиться лучших коммуникативных эффектов.

Ключевые слова: речевой этикет, межкультурная коммуникация, коммуникативная неудача.

COMPARISON OF RUSSIAN AND CHINESE SPEECH ETIQUETTE IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

© **Sun Xuna**
Ph.D. Student,
People's Friendship University of Russia
Russia, Moscow
1161799398@qq.com

Abstract. The article is devoted to the problems of the communicative significance of speech etiquette in Russian and Chinese cultures. This article provides examples of typical differences in Russian and Chinese speech labels and provides recommendations on how to overcome them. The analysis of speech etiquette helps communicators to achieve better communication effects to a certain extent.

Keywords: Russian culture, Chinese culture, speech etiquette, intercultural communication, communicative failure.

Введение

Речевой этикет характеризуется идиоматичностью, национальной и социокультурной символикой. Системы речевых этикетов разных национальных культур существенно отличаются друг от друга. При межкультурной коммуникации собеседники не владеют двумя системами культур и речевых этикетов, поэтому различие культурного фона препятствует правильному, с точки зрения речевого этикета, взаимопониманию участников коммуникации и это ведет к коммуникативной неудаче.

Методология

В исследовании использовался, в основном, метод сопоставительного анализа при установлении сходств и различий употребления речевых этикетов в рус-

ском и китайском языках, что позволило достаточно широко рассмотреть разницы между культурами двух стран.

Результаты исследования

Разница в русском и китайском речевых этикетах

В одном и том же коммуникативном случае речевые этикеты, выполняющие одну и ту же функцию, например, приветствие и комплимент, выражаются по-разному в русской и китайской культурах.

Приветствие в русском языке - это в основном желание, в то время как приветствия в китайском языке - это скорее выражение заботы, которые принимают в виде "просьбы". Например, когда знакомые встречаются вечером, русские обычно приветствуют друг друга словами "Добрый вечер". Китайские говорят не "Добрый вечер", а "Вы пошли с работы?", "Вы уже поели?" Хотя буквальное значение или выражение приветствий в русской и китайской культурах сильно различаются, все они выполняют одни и те же функции. "Как дела?", "Как вы живете?", "Что нового?", в большинстве случаев, просто абстрактные вежливые приветствия без четкой цели. В китайском языке в качестве приветствия нормально спросить имя, возраст, брак, доход и т.д. Однако в русском языке опрометчивое задавание этих вопросов является нарушением неприкосновенности частной жизни и недопустимо. Таким образом, разница в приветствиях в межкультурном общении приведет к недопониманию другой стороной.

Обращения в русском и китайском языках сильно различаются. Личные имена более широко используются в русском языке, чем в китайском. В русском языке имена могут использоваться среди коллег, начальства и даже членов семьи. В Китае подчиненных начальству, младших старшим нельзя называть по имени. В русском языке форма "имя + отчество" указывает на уважение, а форма "имя" указывает на близость между знакомыми. В китайском языке люди, которые выражают торжественность, используют форму "фамилия + имя + товарищ", в то время как их можно называть по имени, когда они близки, или "Сяо + фамилия" или "Лао + фамилия".

В русском и китайском языках прощание очень разное. В русском языке, если людям приходится долго разлучаться, они используют "Прощайте", чтобы попрощаться, в китайском языке могут сказать "Береги себя" и "Увидимся позже" при аналогичных обстоятельствах.

В китайской культуре скромность - это своего рода добродетель. Каждое слово и каждое действие человека должны отражать скромное отношение. Только так китаец может соответствовать ценностным стандартам китайской культуры и плавно интегрироваться в социальный коллектив. Когда китайцев хвалят, они отвечают: "Я еще не очень хорош." Такой ответ, как правило, не вызывает неудовольствия у собеседников. Однако русские склонны принимать похвалу от других и отвечают "спасибо". Поэтому частота самоуничижения в русском языке намного меньше, чем в китайском.

Различие между глубинными уровнями русской и китайской культур

Этикет определяет все наше поведение. Это не только те правила, которым мы следуем за столом или в гостях, это вообще все нормы наших взаимоотношений [Формановская:1989:7]. Необходимо иметь четкое представление о глубоких культурных различиях между русским и китайским. Различия между русскими и китай-

скими речевыми этикетками отражаются в следующих шести аспектах: разная национальная психология, разные культурные обычаи, разность общественного сознания, разные взгляды на время и пространство, разница эстетики и ценности.

Россия и Китай по-разному психологически реагируют на определенные вещи или поведение. Например, в китайской культуре люди любят хвалить собеседника за крепкое здоровье, что русские очень ненавидят. Две этнические группы России и Китая вступают в вербальное общение с разными традиционными привычками. Из-за различий в общественном сознании разных этнических групп значение слов различно или реакция на одно и то же поведение различна. Например, в китайской культуре названия должностей и имена родственников более развиты, в то время как в русской культуре имена более развиты. Причина этого заключается в том, что традиционное китайское общество придает большое значение «этикету» и различиям в социальном ранге и социальном статусе. А русские имена отражают равенство в обществе.

Глубинная культура сама по себе представляет собой относительно целостный комплекс, включающий аспекты национальной психологии, эстетики, ценностей, времени и пространства. Она определяет формирование мировоззрения определенной этнической группы и единство культурных традиций. Глубокая культура нации обладает большой стойкостью и стабильностью, даже после превратностей судьбы и потрясений она все еще может сохранять свою самую важную и основную коннотацию, и она определяла характеристики нации на протяжении длительного периода истории.

Стратегия избавления от коммуникативных неудач

Неудачи из-за неправильного употребления речевого этикета могут разрушить межличностные отношения между китайскими и российскими партнерами по общению, а также повлиять и заблокировать плавный ход межкультурного общения. Поэтому мы должны принять решительные меры, чтобы преодолеть и избежать подобных неудач.

Прежде всего, для того, чтобы успешно выполнить задачу межкультурного общения, мы должны обладать соответствующими знаниями и умениями межкультурного общения. Судя по содержанию учебников на русском языке, используемых в настоящее время в различных университетах Китая, в обучении знанию русского речевого этикета есть два недостатка: один заключается в том, что оно недостаточно систематично, а другой - в отсутствии подробного ознакомления с условиями использования конкретного речевого этикета.

В реальном преподавании и практике курсы фокусируются на улучшении языковых навыков, но игнорируют развитие навыков применения языка, в результате студенты даже не знают, как правильно использовать речевые этикеты в практике общения. В связи с этим мы должны сосредоточиться на представлении и изучении приветствий, просьб, благодарностей, комплиментов и прощаний в русской культуре в категориях в соответствии со сценариями общения. И необходимо уточнить конкретные условия использования речевых этикетов.

Особенно важно усилить контраст между русскими и китайскими речевыми этикетками. Между русским и китайским языками есть сходства и различия в речевых этикетах. Посредством сопоставления мы можем четко представить различия, стоящие перед нами, что побуждает нас придавать этим различиям большое

значение. На основе обобщения большого количества конкретных фактических материалов мы должны выяснить различия в правилах речи и поведения между русским и китайским языками, скрытые за сложными речевыми явлениями, чтобы мы могли лучше понимать и овладевать двумя языками.

Различия в вежливых выражениях между русским и китайским языками отражают огромные различия между русской культурой и китайской культурой с точки зрения времени и пространства, ценностей, эстетики, культурных обычаев и общественного сознания. Усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком [Верещагин, Костомаров:1990:4]. Поэтому, чтобы иметь возможность иметь более существенное представление о различиях между русскими и китайскими речевыми этикетами, необходимо иметь более глубокое представление о соответствующей русской культуре. Если у нас будет четкое понимание русской культуры и культурных различий между русским и китайским языками, то мы сможем значительно снизить вероятность культурной миграции и прагматической миграции в условиях ее ограничений, тем самым уменьшая или избегая возникновения неудач в общении.

Во-вторых, необходимо приложить усилия для преодоления влияния национального этноцентризма. Национальный этноцентризм является психологическим фактором, который оказывает большее влияние на межкультурную коммуникацию. Под влиянием этого психологического фактора люди часто считают свою национальность центром мира, рассматривают культуру своей национальности как систему отсчета для других национальностей и используют культурные нормы своей собственной национальности, чтобы судить или оценивать поведение представителей других национальностей [贾玉新:1997:47].

Иногда мы четко понимаем специфические различия между русской и китайской культурами в определенном аспекте, но психологически не желаем использовать речевых этикетов в контексте русской культуры. Например, китайцы не желают говорить "спасибо" так часто, как русские, и не могут с готовностью принимать похвалу от других. Поэтому в межкультурном общении мы должны сознательно преодолеть идею этноцентризма.

Заключение

Итак, в межкультурной коммуникации чтобы избежать неудач из-за неправильного употребления речевого этикета, мы должны более тщательно изучать речевой этикет, более четко представлять себе разницу между китайским и русским речевыми этикетами и стараться преодолеть влияние национального этноцентризма.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Москва: Русский язык, 1990.
2. Формановская Н. И. Вы сказали: «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении). Москва: Знание, 1989.
3. 贾玉新 (1997). 跨文化交际学. 上海外语教育出版社.

Научная статья
УДК 394.912
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-235-238

**EXPLORATION OF IDEOLOGICAL AND POLITICAL CONSTRUCTION
OF FOREIGN LANGUAGE CURRICULUM
FROM PERSPECTIVE OF CHINESE CULTURAL IDENTITY**

© **He Jia**
Associate Professor,
School of Foreign Languages,
Changchun University of Technology
China, Changchun
24360276@qq.com

Abstract. From the perspective of Chinese cultural identity, the essay focuses on historical mission of the ideological and political construction of foreign language courses in colleges to help college students correctly establish the value identity of Chinese excellent traditional culture. This paper will explore the path of constructing the ideological and political construction of foreign language courses in colleges from three aspects: establishing the identity of cultural masters, establishing the awareness of cultural value identity, and improving behavioral ability.

Keywords: Chinese culture; Value identification; Ideological and Political Construction of Foreign Language Courses.

中华文化价值认同视域下高校外语课程思政建设探索

© **何佳**
长春理工大学外国语学院
长春
24360276@qq.com

【摘要】：中华文化价值认同视域下，帮助大学生正确树立对中华优秀传统文化的价值认同是高校外语课程思政建设的主要内容和历史使命，本文将从确立文化主人翁身份，树立文化价值认同意识、提高行为能力三个方面探索构建高校外语课程思政建设的路径。

【关键词】：中华文化,价值认同,外语课程思政建设

【基金项目】：课程思政视域下的大学英语教学设计研究（2022 年吉林省教育科学规划课题）

在浩瀚的历史长河中，纵观上下五千年我泱泱大国的优秀传统文化，凝聚着广大中华儿女的心血和结晶，包含风土人情、文学艺术、科技成果、思想流派等优秀的文明成果。中华文化是多元文化融通和谐共存的成果，渗透在各个时代发展演变的历史进程中，生机勃勃而又源远流长，是世界文明的重要组成部分。对中华文化的价值认同以及传承优秀的中华文化理念，将对发扬世界文明，造福全民族，造福全世界，造福全人类具有深远的意义和价值。当代大学生肩负着捍卫国家文化主权和文化利益的历史使命，因而高校外语课程思政建设要响应历史和人民的呼唤，坚持教育立德树人的宗旨，增

强中国文化价值认同，达到为国育才，传承中华优秀传统文化，培养当代大学生的人类命运共同体意识。

一、中华文化价值认同的内涵

习近平总书记在给南京大学留学归国青年学者的回信指出：“希望同志们大力弘扬留学报国的光荣传统，以报效国家、服务人民为自觉追求，在坚持立德树人、推动科技自立自强上再创佳绩，在坚定文化自信、讲好中国故事上争做表率，为全面建设社会主义现代化国家、实现中华民族伟大复兴的中国梦积极贡献智慧和力量！”对于当代大学生来说，明确文化价值，树立文化自信具有极其重要的意义和价值。

价值认同源自人与人之间差异化的社会交际沟通领域，是每个社会个体寻找自我社会属性认证的过程，人从“自我”开始，以自己的价值观和道德观作为衡量标准，来确定其在社会整个团体层面上是“同”或“异”。在这个过程中，人们通过外界的事物和其他人作为镜像来比照反思，寻找自己在社会关系中的定位。人在社会的汪洋中并不是孤岛，人与人之间存在着纽带和联系，。认同是由潜到显的过程，思想观念潜在于人脑中，认同在于将这种潜在的价值观念通过与他人进行比照，进行调整接纳，进而显现出来。认同的核心是价值认同，个体作为团体成员所拥有的情感和价值体验，人们总是认同那些与自己的利益、情感和信仰相一致或相近似的东西。对同一性的辨别和对身份感的追问，最终要落实到认同主体的价值判断上，即认同主体是否认可某种价值，赞成某种观点。社会主义核心价值观是“倡导富强、民主、文明、和谐，倡导自由、平等、公正、法治，倡导爱国、敬业、诚信、友善，积极培育和践行社会主义核心价值观”。结合了我国优秀的传统美德以及当代中华文明的深层价值观，是全党全社会的核心价值体现，也是中华民族批判继承人类一切文明成果的价值标准。社会主义核心价值观与中华文化并非截然分离的两种文化系统，而是紧密结合、有机统一的思想体系。大学生在高校学习阶段，正处于社会价值观形成的重要阶段，大学生文化价值认同是指对中华优秀传统文化和社会主义核心价值观的认同，是培养文化自信以及树立对中华文化认同价值观的重要阶段。

二、高校外语课程思政建设的内在要求及时代意义

高校外语课程思政建设要以立德树人，弘扬社会主义核心价值观为导向，以培养二十一世纪复合型人才为根本目标，以维护中华文化为核心。我国外语教育中文化价值认同主要体现在思想意识及思想道德价值观培养上对本国文化的高度认同，对世界文化遗产的充分认可和接纳。关于课程思政建设的内涵和性质，学术界存在着广泛的讨论，王学俭等专家认为课程思政的内涵应为立德树人的本质、协同育人的理念、立体多元的结构、显隐结合的方法和科学创新的思维。张敬源等主张当前关于课程思政的性质的主要观点：理念观、课程观、体系观及方法观。这几种观点并不是此消彼长，相互对抗的关系，而是从不同角度充分诠释了课程思政建设的内涵。教师的主导作用是课程思政建设顺利开展的关键，杨洋等提出外语教师提升课程思政能力的途径：更新课程思政的教学理念以及优化课程思政的教学设计和将教学反思融入教学实践。换言之，在实施课程思政的过程中，外语教师需要明确教学理念，采取有效的教学方法和教学手段，及时评估检验课程思政的教学效果并做出适时调整，建立完整的课程思政教学体系。

高校开展外语课程思政建设需在语言知识传授及语言能力培养的同时对学生进行价值观引领，教师需将外语课程思政贯穿教学的全过程。教师可以在教学过程的任何一个环节根据课程内容和教学安排融入课程思政元素。

在具体教育实践中，既包括对中华优秀传统文化的传承与创新，又包括对社会主义核心价值观等当代先进文化的吸收和运用，在此基础上，引导学生审辨性思考、批判性借鉴异域优秀文明成果，从而提高跨文化交际能力和中国文化对外传播能力，实现外语教育中文化安全的可持续发展，构建帮助学生树立正确的文化价值观的课程思政内容

体系，加强中华优秀传统文化的传承与对外传播、深化人类命运共同体意识的培养。中华优秀传统文化和美德是一个国家和民族的灵魂。加强高校外语课程思政建设，是不断满足人民群众日益增长的精神文化的需要，是促进经济社会发展的需要，对我国社会主义现代化建设进程的推进，加快社会经济发展，不断提升精神文化追求都具有深远的意义。

三、中华文化价值认同视域下高校外语课程思政建设的路径探索

高校外语课程是基于语言学科，辅助其他学科扩展国际交流的重要学科，不能仅停留在语言知识的习得，而应从中提炼出知识的价值认识和树立正确的文化价值观。在高校外语课程中让学生充分从知识的选择、习得、应用中获得个人判断能力，成就精神成长。把握中国文化根基、正确解决文化冲突是高级知识人才必备的能力。

(一) 深化课程思政方向：明确高校外语教学思政建设目的及意义

高校外语课程中融入思政元素，一定要结合具体课程内容，在教学目标(知识目标、能力目标、情感目标)的设定上进一步明确需要融入的思政点。第一、知识目标要进一步深度与国际最新科技动向接轨，文科类融入中国文化内容。传统外语教学的知识目标，更多地体现在对语音、词汇、语法、语篇等语言知识点的掌握与对目的语国家风土人情的了解上，课程内容侧重于外国文化，缺少中国元素，并且在文化比较和跨文化分析上缺少条理化规范化比对，极大地影响了文化价值观的培养。因此，外语课程要融入思政元素，讲中国故事，传播传统文化，解决以往教学过程中“就语言论语言”及“缺少文化对比”的教学目标设定的问题。第二、能力目标要体现价值引领。在以往的能力目标设定上，会较多地体现在单元技能培养、学习方法掌握、学习思路的拓宽，在文化价值引领方面重视不够，导致学生跨文化交际能力及文化价值认同不足。面对外语课程中大量的西方思想文化和价值观念，缺乏批判性思维能力必然会导致学生产生盲目崇拜心理，甚者会进入思想认识误区。因此，高校外语课程融入思政元素，需要解决以往教学中价值引领不充分的问题，既要引导学生尊重文化的多样性，也要培养他们敏锐的价值观辨识能力，树立正确的文化价值认同以及文化自信。第三、情感目标有待于进一步体现文化价值认同，引领学生树立正确意识形态方向。传统教学的情感培养目标设定，会较多地考虑学生审美层次提升、人文关怀精神培养、道德水平提高等，较少体现在民族文化价值认同培养、民族身份自信树立等方面，使得语言文化认同教育没有形成自我认同和主张。外语课程内容涉及对世界各国文化的认知和分析，如果一味地宣扬异域文化的优越性，必然会使学生的世界观和价值观发生蜕变，从而在有关国家主权、民族尊严等重大问题上认识不清、错误决定。因此，高校外语课程教学必须首先解决好文化价值认同问题，引导学生既学习了语言文化知识、又能坚定地做合格的社会主义事业接班人。

(二) 构建高校思政元素外语课程体系：培养具有文化价值认同感的新时代复合型人才

高校外语课程具有应用性与人文性并重的特色，因此，在外语课程体系构建中，专业性课程建设与人文类课程建设同等重要。除语言基础课程外，打造国际视野通识课程，一方面，构建“文化价值认同”特色课程群。打造以中华优秀传统文化、特色地域文化、跨文化比较、国际时事热点等课程为主的课程模块，以帮助学生系统地了解中国文化的精华及民族世界地位，消除母语文化空白；同时通过了解中国发展的历史以及国家乃至全球政策的现代主张和中国方略，帮助力学生坚定文化价值认同。另一方面，构建科学素养课程群。将文化传播以及科学概念基础导入等课程吸收进此模块，目的在于让学生在掌握外语技能同时，结合本专业知识，构建国际型科技人才框架，进一步提升中国的高精尖科研研究与世界先进水平接轨，以更好地实现外语教学的文化遗产与传播功能，筑牢文化价值认同理念。

(三) 开拓教学思路, 更新教学方法: 提升学生的文化审辨力

高校外语课程在学习过程中会大量涉及英美国家人文历史、价值观、思维模式等方面的内容, 教师在教学中应本着共时性、历时性、时代性和开放性等原则, 以听说、读写、思辨、创新为纲领, 运用对比的方法, 通过教学内容更新、线上线下混合式教学手段等方式培养学生的文化批判意识, 提升学生本国文化自信心、批判性思维能力。在语言上, 强调母语与外语的文学修养; 在文化上, 注重中国与外国的跨文化比较研究; 在思想观念上, 突出社会主义核心价值观与中国实际相结合的立场、观点与方法。教师在课程设计上, 要有针对性地选择与中国优秀传统文化元素相对应的部分, 引导学生运用中西对比的视角, 深入挖掘现象背后的本质, 在深刻领会中华民族优秀传统文化价值观和社会主义核心价值观的基础上, 对外国文化和思想取其精华, 去其糟粕, 引导学生成为兼具家国情怀与国际视野的新时代复合型人才; 鼓励和引导学生在外语学习中进行中外文化的双向传播, 在充分吸收他国文化的同时, 努力传播中华优秀传统文化, 做好文化的有效输出。青年学生选择通过这种民族文化的认同感, 将中国与世界串联, 这是青年一代在全球化语境之下做出的更为“敞开”的可能性, 这是对5000年文化传承之自信, 是对中华优秀传统文化的充分肯定, 是对其走出国门拥抱世界的希冀, 构筑起磅礴的中华文化之潮。

四、结语

高校外语课程思政是全方面多角度培养我国人才的重要方法, 重点在于如何将中华优秀传统文化、社会主义核心价值观、习近平新时代中国特色社会主义思想融入并渗透进课程建设的环节中。把握中国文化价值认同, 是高校外语课程之首要任务, 提升大学生的专业综合应用能力、跨文化交际能力的同时, 帮助学生用批判性眼光看待西方文化, 树立正确的社会主义核心价值观, 增强文化自信。

参考文献

- [1] 陈建强.南开大学:外语课融进思政教学[N].光明日报,2017-08-20(06).
- [2] 隗金成.当代中国文化自信的深刻内涵与动力源泉[J].人民论坛, 2016 (23)
- [3] 王学俭,石岩.新时代课程思政的内涵、特点、难点及应对策略 [J].新疆师范大学学报(哲学社会科学版),2020,41(2):50-58.
- [4] 吴玉军.思想政治教育中的价值认同问题[J].马克思主义与现实, 2016(2).
- [5] 杨洋,陈健,任志祎.外语教师课程思政能力的提升路径研究 [J].北华航天工业学院学报, 2021,31(5):42-44.
- [6] 张敬源,王娜.外语“课程思政”建设——内涵、原则与路径探析 [J].中国外语,2021,11(5):15-29.
- [7] 赵秋静.大学文化价值认同与大学生主体意识培养 [J].思想政治教育研究, 2013 (1)

Научная статья
УДК 398.91
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-239-240

**ЛЕКСЕМА «ЛУНА» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ
КИТАЙСКОГО И КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКОВ**

© **Чалбанова Карина Вячеславовна**
ассистент,
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Россия, г. Элиста
chalbanovakv@gmail.com

Аннотация. В статье приводится сравнение фразеологизмов с лексемой «луна» в китайском и калмыцком языках. Рассматриваются различные темы фразеологизмов с данной лексемой.

Ключевые слова: лексема «луна», фразеологизмы, китайский язык, калмыцкий язык.

**THE LEXEME «MOON» IN THE PHRASEOLOGICAL FUND
OF CHINESE AND KALMYK LANGUAGES**

© **Karina V. Chalbanova**
Teaching Assistant,
Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov
Russia, Elista
chalbanovakv@gmail.com

Abstract. The article compares phraseological units with the lexeme “moon” in Chinese and Kalmyk languages. Various topics of phraseological units with this lexeme are considered.

Keywords: lexeme “moon”, phraseological units, Chinese language, Kalmyk language.

Фразеологические единицы, являясь результатом переосмысления явлений действительности и отражая оценку и эмоциональное отношение носителей языка, вобрали в себя наибольшее количество национально-культурной информации. В них зафиксированы и нашли свое отражение менталитет народа, его уклад жизни, морально-нравственные нормы, отношения внутри социума – все то, что является предметом национальной культуры и участвует в формировании концептуальной картины мира, которая, материализуясь в языке, отражает языковую картину мира.

Реконструкция языковой картины мира осуществляется посредством исследования наиболее значимых, ключевых культурных концептов, отражающих национальные приоритеты и идеалы. Подвергаясь частично изменениям под воздействием исторических факторов, ключевые концепты вместе с тем сохраняют свою традиционную форму и значимость в языке на протяжении существования лингвокультурной общности, следовательно, они представляют «бесценные ключи к пониманию культуры».

Луна играет важную роль в жизни народов. Для китайского этноса луна – символ красоты, любви, с одной стороны, и символ таинственности, проблеска надежды, с другой (柳暗花明 – ивы тенисты, цветы яркие; в трудном положении видеть выход; луч света во тьме; проблеск (просвет) во мраке [положительная окраска]; 闭月羞花 – затмить луну и посрамить цветы (обр. в знач.: о невероятной красоте женщины) [положительная окраска]. Для калмыцкого этноса луна также является символом красоты и проблеска во мраке (Сэн күмни амнас Сар нарн харна - *От слов доброго человека светло на душе, Словно восходят солнце и луна; Одн олн болв чигн Сарин герл давуһар герлтдг – Хотя звезд много, Но лунный свет ярче их.*)

В китайском и калмыцкой лингвокультурах существует лексема «луна», являющаяся «константой» культуры, т.е. «концептом, существующим постоянно или, по крайней мере, очень долгое время как некий постоянный принцип культуры». Свидетельством культурной важности, ценности лексемы «луна» в китайском и калмыцком языковом сознании является достаточное количество фразеологических единиц: около 240 成语 (идиом) в китайском языке и около 50 фразеологических единиц в калмыцком языке.

Лексема «луна» отражает важные установки жизненной философии народа. В исследуемых фразеологических единицах отражаются морально-нравственные нормы и поведенческие ориентиры китайского и калмыцкого народов (Мергн нег бурушавчн сар мет девшх; Муңхг нег бурушахларн зул мет унтрх – *Если мудреца однажды осудят – все равно он взойдет как луна; Если глупца осудят – он погаснет словно свеча; Сэн күмтэ нөкрлвл сарин герл шинг, Му күмтэ нөкрлвл моһан хорлл шинг – Подружисься с хорошим человеком словно свет луны; Подружисься с плохим – словно яд змеи; 闭月羞花 – затмить луну и посрамить цветы (обр. в знач.: о невероятной красоте женщины) [положительная окраска]; 明月清风 – водить дружбу только с ветром и луной (обр. в знач.: а) осторожно дружить с другими; б) жить свободной жизнью)).*

Литература

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Москва: Языки русской культуры, 1999. 790 с.
2. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Научная статья
УДК 81-22
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-241-244

**RESEARCH ON THE REGISTER CHARACTERISTICS OF PAPERS
ON ENGLISH OPTICAL JOURNALS BASED ON MULTIDIMENSIONAL
ANALYSIS**

© **Zhang Yining**
School of Foreign languages,
Changchun University of Science and Technology
China, Changchun
zhangyining0829@163.com

Abstract. This study uses multidimensional analysis to analyze the register features of optical English texts. Research Findings: Optical English Corpus The use of nouns, long words, nominalization, phrasal clauses and passive structures in the library reflects the strong information, Information clarity and abstraction. past tense, perfect verbs, third person pronouns, public verbs, infinitives. The negative values of predictive modal verbs, persuasive verbs, conditional clauses and necessary modal verbs indicate their narrative, Persuasiveness is not obvious.

Keywords: Optical English, language features, multidimensional analysis, corpora, journal articles.

基于多维度分析法的英语光学期刊论文语域特征研究

© **张一宁**, 长春理工大学外国语学院,
长春市, 长春理工大学外国语学院
zhangyining0829@163.com

本研究使用多维度分析法分析光学英语文本的语域特征。研究发现：光学英语语料库中名词、长词、名词化、短语从句和被动结构的使用体现了文本较强的信息性、信息明确性和抽象性。过去时、完成体动词、第三人称代词、公众动词、不定式、预测性情态动词、劝说性动词、条件从句和必要型情态动词的负值说明其叙述性、劝诱性不明显。

关键词: 光学英语、语言特征、多维度分析法、语料库、期刊论文。

一、引言

随着国际学术交流与合作的日益加深，如何从语言层面提高中国学者的英文学术论文撰写质量成为众多语言学领域学者长期研究的课题。传统的研究多针对英语学术论文个别语言特征（如用词、时态、情态等）进行描述性分析，基于大规模语料的系统性学术英语语言特色量化分析较少。

1988年语料库语言学家 Douglas Biber 提出多维度分析法，此后的国外多维度分析法的研究主要集中于口语变异研究、专门用途英语和学术英语变异研究以及历时语域变异研究等（Connor-Linton 1988, Atkinson 1992, 1996, Conrad 1996, Csomay 2000, 2006, Carlin 2001, Biber & Finegan 2001, Biber 2001, Biber.etc 2002, Geisler 2002）。多维度分析

法的繁杂性制约了国内相关研究的进展,近年来仅限于学术语篇、商务语篇、翻译等少数语域的应用研究(雷秀云、杨惠中,2001;武姜生,2004;荣红,2007;桂诗春,2009;胡显耀,2009;潘璠,2010;肖忠华、曹雁,2014;江进林、许家金,2016;王立非、部寒,2018;张一宁等,2018)。虽说国内多维度分析法在学术语篇方面略显突出,但是对于某一学术领域的学术文本语言特征研究尚属少见。因此,本研究基于语料库采用多维度分析法分析中国学者撰写的光学学术英语文本的语域特征。

二、研究基础与研究方法

Douglas Biber (1995)的多维度分析法(MDA)通过自动识别技术来计算频率显著的67个词汇和语法特征,包括7个维度:维度1“交互性/信息产出”:标记语篇的信息传递是否指示代表情感的、交际的内容还是高信息量和精确的信息内容;维度2“叙述性/非叙述性语篇”:标记语篇的表述特征。叙述性文体叙述性明显,非叙述性文体更具有描述性和说明性;维度3“所指明确/所指依赖情景语篇”:即不依赖文本情景的指称对应依赖语境的指称;维度4“明显的劝诱”:标记劝诱的程度;维度5“抽象/非抽象语体”:标记语篇风格是否抽象、专业、正式,其中被动结构是典型的抽象特征;维度6“实时信息明确”:区分实时情况下传递信息的语篇与其他类型语篇;维度7“学术性模糊表达”。但是基于实际语料研究,Biber指出第7个维度“学术性模糊表达”的数据较为稀疏,自动识别技术所体现的语言特征不够明显,往往不做分析。

我们选取《高功率激光科学与工程》、《中国光学学报》和《光子学研究》3本被SCIE收录的国内光学领域权威英文期刊中的100篇论文自建中国学者光学英语语料库。基于多维度分析法、使用多维分析工具(MAT)、针对文本中的各维度相应的词类、句法结构、语义类型、词汇-语法类型等语言特征进行分析,从量化角度研究语言特征在构建学术话语和实现相应交际功能的途径。由于本研究旨在分析书面学术英语,维度6“实时信息明确”维度不列为研究的维度范围。

三、结果与讨论

3.1 维度1:交互性/信息产出特征

数据显示光学英语语料库中,积极语言特征的均值大多数为负值(其中仅定语从句为正值),其中私人动词(-0.45)、第一人称代词(-0.81)、第二人称代词(-0.72)使用频率较低,这表明交互性不是光学英语的主要特征。用于提问和发表态度性评论的疑问词和一般性强调词主要在交际语篇之中,光学英语语料库中疑问词(-0.30)和一般性强调词(-1.10)的使用频率值偏低,凸显其交互性的缺失。在维度1上各个特征的负值表明文本呈现概括性信息和高信息密度。

此外,维度1的消极语言特征的均值均为正值(名词,3.32;词长,1.31;介词,0.45),当因子负荷值的绝对值大于0.45时该语言特征为典型语言特征。这些典型性特征在光学英语语料库中的大量出现表明了文本的信息高密度特征。名词和介词的使用将大量信息和文本融合,尽可能准确地呈现信息,其中大量长词的出现更突出词汇选择的精确性,较好地传达了具体意义

需要指出的是,在这些积极特征中,光学英语文本中定语从句的均值为7.77。定语从句的主要功能在于发表表明态度的评论(Biber,1995),由于其与所展示信息的松散关系,这一语言特征在常出现口语体裁中。Conrad和Biber(2001)指出在书面语中定语从句多出现在新闻和小说中用来详细指称文本中的对象。光学语料库中定语从句的高频使用说明中国学者对此类从句语用交际功能知识的不足,我们希望通过研究引起中国学者对其功能的了解和重视(张一宁等,2018)。

3.2 维度 2: 叙述性和非叙述性

维度 2 呈现叙述性和非叙述性文本特征。这一维度上相关变量的低维度值表明文本具有非叙述性, 而高维度值则表明文本具有叙述性。光学英语语料库中所有积极特征的均值较低。除现在分词从句 (0.47) 外, 光学英语语料库的积极特征 (过去时动词-0.91、第三人称代词-1.28、现在完成体动词-1.1、公众动词-1.03、合成否定-0.78) 均值皆为负值, 这意味着光学英语语料库中文本的叙述性较弱。过去时、完成体动词、第三人称代词以及公众动词是能够代表叙述文本的最重要语言特征, 叙述性语篇高度依赖这些语言特征。光学英语语料库中除在描述实验方法中使用一般过去时外, 其他体现叙述性的语言特征较少出现, 即便是使用一般过去时, 光学英语文本也不采用对过去的事件的线性描述, 这些特征的缺失表明了文本的非叙述性。

3.3 维度 3: 所指明确/所指依赖情景特征

维度 3 主要区分语境独立语篇与语境依赖语篇。该维度上低值表明该文本依赖于上下文的语境, 高值则表明该文本独立性较强。

关系从句结构和介词随伴结构在文本中都起到明确且详细地描述、指代某一事物的作用 (Biber, 1995), 体现较强的语境依赖性。数据显示光学英语语料库中 Wh-引导的关系从句结构 (-0.82)、随伴结构 (-0.27) 的标准频率均为负值, 均为非典型性特征, 说明上下文之间不具有较强的相互依赖关系。

在这个维度的消极特征包括用来指称语篇发生的时间和空间背景的时间和地点状语。时间状语和地点状语通常起到指示作用 (Conrad&Biber, 2001: 33), 具有较强的语境依赖性。学术英语语料库中消极特征的数值较低 (时间副词-1.13, 地点副词-0.32), 这表明了光学学术英语文本的指称明晰性, 说明其信息对于语境的依赖程度较低。

3.4 维度 4: 明显的劝诱特征

维度 4 主要查看文本是否具有明显的劝诱特征。若在该变量上分值较高则表明该文本明确表达作者的观点以及他们对某种可能性和/或确定性的评估, 而分值较低则具有相反的特征, 其中情态动词等具有明显的劝诱特征。

数据显示光学学术英语文本中包括不定式 (-1.15)、预测性情态动词 (-0.94)、劝诱性动词 (-0.13)、条件从句 (-0.98) 必要型情态动词 (-0.77) 和分裂式结构 (-0.78) 在内的所有积极特征的因子分值均为负值, 这表明文本的劝诱特征不明显。值得一提的是, 不定式是光学英语语料库中维度 4 数值最低的语言特征。作为形容词、动词的补语, 不定式常常出现在用于表达作者态度和观点的形容词和动词之后, 具有很强的态度和立场明示作用, 中国学者很少使用不定式表达劝诱和立场。

3.5 维度 5 抽象/非抽象语体

维度 5 主要研究抽象及非抽象语体特征。若在该变量上分值较高则表明该文本以专业的、抽象的和正式的方式传达信息, 若分值较低则具有相反的特征。如果在该维度上分值较高则意味着相较其他语言特征而言, 该文本中存在更多的被动结构。

数据显示, 光学英语语料库中所有积极特征的分值均为正值 (连接词, 2.01; 无施动被动结构, 1.4; 过去分词状语从句, 2.98; BY 被动结构, 2.23; 过去分词定语从句, 0.51; 其他状语, 0.49)。BY 被动结构和无施动被动结构是抽象性的标志性语言特征, 使文本具有一种非主观、非个人的风格。连接词、过去分词引导的状语从句以及 By 被动结构在光学学术英语语料库中均为典型性特征。这些结构的使用明显使得语篇中句子之间的逻辑关系在形式上更加正式, 在内容上更加的具有专业性和非抽象性。

四、结论

通过分析发现光学学术英语语料库中的文本体现较强的信息性（如名词、词长的高均值）、信息明确性（如名词化的高均值）和抽象性（过去分词状语从句、被动结构的高均值）。但是值得一提的是体现交互性的定语从句均值过高，体现劝诱和立场的不定式使用较少。我们希望通过对于光学学术英语的语域研究帮助中国学者和学生更好地了解相关领域学术文本写作中语言特征及其发展趋势，撰写高质量论文符合国际学术写作规范、进而参与国际学术社区交流，发出中国声音。

参考文献

- [1] Biber, D. *Variation across Speech and Writing* [M]. Cambridge: CUP, 1988.
- [2] Biber, D. *Dimensions of Register Variation: A Cross-linguistic Comparison* [M]. Cambridge: CUP, 1995.
- [3] Conrad, S., &Biber, D. Multi-dimensional methodology and dimensions of register variation in English. In S. Conrad, S., &Biber, D(Eds.), *Multi-dimensional Studies of register variation in English*. Harlow: Pearson Education,2001.
- [4] 张一宁, 孙彩慧,李晔.中外语言类期刊高被引论文英文摘要语言特征多维分析[J].外语电化教学, 2018(4):64-71.

Научная статья
УДК 81'22
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-245-252

**ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ СОВМЕСТНОГО ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЕКТА
СТУДЕНТОВ РОССИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ВУЗОВ:
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ**

© **Шимберг Светлана Станиславовна**
кандидат филологических наук, доцент,
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
Россия, г. Санкт-Петербург
shimbergs@mail.ru

© **Бадархаев Дмитрий Владимирович**
преподаватель факультета русского языка и литературы,
Чанчуньский политехнический университет
КНР, г. Чанчунь
marklarmd@gmail.com

Аннотация. В данной статье обобщен опыт реализации образовательного проекта по переводу аудиовизуального текста с китайского на русский и с русского на китайский. В результате реализации проекта были выделены две группы трудностей, связанных с межкультурным аспектом коммуникации. В статье представлен алгоритм работы по переводу, даны рекомендации по организации рабочего процесса, описаны конкретные примеры культурных барьеров и способов их преодоления.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; перевод аудиовизуального материала; перевод с китайского на русский; перевод с русского на китайский; культурный барьер, культурная адаптация.

**FROM THE EXPERIENCE OF A JOINT RUSSIAN-CHINESE UNIVERSITY
STUDENTS' TRANSLATION PROJECT:
CROSS-CULTURAL ISSUES**

© **Svetlana S. Shimberg**
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Pushkin Leningrad State University
Russia, St. Petersburg
shimbergs@mail.ru

© **Dmitry V. Badarkhaev**
Lecturer at the Department of Russian Language and Literature,
Changchun University of Science and Technology
China, Changchun
marklarmd@gmail.com

Abstract. This paper summarizes the experience of realization of an educational project for the translation of audiovisual text from Chinese into Russian and Russian into Chinese. As a result of the project, two groups of difficulties related to the cross-cultural aspect of communication were distinguished. The article introduces the algorithm of translation pro-

cess, gives recommendations on the organization of the workflow, describes specific examples of cultural barriers and ways to overcome them.

Keywords: cross-cultural communication; translation of audiovisual material; translation from Chinese to Russian; translation from Russian to Chinese; cultural barrier, cultural adaptation.

Национально-культурный компонент играет большую роль в межкультурной коммуникации. Детальная проработка культурного и языкового материала, представленного в аудиовизуальных материалах (кинофильмы, мультфильмы), обеспечивает глубокое понимание студентами культурных реалий, ценностей, поведения представителей иностранной культуры [1, с. 51–52].

Такие аудиовизуальные материалы, как кинофильмы и мультфильмы давно стали частью учебного процесса, в частности, их используют при обучении иностранным языкам. Поэтому исследований и разработок по использованию фильмов на занятиях существует большое количество. Проанализировав литературу, связанную с использованием фильмов на занятиях по русскому языку как иностранному, мы пришли к выводу, что авторы этих работ своей целью видят обучение лексике и грамматике [2, 6], особенностям современной разговорной речи [3, 4, 5], аудированию [5], а также формированию коммуникативной компетенции [6]. В редких статьях рассматривается применение лингвокультурного подхода в обучении и уделено некоторое внимание крылатым выражениям из фильмов [8].

Являясь неотъемлемой частью социализации личности, знакомство с культуросодержащим кинофондом страны изучаемого языка представляет собой усвоение закрепленного обществом в истории своего развития и, как и сама социализация, проходит как «двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, в систему социальных связей, а с другой – активное воспроизводство этой системы индивидом в его деятельности» [7, с. 37].

Как утверждают многие исследователи, эффективность коммуникативного взаимодействия определяется наличием общих знаний и общего опыта их интерпретации, и поэтому: «процесс овладения «чужими» речевыми средствами, должен сопровождаться усвоением «чужой» культуры [9, с. 289].

Как утверждает Тер-Минасова, «трудности, возникающие при межъязыковой коммуникации, могут быть как явными, так и неявными, скрытыми и поэтому более опасными». Одной из таких трудностей является «конфликт между культурными представлениями разных народов о тех предметах и явлениях реальности, которые обозначены «эквивалентными» словами этих языков. Эти культурные представления обычно определяют появление различных стилистических коннотаций у слов разных языков» [10, с. 57–58].

Для восприятия учащимися языка как средства межкультурного взаимодействия нужно знакомить их с фактами страноведческого характера, «но искать способы включения их в активный диалог культур. Учащиеся должны на практике познавать особенности функционирования языка в новой для них культуре» [11, с. 78].

С этой целью в 2020 и 2021 годах дважды был реализован российско-китайский образовательный проект, в ходе которого студенты Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (г. Санкт-Петербург), обучающиеся по направлению «Лингвистика» (профиль «Перевод и переводоведение») и изучающие китайский язык в качестве второго иностранного, и их сверстники, студенты направления «Русский язык и литература» Чанчуньского политехнического университета (г. Чанчунь, КНР), вместе работали над переводом аудиовизуальных произведений. В 2020 студенты переводили семь серий китайского детского мультсериала «Туту Большие Уши» (大耳朵图图) на русский язык, а в 2021 – семь серий российского мультсериала «Просто о главном. Про Миру и Гошу» на китайский язык.

Кураторами проекта выступили авторы статьи: С.С. Шимберг с российской стороны и Д.В. Бадархаев – с китайской. Важным было то, что студенты работали в смешанных мини-группах, в состав которых входили по два-три человека из российского и из китайского вуза. Среди задач проекта были не только усовершенствование языковых и коммуникативных навыков участников, углубление знаний о культуре страны изучаемого языка, формирование навыков перевода и редактирования, но и установление личных контактов представителей двух стран.

В данной статье мы представим некоторый накопившийся в ходе реализации проекта опыт, связанный с межкультурным аспектом коммуникации. Прежде всего, этот опыт можно разделить на две группы: 1) культурные барьеры, встретившиеся при понимании и переводе аудиовизуального материала и 2) межкультурные аспекты коммуникации самих студентов-участников проекта.

Учет и анализ культурных барьеров первой группы проводили сами студенты: им было предложено по ходу работы заполнять таблицу, в левой колонке которой помещать субтитр на языке оригинала, в средней – субтитр на языке перевода, а правую колонку посвятить лингвистическому и культурологическому комментарию, объяснению сложных для понимания и перевода мест. В конце проекта, по прошествии двух месяцев, каждая группа должна была подготовить презентацию для выступления на отчетной конференции, что заставило студентов еще раз обдумать и обобщить свой опыт.

Алгоритм работы был такой: после распределения по мини-группам студенты знакомились со своими сериями, составляли скрипты к ним (этим занимались те, для кого язык и культура мультфильма были родными), проводили предпереводческий анализ (определяли целевую аудиторию и жанр оригинала и перевода) и приступали к переводу. В процессе они списывались или созванивались в видеоконференциях, чтобы обсудить трудные для понимания слова, фразы, ситуации из фильма. Такой подход к работе переводчика можно образно назвать работой «спина к спине», когда над переводом одного фильма вместе трудятся как представители исходной культуры, так и носители языка перевода. В нашем случае, например, в 2020 году китайские студенты выступали в качестве знатоков своей родной культуры, которые разъясняли российским коллегам сложные для понимания места оригинала – имена, пословицы и афоризмы, культурные реалии и аллюзии, а российские студенты работали как профессиональные переводчики и редакторы русского текста субтитров. Работа «спина к спине» представляется

особенно эффективной в том случае, когда в контакт вступают две неродственные и далекие друг от друга культуры, как, например, русская и китайская.

Вот несколько примеров культурных барьеров, с которыми столкнулись студенты при переводе мультсериалов, и выбранные средства их преодоления.

Реалии быта

В одной из серий китайского сериала у молодой пары спрашивают: 那我们什么时候可以吃你们的喜糖呢? Российские студенты сначала перевели дословно «Когда же мы получим свадебные конфеты?», однако получили разъяснения от китайской стороны о том, что конфеты в Китае принято присылать в качестве приглашения на свадьбу. В результате в переводе была произведена эксплицирующая замена: «Когда же мы получим приглашения на свадьбу?». Реалия 压岁钱 (букв. «счастливые деньги») была переведена описательно как «деньги, которые тебе дарили на Новый год». А вот в отношении игры го пришлось применить адаптационный перевод и заменить эту важную для китайской культуры игру на «шахматы», иначе российскому зрителю была бы совершенно непонятна ситуация (чем так гордится мать шестилетнего мальчика, побеждающего в турнирах по го?) и трудно было бы добиться комического эффекта, когда ее собеседница в ответ заявляет, что ее шестилетка прекрасно играет в крестики-нолики (в оригинале 跳棋 – шашки).

Адаптацию использовали и китайские студенты, когда столкнулись с российской реалией «чай с малиной» в качестве лекарства от простуды. Они решили передать ее как «чай с имбирем», поскольку малину в Китае практически не знают и уж точно не используют в лечебных целях.

Имена и обращения

Особую трудность при переводе всегда представляют имена собственные и культурные особенности обращения к людям в разных социальных контекстах. Для российских студентов было непросто даже выделить имена некоторых персонажей в потоке речи. Так, отца главного героя китайского мультфильма зовут 英俊 (Ин Цзюнь), и вот что сказали по этому поводу студенты: «У этого сочетания иероглифов имеется соответствие в русско-китайском словаре – «красивый (о мужчине); способный, талантливый человек», что может сбить переводчика с толку и заставить его думать, что перед ним не имя, а простое слово либо ласковое обращение жены к мужу (например, как в русском «дорогой», «любимый»). В данном случае выявить ошибку изначальной интерпретации помогло объяснение носителей, а также тот факт, что позднее в субтитрах таким же образом к герою обращается его тесть. Более того, в мультфильме папа часто называет свою жену по имени, так что мы предположили, что и она может поступать так же».

По-разному подошли переводчики к китайскому обращению 哥哥 – букв. *старший брат, братец* (обращение к мужчине старше говорящего, но одного с ним/ней поколения). В китайском сериале дети в детском саду так обращаются к своему молодому воспитателю Цзян Кану. Одна часть российских переводчиков решила перевести обращение как «брат Цзян Кан», посчитав, что таким образом дети показывают свое доверительное отношение к нему. Другая группа предпочла заменить обращение на более уместное с точки зрения русской культуры

«воспитатель». Опусшению подверглись нетипичные с точки зрения русской культуры обращения к женщине с использованием формы «мама Туту» или «мама Яньяна».

Прецедентные имена и высказывания

Несмотря на то, что материал перевода представлял собой аудиовизуальную продукцию, рассчитанную на самую юную аудиторию (0+), в нем встретились прецедентные феномены. Так, в китайском сериале мальчик сравнивает геометрическое тело «цилиндр» с посохом Сунь Укуна. Российские студенты поняли, что речь идет о персонаже литературного произведения «Путешествие на Запад», но они не знали, что Сунь Укун хорошо знаком в Китае каждому ребенку. Получив это пояснение от китайских коллег, они встали перед переводческой трудностью: как поступить в переводе? Ведь это имя ничего не говорит русскому ребенку. Было предложено две стратегии: умеренно-форенизирующая (заменить имя героя на его более понятное прозвище: «посох Царя обезьян») и доместицирующая (замена на посох Деда Мороза).

При переводе российского сериала китайские студенты встретились с прецедентным высказыванием «Тили-тили тесто, жених и невеста!», которое восходит к традиционным русским припевкам как части свадебного ритуала. После разъяснений российских студентов было принято решение перевести контекстуально и заменить первую часть фразы на изображение смеха (букв. «Хи-хи-хи, жених и невеста!»), т. к. в мультфильме эта фраза используется как детская дразнилка.

Культурные особенности поведения

В любой межкультурной коммуникации особое удивление у участников вызывают не лингвистические расхождения или прецедентные феномены (они ожидаемы), а различия в поведении людей, основанные на специфических ценностях каждой культуры. В нашем проекте российские студенты обратили внимание на то, как в мультсериале о детях дошкольного возраста красной нитью проходит идея о необходимости быть готовым к жесткой социальной конкуренции. В одной из серий дети готовились к специальному дню, когда родители, которые обычно очень сильно беспокоятся из-за успеваемости детей, приходят в детский сад, чтобы ознакомиться с результатами обучения детей и пообщаться с учителями и воспитателями. В китайском языке он носит название, которое буквально переводится как «день пропаганды отношений между родителями и детьми». В русском переводе было решено использовать смягченно-адаптированный вариант «день открытых дверей». Продолжив общение на эту тему в личном формате, китайские студенты спрашивали своих сверстников из России о том, вмешиваются ли родители в процесс обучения, контролируют ли оценки. «У китайцев родители контролируют все оценки, нанимают репетиторов по всем предметам, записывают ребят на секции. Когда я созванивалась с ребятами из моей группы, они тоже всегда были на дополнительных занятиях в школе (секции, кружки). У нас в России такое происходит не в каждой семье, поэтому мы сделали вывод, что это из-за сильной конкуренции».

Удивила российских студентов и речевая тактика самовосхваления, которая, как они выяснили, практикуется китайскими женщинами и считается привлекательной для мужчин.

В ряде случаев российские переводчики считали необходимым корректировать речевое поведение детей в китайском сериале. Так, в одной из серий дети выбирают комиксы, которые им хотелось бы почитать. Один ребенок выбирает комикс про бегемотика в желтых штанишках, Туту – про щенка в зеленой одежде, а девочка решает почитать «про обезьянку без одежды/ которая не носит одежду» (那我就来看那本什么都不穿的猴子吧). Вот комментарий российских студентов: «При переводе было убрано выражение «без одежды / которая не носит одежду» во избежание неудобных ситуаций, поскольку в китайском менталитете подобные словосочетания уместны, особенно из детских уст, однако для русского читателя прямой перевод (какой предложили китайские студенты – «обезьяна без одежды» и тем более «голая обезьяна») может показаться неуместным». Итоговый вариант перевода: «Тогда я хочу про обезьянку». Другой пример «неуместности» был связан с ситуацией в мультфильме, когда мама мальчика наряжается в новую модную одежду и ребенок говорит: 以为妈妈想要到别人家当妈妈呢! (букв. «Полагаю, мама хочет стать мамой в другой семье»). Российские студенты обратились за разъяснениями к китайской стороне и узнали, что Туту имеет в виду, что мама так нарядилась, потому что хочет выйти замуж за другого мужчину. Сочтя, что подобная фраза будет странно звучать в этой ситуации, особенно из детских уст, российские переводчики заменили ее на «Я подумал, что это чужая мама».

Помимо проблем межкультурной коммуникации, вырвавшихся из специфики материала перевода, студенты сталкивались с проявлениями культур друг друга непосредственно в процессе совместной работы. Прежде всего, им предстояло познакомиться. Для этого кураторами была организована общая видеоконференция, на которой каждому студенту была дана возможность представиться и кратко рассказать о себе на изучаемом языке. Нужно сказать, что большой удачей стало то, что к проекту удалось привлечь (с обеих сторон) именно третьекурсников, поскольку у этих студентов уже сформировались начальные навыки владения иностранным языком, к тому же у сверстников нашлось много общих интересов. Преодолев языковые, временные и технические препятствия, студенты смогли наладить свое общение, причем не только на тему полученного задания, но и по личным вопросам. Самыми популярными темами для общения стали музыка и еда (что, видимо, лишний раз подтверждает, что эти две сферы человеческой культуры волнуют всех и способны «растопить лед» в коммуникации). Китайские студенты с удивлением узнали, что у российской молодежи корейская поп-музыка столь же популярна, как и у них, а вот чипсы из нори в России мало кто ест.

На итоговой конференции китайские студенты не скупались на комплименты своим российским коллегам, называя их не только отзывчивыми, умными и активными, но и «очень красивыми», что российских участников несколько смутило, но, несомненно, тронуло. Российские студенты позже признались кураторам, что были поражены, как эмоционально реагировали китайцы на то, что россияне говорили по-китайски: «Они смеялись (не в плохом смысле, а скорее от умиления), показывали пальцы вверх или прямо говорили, что мы молодцы. Одна из китайок постоянно говорила 这么可爱 («Как миленько!»). Это общая чер-

та у многих китайцев – удивление от того, что кто-то говорит на их языке. Еще они очень громкие, если они собирались группой, было много шума».

Российские студенты обратили внимание на то, что китайцы, говоря по-русски, называли их «товарищами», и не в шутку, а в качестве замены слову «друзья». Одна из российских участниц, узнав, что ее китайская подруга активная коммунистка, удивилась, потому что, по ее словам, «у нас мало кто из студентов занимает какую-то конкретную политическую позицию».

В сознании российских студентов, по их словам, подтвердился стереотип об ответственности и дисциплинированности китайцев. «Когда мы договаривались о выполнении каких-то заданий, китайские студенты всегда делали все в срок, всегда были готовы к работе над ошибками. Они очень трудолюбивые, были готовы брать еще больше заданий и помогать нам с нашими отрывками. Нам в этом плане есть чему у них поучиться».

Студенты из обеих стран отметили, что благодаря участию в проекте они получили ценный опыт коммуникации с иностранными партнерами для решения конкретной практической задачи. Они научились выстраивать мосты между культурами через перевод. Кроме того, им удалось завязать теплые дружеские отношения друг с другом, что означает, что великие культуры России и Китая стали немного ближе.

Таким образом, в ходе реализации переводческого проекта был апробирован способ включения представителей двух стран в активный диалог культур посредством постановки общей задачи. Выявлены трудности, связанные с межкультурным аспектом коммуникации на уровне перевода и на уровне общения студентов-участников проекта. Подтверждена продуктивность работы «спина к спине», в результате которой достигается адекватность перевода и культурная адаптация исходного аудиовизуального текста.

Литература

1. Бадархаев Д. В., Крупенникова Ю. Е. Прецедентные феномены русской культуры на занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник Российского нового университета. Сер. «Человек в современном мире». 2020. Вып. 1. С. 51–58.
2. Бегийович О. С. Кино в обучении иностранным языкам // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. 2009. № 2 (135). С. 75–77.
3. Ван Вэнь Ли. Обучение китайских студентов русской разговорной речи (на материале кинофильма «Питер FM») // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 102. С. 135–138.
4. Воробьева Г. В., Батурина Л. А. Язык кино в обучении иностранцев русской речи // Высшее образование в России. 2012. № 6. С. 165–167.
5. Молчанова Н. С. Обучение аудированию на уроке русского языка как иностранного с использованием российских кинофильмов // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2016. № 2 (62). С. 83–87.
6. Назаренко Е. Б., Халявина Д. В. Современные фильмы на уроках РКИ. «Питер FM» // Русский язык за рубежом. 2014. № 2 (243). С. 41–47.
7. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Москва: Высшая школа. 2005. 309 с.
8. Самойлова И. Ю. Русские фильмы на уроках РКИ // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры: материалы X Международной научно-практической конференции. 2016. № 10. С. 432–434.

9. Синячкин В. П. [и др.] Лингвокультуроведческие аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка: учебное пособие / под редакцией В. М. Филиппова. Москва: Изд-во РУДН, 2008. С. 4–22.

10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Москва: Слово. 2000.

11. Фэн Шисюань, Линь Тин, Балобанова Л. А. Особенности межкультурной коммуникации в обучении русскому языку китайских студентов // Известия Восточного института. 2015. № 2 (26). С. 70–74.

ЛИТЕРАТУРА КИТАЯ

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-253-258

О ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Л. Е. ЧЕРКАССКОГО

© Лю Чжицян
кандидат филологических наук, доцент,
Научно-технический университет Цзянсу
Чжэньцзян, Китай
liuzhiqiang@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается поэтическое творчество выдающегося российского синолога, известного китайской литературы Леонида Евсеевича Черкасского (1925–2003), который внес большой вклад в развитие русско-китайских литературных связей и активно популяризировал китайскую поэзию и прозу в России. Анализируются «Стихи о Прекрасной Даме и об Одном Господине» (1996), написанные в соавторстве с поэтессой Л. Е. Дымовой, – произведение оригинального и редкого формата, где одна ситуация рассматривается как со стороны женщины, так и со стороны мужчины. Рассматривается композиционная структура книги в целом, проводятся сравнения высказываний поэтов. Автор обращает внимание на многогранность деятельности Л. Е. Черкасского, отмечает его заслуги не только как переводчика, но и отдельно подчеркивает его поэтические способности.

Ключевые слова: переводная литература, Черкасский Л. Е., Дымова Л. Е., Цао Чжи, Гу Юй, русско-китайские литературные связи, мужская поэзия, женская поэзия.

ABOUT THE POETIC WORK OF L. E. CHERKASSKY

© Zhiqiang Liu
Candidate of Philology, Assistant Professor,
Jiangsu University of Science and Technology
Zhenjiang, China
liuzhiqiang@mail.ru

Abstract. The article reveals the poetic work of the outstanding Russian Sinologist, famous Chinese literature Leonid Evseevich Cherkassky (1925–2003), who made a great contribution to the development of Russian-Chinese literary relations and actively popularized Chinese poetry and prose in Russia. “Poems about a Beautiful Lady and One Gentleman” (1996), written in collaboration with the poetess L. E. Dymova, are analyzed - a work of an original and rare format, where one situation is considered both from the side of a woman and from a man. The compositional structure of the book as a whole is considered, and comparisons are made between the statements of poets. The author draws at-

tention to the versatility of the activities of L. E. Cherkassky, notes his merits not only as a translator, but also separately emphasizes his poetic abilities.

Keywords: translated literature, Cherkassky L. E., Dymova L. E., Cao Zhi, Gu Yu, Russian-Chinese literary ties, male poetry, female poetry.

Леонид Евсеевич Черкасский (1925–2003) – авторитетный специалист в области русско-китайских культурных связей. Его знают в России и за ее пределами большей частью как литературоведа, литературного критика и издателя-просветителя, и в первую очередь – как теоретика и мастера поэтического перевода. Черкасскому-ученому принадлежат ставшие известными труды, посвященные изучению китайской литературы [4, с. 615–616]. Черкасский-переводчик познакомил русских читателей с творчеством многих китайских поэтов: средневековых, писавших на языке *вэньянь*: Цао Чжи (曹植, 192–232), Ло Биньвана (骆宾王, 638–684), Оуян Сю (欧阳修, 1007–1072), Су Ши (苏轼, 1036–1101), и нового времени, писавших на разговорном языке *байхуа*: Хуан Цзуньсяна (黄遵宪, 1848–1905), Цю Цзинь (秋瑾, 1875–1907), Су Маньшу (苏曼殊, 1884–1918), Вэнь Идо (闻一多, 1899–1946), Го Можо (郭沫若, 1892–1978), Цюй Цюбо (瞿秋白, 1899–1935), Сюй Чжимо (徐志摩, 1897–1931), Ай Цина (艾青, 1910–1996) и многих других.

Поэтические переводы, выполненные Черкасским, безусловно, обогатили как русскую, так и китайскую литературу. В диссертационном исследовании [3, с. 189] мы пришли к выводу о том, что Черкасский сумел добиться высокой степени адекватности переводов оригиналу. Он сохранил основные параметры стиховой организации оригинальных произведений (строфики, поэтических строк, рифмической организации), их национальный колорит и общее смысловое содержание. В результате анализа работ, выполненных Черкасским, типологическую разновидность его переводческой рецепции мы определили в соответствии с типологией поэтического перевода, разработанной Р. Р. Чайковским и Е. Л. Лысенковой [5, с. 194], как *перевод-вариацию*.

Однако, несмотря на уникальность выполненных Черкасским переводов китайской поэзии и многогранность его творческой деятельности, изучение творческого изыскания Черкасского вовсе не прекращается, в частности, вопрос о поэтическом наследии Черкасского до сих пор остается неизученным.

О поэтическом таланте говорил известный китайский русист, поэт-переводчик, профессор Нанькайского университета Гу Юй. В статье «Юмор переводчика поэзии» Гу Юй отметил, что «Черкасский не только переводчик китайской поэзии, но сам является юмористическим поэтом» [6]. Черкасский впервые представил свои стихи в книге «Стихи о прекрасной даме и об Одном господине», вышедшей в 1996 г. в соавторстве с известной российской поэтессой и переводчицей – Лориной Евгеньевной Дымовой (род. 1939).

Прежде всего, необходимо отметить отношения между двумя поэтами. Черкасский сыграл огромную роль в жизни Дымовой, он помог ей удержаться на литературной почве. По словам Л. Е. Дымовой, «Леня Черкасский, мой большой, мой верный и вечный друг, помню только хорошее – его благородство, порядочность, талант, остроумие» [см.: 1]. В трудное для Дымовой время Черкасский

щедро поделился с ней своими деловыми связями и знакомствами, помог опубликовать переводы в престижном журнале – «Иностранная литература», где Черкасский регулярно печатал переводы китайских авторов. Очень важно и то, что у них совпала жизненная обстановка – в Израиль они уезжали почти одновременно и по одинаковой причине: и дочь Черкасского с семьей, и сын Дымовой уехали раньше, и, через какое-то время каждый из них решил уехать вслед за детьми. В Израиль Дымова приехала в конце сентября 1992 г., Черкасский – на два месяца позже. Несмотря на то, что жили в разных городах – Дымова в Иерусалиме, Черкасский в Раанане, они очень часто общались, как в России.

Можно предположить, что именно похожие судьбы и опыт по работе объединили этих двух поэтов и способствовали созданию общей книги. На самом деле до приезда в Израиль Дымова практически всю жизнь писала только лирические стихи, переводила поэзию. Но в Израиле Дымова начала писать прозу и иронические стихи в необычном жанре. Она придумала образ «Прекрасной Дамы», необыкновенной особы, наделенный в избытке всеми чертами, которые считаются типично женскими: о себе она чрезвычайно высокого мнения, строго придерживается светского этикета, любит демонстрировать окружающим свои непревзойденные достоинства, у нее куча принципов, которые она время от времени нарушает. Дама постоянно попадает в разные ситуации и с честью из них выходит, но для того, чтобы оттенить прелести Дамы, необходим Господин. И Дымова решила предложить Л. Е. Черкасскому подыграть ей – создать некоего Господина, наделенного чертами, которые приписываются мужчинам. В результате вышла книга «Стихи о Прекрасной Даме и об Одном Господине».

Чрезвычайно интересной является композиционная структура книги – до сих пор ничего подобного в русской поэзии не было. Книга построена так: на любом ее развороте слева – какое-нибудь происшествие из жизни Прекрасной Дамы – стихотворение Л. Е. Дымовой, справа – тот же эпизод, Один господин Л. Е. Черкасского, освещающий ту же ситуацию, но с мужской точки зрения. Приведем один пример из ситуаций Дымовой «О Собственном виде и дамском брате»:

*Быть может,
я Даму Прекрасную выдам,
но Дама следила
за собственным видом.*

*Наверное, в том
признаваться негоже,
но собственный вид
был ей брата дороже.*

*Пришлось выбирать ей
меж ними когда-то –
и выбрала Дама
свой вид, а не брата!*

*Одно лишь ей можно
сказать в оправданье:
что брат был не брат,
а сплошное страданье [2, с. 14].*

Как видим, что в стихотворении Дымовой главному герою – Прекрасной Даме пришлось выбрать между собственным видом и братом. Но в первой строфе уже намекалось, что Дама предпочитает свой вид, который она считает очень важным и дорогим, чем брата. В итоге эта Дама выбрала все-таки свой вид, не брата, но дают свое объяснение, сказав, что «брат был не брат, а сплошное страданье».

На эту ситуацию Черкасский откликнулся в стихотворении «О скупой мужской слезе»:

*Один Господин
встретил Дамского брата,
который являлся
персоной нон-грата.*

*Нечесанный,
в шортах из тусклого ситца –
он видом своим
не чета был сестрице.*

*Вздыхнул Господин:
«Мир таинствен и сложен.
Ведь Дама на брата
Могла быть похожа!»*

*Ну, как бы любил я
Такую козу?»
И вытер
скупую мужскую слезу [2, с. 15].*

Очевидно, что Черкасский уделил внимание брату, которого не выбрала Прекрасная Дама. С одной стороны, как будто Дама правильно сделала выбор, в первых двух строфах описывается эта ситуация, так как с точки зрения Черкасского – брат «персона нон-грата», «нечесанный, в шортах из тусклого ситца», «он видом своим не чета был сестрице». А с другой стороны, носится и иронический оттенок, как будто этот Господин успокаивает этого брата, думая, что «Мир таинствен и сложен. / Ведь Дама на брата / Могла быть похожа!». Здесь напоминает, что если ты являешься братом сестры, то вы друг на друга очень похожи, раз Прекрасная Дама выбрала свой вид, то есть на самом деле, выбрала и брата. В итоге Господин себя поставил в место, что он не мог бы любить такую Даму, и он разочаровался и «Вытер / скупую мужскую слезу».

Сразу укажем, что подобные композиционные позиции книги встречаются во всех стихотворениях. И это можно сразу увидеть в названиях. Каждые их названия в стихотворениях представляют собой интересные диалогические общения «Прекрасной Дамы» и «Одного Господина». Приведем несколько примеров в таблице 1:

Таблица 1

Сравнение позиций Дама / Господин в «Стихах о Прекрасной Даме и об одном Господине»

Л. Е. Дымова – Прекрасная Дама	Л. Е. Черкасского – Один Господин
Не судьба	Судьба
Кое-что о калориях	Кое-что о культуризме
Смысл мироздания	Смысл жизни
О собственном виде и дамском брате	О скупой мужской слезе
Любовь к возвышенному	Любовь к чужому
О природа!	Мужская природа
Любовь непобедимая	Глупость безграничная
Поэма о семнадцати пядях во лбу	Поэма о серебристых прядях на лбу
Баллада о разинутом рте	Баллада о шмыгающем носе
Еще раз о красоте	Еще раз о уродстве
На пляже	Не только на пляже
Баллада о силе красоты	Баллада о силе страсти

По словам Л. Е. Дымовой, «израильские русскоязычные читатели приходили в гости друг к другу с этой книгой и читали стихи вслух как анекдоты» [см.: 1]. Особо отметим, что в написании стихотворений о Прекрасной даме Дымова часто шла за Черкасским, который для Дымовой – настоящий писатель и точно знает, как правильно писать стихи. Вот в одной из концовок стихотворения «Отношение к предмету», в котором Дымова сначала писала так:

*Прекрасная Дама,
непрерывно меняя наряды,
дарит свои старые вещи подруге.*

Черкасский придумал для этой истории, совершенно другой вариант:

*А старые вещи
подруге дарила,
и та с озлоблением
благодарила [2, с. 54].*

Сразу видим, что вариант Черкасского имеет поэтическую эстетику в качестве катрена, в его стихотворении дается рифма – рифмуются четные строки (*подруге дарила / благодарила*). Кроме того, Дымова в своем терцете использовала обычное повествование из ситуации Прекрасной Дамы, которая часто меняет свою одежду, ненужные вещи она дарит подруге. А Черкасский придумал для

этой концовки совершенно другое, главным образом, сосредоточившись на реакции подруги, используя выражение «с озлоблением / благодарила», что сразу дает юмористическое чувство и носит экспрессивный оттенок. Это «с озлоблением» было настолько неожиданно и здорово, что Дымова с радостью приняла вариант Черкасского.

Таким образом, можно сказать, что Черкасский не только является мастером поэтическом перевода, но и талантливым поэтом. Несмотря на то, что в данной статье мы коснулись одной грани его поэтического таланта, изучение творческого наследия Черкасского требует продолжения.

Литература

1. Дымова Л. Е. «Об Одном Господине...» (Памяти Леонида Черкасского). URL: <http://blogs.7iskusstv.com/?p=12625>.
2. Дымова Л. Е., Черкасский Л. Е. Стихи о прекрасной даме и об одном господине. Иерусалим, 1996. 64 с.
3. Лю Чжицян. Своеобразие рецепции китайской поэзии первой трети XX века в переводах Л. Е. Черкасского: из истории русско-китайских литературных связей: дис. ... канд. филол. наук / Чжицян Лю. Томск, 2017. 189 с.
4. Милибанд С. Д. Востоковеды России. XX — начало XXI века = Russian orientalists of the 20th and Early 21st Centuries: библиографический словарь: в 2 книгах. Москва: Восточная литература, 2008. Кн. 2. С. 615–616.
5. Чайковский Р. Р. Перевод поэзии: типология и множественность: учебное пособие для студентов-филологов. Москва: ИИУ МГОУ, 2013. 194 с.
6. Gǔ, Yǔ. Shīgē fānyì jiāde yōumò / Yǔ Gǔ // Zhōnghuá dúshū bào. 2012. 06 yuè, 06 rì, 18 bǎn. 谷, 羽. 诗歌翻译家的幽默 / 羽 谷 // 中华读书报. 2012. 年 06 月 06 日, 18 版. [Гу Юй. Юмор переводчика поэзии // Китайские чтения. 2012. 6 июня, № 18].

Научная статья
УДК 801.677
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-259-266

О РОЛИ ПАРНОГО ПОСТРОЕНИЯ В «КНИГЕ ПЕСЕН»

© **Булдыгерова Анна Николаевна**
старший преподаватель,
Забайкальский государственный университет
Россия, г. Чита
annbuldigerova@mail.ru

Аннотация. В данной статье речь идет о роли специфического механизма синтаксической организации текстов первого китайского поэтического сборника «Книги песен», парного построения. Изучение исследований «Шицзина» древними китайскими филологами и проведенный анализ практического материала позволяет рассматривать парное построение не только как демонстрирующий вариативное разнообразие способ организации песенно-поэтических текстов, но и как закономерный признак, позволяющий дифференцировать поэтические жанры, соотносимые с разделами «Книги песен».

Ключевые слова: парное построение, «Книга песен», письменная традиция, поэтический жанр, песни, гимны, оды, параллелизм.

ABOUT PAIR CONSTRUCTION ROLE IN "THE BOOK OF POETRY"

© **Anna N. Buldygerova**
Assistant Professor,
Trans-Baikal State University
Russia, Chita
annbuldigerova@mail.ru

Abstract. The paper deals with the role of the first Chinese poetic collection - "The Book of Poetry" syntactic organization specific mechanism which is pair construction. Study of the "Shijing" contents by ancient Chinese philologists and analysis of the practical material makes it possible to consider pair construction not only as a way of poetic texts organization that demonstrates diversity, but also as a peculiarity that helps differentiate between poetic genres correlated with each section of "The Book of Poetry".

Keywords: pair construction, "The Book of Poetry", written tradition, poetic genre, songs, hymns, odes, parallelism.

«Книга песен» (кит.: 诗经, досл.: Канон стихов, англ.: "The Book of Poetry", "Shijing") играет важное значение в истории китайской письменности и соотносится в истории литературы Китая с ранним этапом развития. В этот сборник, составленный Конфуцием в период Чуньцю (770–476 гг. до н.э.), были включены народные, обрядовые и культовые поэтические произведения, созданные в период с XI–VI вв. (до н. э.).

В Китае ранние литературные произведения – трактаты (или каноны от кит.: 经) оформлялись в сборники и, таким образом, фиксировали сформированные в устной речевой практике языковые традиции гораздо позже их появления. По этой причине тексты первого поэтического сборника могут служить образцами ранней письменной традиции (III–II вв. до н.э.), и, как следствие, быть использованы для анализа тех языковых закономерностей текстообразования, которые, имеют значение для осуществления внутриязыкового и межъязыкового перевода классических текстов.

Минимальной единицей выражения смысла, характерной для произведений «Книги песен», являются соответствующие четверостишию в западной поэзии, комплексы, которые включают четыре поэтических строки, каждая из которых состоит из четырех иероглифических знаков–слов. Как показывает анализ структурных особенностей хрестоматийных текстов [3], «Шицзин» изобилует примерами употребления линейно следующих друг за другом, парных рифмующихся строк, соответствующих друг другу в структурно-содержательном и ритмомелодическом аспектах. Такие комплексы взаимосвязанных и взаимообусловленных парных синтагм, составляющих как следующие друг за другом, так и чередующиеся строки или четверостишия, являются закономерной особенностью поэтических текстов «Книги песен».

Функционирование парного построения, обусловлено, среди прочего и песенно-музыкальной основой формирования литературного творчества: ритмомелодические свойства предназначенных для пения или исполнения под музыку, народных, обрядовых и культовых произведений характеризуются строгой рифмой, чередованием тонов и другими чертами, определяющими тональный рисунок каждой из четырехсложных, образующих ранний поэтический текст, строк. Парные четырехсложные строфы, построенные по правилам чередования ровных и ломаных тонов, позволяют формировать короткий, но очень четкий двухтактный ритм.

Рассматривая филологические особенности текстов «Шицзина», сунский философ Чжу Си (1130–1200 гг.) отмечал несколько критериев, составляющих основу для деления трехсот пяти поэтических произведений на три раздела [4, с. 69]: отражающие реалии жизни простого народа лирические песни «Нравов царств» - *фэн* (кит.: 风), созданные придворными исполнителями «Оды» - *я* (кит.: 雅) и прославляющие государя и державу «Гимны» - *сун* (кит.: 颂) [3]. Одним из критериев дифференциации разделов может выступать признак авторства - песни, включенные в раздел «Нравы царств», писались в сельских дворах и городских переулках обычными людьми, а звучавшие из загородных храмов императорских дворцов «Оды» и «Гимны» - просвещенными служителями Чжоуского двора [4, с.70]. При этом, вне зависимости от места создания и авторской роли, закономерным признаком поэтических текстов разных разделов «Книги песен» выступает парное построение: парные строфы можно встретить как при описании простых сюжетов и образов народных песен разных царств, так и в текстах сложных придворными служителями од и гимнов.

Например, в стихотворении «Стебли простерла далеко кругом конопля» (кит.: 周南·葛覃) парное построение 薄污我私, 薄浣我衣 (*пер.*: дочиста платье домашнее вымою я, будет сполоснута чисто одежда моя [2, с. 11]) выполняет

роль наиболее лаконичной и простой формы выражения смысла, поскольку позволяет, используя повтор (в данном случае вспомогательная грамматическая частица и местоимение), описывать идентичные, сменяющие друг друга факты.

Реализованная в моделях построения песенных текстах антологии параллельная парность четверостиший демонстрирует органичную взаимосвязь семантических и грамматических особенностей древнего китайского языка. В качестве примера можно рассмотреть одну из песен царской столицы, известную в русском переводе под названием «Радость возвращения из похода» (кит.: 王风·君子阳阳). Сюжет песни является спорным: некоторые исследователи считают, что здесь представлена сцена из жизни придворных музыкантов, Чжу Си же полагает, что эта песня описывает семейное веселье - как муж приглашает жену петь и танцевать по случаю его возвращения с военного похода. Текст песни включает два четверостишия с симметрично организованными строфами (с повтором), выразительный эффект достигается за счет использования в параллельных структурах синонимичных предикативных элементов, характеризующих одинаковые (для каждого из парных смысловых отрезков) предметы описания: 君子阳阳 (досл.: благородный муж (здесь, возможно, придворный музыкант) сияет) и 君子陶陶 (досл.: благородный муж радуется), 左执簧, 右招我由房 (досл.: в левой руке держит музыкальный инструмент, похожий на свирель), а правой зовет меня присоединиться к веселью) и 左执翻, 右招我由敖 (досл.: в левой руке держит похожий на веер из перьев, реквизит для танцев и пения), а правой приглашает меня (танцевать и петь)).

Исключительный эффект при создании особой выразительности песенно-поэтических текстов имеет характерный для произведений «Книги песен» повтор отдельных строк, парных строф, или даже целых четверостиший. Так, в стихотворении «Одинокая груша» (кит.: 唐风·有杕之杜) душевные переживания женщины об ожидании ее возлюбленного описаны на основе повтора парного построения, актуализирующего противопоставление: 中心好之, 曷饮食之? (пер.: сердцем моим так люблю я его! Чем напою, прикормлю я его? [2, с. 149]).

Два четверостишия в стихотворении «Вьет гнездо сороки на плотине» [2, с. 170] (кит.: 陈风·防有鹊巢) построены абсолютно симметрично, при этом стилистический эффект парного построения первых строк в первом четверостишии 防有鹊巢, 邛有旨苕 (досл.: на плотине есть гнездо сороки, на холме растет вьюнок) и во втором четверостишиях 防有鹊巢, 邛有旨苕 (досл.: на плотине есть гнездо сороки, на холме растет вьюнок) усилен повтором риторического вопроса 谁侂予美? (досл.: кто вводит в заблуждение мою возлюбленную) и симметричной семантической однородностью последних строк в каждом из четверостиший: 心焉忉忉 (досл.: на сердце печаль) и 心焉惕惕 (досл.: на сердце смятение).

Наблюдаемый в текстах песенного раздела потенциал парного построения объясняет эффективность его использования в качестве закономерной черты текстов других разделов исследуемого литературного памятника. Жанрово-стилистические особенности текстов раздела «Малые оды» формировались на основе регулярного применения парного построения в народном песенном творчестве, поэтому парное построение составляет основу текстообразования и в

произведениях-одах. Так, очевидна универсальность параллелизма многочисленных парных строк оды «В походе на гуннов» (кит.: 小雅·采薇), например, 君子所依, 小人所腓 (*пер.*: благородный наш вождь в колесницу зайдет, мы, ничтожные, следовать будем за ней) или 昔我往矣, 杨柳依依 (*пер.*: Помню время, когда уходили в поход, был на ивах зеленый, зеленый наряд) и далее: 今我来思, 雨雪霏霏 (*пер.*: Ныне мы возвращаемся к дому назад, только снежные хлопья летят и летят [2, с. 209]). В парных строфах из оды «О дружбе» (кит.: 小雅·伐木) можно встретить многочисленные пары построенных параллельно глагольных групп, например: 出自幽谷, 千于乔木 (*пер.*: Вся стая, из темной долины взлетев, расселась в вершинах высоких деревьев летят [2, с. 204]) и т. д.

Согласно мнению китайских филологов, такая парность являлась доминантной единицей выражения смысла в поэтическом тексте, созданном на основе песенного творчества [5, с. 75]. С течением времени формат парного построения стал основой универсального параллелизма, актуализирующего приоритетную роль универсальной симметрии, позволявшей формировать поэтический текст из двойных парных построений, даже, несмотря на идентичность нескольких фрагментов текста.

Например, в песне «Мне ты в подарок принес плод айвы ароматной» (кит.: 卫风·木瓜) три четверостишия построены по принципу универсальной симметрии с повтором, что позволяет, благодаря размеренному идентичному ритму, локализовать смысловой акцент на ключевых художественных деталях - сопоставляемых в стихотворении образах: айвы, персика и сливы с нефритом, яшмой и самоцветами, обладающих в контексте китайской культуры символическим значением и передающие, благодаря такому языковому оформлению, истинные помыслы героини песни. Универсальность представленного в песне парного построения носит двойной характер, так как парность демонстрируют не только первые две строки каждого из четверостиший, параллельными по отношению друг к другу являются и сами четверостишия, благодаря симметрии четных и нечетных строф данного текста.

Уникальные особенности и детали парного построения формировались в условиях зарождения письменной традиции, развивались в ранних письменных языковых формах и закреплялись в разных жанрах поэтического творчества. Несмотря на тематическую схожесть с лиричными песнями-*фэн*, малые оды, в отличие от произведений народного творчества, обладали определенной изящностью, свойственной литературному языку *я* - 雅 (досл.: изысканность, возвышенность, правильность). Строгость языка произведений, включенных в разделы «Великие оды» и «Гимны» отличающихся от песен-*фэн* не только объемом, но и тематикой, стали неотъемлемыми чертами популярного во времена династии Сун литературного стиля *чжиюй* или *чжицы* (кит.: 致语, 致辞), указывающего, прежде всего, на торжественный стиль официальных речей.

Тематическая обусловленность бытовых и обрядовых песен, стала основой для расширения содержательной составляющей первых поэтических произведений - песен-*фэн* и требовала усложнения текстовой структуры од и гимнов, формирование которой становится отчетливым при сравнении объема строф, их ко-

личества и способов соединения между собой в поэтических текстах «Книги песен». Парное построение, в этой связи, становится основой для реализации приемов художественной выразительности поэтико-музыкальных текстов.

Если говорить о формировании поэтических жанров и рассматривать художественно-стилистические особенности ранних поэтических текстов, то можно отметить, что в сборник включены произведения, соотносимые с шестью поэтическими категориями, впервые упоминаемыми в разделе «Чунгуань» (кит.: 春官, досл.: приказ весенних обрядов) трактата «Чжоули» (кит. 周礼, досл.: Установления династии Чжоу): самый многочисленный жанр произведений «Шицзина» *ши* (кит. 诗), в котором написаны песни-*фэн*, демонстрирующий известные в китайской классической поэтике категории *фу*, *би* и *син*, а также жанры *я* и *сун*.

Как отмечает Л. С. Васильев, песни первой части - это, прежде всего, фольклор с характерными для него лирическими напевами, поэтическими метафорами и трогательной душой искренностью переживаний и чувств [1, с. 418]. Парное построение часто выступает основой для использования явного сравнения (разновидности приема *би* (кит.: 比) в поэтических текстах «Книги песен»). Так, например, в парных строфах реализовано сравнение-описание женского образа в песне «Вот из восточных ворот выхожу» (кит.: 郑风·出其东门): 有女如云 (досл.: есть девушки словно облака), и в продолжение 有女如荼 (досл.: есть девушки словно тростинки). А в стихотворении «Ты величава собой» (卫风·硕人) можно обнаружить сразу четыре, составляющих две парные строфы, параллельно построенных сравнительных оборота, описывающих красоту женщины: 手如柔荑 (досл.: руки, словно нежные ростки), 肤如凝脂 (досл.: кожа гладкая и блестящая, словно застывший жир), 领如蝤蛴 (досл.: шея гладкая и белая, словно личинки жуков), 齿如瓠犀 (пер.: зубы, словно ряды семян в тыкве).

Использование приема *би* в текстах рассматриваемого поэтического сборника может быть основано не только на явном (часто в формате парного построения) сопоставлении сравниваемых объектов, но и носить скрытый, невыраженный сравнительными оборотами характер. Метафорические смыслы (часто парные) пронизывают сюжеты произведений всех разделов «Книги песен», при этом именно парное построение становится эффективной основой для введения в текст той или иной пары метафорических образов. Стилистический эффект скрытого сравнения часто составляет определенную трудность для понимания, однако, остается эффективным приемом выразительности ранних поэтических текстов. Поэтому установление характера парности в организации текста помогает, в той или иной степени, объективировать ассоциативную основу создания метафор. Локализация в тексте скрытого сравнения, аллегории или метафоры оказывается возможной при использовании таких категорий как *фу* и *син*, когда метафорический смысл закладывается в образных зачинах, эффективно функционирующих в разных поэтических жанрах, и более свойственных гимнам нарративных описаниях, содержащих многочисленные линейные парные построения.

Чжу Си отмечал, что особенностью поэтического жанра *син* (кит.: 兴, досл.: подъем) - образного зачина - было наличие в начале текста симметричных строф, которые, служили для создания эмоционального фона и могли указывать на

официальность или ритуальный характер описываемых ситуаций [4, с. 71]. Этот прием соотносим, в большей степени, с одами и гимнами, тематика которых также имеет ярко выраженную социальную и ритуальную направленность, однако, встречается и в трогательных песнях «Нравов царств», передающих счастливые или грустные чувства и рассказывающих о переживания простого человека.

Если следовать пониманию приема *син*, описанного в период правления династии Западная Хань (202 – 8 гг.) в первом комментарии к «Шицзину» - 《毛诗故训传》 (досл.: Комментарии Мао к «Шицзину»), то данный риторический прием мог быть реализован только в начальной строфе поэтического текста, раскрывающей переносный имплицитный смысл, чаще всего связанный с морально-нравственными или социально-политическими явлениями.

Сунский филолог Чжу Си подчеркивает значение содержательного контекста в определении стилистического эффекта риторического приема *син*, приходящегося на целое четверостишие, объединяющее две строфы, и отмечает, что введение в поэтический текст несвязанного с контекстом факта могло быть направлено, во-первых, на создание ритмической основы поэтического текста, а, во-вторых, на привлечение внимания и пробуждение чувств, посредством использования несвязанных с содержанием деталей, образов, часто служащих для намека или сравнения (иногда и на сатирической основе).

Структурным базисом приема *син* часто выступает парное построение, такую функцию выполняют парные строфы многих текстов изучаемой антологии. Например, если следовать одной из версий (представленной в комментариях Чжу Си), то в первых строфах первого и второго четверостиший в праздничной оде-пожелании по случаю бракосочетания в зажиточном доме, известной в русском издании «Шицзина» как «Ода царю» (кит.: 小雅·鸳鸯; досл.: счастливые супруги) для реализации приема *син* использован образ неразлучных уток-мандаринок: 鸳鸯于飞, 毕之罗之 (досл.: утки-мандаринки вместе летают, обходя ловушки и сети), и далее 鸳鸯在梁, 戢其左翼 (досл.: утки-мандаринки нашли приют, сложили вместе свои левые крылья). В выступающих парными (как в лексико-грамматическом, так и ритмо-мелодическом аспектах) по отношению к указанным первым строфам третьего и четвертого четверостишия, для воссоздания ритуала преподношения родственниками щедрых подарков молодоженам, использован образ кормления верховых лошадей: 乘马在厩, 摧之秣之 (досл.: верховые лошади стоят в стойле, их кормят травой и зерном) и далее 乘马在厩, 秣之摧之 (досл.: верховые лошади стоят в стойле, то зерном, то травой их кормят). В этой оде парное построение не только выступает эффективным механизмом создания парных образных зачинов, которые задают ритм поэтического произведения, и составляют структурную основу для реализации сравнения, но и служит способом организации текста, позволяющим представлять исчерпывающее описание деталей сюжета.

Поэтическая категория *фу* (кит.: 赋; досл.: давать) представляет собой прямое нарративное описание однородных деталей, фактов, особенностей обстановки и др. Параллелизм парных строф при этом не только становится основой для организации четверостиший, но и поэтического произведения в целом, что позволяет в

должной мере расставлять актуализируемые смысловые акценты. Самым популярным примером использования приема *фу* является «Песня о седьмой луне» (кит.: 鹵风·七月), в повествовании которой детально воспроизведен порядок сезонных изменений и фактов бытовой жизни крестьян. Эффективным механизмом текстообразования при этом выступает парное построение. Например, с первых строк встречаем четыре следующих друг за другом парных синтагмы, детально описывающих контекст сюжета. В первом четверостишии наблюдается семантико-грамматическая идентичность парных строф: 七月流火, 九月授衣 (досл.: в седьмую луну - разгар жары, в девятую луну – выдают одежду), далее 一之日鬻发, 二之日栗烈 (досл.: в дни первой луны свистит холодный ветер, в дни второй луны стоит леденящий холод). Далее в поэтических строках 无衣无褐, 何以卒岁! (досл.: без одежды, без сермяги, как дотянуть до конца года!) парное построение выступает основой для повтора в пятой строке, а в заключительных строках первого восьмистишия 三之日于耜, 四之日举趾 (досл.: в дни третьей луны обрабатываем землю, в дни четвертой луны выходим в поле) наблюдаем парное построение, демонстрирующее параллелизм второй и четвертой строк.

Такая идентичность формы (реализуемой в структуре: время (выраженное атрибутивным сочетанием с/без служебного показателя) - характер действия, выраженный глагольно-объектными сочетаниями), делает нарративное описание простым и понятным, придает ритмичному изложению характер поступательного повествования. Использование воспроизводимого в формате парного построения, нарративного описания служит средством акцентуации эмоционального фона произведения и выступает формализованной основой для воссоздания деталей описываемых сцен. Например, в песнях-*фэн*: при описании сцены встречи супруга в маленьком сельском дворе («Радость возвращения из похода» (кит.: 王风·君子于役)), глубоких переживаний, описанных в песне «Тоска женщины, выданной в чужую сторону» (кит.: 卫风·氓), или горечи разлуки, описанной в песне «Лишь барабан большой услышал» (кит.: 邶风·击鼓) и т.д. В более развернутых по содержанию и не исключаяющих, соответственно, более детализированных описаний, одах и гимнах парное построение выступало тем средством, которое позволяло сохранить ритмомелодические особенности вводимого, в силу различных причин этико-прагматического характера, в поэтический текст нарратива.

Такие разновидности парного построения, как 扇面对 (досл.: веерное парное построение), известный под названием “параллелизм четных/нечетных строк четверостишия” или 隔句对 (досл.: разделенные одной строкой элементы пары, или отдельно стоящие парные строфы) и др., выступают наиболее регулярными приемами стихосложения в жанре *фу*, часто соотносимом с поэтическими текстами раздела «Гимны». Такие, основанные на параллелизме парных строк, нарративные описания, характерные для более развернутых повествований, представляют собой своеобразную систему, решающую одновременно несколько задач: во-первых, объединение смысловым единством группы обладающих идентичной структурой и модальностью, синтаксических построений; во-вторых, создание определенной последовательности в презентации деталей обстановки,

событийных фактов образов героев, черт характера и поступков представляемых персонажей; в-третьих, использование в качестве основы для реализации актуальных в контексте сюжета поэтического повествования, приемов *би* и *син*.

Итак, поэтические свойства текстов «Книги песен» аккумулярованы использованием структур, обнаруживающих идентичность формального и ритмомелодического характера. При анализе структуры поэтических текстов песен «Шицзина», в большинстве случаев, становится очевидным факт универсальной параллельности парных строф, реализуемой в семантическом, фонетическом и грамматическом аспектах. Как самостоятельный элемент синтаксической организации поэтического текста, парное построение в песнях раздела «Нравы царств» выступало указывающим на песенно-музыкальную основу текстообразования способом актуализации закономерностей грамматики и возможностей лексики древнекитайского языка, а в «Одах» и «Гимнах» становилось не только своеобразной формой выражения смысла, но и чертой, во-первых, указывающей на характер произведения и его создателя, во-вторых, определяющей художественную сложность поэтических текстов. Имеющие различную этико-прагматическую основу и тематическую обусловленность разделы «Книги песен» демонстрируют различные условия функционирования парного построения, в том числе, и в качестве основы для реализации трех приемов: сравнения, нарративного описания и образного зачина, имеющими значение, в том числе в контексте формирования поэтических жанров, актуальных не только для первого литературного сборника - «Книги песен», но и для поэтических произведений литературного наследия последующих эпох.

Литература

1. Васильев Л. С. Древний Китай: в 3 т. Т. 2. Период Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.), Москва: Университетская книга, 2015. 623 с.
2. Шицзин (пер. и ком. А. А. Штукина и Н. Т. Федоренко) // Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 612 с.
3. Shijing” Zhang Jianmei bianzhu 《诗经》 张建梅编著 [«Книга песен» под редакцией Чжан Цзяньмэя]. 人民出版社, 497 页// Жэньминь чубаньшэ, 2012. 497 с.
4. Tan Zuowen Zhuxi dui “Shijing”wenxuexingde shenke tiren 檀作文 朱熹对《诗经》文学性的深刻体认 [Тань Цзюэнь К вопросу об исследовании Чжу Си литературных особенностей «Шицзина»]/ - 首都师范大学学报(社会科学版), 2004 年第 1 期 [Вестник столичного педагогического университета, Социальные науки, 2004 №1], с. 69–74, электронный ресурс/ Режим доступа: <http://res.guoxueyuan.com/CourseFiles/abe390c4-964fd6e-0f30-b001c245a4ab.pdf/>
5. Yuan Hanpei Zhongguo wenxueshi 袁行霈中国文学史 [История китайской литературы под редакцией Юань Ханпэя], - 北京: 高等教育出版社, 1999 (2004 重印), Пекин: Высшее образование, 1999. Т. 1. 375 с.

Научная статья
УДК 821.581, 81.25
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-267-276

ПЕРЕВОДЫ ЛИНЬ ШУ КАК ВАЖНЫЙ ЭТАП РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЕ

© **Митькина Евгения Иосифовна**
кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург
e.mitkina@spbu.ru

Аннотация. Одним из самых известных переводчиков конца 19 начала 20 веков был Линь Циньнань (林琴南, или Линь Шу 林纾, 1852–1924). Его переводы были важны, как первая возможность для китайских читателей соприкоснуться с западной литературой. Линь Шу не владел иностранными языками, обычно текст ему переводил вслух помощник, а он уже записывал его на литературном языке-вэньяне. Естественно, что в процессе такого перевода могли возникать ошибки (иногда двойные – устного переводчика и того, кто записывал), сокращения, вольная переработка текста. Использование для перевода именно вэньяня повышало уровень переводимого произведения в глазах образованных читателей, что также способствовало росту популярности переводов Линь Шу, так как в то время еще многие писали на простонародном разговорном языке-байхуа, тексты же на вэньяне по-прежнему считались хорошим тоном. И хотя переводы Линя – это были переводы не китайской, западной литературы, их изысканный литературный язык делал их чтение престижным (впрочем, в период движения 4 мая 1919 года его критиковали именно за использование вэньяня и за слишком свободную работу с текстом оригинала). Линь Шу перевел более 190 европейских и американских романов, став первым переводчиком произведений западной литературы на китайский язык, он сделал доступными китайскому читателю «Даму с камелиями» А. Дюма, басни Эзопа, «Приключения Робинзона Крузо» Д. Дефо, а также произведения Диккенса и Л. Н. Толстого.

Ключевые слова: Линь Шу, перевод, китайская литература, переводы начала XX века.

LIN SHU'S TRANSLATIONS AS AN IMPORTANT STAGE IN THE DISSEMINATION OF WESTERN LITERATURE IN CHINA

© **Evgenia I. Mitkina**
Ph. D, Associate Professor,
Saint-Petersburg State University
Russia, Saint-Petersburg
e.mitkina@spbu.ru

Abstract. One of the most famous translators of the late 19th and early 20th centuries was Lin Shu 林纾 (or Lin Qinnan 林琴南, 1852–1924). His translations were important as the first opportunity for Chinese readers to come into contact with Western literature. Lin Shu did not speak foreign languages, usually the text was translated aloud to him by an assistant, and he wrote it down in the literary language-wenyan. Naturally, in the process of such a translation, errors could occur (sometimes double mistake -of the interpreter and

the one who wrote it down), abbreviations, free processing of the text. The use of wenyān for translation increased the level of the translated work in the eyes of educated readers, which also contributed to the growing popularity of Lin Shu translations, since at that time many more wrote in the vernacular colloquial language-baihua, texts in wenyān were still considered good form. And although Lin's translations were translations of non-Chinese, Western literature, their refined literary language made their reading prestigious (however, during the May 4, 1919 movement, he was criticized precisely for using wenyān and for working too freely with the original text). Lin Shu translated more than 190 European and American novels, becoming the first translator of works of Western literature into Chinese, he made available to the Chinese reader *The Lady with Camellias* by A. Dumas, Aesop's fables, *The Adventures of Robinson Crusoe* by D. Defoe, as well as the works of Dickens and Leo Tolstoy.

Keywords: Lin Shu, translation, Chinese literature, translations of the early 20th century.

В конце XIX века в Китае возник интерес к литературе западных стран. Именно в это время начался бум переводной литературы. Имена некоторых переводчиков стали частью истории литературы. И одно из таких имен – Линь Шу, чье имя дало название целому явлению – «Романы в переводах Линя».

Линь Шу (林纾, 1852–1924) родился в провинции Фуцзянь в уезде Миньсянь (福建闽县, сейчас – г.Фучжоу). При рождении ему дали имя Цюньюй (群玉), позднее у него появилось имя-цзы Циньнань (琴南). Зимой 1893 года он построил себе кабинет ученого «Хижина благоговейного отшельника – Вэйлу» (畏庐) и взял себе имя-хао Вэйлу. Вокруг хижины росли клены, и осенью Линь Шу написал такую стихотворную строчку: «Падают листья клена, холодает на реке Уцзян» (枫落吴江冷), и взял себе еще одно имя – Лэнхуншэн (冷红生). В дальнейшем на разных этапах жизни он продолжил брать себе имена, отвечающие душевному настрою.

Когда Линь Шу было пять лет, его отец-торговец солью потерял все деньги из-за крушения двух кораблей с товаром [8; с. 4], семья оказалась в трудном положении, с трудом держалась на плаву за счет работавших матери и сестры. Маленький Линь Шу обожал читать книги, особенно эссе Хань Юя (韩愈, 768–824) и Оуян Сю (欧阳修, 1007–1072), стихи Ду Фу (杜甫, 712–770), а также исторические сочинения, такие как «Исторические записки» (史记 *Шицзи*) Сыма Цяня (司马迁, 145? до н. э. – 86 до н. э.), «Цзочжуань» (左传), «Ханьшу» (汉书) и т. д. С 13 до 20 лет он прочитал более 2000 книг. Когда Линь Шу исполнилось 19 лет, умерли его дедушка, бабушка, затем и отец, но он продолжил готовиться к написанию «восьмичленных сочинений – ба гу вэнь» (八股文), в 28 получил степень *сюцяя* (秀才), а через три года – степень *цзюйжэня* (举人). После этого он семь раз ездил в Министерство обрядов, но каждый раз проваливался на экзаменах, так и не смог получить степень *цзиньши* (进士) и в итоге разочаровался в возможности сделать карьеру чиновника. Линь Шу тогда сосредоточился на чтении книг и живописи.

В 1897 году, когда ему было уже 45 лет умерла сначала его мать, а вскоре и жена Лю Цюньцзы (刘琼姿), с которой Линь Шу связывали нежные, теплые чув-

ства. Это был настоящий двойной удар, он погрузился в бездну горя, и его друзья, Ван Шоучан (王寿昌, 1864–1926) и Вэй Хань (魏瀚, 1851–1929), чтобы отвлечь, предложили ему заняться переводом. Несколько раз Линь Шу вежливо отвергал это предложение, но, в конце концов, согласился. Так в 1899 году появился его первый перевод, выполненный в соавторстве с Ван Шоучаном. Это был роман Александра Дюма-младшего (Alexandre Dumas fils, 1824–1895) «Дама с камелиями» (La Dame aux Camélias. В переводе Линь Шу – «Завещание девушки с камелиями из Парижа», 巴黎茶花女遗事 *Бали чахуа нью иши*). Роман пользовался популярностью, а для Линь Шу началась его карьера переводчика художественной литературы.

Начиная с 1900 года, Линь Шу стал преподавать: он читал лекции сначала в школе, в Академии, в университете.

После того, как в 1903 году Линь Шу опубликовал в издательстве «Шаньу иньшугуань» (商务印书馆) свой перевод басен Эзопа и в 1905 году – книгу Генри Райдера Хаггарда «Джоан Хейст» (H. Rider Haggard «Joan Haste»), у него сложились устойчивые партнерские отношения с этим издательством, в котором и вышло большинство переводов Линь Шу. Позднее он даже стал акционером издательства. В 1912 году ему предложили место главного редактора газеты «Пинбао» (平报).

В период расцвета его творчества, когда его переводы пользовались большим успехом и различные издания хорошо платили за них, Линь Шу большую часть этих денег тратил на поддержку своих учеников из бедных семей, чтобы они могли продолжать учебу. Кроме этого, он помогал студентам поехать учиться за границу.

Переводы Линь Шу были выполнены на литературном языке вэньяне, он выступал апологетом традиционной культуры, поэтому для него стало ударом возникновение Движения за новую культуру (新文化运动). Линь Шу даже писал в письме ректору Пекинского университета Цай Юаньпэю (蔡元培, 1868–1940), что «теперь каждый уличный торговец из Пекина и Тяньцзиня может стать профессором». В результате ему даже пришлось покинуть Пекинский университет, где он преподавал.

Как пишет Н. В. Захарова в своей книге «Литературный процесс в Китае в первой четверти XX в. Эволюция прозаических жанров», «весной 1919 г. Линь Шу написал два прозаических произведения: «Родившийся в терновнике» и «Удивительный сон» («妖梦»), в которых давал негативную оценку движению за новую культуру и литературу. На следующий год он опубликовал статью «Разрушение», в которой защищал свою позицию» [4; с. 162]. Его постоянно критиковали в газете «Новая молодежь» (新青年, *Синь циннянь*). Естественно, от этого пострадало и его материальное благосостояние.

В то время многие из его бывших учеников, которым он когда-то помог, вернулись в Китай, некоторые из них подавали большие надежды, начали завоевывать популярность. Эти ученики обсудили между собой, как помочь учителю пережить тяжелые времена, но при этом, так, чтобы не дать ему почувствовать неловкость. Они основали фонд, который номинально был предназначен для

поддержки переводческой деятельности Линь Шу, а на самом деле, Линь Шу мог пользоваться этими деньгами на свое усмотрение, для повседневных нужд.

9 октября 1924 года Линь Шу ушел из жизни на 72-м году жизни.

Вклад Линь Шу в распространение зарубежной литературы в Китае был значительным. Его именем названо целое явление в переводной литературе конца 19-начала 20 века – «Романы в переводах Линя» (林译小说, *Линь и сяошо*). Точное количество переведенной им литературы разнится у разных исследователей, так как некоторые из них включают в число переводов басни, пьесы, биографии, а некоторые, наоборот, исключают их из подсчетов. Так, например, Чжэн Чжэньдо (郑振铎) в своей статье 1924 года «Господин Линь Циньнань» (林琴南先生) пишет о 156 книгах [14]. Ученик Линь Шу Чжу Сичжоу (朱羲胄) в 1940 году говорит о 182 книгах [13; с. 17]. В последующие годы периодически возникали такие цифры как 183, 189 и даже 246. Исследователь из Фуданьского университета Го Ян проделал большую исследовательскую работу, консультировался у японского исследователя Тарумото Терио (樽本照雄, 1948 г. р.) и пришел к выводу, что существует 193 романа [6; с. 22–24], относительно которых имеются доказательства того, что их переводил Линь Шу. Плюс к этому было несколько книг, которые погибли вместе с Восточной библиотекой и «Ароматным теремом»¹ 28 января 1932 года во время японской бомбардировки Шанхая. Значит, всего у Линь Шу, вероятно, вышло более 200 переводов.

Среди авторов, которых переводил Линь Шу, - Уильям Шекспир, Даниэль Дефо, Вальтер Скотт, Чарльз Диккенс, Артур Конан Дойль, О'Генри, Виктор Гюго, Оноре де Бальзак, Александр Дюма, Генрик Ибсен, Сервантес, Лев Толстой, Кэндзио Токутоми. Как видно из этого неполного списка, география авторов и языков (английский, французский, русский, японский и т. д.) представлена обширная. Он перевел такие значимые для всемирной истории литературы романы, как «Дон Кихот», «Дэвид Копперфильд», «Оливер Твист», «Айвенго», «Хижина дяди Тома», «Робинзон Крузо» и т. д. Его переводы знакомили китайцев начала XX века с лучшими образцами зарубежной прозы, которые рассказывали о жизни в других странах в разное время. Тем не менее, некоторые исследователи, например, Чжэн Чжэньдо, отмечали, «жаль, что большая часть трудов Линь Шу была потрачена впустую... значимые произведения составляют не более одной трети всех выполненных им переводов, а оставшиеся книги относятся к второ- и третьесортной литературе, их вполне можно было не переводить» [14]. Однако, если посмотреть с другой стороны, эта «второсортная», популярная литература также сыграла свою важную роль. Она стала своего рода мостом, связующим звеном между серьезной иностранной литературой и китайским читателем. Она словно подготавливала почву для распространения значимых произведений.

Как известно, Линь Шу не владел иностранными языками. Обычно текст ему переводил вслух помощник, а Линь уже записывал его на литературном языке-взньяне [7; с. 16–26]. Известно о двадцати таких помощниках. Роль этих людей крайне важна, ведь от их компетенции зависел выбор произведения, которое

¹ «Ароматный терем» (涵芬楼) – знаменитое хранилище редких книг в Шанхае.

Линь Шу брался переводить, правильность, точность, а также скорость перевода. Их можно разделить на несколько групп.

Первая группа – это близкие друзья Линь Шу – Ван Шоучан, Вэй И (魏易, 1880–1932) и Цзэн Цзунгун (曾宗珮). Их вклад в переводы Линь Шу был самым значительным. Ван Шоучан в молодости учился во Франции и, возвращаясь домой, привез много книг на французском языке, среди которых и была «Дама с камелиями» Дюма, которую впоследствии они вместе с Линь Шу перевели на китайский язык. Именно Ван Шоучан первым предложил способ перевода, который стал «визитной карточкой» Линь Шу – сам он делает устный перевод, а Линь Шу запишет и литературно обрабатывает.

Вэй И, другой друг и помощник Линя, никогда не учился за границей, однако в совершенстве знал английский язык. С Линь Шу они начали сотрудничать в 1901 году, после 66 дней неустанных усилий вдвоем они перевели книгу Гарриэт Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», чей остросоциальный, антирабовладельческий посыл вызвал сенсацию. Их сотрудничество продолжалось восемь лет. Можно сказать, что Вэй И оказал больше всего влияния на Линь Шу – именно он активно предлагал материал для перевода, его устный перевод обладал высокой точностью, однако он был сторонником удаления из текста перевода того, что, по его мнению, не имело значения для раскрытия сюжета, скорость перевода во время работы с ним была весьма высока – в день они могли выполнить перевод пяти-шести тысяч слов, а за все годы совместной работы выполнили переводы более пятидесяти книг.

Примерно в тот же период времени, с 1904 по 1910 годы, с Линь Шу сотрудничал еще один переводчик – Цзэн Цзунгун. И если Линь с Вэй И переводил, в основном, романтические любовные истории, то с Цзэном они занимались переводом авантюрных, приключенческих произведений, в частности, они перевели несколько романов Генри Райдера Хаггарда, который считается основоположником жанра «затерянные миры», а также «Приключения Робинзона Крузо» Даниэля Дефо, «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта. Позднее Цзэн Цзунгун поступил на военную службу, в какой-то период времени даже занимал должность главы военно-морского училища. То есть можно увидеть, что его личные увлечения повлияли на выбор тем для перевода. Переводы, выполненные Линь Шу в сотрудничестве с этими тремя коллегами, были самыми качественными.

Вторая группа помощников Линь Шу представлена такими именами, как Чэнь Цзялинь (陈家麟, 1880–?), Ван Цинтун (王庆通,), Ван Цинци (王庆骥, 1882–1941), Ли Шичжун (李世中,), Янь Цюй (严璩), Янь Цянь (严潜), Линь Цзоу (林驹) и Мао Вэньчжун (毛文钟). Кто-то из них внес большой вклад с точки зрения количества переведенных произведений, кто-то – с точки зрения качества. Больше всего книг Линь Шу перевел с помощью Чэнь Цзялиня. Чэнь Цзялинь владел английским языком, однако он обладал широким кругозором и с удовольствием изучал литературу не только англоязычных стран, но читал ее в английском переводе. Особенно он интересовался русской литературой, поэтому вместе с Линь Шу перевел несколько повестей Льва Толстого. Также вместе они перевели роман Сервантеса «Дон Кихот», пьесы Шекспира и т. д. Однако исследователи отмечают [7; с. 22], что литературный талант и уровень языка Чэнь Цзялиня

все-таки были недостаточными, многие переводы, выполненные в соавторстве с ним, - это второсортная и третьесортная литература. Кроме того он периодически допускал явные и заметные ошибки и обладал достаточно вольным отношением к переводимому тексту.

Ван Цинтун и Ван Цинци были племянниками Ван Шоучана. Ван Цинци изучал политологию во Франции и одно время даже работал переводчиком в посольстве, позднее перевелся в Оксфорд, где занимался международным правом. Вместе с Линь Шу они перевели всего два романа: «Поль и Виржини» Жака-Анри Бернарден де Сен-Пьер и «Персидские письма» Шарля Луи де Монтескье, однако качество этих переводов было самое высокое, они считаются одними из лучших среди всех переведенных романов Линь Шу. Ван Цинтун также прекрасно владел французским, с 1914 по 1920 годы вместе с Линем они перевели более десяти книг.

Ли Шичжун, еще один переводчик Линь Шу, был дипломатом, он служил переводчиком в посольстве во Франции, секретарем посольства в Бельгии, России, Италии, Португалии и т.д. Из такого послужного списка видно, что его уровень владения иностранными языками был также высок. С Линь Шу он работал всего три года – с 1907 по 1909 годы, отмечается, что именно с ним у Линя установилось взаимопонимание без слов, работа была в радость [10; с. 114].

Янь Цюй и Янь Цянь имели отношение к известному переводчику Янь Фу (严复, 1854–1921): Янь Цюй был его старшим сыном, а Янь Цянь - племянником. Втроем с Линь Шу они переводили в 1903 году «Басни Эзопа». Линь Цзоу и Мао Вэньжун сотрудничали с Линем в его поздние годы – в начале 20-х годов. С Мао они перевели на китайский драму Ибсена «Привидения» и роман Виктора Гюго «Девяносто третий год».

И, наконец, исследователи выделяют третью группу со-переводчиков Линь Шу, которые мало сотрудничали с ним и результат сотрудничества с которым был невысок.

Таким образом, можно отметить, что устные переводчики, соавторы Линь Шу, были, в основном, его земляками – из 19 человек 14 были также родом из провинции Фуцзянь. Кроме Ван Шоучана и Вэй Ханя остальные были намного моложе Линь Шу, кто-то попал к нему по знакомству, а многие были его учениками. Они в той или иной степени оказывали влияние на выбор произведений для перевода, на язык и идейное содержание. Исходя из списка переведенных Линь Шу произведений можно сделать вывод, что наряду с известными и значимыми для истории литературы произведениями, он, несомненно, под влиянием своих коллег-устных переводчиков переводил и много популярных на тот момент произведений, но не имевших большой литературной ценности. Это связано с тем, что несмотря на то, что его со-переводчики прекрасно владели иностранными языками, далеко не все из них обладали литературными талантами и не могли оценить ценность того или иного произведения, поэтому зачастую выбирали для Линь Шу самые популярные на тот момент книги (попутно отметим, что скорость реакции переводческого рынка в Китае того времени была очень высока: от момента выхода произведения за рубежом до его появления в переводном виде в Китае проходило совсем немного времени).

Как же происходил процесс такого перевода? Сейчас неизвестно, переводил ли устный переводчик фразу за фразой или абзац за абзацем. В любом случае, он выполнял устный перевод, а Линь Шу записывал его на литературном языке *вэньяне*. Его работоспособность была высока. Цзэн Пу (曾朴, 1872–1935) отмечал, что Линь переводил в день примерно 4–5 тысяч иероглифов [12; с. 20]. Эта скорость была в 2–3 раза выше, чем у других переводчиков. Естественно, в процессе такого перевода могли возникнуть и возникали ошибки. Это могли быть ошибки переводчиков, ошибки самого Линь Шу, записывающего их слова на слух. К этому иногда еще могли добавляться ошибки при наборе получившегося текста. При этом, когда книга выходила и начинала пользоваться успехом, все заслуги по переводу приписывались Линь Шу, его хвалили и им восторгались, а все ошибки относили на счет устных переводчиков. Тем не менее, отмечается тот факт, что во время самого процесса перевода Линь Шу был крайне внимателен, выверял каждую фразу, если что-то было непонятно, он просил устного переводчика перевести еще один или даже несколько раз до тех пор, пока результат его не удовлетворит. Но когда он уже выполнял перевод, утверждал его, ничто не могло заставить его изменить текст, даже если устный переводчик замечал ошибку. [11; с. 175].

Еще одной особенностью переводов Линь Шу было то, что он мог добавлять в текст какие-то детали, если оригинал казался ему недостаточно живым и выразительным, или вставлял метафоры в случае недостаточной, по его мнению, образности.

Кроме того, можно отметить еще один момент. Устные переводчики делали свою часть перевода, естественно, на разговорном языке, не на *вэньяне*, и даже, возможно, на диалекте. Как было сказано выше, большая их часть была земляками Линь Шу из провинции Фуцзянь. Скорее всего, между собой они говорили на своем диалекте, что, несомненно, не могло не сказаться и на итоговом переводе. Так, например, имя французского писателя Виктора Гюго Линь Шу записывал как 器俄 (*xīāo é*), из чего видно, что устный перевод был с английского, и к нему добавился фуцзяньский диалект. А при переводе романа «Девяносто третий год» Линь Шу записал автора как 预勾 (*yù gōu*), очевидно, устный переводчик здесь работал уже с французским языком. Неизвестно, осознавал ли сам Линь Шу, что 器俄 и 预勾 – это один и тот же автор.

И еще один интересный пример. В 1896 году Чжан Куньдэ в своем переводе Артура Конан Дойла перевел имя «Шерлок Холмс» как 歇洛克·呵尔唔斯 (*Xiēluòkè Hē'ěrwùsī*), что достаточно близко оригинальному произношению. А Линь Шу в 1908 году записал имя как 歇洛克·福尔摩斯 (*Xiēluòkè Fú'ěrmósi*), что также связано с его родным диалектом, но в итоге именно его вариант вошел в историю и именно так сейчас в Китае называют данного персонажа.

Что касается особенностей собственно переводных текстов, исследовательница литературных процессов начала XX века Н. В. Захарова отмечает, что «переводы Линь Шу правильнее назвать изложением содержания книг, причем использовал он при этом классический *вэньянь*, что еще в большей степени отдаляло перевод от оригинала» [4; с. 25]. Воскресенский Д. Н. отмечает, что «для раннего этапа переводческой деятельности в Китае характерны свои худо-

жественные принципы и приемы: старый книжный язык, свободный пересказ содержания, приспособление иностранных реалий к китайской действительности и т. п. Такая «китаизация» переводов отчетливо видна, например, в названиях переводимых книг, почти никогда не совпадающих с оригиналом («Путешествия Гулливера» Свифта названы Линь Шу «Записками о павильонах и каналах за морем»; «Дон Кихот» Сервантеса — «Жизнеописанием рыцаря-сатаны» и т. д.), а также в трансформации имен, реалий» [3].

Тем не менее, можно отметить, что переводы Ли Шу были важны, как первая возможность для китайских читателей соприкоснуться с западной литературой. Писательница Су Сюэлинь (苏雪林, 1897–1999), владевшая иностранными языками, отмечала, что «хотя в переводах были некоторые расхождения с оригиналом, однако Линь умело передавал его дух» [9]. Более того, использование для перевода именно *вэньяня* повышало уровень переводимого произведения в глазах образованных читателей, что также способствовало росту популярности переводов Лин Циньняня, так как в то время еще многие писали на простонародном разговорном языке-байхуа, тексты же на *вэньяне* по-прежнему считались хорошим тоном. И хотя переводы Линя – это были переводы не китайской, западной литературы, их изысканный литературный язык делал чтение престижным. Впрочем, в период Движения 4 мая 1919 года его критиковали именно за использование *вэньяня* и за чересчур «вольную» работу с текстом оригинала. «Яркие и эмоциональные переводы Линь Шу отличались красотой и образностью, однако прогрессивные литераторы считали, что западные переводы следует делать доступными для более широкого круга читателей и, следовательно, переводить на понятный разговорный язык – байхуа» [4; с. 25].

Для Линь Шу название произведения также было имело большое значение. Многие названия он переводил практически дословно, однако, если, по его мнению, название было слишком простым или неинтересным, то тогда он придумывал новое, интересное или изящное название. Воспитанный на классической литературе и почитающий ее Линь Шу зачастую добавлял к названиям такие часто встречающиеся в древней литературе слова, как «жизнеописание – *чжуань*» (传), «записки – *цзи*» (记), «описание – *шу*» (述), «история – *ши*» (史) и т.д. Помимо таких слов оставшаяся часть названия часто состояла из 4-х иероглифов (например, «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу переведена как «Записи о том, как черный раб взывает к небу» 黑奴吁天录 *Хэйну юй Тянь лу*, а «Приключения Михея Кларка» Конан Дойла – как «Записи о золотом ветре и железном дожде 金风铁雨录 *Цзинь фэн те юй лу* и т.д.), что также иллюстрирует приверженность Линь Шу к *вэньяню*. Кроме того, иногда он мог дать название, которое либо напрямую цитирует стихотворения той или иной эпохи, либо перефразирует его [6; с. 67].

Еще одной особенностью переводов Линь Шу были предисловия – *сюй* (序) и послесловия – *ба* (跋). О его предисловиях, их особенностях и т.д. писал Д.Н.Воскресенский в своих статьях «Запад и идея «Обновления общества» у китайских литераторов начала XX в. (О предисловиях Линь Шу к переводам западной прозы)» [1] и «Место Запада в рассуждениях китайских литераторов начала XX в. О «самоусилении» (Линь Шу и его эссе-предисловия)» [2]. Помимо этого, Д. Н. Воскресенский отмечал, что «его предисловия к своим переводам

произведений разных авторов отличаются не только большой эмоциональностью, но и полемичностью постановки проблем, имеющих непосредственное отношение к китайской действительности» [3]. Более того, эти предисловия и послесловия играли важную роль в процессе восприятия произведения читателем. Поясняя особенности текста, культуры и обычаев западных стран, переводчик, тем самым, уменьшал пропасть, разделявшую китайского читателя и западного автора. В некоторых случаях он проводил сопоставление западного произведения и древней культуры Китая.

Помимо перевода, предисловий и послесловий, стоит еще отметить примечания и пояснения, которые давал Линь Шу к своим переводам. Он пояснял, в первую очередь, значение предметов, не имевших аналогов в китайском языке – например, название денег. Кроме того, пояснений требовали и западные обычаи, которые китайский читатель мог не понять, посчитать неприличным или странным (например, западный обычай мужчин того времени целовать даме руку при встрече). Как правило, такие примечания делались Линь Шу с подачи его коллег – устных переводчиков. Однако в его переводах можно встретить и особый вид комментариев – размышления самого Линь Шу (такие комментарии были нередким явлением в переводах раннего этапа). Так, например, он дает свое видение политических событий произведения, традиций, образов персонажей, также он периодически комментирует стиль оригинальной книги.

К творчеству Линь Шу испытывают интерес до сих пор не только китайские исследователи. Так в 2021 году в Испании вышел перевод версии Линь Шу на испанский язык [5], несмотря даже на то, что Линь Шу в 1922 в соавторстве с Чэнь Цзялинем переводил даже не с испанского, а с английского.

Таким образом, можно отметить, что переводы Линь Шу, несмотря на имевшиеся недостатки, стали важной вехой и для переводной литературы Китая, и для литературы в целом. Для китайских читателей начала XX века они становились проводниками в западную культуру.

Литература

1. Воскресенский Д. Н. Запад и идея «Обновления общества» у китайских литераторов начала XX в. (О предисловиях Линь Шу к переводам западной прозы) // Восьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1977. С. 168–174.
2. Воскресенский Д. Н. Место Запада в рассуждениях китайских литераторов начала XX в. о «самоусилении» (Линь Шу и его эссе-предисловия) // Одиннадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Москва: Наука, 1981. С. 120–128.
3. Воскресенский Д. Н. Публицистика и художественный перевод. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/625/645/654/12151/12156.html>.
4. Захарова Н. В. Литературный процесс в Китае в первой четверти XX в. Эволюция прозаических жанров. Москва: ИМЛИ РАН, 2019. 336 с.
5. Jones Sam. Chinese Don Quixote is translated into Spanish after 100 years. URL: https://www.theguardian.com/books/2021/apr/23/chinese-don-quixote-is-translated-into-spanish-after-100-years?CMP=twt_books_b-gdnbooks&fbclid=IwAR292xg-SGb8GixUCJsKHIf61e72QVg6a39Xv_REgtxL8wF8aolHk_4pEU.

6. Го Ян. Линь и сяошо яньцзю. 郭杨. 林译小说研究. Исследование произведений в переводах Линь Шу. Шанхай: Фудань дасюэ, 2009. 152 с.
7. Гун Цюньфан. 龚琼芳. 林译小说在清末民初的传播研究. Исследование распространения романов, переведенных Линь Шу в конце династии Цин – начале Китайской Республики. Ухань: Хуачжун шифань дасюэ вэньсюэюань, 2013. 142 с.
8. Лянь Яньтан. Линь Шу: И цзе чжи ван. 连燕堂. 林纾: 译界之王. Шэньян: Ляонин жэньминь чубаньшэ, 2015. 174 с.
9. Су Сюэлинь. Линь Циньнань сяньшэн. 苏雪林. 林琴南先生// Среди людей, 1934, октябрь, № 4. URL: <http://m.aisixiang.com/data/105506.html>.
10. Хань Хунцзюй. Линь Шу дэ «коу и чжэ» као. 韩洪举. 林纾的“口译者”考. Изучение устных переводчиков Линь Шу // Вестник синьянского педагогического института. 2002. Вып. 3, № 22. С. 113–115.
11. Цинь Шоуоу. Сяошо цзунхэнтань. 秦瘦鸥. 小说纵横谈. Общий обзор художественной прозы. Гуанчжоу: Хуачэн чубаньшэ, 1986. 208 с.
12. Чжан Жогу. Иго циндяо. 张若谷. 异国情调. Дух других стран. Шанхай: Шицзе шуцзюй, 1929.
13. Чжу Сичжоу. Чунь цзюэ чжай чжу шу цзи цзюань и. 朱羲胃. 春觉斋著述记卷一. Сочинения ученого из кабинета Весеннего пробуждения. Шанхай: Шицзе шуцзюй, 1949. 104 с.
14. Чжэн Чжэньдо. Линь Циньнань сяньшэн. 郑振铎. 林琴南先生. Господин Линь Циньнань. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/林琴南先生>.

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-277-280

МОТИВ ДОМА В ПОЭЗИИ ХАЙ ЦЗЫ

© **Пороль Полина Вадимовна**

кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Оренбургский государственный университет
Россия, г. Оренбург
lady.linova2017@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается мотив дома в поэзии Хай Цзы (海子, hǎizi; настоящее имя – Чжа Хайшэн), предлагается перевод и интерпретация отдельных стихотворений, проводятся параллели с русской поэзией. В исследовании применены герменевтический подход, использовался структурно-семиотический метод с целью установления значений поэтической лексики.

Ключевые слова: Хай Цзы (Чжа Хайшэн), мотив дома, китайская поэзия, русская поэзия, перевод.

Funding. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90016. The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90016.

MOTIF OF THE HOUSE IN THE HAI ZI'S POETRY

© **Polina V. Porol**

Ph.D. of Philological Sciences, Senior Lecturer,
Orenburg State University
Russia, Orenburg
lady.linova2017@yandex.ru

Abstract. The article examines the motif of the house in the poetry of Hai Zi (海子, hǎizi; real name is Zha Haisheng), offers translation and interpretation of individual poems, and draws parallels with Russian poetry. The study used a hermeneutic approach, used a structural-semiotic method in order to establish the meanings of poetic vocabulary.

Keywords: Hai Zi (Zha Haisheng), house motif, Chinese poetry, Russian poetry, translation.

Творчество китайского поэта Хай Цзы все еще не стало предметом широкого изучения. Однако, в последнее время очевиден все нарастающий интерес к творчеству поэта как среди ученых, так и среди переводчиков (В. В. Цыбикова, М. Б. Хайдапова, Е. М. Болдырева, Ван Синьтун и др.). Цель нашей статьи: рассмотреть мотива дома в поэзии Хай Цзы, проанализировать образы, связанные с этим мотивом.

Поэзия Хай Цзы принадлежит к направлению, названном «туманным» в Китае – обращение к аллегориям для создания новых художественных образов, новых форм поэтического текста. В поэзии Хай Цзы звучат традиционные для поэ-

зии Китая темы любви, родины и смерти. Отдельное внимание заслуживает его пейзажная и философская лирика:

村庄里住着 cūnzhuāng cūnzhuāng lǐ zhùzhe	В деревне живут
母亲和儿子 mǔqīn hé érzi érzi	Мать и сын
儿子静静地长大 jìng jìng dì cháng dà	Сын потихоньку растёт
母亲静静地注视 mǔqīn jìng jìng de zhùshì	Мать наблюдает
芦花丛中 lúhuācóng zhōng	Среди летающего пуха тростника
村庄是一只白色的船 cūnzhuāng shì yī zhī báisè de chuán	Деревня – белая лодка
我妹妹叫芦花 wǒ mèimei jiào lú huā	Мою младшую сестру зовут Лу Хуа
我妹妹很美丽 wǒ mèimei hěn měilì	Моя младшая сестра очень красивая («Деревня», 1984) перевод автора статьи

Известно, что лодки в Китае обычно желтого цвета. «Белая лодка» может быть интуитивно или намеренно заимствована из русской культуры, где «лодка» восходит к возвышенному – «ладья». Строка: «Деревня – белая лодка» способна обратить читающего от быта к бытию, образ деревни (дома) из бытового перерастает в философский.

В следующей строке «芦花» (lú huā), переводимое как «пух семян тростника», может выступать именованьем девушки лирического героя или его младшей сестры. В то время в Китае было принято так назвать девочек, тростник символизирует чистоту. Образ тростника – один из частотных в китайской поэзии, связан с осенью, снегом или рыбной ловлей.

Обратимся к стихотворению Хай Цзы «Деревня» (1986):

村庄, 在五谷丰盛的村庄, 我安顿下来	Деревня, в деревне богатой хлебом, я поселился
cūnzhuāng, zài wǔgǔ fēngshèng de	
cūnzhuāng, wǒ āndùn xiàlái	Чем меньше того, до чего я могу дотянуться,
我顺手摸到的东西越少越好	тем лучше
wǒ shùnrshǒu mō dào de dōngxī yuè shǎo yuè hǎo	Береги сумеречную деревню, береги дождливую
珍惜黄昏的村庄, 珍惜雨水的村庄	Безоблачное небо подобно моей вечной
zhēnxī huánghūn de cūnzhuāng, zhēnxī yǔshuǐ de cūnzhuāng	грусти
万里无云如同我永恒的悲伤	(«Деревня», 1986) перевод автора статьи
wànlǐ wú yún rútóng wǒ yǒnghéng de bēishāng	

Состояние лирического героя, его отношение к деревне, дому выражено лексемами: 顺手 (shùnrshǒu), 珍惜 (zhēnxī), 悲伤 (bēishāng). С помощью выражения 万里无云 (wànlǐ wúyún) поэт описывает безмятежность деревни, чистоту ее природы. Деревня изображена как самое дорогое, что есть у поэта. Тема предметности, хозяйственного быта выражена в стихотворении лексемой 顺手 (shùnrshǒu) – поэт стремится уйти от вещей, приходящих в деревню по мере развития экономики Китая (телевизора, радио), тяготея к привычным окружающим его деревен-

ским вещам. Хай Цзы и сам так жил: в комнате было очень мало вещей, он не смотрел телевизор, не слушал радио.

Образ дома, домашнего очага многопланово представлен в стихотворении «Вернуть домашний очаг» (重建家园 Chóngjiàn jiāyuán, 1987):

在水上 放弃智慧 zài shuǐshàng fàngqì zhìhuì	Мудрствование по воде пустить Останавливаясь, смотрю в глубокое небо
停止仰望长空 tíngzhǐ yǎngwàng chángkōng	Чтобы существовать, нужно проливать слезы страдания
为了生成你要流下屈辱的泪水 wèile shēngchéng nǐ yào liúxià qū'ǎ de lèishuǐ	Приходи поливать ими родины тихой сады
来浇灌家园 lái jiāoguàn jiāyuán	

生存无须洞察 shēngcún bǐjīběn diànnǎo	Мироздание не стоит пытаться понять
大地自己呈现 dàdì zìjǐ chéngxiàn	Земля берет на себя
用幸福也用痛苦 yòng xìngfú yě yòng tòngkǔ	И счастье, и муки
来重建家乡的屋顶 lái chóngjiàn jiāxiāng de wūding	Чтобы строить крышу над родиной
放弃沉思和智慧 fàngqì chénsī hé zhìhuì	Отказаться от мудрствования нужно
如果不能带来麦粒 rúguǒ bùnéng dài lái mǎi lì	Если это не принесет плодов
对诚实的大地 qǐng duì chéngshí de dàdì	Перед искренней землей
保持缄默 和你那幽暗的本性 bǎochí jiānmò hé nǐ nà yōu'àn de běnxìng	Хранить молчание темной природы твоей

风吹炊烟 fēng chuī chuīyān	На меня повеет
果园就在我的身旁静静叫喊 guǒyuán jiù zài wǒ de shēn páng jìng jìng jiàohǎn	Дымом очага человеческого, и сад рядом со мною зовет:
"双手劳动 shuāngshǒu láodòng	«Руками трудись,
慰藉心灵" wèi jí xīnlíng	Чтобы мир обрести в душе»

(«Вернуть домашний очаг», 1987)
перевод автора статьи

В стихотворении «Вернуть домашний очаг» – идея о возвращении духовной культуры через физический труд – человек должен что-то делать руками, чтобы иметь в душе мир. Мудрствования не приносят душе покоя. Нужно быть ближе к земле, черпать в ней силы, и тогда она сама подскажет тебе твой путь. Образ дома, очага – образ всей родины.

Тань Учан указывает, что лексемы «家园» (jiāyuán, «домашний очаг») и «村庄» (cūnzhuāng, «деревня») в стихотворении имеют несколько разную семантическую наполняемость. «家园» выступает как метафора: в сознании поэта это образ истинной деревни. «村庄» – более конкретное, материальное, в то время как «家园» – более отвлеченное, абстрактное. Из названия стихотворения понятно, что «домашний очаг» разрушен, в стихотворении автор использует все силы души, чтобы выразить желание восстановить его [6, с. 157]. Мотив дома звучит во многих поэтических текстах Хай Цзы. В его поэзии воспеваются крестьянское

миросозерцание, быт и окружающая природа: дом – отражение деревни (в том числе русской, есенинской).

С. Субботин, исследователь творчества поэта Николая Клюева (поэта есенинского круга), цитируя статью А. Холодовича «Язык и литература: (Заметки о языке)», которая была напечатана в ленинградском журнале «Звезда» в январе 1935 года, говорит о религиозно-мифологической концепции, согласно которой мир, вселенная представляется как макроскопическая изба и, наоборот, изба представляется как микроскопический мир, космос [1, с. 91]. Наблюдение над поэзией Хай Цзы позволяет утверждать о преемственности китайским поэтом данной концепции.

Описание дома от конкретного уходит в философское, небытийное (дом – родина и др.). Мотив дома в поэзии Хай Цзы указывает на бесприютность, потерянность лирического героя.

Литература

1. Клюев Н. А. Изба и поле: Избранные стихотворения / послесл. С. Субботина. Мурманск: Кн. изд-во, 2003. 104 с.
2. Колымагин Б. Китайские мотивы в поэзии андеграунда // Новое литературное обозрение. 2015. № 5. С. 268–278.
3. Тугулова О. Д. Поэтический дискурс китайского андеграунда // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 8. С. 67–71.
4. Цыбикова В. В. Мотивный комплекс лирики Хай Цзы (1964–1989): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Улан-Удэ, 2021. 174 с.
5. 海子的诗. 北京: 北京中印联印务有限公司, 2007年. 219叶 (Hǎizi de shī. Běijīng: běijīng zhōng yìn lián yìn wù yǒuxiàn gōngsī).
6. 面朝大海 春暖花开 / 海子, 谭五尝遍煮. 南京: 江苏文艺出版社, 2008. 237叶 (Miàn cháo dàhǎi Chūnnuǎn kāihuā / Hǎizi, Tán wǔ cháng biàn zhǔ. Nánjīng: Jiāngsū wényì chūbǎn shè).

Научная статья
УДК 821.581
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-281-285

О САТИРИЧЕСКОМ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ВАН МЭНА

© Шулунова Евгения Константиновна
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт Дальнего Востока РАН,
Российский государственный гуманитарный университет
wardis@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает комическое в литературном творчестве Ван Мэна, концепцию писателя. Юмор, сатира, к которым обращается литератор, также служат ему для выявления того что мешает развитию, улучшению общества. Ведь он активный общественный деятель. Рассматривая разные проблемы, с которыми сталкивается современное общество, писатель предостерегает людей от принятия поспешных решений, критикует необдуманные перемены, указывает на нелепость, которая может превратиться в абсурд, смягчая восприятия вопросов современной действительности смехом, комизмом.

Ключевые слова: Ван Мэн, юмор, сатира, чэньюй.

ABOUT THE SATIRICAL IN WANG MENG'S LITERATURE

© Evgenia K. Shulunova
Candidate of Sciences (Philology),
The Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences;
Russian State University for the Humanities
wardis@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the comic in Wang Meng's work, the concept of the writer. the concept of the writer. The humor, the satire, to which the writer refers, also serve him to identify what hinders the development and improvement of society. After all, he is an active public figure. Considering various problems faced by modern society, the writer warns people against making hasty decisions, criticizes thoughtless changes, points out the absurdity that can turn into absurdity, softening the perception of issues of modern reality with laughter, comic.

Keywords: Wang Meng, humor, satire, phraseological units.

Писатель Ван Мэн — не только автор повестей и романов, публицистических произведений, но и мастер юмористических притч. Здесь он смотрит на жизнь, изучая каждую отдельный знак, точку. Художник считает, что современной китайской литературе не хватает "прозы одного кадра, одного куска, одного чувства одного высказывания, одного ракурса, из одного возгласа тоже можно построить рассказ" [1, с 135]. Ван Мэн находит в пространстве такую точку и пытается воплотить в ней все пространство [1]. Так, в рассказах-

миниатюрах сюжет строится именно таким образом, когда точка-предмет представляется сжатой пружиной, раскручивание последней воплощает в себе и повествование, и наставление.

Автор берет за основу известные китайские идиомы — чэньюи, которые известны не только в интеллектуальной среде, но и популярны в быту. Их постоянно используют журналисты, общественные деятели. Ван Мэну нравится эта краткая форма за ее афористичность, иносказательность, смысловую емкость, способность вмещать разные оттенки значений и скрывать иронический подтекст и сатиру. Чэньюй для Ван Мэна не просто фразеологизм, это некая форма, содержащая в себе глубокое содержание, которая обладает скрытыми возможностями к многостороннему развитию. Писатель, обращаясь к чэньюю, изучает не традиционный смысл его, а создает новый, исследует иную грань, знакомя читателя с неожиданным прочтением.

Источником чэньюя является древняя притча. В различных философских, художественных произведениях авторы часто обращаются к притчам, и собственно к фразеологизмам. Использование древних притч — традиционный прием в китайской литературе. Традиционные сюжеты превращались в источник разных высказываний, и на их основе возникло нечто новое. Ван Мэн обращает внимание читателя на своей симпатии, привязанности к традиционности. В заглавии первого сборника "Чэньюи в новой редакции" 成语新编 писатель подчеркивает свою непосредственную связь с сборником рассказов Лу Синя "Старые легенды в новой редакции" [2], в котором дается своеобразная расшифровка традиционных китайских мифов и легенд, сопровождаемая сатирой на отсталое отношение к ним как к конфуцианским святыням. Ван Мэн назвал книгу, в которую вошел сборник рассказов "Чэньюи в новой редакции", "Юмор" 幽默小说自选集 [3]. Однако речь здесь не столько идет о юморе, сколько о сатире. Ван Мэн не сочувствует персонажам, все они, как правило, либо люди недалекие, либо хитрецы и лицемеры. В этом также разница с сатирическими сказками Лу Синя, в "Старых легендах в новой редакции", создавалась как сопоставление положительного и отрицательного. Например, в первом рассказе Лу Синя "Починка небосвода" Нюйва воплощает собой животворящую силу, добро, могущество, она огромна, все в ней, облик, деяния носят вселенский масштаб. Изображение богини не лишено доброй улыбки автора, она томится, как барышня, и лишь от полного безделья начинает творить людей. Люди же, точнее изображенные конфуцианцы, представляют полную противоположность ей, они мелки во всем, и в размерах, и в помыслах, и в деяниях. Именно они оказываются объектом сатиры Лу Синя. Симпатии автора также на стороне Моцзы и Юя.

Ван Мэн, как правило, за основу берет древнюю историю, преобразованную во фразеологизм — чэньюй, это, своего рода сжатая притча, история с дидактическим содержанием.

Обычно притчи имеют определенную морализирующую функцию, они поучают, наставляют. Они различаются по способу наставления, одни притчи-чэньюи изначально критически направлены на некоторое явление, например, на глупость, твердолобость, лень, косность. Например, в притче "Как люди по зарубке на палубе меч искали" 刻舟求剑, "Утром — три, вечером — четыре" 朝三

暮四, "Как крестьянин возле дерева зайца ждал" 守株待兔 守株待兔. Другие же притчи, не критикуя отрицательное, описывают нечто идеальное. Например, в произведениях "Высокие горы, текущие воды" 高山流水, "Из трех прохожих один наверняка мой учитель" 三人行, 必有吾师. Имея одну цель — поучение, исправление чего-то отрицательного, притчи дифференцируются способом обращения к двум сторонам: стороне идеальной — как должно быть, стороне отрицательной — то как, не должно быть. Независимо от этого, все эти сюжеты представляют необходимое для сатиры противопоставление. Таким образом, очевидно, что Ван Мэн, избрав материал внутренне склонный к сатире, развивает его, и на данной основе создает новые сатирические плоскости.

У М. М. Бахтина есть следующее определение сатиры: "Сатира — это образное отрицание современной действительности в различных ее моментах, необходимо включающее в себя — в той или иной форме, с той или иной степенью конкретности и ясности — и положительный момент утверждения лучшей действительности" [4]. Ван Мэн создает сатирическое произведение путем отнесения вневременной критики вневременных недостатков, содержащейся в чэньюях к современным реалиям, и тем самым превращая абстрактно критический сюжет в острое сатирическое произведение. Серьезную и смеховую — два вида сатиры, выделяемые М. М. Бахтиным, можем наблюдать у Ван Мэна, так и у китайских классиков, например, у Пу Сундина, Лу Синя. Серьезная сатира изобличает отрицательные явления, вызывая к ним негативные эмоции, неприятие. Смеховая же сатира для выявления негативных моментов применяет юмор. Пу Сунлин, будучи автором сатирических "бицзи сяошо", в "Рассказах Ляо Чжая о чудесах", прибегает к серьезной сатире. "Основная тема — противоречие между жизнью, какая она есть и какой она должна быть с точки зрения автора" [5]. Пу Сунлин обрушивается с критикой на общественные нравы, коррупцию знати, косности экзаменационной системы. У Лу Синя, напротив, преобладает в "Старых легендах в новой редакции" смеховая сатира, юмор. Используя древние легенды, Лу Синь, высмеивает закоснелое представления о конфуцианских святых. Сталкиваясь с современностью, писатель совершает попытку оживить то, что было изначально. "Переосмысляя прошлое, Лу Синь сталкивал древнюю эпоху с современной, чтобы показать, что ни один образ, ни одно учение не остались неизменными" [2].

Ван Мэн использует притчи как коды, ключи к современным реалиям, при этом не развенчивая чэньюй. Герои притч — вымышленные, не имеют принадлежности к определенной эпохе, времени. Насмешка заключается в современных типах, явлениях. Сюжет притчи — это форма, а вот смысловое внимание, акцент могут меняться. Смех в рассказах ясно уловим, комичны образы глупых пассажиров и крестьянина, картина с тигром и обезьянами, вызывает смех случай с пианистом.

Сюжет притчи или истории, как правило, прост. Очевидно, что суть даже не в нем, как это часто бывает в миниатюрах с философским подтекстом. В этом заключается сложность анализа подобных произведений. Главное в полутонах и обертонах, основная мысль зачастую завуалирована, зашифрована. Причиной сюжетной простоты можно назвать и перенос центра тяжести на саму форму повествования и на язык. В китайской прозе малых форм весьма часто основную роль играют аллюзии, ассоциации и стилистические фигуры. Иногда замысловатые из-за своей иносказательности рассказы Ван Мэна не являются исключением.

Общественно-политическая направленность иронии Ван Мэна выражается в том, что действие рассказов-миниатюр в большинстве случаев связано с действующими реалиями, с современной действительностью. Фабула старой притчи состоит из современных понятий, например, книга рекордов Гиннеса, банки из-под кока-колы, ракеты "Патриоты" и тп., событий недавнего прошлого: Ирано-иракская война, пианист Юй Лаоя горюющий из-за рекламы антиперспиранта, Международное общество защиты животных занято проблемами обезьян и тд. Подобные приемы содержат в себе несут в себе гротеск, едкую сатиру на разные стороны современного общества.

Ван Мэн — крупный, серьезный писатель, общественно-политический деятель, бывший министр культуры, думается, что его юмор не может быть бессодержательным, развлекательным. Смех, как это о часто бывает, лишь форма, которая несет в себе сигнал задуматься. И здесь явно проявление традиционности Ван Мэна, поскольку, как отмечает А. Д. Воскресенский "китайский юмор по-китайски прагматичен, это не юмор ради юмора, ради развлечения, он непременно с дидактическим, морализаторским оттенком" [3].

Анализируя структуру рассказов, ясно, что притча является своего рода ядром, из которого произрастают смысловые ветви, особые акценты, политические, философские намеки, сатирические выпады. Фабула традиционной притчи, как правило, заканчивается в середине и развивается дальше в размышлениях автора. Либо рассказчик сразу, обращаясь к притче как к центральному моменту, отталивается от нее и сочиняет сюжет.

Так, достаточно понятный, реалистический сюжет развивается в парадоксально-гротескном ключе. Довольно часто заложенная в чэньюе изначальная нелепость доводится до парадокса, абсурда. Чэньюй раскручивается, разворачивается, обрастая массой деталей. В пределах современной и понятной читателям малой формы рассказа-миниатюры Ван Мэн разворачивает малую форму чэньюя, расширяя его смысловое пространство, углубляя значение.

Абсурдность выписывается писателем с детализированной точностью, заостряются некоторые черты персонажа или его действий, раскрывается их нелепость, в некоторых случаях, даже порой бессмысленность, при этом сохраняется воображаемая серьезность рассказчика. Некоторые произведения заканчиваются, как будто на полуслове, что оставляет повествование открытым, предполагая возможное продолжение событий в будущем, тем более что события уже четко ориентированы на современную действительность. Телевидение снимает передачи про водолазов, нырявших за мечом; расцветают учения о жизнедеятельности крестьянина-стукача, обезьяны начинают заниматься коммерческой деятельностью и тд. Читатель может додумать продолжение абсурдной истории.

Умышленная нарочитая незаконченность некоторых рассказов в который раз выражает общий призыв задуматься над происходящим, уже прошедшим и тем, что может произойти в будущем.

Ван Мэн использует материал, обладающий дидактической направленностью, использует старые сюжеты. Подобного рода намеренно созданное сходство с традиционными сборниками очевидно. Что лишь усиливает комический эффект. Нередко можно наблюдать подражание языку и стилю древних произведений. Этот прием ярко представлен у Лу Синя в "Старых легендах в новой редакции". Ван Мэн показывает персонажей современности, обращая пристальное внимание на "болезни" общества, потому что для него важны судьбы его страны, а смех, сатира не только ради юмора, порицания, а и для смягчения восприятия проблем современной действительности.

Литература

1. Торопцев С. А. Ван Мэн: творческие поиски и находки. Проблемы Дальнего Востока. 1984. № 2. С. 135.
2. Лу Синь. Сатирические сказки. Перевод с кит., предисловие, комментарии Л. Д. Позднеевой. Москва: Худож. лит., 1964.
3. Ван Мэн. Сборник рассказов "Юмор", четырехтомное издание произведений, отобранных автором. Издательство Лицзян, 1995. 王蒙。小说自选集。漓江出版社, 1995。
4. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Москва: Русские словари, 1996. Т. 5.
5. Фишман О. Л. Три китайских новеллиста 17–18 вв. (Пу Сунлин, Цзи Юнь, Юань Мэй). Москва: Наука, 1980.
6. Воскресенский А. Д. Китайские анекдоты и притчи. Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 166.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА КИТАЯ

Научная статья
УДК 39
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-286-292

РИТУАЛЬНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ СМЫСЛ СОСУДОВ-ДИН В КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЕ

© Анашина Мария Владимировна
кандидат философских наук, доцент,
Московский педагогический государственный университет
Россия, г. Москва
anashina@yandex.ru

Аннотация. Олицетворением жертвоприношения и его мироустроительной функции в Древнем Китае стал сосуд-дин 鼎 dǐng. В китайских храмах и монастырях часто встречаются круглые триподы и прямоугольные тетраподы, символизирующие, соответственно, Небо и Землю. В процессе своей эволюции они соединили в себе различные функции — хозяйственную, ритуальную и статусную. Сосуды-дин часто украшены изображениями прожорливого чудовища таоте и ритуальными надписями.

Ключевые слова: Древний Китай, культ предков, сосуды-дин, жертвоприношения, цзягувэнь, цзиньвэнь.

SYMBOLIC MEANING OF DING VESSELS IN CHINESE PHILOSOPHY AND CULTURE

© Maria V. Anashina
Moscow State Pedagogical University
Russia, Moscow
anashina@yandex.ru

Abstract. The personification of sacrifice and its world-building function in ancient China was the vessel-din 鼎 dǐng. In Chinese temples and monasteries, round tripods and rectangular tetrapods are often found, symbolizing Heaven and Earth, respectively. In the process of their evolution, they combined various functions - economic, ritual and status. Din vessels are often decorated with images of the gluttonous monster taote and ritual inscriptions.

Keywords: Ancient China, ancestral cult, ding vessels, sacrifices, jiaguwen, jinwen.

Еще в эпоху неолита в Китае сформировался культ мертвых, вера в загробную жизнь и перерождение, о чем свидетельствуют многочисленные археологи-

ческие раскопки. В эпоху Шан-Инь (1554–1046 до н.э.) господствовало представление о загробном мире как зеркальном отражении мира живых [2, 43]. Это можно проследить по характеру захоронений знати в Иньсюе, например, Фу Хао 妇好, второй жены шанского правителя У Дина 武丁 (правил в 1250?–1192? гг. до н. э.), умершей в 1200 г. до н. э. В ее гробнице были обнаружены изделия из нефрита, резной кости, бронзы, включая оружие и колокола, изделий из мрамора, бирюзы, слоновой кости, а также останки принесенных в жертву 16 людей и 5 собак [10].

Одновременно, в эпоху Шан-Инь развивались представления о том, что после своей смерти предки во главе с верховным первопредком Шан-ди всемогущи и способны предсказывать будущее. Это нашло отражение в ритуале гадания на костях животных и панцирях черепах, который сопровождался жертвоприношениями, включая человеческие. Важнейшую роль в таком общении с предками приобретала письменность – знаки 文 wén, с помощью которых записывался вопрос первопредку и его ответ. Таким образом, уже в ранние времена письменность приобрела в Китае сакральное значение как связующее звено между миром живых людей и умерших предков.

Культ предков получил свое развитие в последующее время и стал центральным в эпоху Чжоу (1045–221 до н. э.). В зависимости от социального положения участников регламентировался ритуал жертвоприношения, объем и количество жертв. Согласно «Ли-цзи» 禮記, представители чжоуской родовой знати имели право на определенное количество храмов в честь их предков, в которых регулярно приносились им жертвоприношения. Для нормального существования духа-гуй 鬼 guǐ, в которого перерождалась после смерти материальная душа-по 魄 pò, необходимы были регулярные жертвоприношения, совершаемые потомками по мужской линии; лишенный жертвоприношений дух-гуй мог начать вредить всем живым, включая неповинных людей [2, 44–45]. Таким образом, жертвоприношения обеспечивали спокойствие живущих и мертвых.

Ритуальная посуда династий Шан и Чжоу чрезвычайно разнообразна. Помимо триподов и тетраподов 鼎 dǐng использовались жертвенные сосуды для проса 簋 guǐ, котлы на трех ножках 鬲 gé, чаши 盂 yú, подносы 俎 zǔ; для воды применялись блюдо 盤 pán, рукомойник 匜 yí, таз 鑑 jiàn; для вина - кубки 爵 jué и 斝 jiǎ, чаши 觚 gū, сосуды 觶 zhì, рог 觥 gōng, сосуды 彝 yí, кувшины 卣 yǒu, чаши 尊 zūn и т. д. Среди всех найденных к настоящему времени ритуальных сосудов доля сосудов-дин является самой большой – приблизительно пятая часть всех бронзовых изделий [5].

Бронзовые триподы и тетраподы дин часто встречаются в погребениях шанской знати в Иньсюе [3, 196]. Их количество, наряду с размерами погребения и бронзовыми сосудами других типов, свидетельствуют о высоком социальном статусе покойного и его месте в социальной иерархии.

В эпоху ранней Западной Чжоу (1045–771 гг. до н. э.) произошла так называемая «ритуальная революция» [11, 23–24]. Чжоуский У-ван 周武王 (XI в. до н. э.) полагал, что одной из причин падения династии Шан-Инь было пьянство иньцев, широкое употребление вина во время совершения жертвоприношений, что

повлекло за собой утрату мандата Неба [13]. Ритуальную функцию сосудов-дин в определенной степени сменила статусная.

Иероглиф 鼎 *dǐng* встречается уже на иньских гадательных надписях и изображает сосуд на ножках с двумя ручками-ушками (рис. 1):

Рис. 1 [12]

В V–III веках до н.э. сосуды-дин стали закрывать крышками. Согласно словарю 说文解字 («Объяснение простых и толкование сложных иероглифов», составлен Сюй Шэнем к 100 г. н. э., издан в 121 г. н. э.), сосуд-дин описывается как «драгоценная утварь, (имеющая) три ножки, два ушка и пять вкусов».

Самые ранние керамические сосуды-дин были обнаружены на стоянке раннего бронзового века Эрлитоу 二里头文化 [17], которую многие современные археологи связывают с первой в истории Китая династией Ся 夏 (2070–1600 гг. до н. э.) [3, 156]. С развитием бронзолитейной технологии в Ся, Шан и Чжоу их сменили бронзовые сосуды-дин.

По преданию, Хуан-ди (2698–2599 гг. до н. э.) отлил три трипода, которые символизировали Три начала – Небо 天, Землю 地 и Человека 人 [5]. В «Шо вэнь» также говорится, что Великий Юй (2123–2025, основатель династии Ся) собрал металлы (имеется в виду бронза) с Девяти областей Китая 九州 и у подножия горы Цзиншань отлил девять треножников, на которых изобразил все сущее, тем самым, получив мандат на царство [15].

Однако в «Цзо чжуань» 左傳 («Комментарии Цзо») повествуется, что девять котлов-треножников были отлиты сыном Юя Великого, Ци 啟, вторым правителем Ся. К началу правления династии Цинь (221–206 гг. до н. э.) девять ритуальных сосудов-дин были утеряны. В последующие годы китайские императоры несколько раз создавали их копии.

Существует три основные функции сосудов-дин:

- 1) для хранения и приготовления пищи,
- 2) ритуальная,
- 3) статусная.

Функции хранения и приготовления пищи упоминаются, например, в тексте «Чжоу ли» 周禮 (глава 天官冢宰) [17]. Сосуды-дин также использовались во время совершения ритуалов жертвоприношения, в военных походах и на пиршествах. В трактате «Мэн-цзы» описывается, что в горах и реках добывали металл, из которого в Куньу 昆吾 (ныне Аньи, пров. Шаньси) отливали сосуды-дин для совершения жертвоприношений в Кунь-у [3, 176].

Размер и вес сосудов-дин мог достигать внушительных размеров. Так, найденный в Иньсую треножник-дин «Хоу-му-у» (или «Сы-му-у») 后(司)母戊鼎

весит 875 кг, в его изготовлении должны были принимать участие не менее 200 человек [8]. Самые маленькие сосуды-дин были около 10 см в высоту, а большие – более одного метра. Позднешанский прямоугольный четырехножный *Сыму-у фан дин* имеет высоту 133 см, длину 110 см, ширину 78 см и вес 875 кг, а у раннезападночжоуского круглого треножника *Да Юй дин* высота составляет 102,1 см, диаметр 78,4 см и вес 153,5 кг. [5]. Такой размер указывает на то, что в жертву могли приноситься целые животные, а также люди (как известно, в эпоху Шан-Инь практиковались человеческие жертвоприношения).

Кроме того, сосуды-дин олицетворяли классовую систему и власть правящего класса в древнем обществе. Это нашло свое отражение в выражении 鐘鳴鼎食 zhōngmíng dǐngshí – «есть из треножников под звон колоколов», т. е. «вести роскошный образ жизни, купаться в роскоши; богатый, роскошный» [1]. Также сосуды-дин символизировали власть правителя, что иллюстрирует выражение 問鼎中原 – «планировать захват власти во всей стране» [1] [18], что связано с выражением 問鼎 wèndǐng – «спрашивать о размере и весе треножника» - претендовать на первое место, захватить власть и т. п. [1].

В эпоху Западная Чжоу (1045–771 гг. до н. э.) существовали строгие правила, определявшие какое число сосудов-дин может быть использовано в церемониях, таких, как сватовство, свадьба, похороны, в соответствии с рангом знатности. Их описание можно найти в таких текстах, как «Ли цзи» 禮記 («Записи о ритуале»), «Чжоу ли» 周禮 («Чжоуские ритуалы»), «И ли» 儀禮 («Церемониал и обряды») и других. Согласно им, Сын Неба 天子 должен был использовать 9 сосудов дин и 8 бронзовых сосудов гуй 簋, чжухоу 諸侯 – 7 дин и 6 сосудов гуй; дафу 大夫 – 5 сосудов дин и 4 гуй, ши 士 – 3 сосуда дин и 2 сосуда гуй или 1 дин и 1 сосуд гуй. [8] При погребении членов чжоуского дома полагалось: для Сына Неба – девять, чжухоу или цина 卿 – семь, дафу – пять, ши – три или один. В зависимости от титула, при погребении гунов 公 и хоу 侯 использовали семь сосудов-дин, бо 伯 – пять, нань 男 – три или один [3, 232–233].

Необходимо отметить также о существовании определенной нумерологической связи между сосудами дин и гуй 簋, построенной на оппозиции нечетного и четного. Так, можно заметить, что число сосудов-дин на пирах и в погребениях всегда нечетное (9, 7, 5, 3, 1), а сосудов-гуй – четное (8, 6, 4, 2) в зависимости от ранга [4, 131–132].

Начиная с конца периода Западное Чжоу, а также в периоды Чунь-цю (770–476 гг. до н. э.) и Чжань-го (475–221 гг. до н. э.) начинается постепенный отход от существовавшей прежде системы. Это отразилось в том, что при погребениях представителей различных рангов стало использоваться большее число сосудов, чем то, что определялось прежними правилами. При империи Цинь (221–206 гг. до н. э.) эта система была упразднена вместе со старой чжоуской системой рангов.

Выделяют два типа сосудов-дин: круглые, с тремя ножками триподы и квадратные или прямоугольные с четырьмя ножками тетраподы 方鼎 fāngdǐng. Их форма тесно связана с древнекитайскими пространственно-нумерологическими представлениями. Так, два ушка символизируют пару 陰 yīn и 陽 yáng (женское/темное и

мужское/светлое начала), а три ножки – три начала: Небо 天, Землю 地 и Человека 人, что в сумме дает число пять, отсылающее к пяти первоэлементам 五行 wǔxíng. Круглые сосуды-дин символизируют Небо, квадратные – Землю. Тем самым, они выражают ритуальный аспект власти.

Сосуды-дин богато декорированы. Довольно часто на них встречается орнамент с изображением Таоте 饕餮 tāotiè — мифологического чудовища-обжоры. Согласно «Люй-ши чунь-цю», «На чжоуских треножниках изображался монстр Таоте — с головой, но без туловища — он хватал человека, но не мог его проглотить целиком и тем наносил вред себе самому. Эти изображения олицетворяли возмездие: тому, кто творит недоброе, тоже не поздоровится» [6, 242]. Кроме таоте, на сосудах-дин также встречается спиралевидный узор, позднее появляются фигуры животных — коровы, козы, птицы, драконы и львы, которые играли не только декоративную, но и функциональную роль, например, в качестве ручек.

С конца эпохи Шан-Инь, и особенно в эпоху Западная Чжоу, с внутренней стороны сосудов для жертвоприношений, в том числе, и дин, начинают делать различные записи – так называемые 金文 jīnwén. Поскольку олицетворением ритуальных сосудов являлся сосуд-дин, они также получили название 钟鼎文 zhōngdǐngwén – «треножниковое и колокольное письмо». В зависимости от характера надписи выделяются «врезанные письмена» 款 kuǎn и «выпуклые письмена» 识 zhì.

Наиболее ранние иньские надписи были весьма лаконичны. Как правило, они содержали имя владельца и указание на то, кому посвящен данный сосуд. Примером является самая крупная надпись того времени, выполненная на треножнике-дин «Шу Сы-цзы дин»: «В день бин-у ван подарил Шу Сы-цзы двадцать связок раковин. В храме Цзянь. Изготовлен драгоценный сосуд дин для отца Фугуя. В большом зале ванского храма Цзянь. В девятом месяце. Цюань Юй» [4, 106].

С X–IX веков до н.э. надписи на сосудах становятся все более пространными, из нескольких сотен иероглифов. Так, например, надпись «Мао-гун дин» насчитывает 497 иероглифов. [4, 17] Чаще всего надписи встречаются на сосудах-дин и сосудах для зерна гуй, а также на бронзовых колоколах чжун, на долю которых приходится две трети всех известных бронзовых надписей. [4, 19] Их особенностью является то, что это надписи ритуальные, о чем свидетельствует завершающая формула «будет использоваться в качестве сокровища поколениями детей и внуков на протяжении десяти тысяч лет» 子子孫孫萬年永寶用. Надписи помещались обычно на внутреннее дно сосуда. Сосуды предназначались для ритуальной трапезы, предназначавшейся для людей и духов, поэтому содержание надписи оказывалось скрытым для посторонних глаз. Тем самым, осуществлялось магическое общение между миром живых и усопшими предками. В другое время сосуды хранились в храме предков [4, 22–24].

Вот пример одной из таких надписей, которая называется «Э-хоу дин» 鄂后鼎: «Правитель совершил поход на юг. Возвращаясь из похода, он остановился в Пэй. Э-хоу Юй-фан поднес правителю сладкого вина, его распили. Юй-фан угощал правителя. Правитель устроил пир. Потом стреляли из лука. Юй-фан стре-

лял вместе с правителем. Все пили вино. Правитель лично одарил Юй-фана пятью парами украшений из нефрита, пятью лошадьми, пятью пучками стрел. Юй-фан почтительно сложил руки и поклонился до земли, осмелился поблагодарить Сына Неба за великолепный дар. По этому случаю был сделан жертвенный сосуд-дин. На протяжении десяти тысяч лет дети и внуки вечно будут пользоваться им как драгоценностью» [9, 134].

Анализ надписей на бронзовых сосудах раскрывает их особую ритуальную функцию, на что совершенно справедливо указывает М. В. Крюков: «Для древних китайцев жертвенный сосуд являлся ценностной категорией особого рода. Он был олицетворением единства родственной общности и непрерывности связи между живыми и усопшими. По существу дела он представлял собой орудие достижения индивидуального и группового бессмертия; с его помощью живущие люди, а также их многочисленные потомки осуществляли кормление духов предков, получая взамен их сакральное покровительство. В этом состоит значение того, что чжоусцы именовали "сокровенным использованием" бронзовых сосудов - обеспечение вечной ("десятитысячелетней") преемственности поколений. И здесь же – подлинный ключ к троичной структуре (прошлое, настоящее, будущее – М.А.) цзиньвэнь» [4, 115–116]. Фактически, бронзовые сосуды, соединяя три времени – прошлое, настоящее и будущее, мир живых и мир усопших, в единое сакральное пространство, тем самым обеспечивали вечность существования рода.

Большинство надписей на бронзе содержит описание акта дарения вышестоящим (правителем) адресату драгоценностей (раковин, нефрита), оружия (стрел, колесниц), имущества (земли, подданных) и т. п., в благодарность за которые отливался бронзовый сосуд и наносилась соответствующая надпись. Чжоуские ваны считались Сыновьями Неба, и в этом качестве могли напрямую общаться с Небом, чего были лишены остальные представители человечества. То есть, через вана осуществлялась связь с Небом, ниспосылающего человеку счастье, долголетие и другие благие дары. Таким образом, ритуальный сосуд с нанесенной на него ритуальной надписью становился посредником между человеком и Небом.

Китайское мироощущение является выражением коррелятивного мышления [7, 31]. Согласно Дж. Хендерсону, «Коррелятивное мышление в целом устанавливает систематические соответствия между аспектами различных порядков реальности или царств космоса, таких как человеческое тело, политическое тело и небесные тела. Он предполагает, что эти родственные порядки в целом гомологичны, что они соответствуют друг другу в каком-то основном отношении, даже в некоторых случаях, что их тождества содержатся друг в друге.» [14, 1]. Наиболее универсальный тип коррелятивного мышления, появившийся еще в раннем Китае, основывался на соответствии между человеком и космосом, микрокосмом и макрокосмом [14, 2].

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод, что сосуды-дин, которые представлялись, как было показано выше, посредниками между человеком и Небом, и обеспечивая физическое бессмертие человека как связи между предками, ныне живущими и потомками, есть отражение такого коррелятивного мышления.

Литература

1. Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 25.06.2022).
2. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. Москва: Восточная литература, 2001.
3. История китайской цивилизации: в 4 т. / гл. ред. Юань Синпэй [и др.]; перевод с кит.; под редакцией И. Ф. Поповой, М. Ю. Ульянова. Москва: Шанс, 2021. Т. 1.
4. Крюков В. М. Текст и ритуал: Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. Москва: Памятники исторической мысли, 2000.
5. Кучера С. История, культура и право древнего Китая. Инскрипции на бронзовых изделиях — особый вид источников по древней истории Китая. URL: <https://www.synologia.ru/monograph-1331-7> (дата обращения: 25.06.2022).
6. Люйши чунью (Весны и осени господина Люя) / перевод Г. А. Ткаченко. Москва: Мысль, 2010.
7. Ткаченко Г. А. Хаос и космос в традиционной китайской космологии и антропологии // Бог — человек — общество в традиционных культурах Востока. Москва: Наука. Восточная литература, 1993.
8. Хань Фан, Ван Цзичао. Ритуал и церемониальная музыка в Китае. Бронзовые изделия эпох Шан и Чжоу из провинции Хубэй и уникальность китайской культуры // Общество и государство в Китае. Т. XLIV, ч. 1 / Редколл.: Кобзев А. И. [и др.]. Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2014. 594 с. (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 14 / редколл.: А. И. Кобзев и др.). URL: <https://www.synologia.ru/a> (дата обращения: 27.06.2022).
9. Хуан Шуин, Крюков М. В. Древнекитайский язык. Тексты, грамматика, лексический комментарий. 2-е изд., испр. и доп. Москва: ВКН, 2020.
10. Buckley Ebreu, Patricia Shang Tomb of Fu Hao. A Visual Sourcebook of Chinese Civilization. University of Washington. URL: <http://depts.washington.edu/chinaciv/archae/2fuhmain.htm> (дата обращения: 26.06.2022).
11. Chen, Jianming; Jay Xu; Fu Juliang (2011). Along the Yangzi River: Regional Culture of the Bronze Age from Hunan. New York: Art Media Resources, Ltd.
12. Chinese Etymology. URL: <https://hanziyuan.net/#%E9%BC%8E> (дата обращения: 25.06.2022).
13. Fong, Wen, ed. (1980). Great Bronze Age of China. New York: Alfred A. Knopf, Metropolitan Museum of Art.
14. Henderson J. B. The development and decline of Chinese cosmology. N.Y., 1984.
15. 便民查询网. URL: https://zidian.bmcx.com/e9bc8e_zidianchaxun/ (дата обращения: 25.06.2022).
16. 向桃初 二里头文化向南方的传播 URL: <http://archaeology.net.cn/cn/%E7%A0%94%E7%A9%B6%E6%96%B0%E8%AE%BA/%E4%BA%8C%E9%87%8C%E5%A4%B4%E6%96%87%E5%8C%96%E5%90%91%E5%8D%97%E6%96%B9%E7%9A%84%E4%BC%A0%E6%92%AD.pdf> (дата обращения: 25.06.2022).
17. 周禮 天官冢宰: URL: <https://ctext.org/rites-of-zhou/tian-guan-zhong-zai/zh> (дата обращения: 25.06.2022).
18. 青銅器器名簡介: 食器 (鼎、鬲、甗、簋、豆) // 歷史文物陳列館 (Музей института истории и филологии, Академия Синика) URL: <http://museum.sinica.edu.tw/resources/item/65/> (дата обращения: 25.06.2022).

Научная статья
УДК 7.036
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-293-299

СИМВОЛИЗМ НАРОДНЫХ ОБРАЗОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧЭНЬ ВЭНЬЛИНА

© Гультяева Галина Сергеевна

кандидат искусствоведения, доцент кафедры восточных языков,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Россия, г. Санкт-Петербург
galina-gulyaeva@yandex.ru

Аннотация. Произведения китайского скульптора Чэнь Вэньлина, представляющего неореалистическое направление современного искусства Китая, стали важной частью мирового художественного арт-рынка. Его творческий метод широко обсуждается критиками внутри страны и за ее пределами. Есть несколько причин, обусловивших международную популярность Чэнь Вэньлина, это — тесная связь с народной культурой, психологизм и выразительность образов, переплетение фантазии с реальностью и многое другое, что делает его произведения особенными.

Изучение истоков формирования творческого метода Чэнь Вэньлина важно с точки зрения понимания закономерностей развития современной китайской художественной культуры, в том числе процессов взаимовлияния и взаимодействия с западными актуальными тенденциями. Более того, исследования в области современного искусства Китая на примере творчества Чэнь Вэньлина имеют значение для более глубокого понимания непрерывной связи с традиционным наследием, его значимости для формирования имиджа китайского современного искусства.

В статье автором рассматриваются особенности художественного стиля произведений Чэнь Вэньлина, анализируется семантика образов, аллегория и символы, лежащие в основе образной составляющей произведений, выявляется связь с выразительными формами народного искусства, позволившие мастеру создать смелые и неповторимые произведения. В данной статье автор также исследует истоки творческого метода Чэнь Вэньлина в контексте развития китайского современного искусства конца XX века.

Ключевые слова: Чэнь Вэньлин, китайское современное искусство, народные образы, неореализм.

SYMBOLISM OF FOLK IMAGES IN THE WORKS OF CHEN WENLIN

© Galina S. Gulyaeva

Candidate of Art History, Associate Professor,
Department of Oriental Languages,
St. Petersburg State University of Economics
Russia, St. Petersburg
galina-gulyaeva@yandex.ru

Abstract. The works of the Chinese sculptor Chen Wenling, who represents the neorealist trend in Chinese contemporary art, have become an important part of the global art market. His creative method is widely discussed by critics at home and abroad. There are sev-

eral reasons for Chen Wenling's international popularity, these are the close connection with folk culture, psychologism and expressiveness of images, the interweaving of fantasy with reality, and much more, which makes his works special.

The study of the origins of the formation of the creative method of Chen Wenling is important from the point of view of understanding the patterns of development of modern Chinese artistic culture, including the processes of mutual influence and interaction with current Western trends. Moreover, research in the field of Chinese contemporary art on the example of Chen Wenling's work is important for a deeper understanding of the continuous connection with the traditional heritage, its significance for shaping the image of Chinese contemporary art.

In this article, the author examines the features of the artistic style of Chen Wenling's works, analyzes the semantics of images, allegory and symbols underlying the figurative component of the works, reveals the connection with the expressive forms of folk art, which allowed the master to create bold and unique works. In this article, the author also explores the origins of the creative method of Chen Wenling in the context of the development of Chinese contemporary art at the end of the 20th century.

Keywords: Chen Wenling, Chinese contemporary art, folk images, neorealism.

Начиная с конца 1970-х годов, в художественной жизни Китая происходят кардинальные изменения. После трагического периода Культурной революции (1966–76 гг.), когда художественное творчество подчинялось исключительно политическим и идеологическим целям правящей власти, а инициатива в художественных кругах всячески подавлялась, наступает период оттепели, провозглашается курс на экономические реформы и открытость, идеи либерализации постепенно проникают во все сферы общества, включая искусство и культуру. Художники начинают переосмысливать социально-эстетические функции искусства, прежде всего, обращаясь к опыту и методам западных мастеров.

Вследствие масштабных экономических и социально-культурных преобразований, в Китае возникает множество художественных объединений, наблюдается плюрализм стилей, художественных методов и идей. «С конца 1980-х годов идеология перестает быть ядром искусства для Китая, искусство становится системой знаков, отражающих специфические черты Китая через призму выразительных форм, сложившихся внутри западной культуры» [2, с. 80]. В этот период зарождаются новые течения, такие как «циничный реализм», политический поп-арт, неореализм, «женское искусство» и др.

М. А. Неглинская отмечает, что зарождением современного китайского неореализма принято считать период между 1985 и 1989 гг., связанный с проведением «Выставки произведений искусства передовой китайской молодежи» (1985 г. Пекин) и «Выставкой современного китайского искусства» (1989 г., Пекин), ознаменовавших выход китайского искусства на качественно новый международный уровень [4, с. 404]. Войтишек Е., Червинская Л. отмечают, что в этот период возникло движение «Новой волны 85», представители которого пытались заимствовать традиции западноевропейского неореализма, приспособив его к местной культурной традиции, ставшее отправной точкой развития современного китайского неореализма [2, 168].

Благодаря интеграции китайского искусства в мировой арт-рынок, художники реалистического направления стали экспериментировать с новыми материалами, формами и техниками, сочетая современные западные концепции с традиционным наследием, чтобы с помощью новых художественных приемов выразить свою внутреннее состояние и рефлексировать на тему пережитого прошлого. Именно это стало основой для формирования китайской новой реалистической живописи или неореализма.

В неореалистической живописи традиционные представления о реальности и реалистическом методе подвергаются радикальным изменениям. Критерий подлинности перестает быть единственным и бесспорным в определении этого метода. Живопись неореализма презентует новые способы постижения реальности, сформировавшиеся в процессе духовной практики и субъективного опыта XX века, оказавшие большое влияние на сознание и стиль современников. Целью художников-неореалистов является не просто правдивое отражение предметов и образов на картине, а воплощение личных субъективных чувств и эмоций. В неореализме, мироощущения и личный опыт художника выходят на первый план. Наряду с реальностью окружающей действительности, в неореализме появляется другая «реальность», отражающая разные аспекты субъективного восприятия человеком окружающего мира. Художники, обнаруживая те или иные парадоксы общества, по новому их осмысливают, оригинальным взглядом, собственной логикой и системой ценностей в основе своей формируют неповторимую художественную образность [5, с. 318]. Неореализм способен откровенно и правдиво отображать искренние чувства и внутренний мир человека и, в большей степени, чем другие современные течения китайского искусства отражает духовное состояние общества.

Чэнь Вэньлин является ярким представителем поколения современных китайских художников неореалистов [7]. В творчестве Чэнь Вэньлина синтез запада и востока переосмыслен через призму собственных взглядов на мир, что позволило ему сформировать основу новых эстетических ориентиров в китайском искусстве.

Чэнь Вэньлин (1969 г.) родом из провинции Фуцзянь. После окончания в 1991 году Академии художеств (г. Сямэнь), он поступил на факультет скульптуры Центральной академии изящных искусств в Пекине, а затем вернулся в Сямэнь, чтобы заняться творчеством [8]. Этот опыт дал Чэнь Вэньлину возможность приобрести академические знания и технические навыки.

Творчество Чэнь Вэньлина тесно связано с китайским народным искусством — ксилографической картиной няньхуа и народной живописью нунминьхуа. Данный вид творчества сформировался на основе традиционного изобразительного и декоративно-прикладного искусства в XIX–XX веках и получил наиболее широкое распространение в среде крестьянского населения на всей территории Китая. Отличительными чертами народной живописи считаются декоративность, простота композиции, гиперболизация и условность, символизм. Основным содержанием фольклорной живописи были сюжеты о традиционных праздниках, сцены повседневной жизни и быта крестьян. Как правило, большинство мастеров, создававших народные картины, не были профессиональными художниками и не имели представления об основах теории живописи и реалистическом отображе-

нии действительности, не знакомы с правилами передачи перспективы, цвета и т. д. Они создавали картины согласно собственным представлениям, упрощая и обобщая внешние признаки изображаемого объекта. "Все образы китайского народного искусства – это проявление субъективной эстетической точки зрения их создателя, они являются наивными, чистосердечным воплощением его творческой идеи" [6, с. 117].

Традиции народного искусства в творчестве скульптора и художника Чэнь Вэньлина наиболее полно проявились в его самой ранней серии работ, объединенных общим названием «Красная память» (“红孩儿系列”, 2002 г.). Это скульптурная группа из нескольких фигур играющих детей — «красных мальчиков», которая была размещена художником на Жемчужном пляже в г. Сямэнь в 2002 году [7]. Сюжеты с играющими детьми часто встерчаются на старых новогодних картинах няньхуа. О трактовке образов детей и их символике подробно изложено в работах В. М. Алексеева, посвященных исследованию китайской народной картине [1, с. 32]. В этих сюжетах нашли отражение традиционные воззрения китайцев о продолжении рода и рождении сыновей, характерные для китайской культуры. Композиции с детьми заключали благопожелательный смысл, метафорически воплощая надежды о рождении сына. Вместе с тем, семантика образа мальчика в народном искусстве, заключает в себе намного больше, чем форма благопожелания, связанная с рождением детей. Согласно древней традиции, старший сын в семье является единственным, на кого возлагались функции отправителя культа предков. Таким образом, символика детских образов в народной живописи, связана с благопожелательной формулой: ребенок, изображенный на картине, - мальчик, является пожеланием рождения детей для продолжения рода и служению культа предков.

У Чэн Вэньлина в скульптурной группе «Красная память», кроме традиционного благопожелания, посредством красного цвета передаются надежды на счастье, пожелание радости. Как известно, красный цвет в Китае связан с праздничной традицией, радостными событиями, и поэтому, заключает в себе благопожелательный концепт «счастья», столь близкий и понятный китайскому зрителю. Чэнь Вэньлин следуя эстетическим принципам народного искусства — яркости и декоративности, посредством нереалистичных оттенков пытается передать зрителю свои субъективные мироощущения, концептуальную сущность образов. Именно такой подход соответствовал эстетическим идеалам народного искусства. Как правило, художники смешивали между собой реальность и вымысел, основываясь на личных впечатлениях, создавали образы, сформированные их мировоззрением и нравственными идеалами. Так, в произведениях Чэнь Вэньлина образы «красных мальчиков» воплощаются в единую визуальную целостность, в которой реальное и нереальное переплетены воедино. Художник, следуя собственному опыту и эстетическим взглядам, создает реальность, которая в большей степени ориентирована на идеализм и сфокусированность на собственных чувствах.

Еще одной особенностью произведений Чэнь Вэньлина, присущей народной живописи, является повествовательность и многочастность композиции. Скульптурная группа строится как подробное визуальное повествование, где все элементы дополняют друг друга в последовательности изложения и объединены

общей сюжетной идеей. Скульптуры Чэнь Вэньлина - характеризуются динамизмом и подвижностью. Как правило, все фигуры в произведениях художника создаются в движении. Подобный динамизм делает скульптуру живой и притягивающей внимание зрителя.

В создании композиции художник использует прием гиперболизации, который будучи субъективным методом выразительности, с точки зрения художника выступает, наоборот, как реалистическое отражение окружающей действительности. Художник словно повторно воспроизводит реальность, изображая предметы и образы согласно собственным представлениям о реалистичном воспроизведении, чтобы усилить проявление каких-либо определенных черт персонажей. Подобное преувеличение делает образы гротескными, представляя их в обобщенном характерном виде. Это придает скульптурному изображению образность, наивные и выразительные черты. Прием гиперболизации, также характерный для народной живописи, в творчестве Чэнь Вэньлина воплощается в создании преувеличенных «удлиненных» скульптурных форм, ассоциирующихся с протяженностью во времени, устремленностью в будущее. Именно «удлиненная форма» стала концептуальной идеей и отправной точкой для последующего художественного развития Чэнь Вэньлина как скульптора. Красный цвет и «удлиненная» форма – это ностальгия автора по народному искусству, стремление автора синтезировать в произведении реалистическое и фантастическое, трагичное и лирическое, отсылка к истории и общечеловеческим ценностям. По словам самого автора, первоначальным намерением при создании серии «Красная память» было приблизить современное искусство к народным массам [8]. Именно «фольклорная» природа, заключенная в этих скульптурах, давала зрителям ощущение понимания современной идеи через основу традиций. Чэнь Вэньлин, вышедший из народа и с детства впитавший «низовую культуру», хорошо понимал реалии китайского общества и народное мышление. Он, оказавшись перед лицом новых социально-экономических трансформаций, основываясь на собственных внутренних ощущениях и национальной традиции, посвятил себя созданию новых художественных идей.

В последующей серии «Счастливая жизнь» («幸福生活系列», 2004–2006 г.) Чэнь Вэньлин создает скульптурные образы животных, трансформируя первоначальную форму, и смещая акцент с собственного опыта на критику человеческих потребностей и желаний [9]. С ростом потребления, вызванным быстрым экономическим развитием Китая, изменились поведенческие модели людей, идеология культуры потребления, приобретение и демонстрация материальных благ стали определять систему ценностей и эстетику. Наблюдая такую радикально меняющуюся реальность, Чэнь Вэньлин обращается к новым художественным средствам, полагая, что прежние не могут полностью выразить чувства художника.

Серия «Счастливая жизнь», состоящая из четырех скульптурных групп, создает впечатление вполне реалистичных и персонифицированных образов: мужчина с головой свиньи и человеческим телом, свинья в окружении играющих поросят, женщина с рыбьим хвостом, и другие. В китайской народной культуре, образ «свиньи» является символом изобилия и богатства, омоним слова «рыба» — *юй* — символизирует достаток, благополучие. Однако, в произведениях Чэнь Вэньлина благопожелательная формула «счастья и достатка» трансформируется

в гротескные образы, воплощающие человеческие желания и моральный упадок. Согласно замыслу Чэнь Вэньлина, в постиндустриальном обществе, где доминирует материальное потребление, интересы людей к возвышенному теряются, идеология потребления последовательно редуцирует культурную жизнь и сводит смысл социального бытия к узкому набору действий, направленных на обладание материальными благами. Аллегорический образ «свиньи» стал концептуальной идеей художника. Серия «Счастливая жизнь» заложила основу для новой тенденции в искусстве: сосредоточиться на неприукрашенной реальности и затрагивать социальные проблемы в творчестве.

В 2006 г. на Шанхайской биеннале Чэнь Вэньлин представляет общественности серию произведений «Отважная борьба» (《英勇奋斗》, 2006) [9]. Серия скульптур антропоморфных животных, выполнена в ярких цветах и чувственных формах, еще в большей степени демонстрирует проникновение автора в суть понимания материалистического общества. Хотя в произведениях ощущается ирония, преувеличенные фигуры полны напряжения и внутренней силы, демонстрируя пример героического противостояния обществу потребления. В этой серии как и в произведениях «Счастливая жизнь», Чэнь Вэньлин посредством аллегии критикует стремление современных людей к погоне за материальными благами. Чэнь Вэньлин намеренно в своих произведениях использовал «вульгарность» как крайнюю форму художественной выразительности. Вульгарность в его произведениях превратилась в эстетику, стиль современного общества.

В 2009 г. художник выставляет на всеобщее обозрение скульптуру «То, что вы видите, не может быть реальным» (《你看到未必是真实的》 2009), на идею создания которой художника подтолкнул финансовый скандал Берни Мэйдоффа [9]. Очевидно, в условиях мирового финансового кризиса у художника возникла мысль о том, что финансовый кризис был вызван чрезмерным «желанием» людей. Бык является символом мировой экономики (по аналогии с произведением Артуро ди Модика «Атакующий бык», персонаж, которого бык впечатывает в стену – Бернанд Мейдофф, создатель самой крупной финансовой пирамиды в истории. «Выхлопные газы» быка, приковывающие внимание зрителей при первом знакомстве со скульптурой, имеют определенный символизм. В китайском языке словосочетание «выпускать газы» является омонимом выражения — «нести чушь, лгать». Аллегория помогает художнику раскрыть замысел создания скульптуры.

Появление серии огромных скульптур «Китайский пейзаж» (中国风景系列, 2007) сочетает в себе двойственный язык конкретного и абстрактного [9]. Скульптурная группа, состоящая из сюрреалистических образов, выполненных из нержавеющей стали, символизирует вмешательство не только напрямую в общественное пространство и общество, но и демонстрацию взаимного влияния между человеческими желаниями и окружающей средой. Это произведение демонстрирует восприятие проблем, вызванных «желанием» в более широком смысле слова. В результате зритель видит сюрреалистичную сцену с горами и скалами, похожую на цветок сливы, символизирующую текущую жизнь. В смелой трансформации гротескных образов животных в магический растительный пейзаж, созданный в традиционной манере «горы-воды», ощущается небывалая

творческая энергия и сила Чэнь Вэньлина как художника, умело сочетающего древность и современность.

Последующие работы художника были созданы в концептуальном духе, это большое количество интерактивных инсталляций. Творчество Чэнь Вэньлина вырвалось за пределы чистых концепций скульптуры, демонстрируя тенденцию к более обобщенному восприятию скульптурного образа. С точки зрения художественного языка он перешел от использования традиционных техник скульптуры к более концептуальному художественному языку, сделав форму выражения более свободной, а визуальное восприятие — более сложным. Такой художественный подход ослабляет акцент на форме и раскрепощает скульптурный язык и технику, но он значительно усиливает аллегорическую, пространственную и творческую природу произведений художника. Чэнь Вэньлину удается сохранять узнаваемый образ и создавать сказочный нарратив, похожий на реальный мир.

Произведения Чэнь Вэньлина динамичны, выразительны, отличаются декоративностью, а образы убедительны, что в целом, воспроизводит сильное визуальное воздействие на зрителя. Произведения Чэнь Вэньлина воплощают фантазии и нереальное, в них соединяются образы людей и животных, небесные и человеческие миры, они не ограничены пространственными и временными рамками, Скульптуры дают зрителям пространство для ассоциаций и порождают множество мнений. Символический подтекст и семантика образов представляют собой ценный материал для исследований взаимосвязи китайского современного искусства и народной живописи.

Литература

1. Алексеев В. М. Китайская народная картина: духовная жизнь старого Китая в народных изображениях / предисловие Б. Л. Рифтин, М. Л. Рудова, коммент. Б. Л. Рифтина. Москва: Наука, 1966. 260 с.
2. Дзикович Д. С. Конструктивный постмодернизм в китайской философии: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Москва, 2018. 80 с.
3. Неглинская М.А. Об актуальных тенденциях современного китайского искусства и перспективах его изучения // Ученые записки Отдела Китая. ИВ РАН. 2010. № 2. 404 с.
4. Войтишек Е., Червинская Л. Концептуальное искусство в Китае: социально-политический аспект // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4. С. 168–177.
5. Шехтер Т. Е. Искусство как образ мира: Избранные работы по теории и истории искусства. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2012. 318 с.
6. Сяо Сяо. Анализ принципов композиции китайской крестьянской живописи. Университетский научный журнал. РГПУ им. Герцена. 2019. № 44. С. 116–126.
7. Фан Ди'ань "Чэнь Вэньлин: формы имеют "обоснование"范迪安. 陈文令: 形有所据/ ARTNET.COM. URL: <https://news.artron.net/20120320/n225108.html> (дата обращения: 14.06.2022).
8. Биография Чэнь Вэньлина Chen Wenling. Biography. (на англ. яз.)/ ARTNET.COM. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artnet.com/artists/chen-wenling/biography> (дата обращения: 14.06.2022).
9. Чэнь Вэньлин. Известные произведения. Chen Wenling. Works. (на англ. яз.) / ARTRON.NET.COM. URL: <https://chenwenling.artron.net/works> (дата обращения: 14.06.2022).

Научная статья
УДК 008:81.02
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-300-303

NATIONAL CULTURAL IDENTITY IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

© **Liu Kun**

Associate Professor, English teacher in Foreign Language College,
Changchun University of Science and Technology,
Changchun, China
liukun@cust.edu.cn

Abstract. The global cultural communication and fusion is the inevitable historical development. Lots scholars devote themselves to the guiding ideology and the operating methods for intercultural communication in decades. We must promote our traditional cultural to move and spread rapidly by strengthening our national cultural identity, upholding our national cultural confidence, and participating in international communication with open minds actively. The Chinese culture will shine in the international arena with more chances in showing in the world.

Keywords: International communication; National culture; Cultural identity.

Fund Project. Research on the teaching design of college English from the perspective of ideology and politics education, Educational Science Planning Project of Jilin Province. Research on the influence of public translation on cultural and tourism industry from the perspective of network-strengthening strategy in Jilin Province, Higher Education Society of Jinlin Province, Subject N.O.:JGJX2022D87.

跨文化交际中的文化认同研究

[作者简介]: 1. 刘坤（1979—），女，满族，吉林省长春市人，长春理工大学外国语学院，副教授，硕士生导师，研究方向：外国语言学及应用语言学，邮箱：liukun@cust.edu.cn.

[摘要]全球范围内的文化交融是历史发展的必然趋势，跨文化交际学习过程就是文化自身不断发展和扬弃的过程。跨文化课程应该立足于中西文化内涵的学习和中华文化的传播，它的指导思想和操作方法数十年来一直让众多学者孜孜以求。坚定中华文化认同，坚定文化自信，并以开放的心态积极参与跨文化交流，必将促进我国传统文化的发展和传播，争取到更多话语权的中华文化也必将在国际舞台上大放异彩。

[关键词]跨文化交际; 中华文化; 文化认同

[基金项目]课程思政视域下的大学英语教学设计研究，吉林省教育科学规划课题；网络强国战略视域下公示语翻译对吉林省文旅产业发展的影响研究，吉林省高教学会，课题编号：JGJX2022D87

一、绪言

全球范围的跨文化交际是一种趋势也是一种过程，它强调不同国家的文化交流与融合，强调文化资源的合理共享，强调自觉展示各自的文化个性及文化特征。但是正是这种与外部世界沟通和交流中的文化对比和文化转变，会使自己的文化特质在碰撞中产生流失和变异，中华文化在全球语境的跨文化交际中面临着严峻挑战。如何才能在原文化与异文化之间寻求一个合理的结合点，既坚持自己固有的文化身份，持守文化认同，彰显本国的文化内涵，又要客观接纳其他国家的文化精华，吸收其先进文化，做到在“引入”的同时完成“创新”，保持文化的生命力和创造力呢？这一直是跨文化交际学习和研究中的一个重要课题。

二、中华文化在跨文化交际中的作用

（一）跨文化交际现状与时代要求

跨文化交际强调文化意识，恪守主体文化的认同是外语教学工作者必须关注的问题。语言是文化的载体，在学习西方语言过程中，学习者会自觉不自觉地接受此种语言所蕴含的文化价值，对其语言发展史和思维模式产生共鸣，甚至会造成自身文化意识的缺失和文化的失语。同时，若再没有坚实的文化认同，仅站在西方视角和思维模式中套用语言，会忽视本国文化的特点，这种厚彼薄己的作法更会使跨文化交际陷入僵局。所以在各类跨文化交际课程中，教育者一定不能忽视自身文化的认同，必须重视中华文化内涵的学习。

跨文化交际强调对中华文化深层次的掌握。在跨文化交际的准备过程中，只简单熟悉双方语言和基本的常识知识是远远不够的，要增进了解促进交流以避免交际中的误解与曲解就必须要有有一个多角度全方位的战略眼光，多方面开掘，这样才能了解不同文化的习惯、风俗，领悟专属于它的价值与内涵，才能促进圆满的思想交流。总之，只有建立在对中西文化正确认识上，在洞悉中西文化的深层内涵上，跨文化交际才有可能成功。

（二）跨文化交际中中华文化的重要性

平等与尊重是跨文化交际的基础，文化的沟通和交融都应遵循平等的原则。双方应尊重各自的母语文化，主动理解彼此的文化发展和文化内涵。在跨文化交际中，坚定自身的文化认同，恪守自己的文化立场尤为重要。若一味的追求西方文明，从思维方式到生活习惯只是盲目跟从欧美潮流，那么我中华绵亘数千年的文化结晶势必将受到负面冲击，我们的民族品格也会受到严重影响甚至弱化。从这个角度讲，跨文化交际并非单纯的存在于学术层面，而是涉及到社会生活方方面面以及中华文化历史发展的人文学科。我们既不能因噎废食，因恐惧被融合被改变而盲目排外；也要切忌将“全方位开放”片面理解成“全方位引入西方文化”而一味盲从。要坚守中华民族赖以生存和发展的物质文化和精神财富，要在吸收西方文化的过程中区分良莠，取精祛粗，并向世界输送中华文明的精华。

三、中华文化认同面临的挑战

（一）警惕中华文化弱化

“文化认同”是对自己所属的文化、族群的心理归属和情感认可。在全球化的时代里，高速发展的经济、时刻更新的信息都使文化传播的强度和维度不断拓展，所有人的生活里都不可避免的渗入了西方文化，从而加速了单文化世界的解构和多元文化世界的形成。对于中华文化而言，不仅要应对跨文化交流的全球化带来的多元文化挑战，也要接纳文化本身的推陈出新。我们的传统文化不是静默的历史沉淀物，而是如绵延的河流一般洋溢向前的富有生命力的精灵。每个时代所凝结的文化成果都是文化链条上的一环，糟粕与精华共存的历史长河中，后代必须以恒定的文化价值尺度努力去筛选泥沙与珠宝，取之有度而舍之有节。但是并不是每一个学生对我国传统文化的闪光之处都有一

致的认可，跨文化交际课堂上，学生们对于片面对西方文化的吹捧竟也习以为常，弘扬中华传统文化更显得举步维艰任重道远。我们不仅要看到中华文化弱化的严重后果，也要把握中华文化在跨文化交际中的重要作用。没有中华文化的学习，缺少文化认同，何谈跨文化交际；没有跨文化交际，“洋为中用”不过是空谈，只会让我们在世界文化融合的主流中失去自我、无所适从。

（二）警惕东方文化歧视。

文化歧视主要指西方现代社会对发展迟缓的东方世界的文化歧视。在跨文化交际的过程中，西方有很多东方学家凭借对东方历史的了解、对东方语言学的想象而将误读渗透到人们的意识之中，东方成了神秘落后缓慢凝滞愚昧封闭等等不开化的象征。同时东方对西方也有误读，毕竟血雨腥风的近代殖民史如石碑一样屹立于史书之中，西方也成了侵略强权垄断文明先进的代名词。实际上对于前者诸多的负面代表性词汇就是近代西方社会在强大的生产力的支撑下对相对落后的东方世界的文化压迫，是西方主流文化对东方文化的替代和扫荡。反映在跨文化交际中就是对自己的中华文化的轻慢不了解和妄自尊薄，以及对西方文化一味的崇洋媚外，即文化歧视。当我们正视东方文化的进步与现代化，那么文化歧视所造成的对中华文化的背弃与否定就更令我们扼腕惋惜。在跨文化交际的学习过程中，传统文化是让我们探寻远古踪迹、聆听前人心声亲近自然、使人人与自然达到和谐的良剂。我们应该用建构的眼光看待中华文化，避免文化歧视，以平等的身份发展中华文化，促进跨文化交际。

四、跨文化交际中中华文化发展的启示

（一）中华文化再思考

全球化给中华文化的发展带来挑战也创造了机遇，我们得面对全球化视角与民族性眼光交汇时产生的分歧，鼓励中华文化在融合中既奉献自己的特色文化也吸收他国文化的精华。那么我们应该如何强化中华民族意识、发展中华民族文化呢？首先是加强历史和国情教育，特别是中华文化体系和思想哲学体系教育，要对中华民族形成的历史和中华文化的认同均有了解，拒绝文化歧视，加强文化团结、维护统一；其次大力传扬中华优秀传统文化，将中华传统文化的根深植于心中；再次是加强文化交流平台的构筑，推进与世界各国文化的交流和发展，让中华文化在全球化语境中屹立不倒。

（二）强化文化认同

强化中华文化的认同，因为中华文化是历史的积累和沉淀，蕴含着过去，预示着未来。认同中华文化能让我们在积极的学习和吸纳西方优秀文明成果的同时，以自信的心态去继承和弘扬中华民族优秀的文化成果，进而构建核心价值体系，发扬华夏精神，增强凝聚力。世界语境下，文化交流与融合是大势所趋，国家间的竞争与合作不仅体现在经济实力上，也是文化的融通与较量。外语教育工作者们应该把强化文化认同渗入到跨文化交际的日常教学和学习中，强大的认同才能成就一个真正强大的国家。

（三）促进开放式的中华文化交流

跨文化交际不是文化间的战争，而是不同文化间的对话与交流、融会与发展。我们要以积极的眼光看待所有文化，通过彼此的相互了解、相互影响而得到文化的丰富与发展。要振兴我中华文化，承认它不是凝滞不变的，在继承传统文化的基础之上，积极与西方文化交流，始终保持自身文化蓬勃的生命力。教师在教学中应当加强文化意识的灌输，促进开放式的文化交流。只有加强中华民族文化的主体意识，才能引导学生成功地实现跨文化交际。激发学生在跨文化交际中以正向积极的心态应对世界各国文化的变迁和发展，深入了解“合而不同”是对世界文化发展趋势的概括，立足于中华民族文化之上进而寻求文化共通的多元文化的发展。

五、小结

让中国走向世界，让世界了解中国。我们在跨文化交际中必须牢固树立中华民族认同感，持守自己的文化身份，通过双向互动的交流，达到优秀文化的融合与发展。另外，我们须立足于中国优秀的传统文化，发扬千百年来中华民族兼容并包的传统文化美德，将中国文化的精华贡献给世界。正如党的十九大报告指出的，文化是一个国家、一个民族的灵魂。文化兴国运兴，文化强民族强。没有高度的文化自信，没有文化的繁荣兴盛，就没有中华民族伟大复兴。

参考文献

- [1] Habermas, *The Theory of Communicative Action*, [M], Boston Beacon Press. 1984.
- [2] 王沛、胡发稳:民族文化认同—内涵与结构, [J], 上海师范大学学报(哲学社会科学版), 2011年第1期。
- [3] 吴稼祥: 公天下, [M] 广西师范大学出版社 2013年。
- [4] 徐百柯: 民国风度, [M] 九州出版社 2011年。
- [5] 张立军:文化核心与民族认同的思辨—兼议亨廷顿的“文明冲突论”, [J], 内蒙古民族大学学报(社会科学版), 2010年第6期。

Научная статья
УДК 791.43(510)(09)
DOI 10.18101/978-5-9793-1802-8-2022-304-316

**SOVIET FILM EXPERTS AND THE "SOVIET EXPERIENCE"
IN THE CONSTRUCTION OF NEW CHINESE CINEMA
(1949–1959)**

© **Fu Xiao**
Associate Professor,
Changchun University of Science and Technology,
China, Changchun
08-jing@163.com

Abstract. In the 1950s, more than 20 Soviet film experts came to China to assist in the formulation of the "First Five-Year Plan" and the top-level design of the new Chinese film construction, assisted film studios and machinery manufacturing plants to improve their technology, assisted in the preparation of the Beijing Film Academy and participated in teaching, and laid the foundation for the initial formation of the new Chinese film system, technology and education. On this basis, the new Chinese filmmakers successfully internalized the "Soviet experience", which led to a new situation in the construction of new Chinese cinema and promoted the popularization of "people's cinema".

Keywords: Soviet film specialists, Film System, Film Technology, Film Education, People's Film.

**苏联电影专家与新中国电影建设的“苏联经验”
(1949–1959)**

符晓

[摘要]1950年代, 20余位苏联电影专家先后来华, 协助制定“一五计划”并对新中国电影建设进行顶层设计, 协助电影制片厂、机械制造厂提高技术, 协助筹建北京电影学院并参与教学, 为新中国电影制度、技术、教育的初步形成奠定了基础。新中国电影工作者在此基础上结合实际情况, 将“苏联经验”成功地内化, 使新中国电影建设呈现出新局面, 并且促进了“人民电影”的普及。

[关键词] 苏联电影专家 电影制度 电影技术 电影教育 人民电影.

一、“苏联电影专家”问题的提出及其理论困境

新中国成立初期的十年间, 苏联专家在新中国的经济、军事、文化建设等方面发挥了重要作用, 在电影领域也是如此。当时, 译制放映苏联电影、译介学习苏联电影理论、国内电影界组团赴苏学习和苏联电影专家来华援建是中苏电影交流的主要形式。苏联电影在艺术与理论方面对新中国电影的影响显而易见, 但苏联电影在技术与制度方面对新中国电影发展极为重要的影响却常被学界忽视。对苏联电影专家的考察, 不仅应当考察其电影与文化方面“交流者”的身份, 同时也要看到他们作为新中国民族电影工业建设的“援助者”的身份。对其的考察也需要在放置在电影史的艺术史、技术史、经济史等视域下进行。

就中苏电影交流史而言, 杨远婴教授在《回眸 20 世纪: 中苏电影的历史交集》一文中已经做了比较完整的论述, 尤其对 1950 年代中苏电影交流做了全面阐释, 认为“电影

学习苏联采用了两种方法:苏联专家走进来和中国学者走过去”,^①前者包括导演来中国拍片、集中放映苏联电影、全面学习苏联艺术教育体系、批量翻译苏联电影理论、仿造苏式电影片场等;后者包括 1954 年时任电影局局长王阑西率团对苏联的电影考察等。限于篇幅,对于苏联电影专家来华的具体内容,这篇文章并没有做进一步展开说明,也为研究苏联电影专家问题提供了更多的可能。

华东师范大学沈志华先生从事冷战史的研究,对于苏联专家问题有非常系统的论述,其著作《苏联专家在中国(1948-1960)》已出至第三版,从各个层面集中讨论了相关问题,包括但不限于:如何估量苏联向中国派遣顾问和专家的动机及其影响;如何评判苏联全面撤退专家的目的及结果;如何看待社会主义国家之前关系的准则和特征等。其要旨在于,“说明中苏双方在专家问题上的方针、政策及相关措施,苏联顾问、专家在华工作和生活的状况,以及他们对中国政治、经济发生的作用和影响”。^②虽然此书也涉及了一些苏联电影专家问题,^③但整体上毕竟是一部倾向于冷战史和中苏关系史研究的著作,从电影史研究的意义上对苏联电影专家来华的具体内容和相关细节涉及不多。

由此可见,对苏联专家整体性的研究基本不涉及其中电影专家的内容,即使是在电影史研究领域,对苏联电影专家相关问题的研究也相对鲜见。相关研究类著作及论文对此问题也涉及不多。这类论著常以“苏联专家来华”一言以蔽之,鲜少提及专家姓名,专精于何种领域,具体做了哪些工作,产生了哪些效果。仅有少数回忆录性质的文章与访谈提及一些人物及活动,并无系统的梳理与分析。这一方面与研究者的学术旨趣及中国电影史研究的学术惯例息息相关,另一方面也更重要的是,苏联电影专家问题本身的隐秘性和复杂性使有针对性的研究尚存在困难。集中表现有三:一是存世资料和相关研究以政治、军事、外交等问题为主,涉及电影者不多。中苏同盟形成之后,新中国在经济上更加依赖苏联,苏联专家来华也是苏联对华援助的主要方式之一,据称,“到 1954 年 10 月赫鲁晓夫来华签订新的援华协定以前,共有 3000 多名专家和顾问到中国来帮助进行经济恢复和建设。此外还有大约 2000 人的军事顾问和专家”,^④沈志华等人的冷战史研究也主要建基于此,而对苏联电影专家关注不多。二是 1950 年代对苏联专家的管理相对混乱,使得一些原始资料、档案和文献无从查考。这是因为,“20 世纪 50 年代初期很多专家来华是为了解决中国之亟须,而且专家的聘请与派遣,往往是在国家领导人之间的直接交涉的,没有确定的主管部门同意管理,也没有相应的计划和措施”,^⑤导致政策、措施、程序、人事、待遇等问题管理混乱,虽然相关制度和政策在不断完善,但是也无形中影响了原始资料的呈现。三是从 1960 年代初期中苏两国关系破裂到中国“联美反苏”战略的形成再到建立反对苏联霸权的国际统一战线,中苏两国之间无论是官方交流还是民间交流都受到严重干扰。直到 1985 年 11 月,苏联派苏国家电影委员会主席叶尔马什为团长的苏联电影代表团 6 人抵华进行友好访问,才开启了新时期中苏直接电影交流,这个代表团也是 20 多年来“中苏电影界中断来往后苏联第一次派出的电影代表团访问我国”。^⑥这期间,交流中断也阻隔了中苏两国专家和工作者的友谊和交往,整

^①杨远婴:《回眸 20 世纪:中苏电影的历史交集》,《文艺理论与批评》2019 年第 2 期。

^②沈志华:《苏联专家在中国(1948-1960)》,社会科学文献出版社,2015 年版,第 51 页,第 161-163 页,第 158 页,第 121 页。

^③杨奎松:《冷战时期的中国对外关系》,北京大学出版社,2006 年版,第 46 页。

^④杨奎松:《冷战时期的中国对外关系》,北京大学出版社,2006 年版,第 46 页。

^⑤沈志华:《对在华苏联专家问题的历史考察:基本状况及政策变化》,《当代中国史研究》2002 年第 1 期。

^⑥陈播:《中国电影编年纪事(综合卷·下)》,中央文献出版社,2006 年版,第 640 页。

个 1980 年代，苏联电影专家赴华者寥寥，因为交恶，对苏联电影专家的回忆也很有限，阻断了苏联电影专家问题的延续性。

然而，这并不意味着，苏联电影专家问题不值得研究。相反，对于苏联电影专家的研究具有重要意义，苏联电影专家“走进来”并为中国电影提供“苏联经验”不但是电影学习苏联的两种方法之一，而且，苏联电影专家的意见和建议也真真切切影响了 1949 至 1959 年的新中国电影建设，尤其是对电影制度和电影教育等方面的影响则更为深远，成为新中国成立几十年的尺度和准则。而且，从传播与交流的角度说，苏联电影专家与上述传播和交流“事件”都或多或少地存在联系甚至具有互文性，比如，王阑西、钟敬之等人访苏期间参观苏联电影学院后“商议提出让苏联派遣几位电影教育专家来电影学校教学，以培养学院建立之后需要的师资”，⁽⁷⁾无形中促成了后来苏联电影教育专家来华讲学。以此类推，研究 1950 年代的苏联电影专家援华问题十分必要。由此牵涉出来的问题包括但不限于：苏联电影专家来华的基本情况、历史脉络、人员构成是怎样的？来华苏联电影专家做了哪些具体工作，产生了怎样的影响？这一过程为新中国电影积累了哪些“苏联经验”？这些经验如何影响到新中国电影此后的发展？只有厘清这些问题的前因后果，才能真正理解 1950-70 年代及新时期初年新中国电影的隐秘脉络，并为中国电影史研究提供新的全球化研究视角。

二、新中国成立初期苏联电影专家的历史面相

从整体上看，苏联电影专家来华时间与历史学家所统计的苏联专家持续来华时间基本一致，但也存在一些特殊性（详见图 1⁽⁸⁾），就目前的统计，在时间上主要集中在 1953 年、1954 年、1955 年和 1957 年，1956 年相对较少。有记录的苏联电影专家成团来华大致有四次，这构成了 1950 年代苏联电影专家来华的基本样态，此外还有一些专家基于各种各样的原因也曾经来换援助，据不完全统计，从 1949 年到 1959 年，来华协助中国进行电影制度和技术建设的苏联专家约有 25 人(详见图 1)，其中大部分是受文化部邀请而来，多属于电影技术专家。

图 1 1950 年代苏联技术专家和电影专家来华人数时间分布

⁽⁷⁾钟获之：《钟敬之传：一个时代的艺术记忆》，作家出版社，2010 年版，第 221 页，第 214 页，第 217 页。

⁽⁸⁾吴迪：《中国电影研究资料（1949-1979）（上卷）》，文化艺术出版社，2006 年版，第 81 页。

如前所述，苏联电影专家来华主要是基于经济、政治和军事的急需，据考证，“到中国来的苏联顾问和专家，无论在经济、文教部门，还是在军事或行政单位，完全是中国政府自己请来的，是为了满足中共巩固新政权和发展经济的需要。”⁽⁹⁾乍看上去，电影似乎与“巩固新政权和发展经济的需要”无关，但实际上电影在新中国成立初期具有很重要的作用，1951年文化部呈送给中宣部的《加强党对与电影创作领导的决定》开始就提出，“电影是最有利和最能普及的宣传工具，同时又是一个复杂的生产企业”，⁽¹⁰⁾一方面强调的是电影在新中国成立初期的意识形态属性，另一方面也凸显出了电影的技术和工业属性，涉及文艺意识形态问题，毛泽东《在延安文艺座谈会上的讲话》《在文学艺术界开展整风学习》和周恩来《在中华全国文学艺术工作者代表大会上的政治报告》等系列文章基本确定了当时新文艺发展的方向，尤其是作为“事件”的“批判《武训传》”形成了电影创作和批评的意识形态尺度。而在制度和技術方面，新中国成立之后，长期开展农村生活生产的解放区电影工作者在面对城市尤其是大城市的技术设备时确实显得力不从心，所以早在1949年1月，欧阳予倩等人在《电影政策献议》中就已经提出了“聘请外国技术专家来华，协助制造及训练工作”等建议。⁽¹¹⁾再如，在苏联专家来华的盛期1954年，时任文化部电影局局长的王阑西向周恩来请示4个问题，包括：1.有6项电影工程拟请苏联搞设计；2.南京电影机械厂拟聘请苏联电影机械制造工程师1名；3.抽调专人负责筹建胶片工业；4.请高教部派留学生去苏联学习。⁽¹²⁾可见，当时对苏联电影专家的需求已经基于某些具体问题，这说明聘请苏联专家是中国电影局领导有意为之，换句话说，聘请苏联专家解决1950年代的电影问题是电影界的一种“自觉”。

表1 1950年代来华苏联电影专家情况表⁽¹³⁾

	专家	职务	所在部门	来华时间	在华期间主要贡献
1	米海伊尔·安德烈维奇·戈尼沙列夫斯基	高尔基电影制片厂总工程师，电影制片设备专家	文化部	1953.1.7	协助制定第一个五年计划；组长；
2	格涅维舍夫·格列布·费通格维奇	电影部技术局副局长，电影机械制造专家	文化部	1953.1.7	协助制定第一个五年计划；
3	保德高罗杰茨基·康斯坦丁·康斯坦丁诺维奇	电影照相科学研究院化验室科学领导人，胶片制造专家	文化部	1953.1.7	协助制定第一个五年计划；
4	安东诺夫·谢尔盖·米海诺维奇	影片加工及洗印专家	文化部	1953.1.7	协助制定第一个五年计划；
5	杜宾瓦西里·费通洛维奇	斯维尔德洛夫斯克省电影网管理局局长，电影及发行专家	文化部	1953.1.7	协助制定第一个五年计划；

⁽¹⁰⁾吴迪：《中国电影研究资料（1949—1979）（上卷）》，文化艺术出版社，2006年版，第81页。

⁽¹⁰⁾吴迪：《中国电影研究资料（1949—1979）（上卷）》，文化艺术出版社，2006年版，第81页。

⁽¹¹⁾欧阳予倩等：《电影政策献议》，载吴迪编，《中国电影研究资料（1949—1979）（上卷）》，文化艺术出版社，2006年版，第4页。

⁽¹²⁾俞贵庚：《王阑西与电影事业》，《电影技术》，2006年第2期。

⁽¹³⁾由于当时和现在俄语译名的巨大差异，专家姓名的原文及更多信息待考。

6	茹拉夫廖夫	导演, 电影艺术专家	文化部电影局;	1954.11	电影局总顾问; 到各个基层了解情况;
7	别力亚耶夫	电影机械制造专家	文化部电影局;	1954.11	总工程师; 因病先回国; 1955年曾考察长影厂;
8	雷宾	电影机械制造专家	文化部电影局;	1956.6.15	总工程师; 接替别力亚耶夫;
9	洛什卡廖夫	洗印专家	文化部电影局	1954.11	1955年曾考察长影厂; 提出“向肮脏作斗争”的口号;
10	雅可夫列夫	摄影师	文化部电影局	1954.11	
11	戈尔登	录音师	文化部电影局	1954.11	
12	鲍·玛·卡赞斯基	表演专家	北京电影学院	1955. 9	担任指导教师排练了《第十二夜》《仇敌》
13	鲍·格·伊万诺夫	莫斯科电影学院教授, 导演	北京电影学院	1955. 9	主持导演干部专修班
14	西蒙诺夫	莫斯科电影学院教授, 摄影专家	北京电影学院	1955. 9	1957年和钟敬之一起到广州考察;
15	B·安东年柯	电影经济学家	北京电影学院	1955. 9	
16	巴耶夫	电影机械制造专家	哈尔滨电影机械厂、南京电影机械厂	1955.8	1956. 8. 13-19, 在哈尔滨电影机械厂厂长会上做了《保证产品质量基本条件的报告》; 指导放映机制造技术;
17	波波夫	电影机械制造专家	哈尔滨电影机械厂、南京电影机械厂	1955.8	指导放映机制造技术;
18	霍诺维奇	电影胶片制造专家	电影胶片厂		指导电影胶片的生产工作;
19	格列维舍夫	电影机械制造专家	南京电影机械厂		促使机械厂在一年之内就解决了农村电影放映难的问题;
20	康德拉索夫	洗印专家	文化部		1956.6.24 赴长春调研
21	阿尔茨舍夫	洗印专家	文化部		1956.6.24 赴哈尔滨调研
22	菲尔索夫	特技摄影专家	文化部	1957.4.2	根据 1957年中苏文化协议
23	扎哈洛夫	电影化妆专家	文化部	1957.4.12	同上
24	戈里科夫	电影特技美术专家	文化部	1957.4.24	同上
25	尼·彼·潘可娃	苏联表演艺术家	北京电影学院	1959.8	为表演师资进修班上课, 排练苏联话剧《乐观的悲剧》, 离华时茅盾亲自写了感谢信。

此外，来华的苏联电影专家也需要符合一定的标准，既要符合中国相关部门的具体需求，又要符合苏联政府对专家的要求，还要具有专业的电影技术和艺术储备。在苏联方面，理论上的标准是志愿前往中国的苏联专家应“把所有的知识和技能告诉中国人”，同时还于1950年苏联部长会议上通过决议，批准了苏联专家来华工作等事宜的相关工作细则；而实际上“派遣专家的问题最初是由联共（布）中央直接管辖的，但具体负责人员关注的只是专家的政治背景”，以至于“有无党证”成为重要甚至绝对的标准。这也从另一个角度说明，苏联专家的政治成分成为选派与否的重要尺度。

在中国方面，第一次文代会实现了解放区和国统区电影工作者的“会师”，实际上当时的电影界并不缺少导演、演员、编剧等专业人才，缺少的是对国家电影制度的统筹规划和专门的电影技术人才，也正是基于此，“第一个五年计划”（以下称“一五计划”）中涉及电影方面的计划制定，才迫切地需要苏联专家的指导。由此，能否为新中国电影提供制度和技术方面的帮助和支持，成为当时聘请苏联专家的标准。从所聘请电影专家的身份上看，这二十几位电影专家涵盖了制片设备、机械制造、胶片制造、加工洗印、电影发行、电影经济以及导演、录音、表演、特技、化妆及电影教育等各个门类，其中又以机械制造、加工洗印和电影摄影专家居多，恰符合当时对电影建设的需求。

苏联专家在华期间的生活和待遇经中苏两国多次交涉并达成一致，虽然在来华早期管理上存在一些漏洞和混乱，但高待遇也保障了苏联专家的生活，以保证对华援助得以顺利进行。由于当时特殊的政治和社会环境，苏联专家大多由两国高层领导人直接对接，所以程序上省去了很多环节，以至于在其中一段时间里，文化部可以不经由外交部而直接聘请苏联专家。在文化部层面，为接待苏联专家会专门组成工作组，负责协调苏联电影专家的管理、生活、要求等，比如陪同专家调研、为专家提供相关材料和数据等；在其他层面，几乎都有专门接待部门，并视苏联专家为上宾，如北京电影学院1955年成立的外国专家工作室，“主要是面对当时来校授课的苏联专家，协助他们安排对内对外的各项活动”，⁽¹⁵⁾工作室由时任院党委书记的钟敬之兼任主任，可见其规格之高。

三、苏联电影专家与新中国电影制度的顶层设计

苏联电影专家对新中国电影的最初帮助是协助中国电影工作者参与制定“一五计划”。1953年1月，受文化部邀请，苏联电影专家米海伊尔·安德烈维奇·戈尼沙列夫斯基、格涅维舍夫·格列布·费通格维奇、保德高罗杰茨基·康斯坦丁·康斯坦丁诺维奇、安东诺夫·谢尔盖·米海诺维奇、杜宾瓦西里·费通洛维奇一行五人来华帮助文化部电影局制定第一个五年计划，并于同年4月返苏。

“一五计划”的制定是1950年代初期的重要内容，为配合苏联电影专家的工作，电影局还调集司徒慧敏、汪洋、郑博璋、李牧、周从初、钟敬之等人组成“专家工作小组”，共同完成“一五计划”编制工作。钟敬之曾回忆说，“为了抓住电影事业规划中的重要环节，他们首先了解全国行政区域、城市人口和农村人口的分布以及逐年电影观众人次的增减情况；为了取得制片基地的实际资料，他们亲自到各制片厂了解技术设备条件及人员情况，特别重视对洗印车间的改造；为了建设电影工业并明确其发展方向，他们指出自力解决放映机制的方案及产品型号，又对选择建设胶片厂的厂址，广泛搜寻并视察了山西、四川、河北等几个地区，最后选定在保定。”⁽¹⁶⁾可见，这些苏联电影专家为了开展相关工作进行了很多调查，倾注了很多心血，产生了很好的效果。

⁽¹⁵⁾ 院志编辑委员会：《北京电影学院志（1950—1995）》北京电影学院，内部资料，2009年版，第263页、第384页，第263页、第18页，第263页、第18页，第263页、第6页，第263页、第248页。

⁽¹⁶⁾ 钟敬之：《人民电影初程纪迹》，广东人民出版社，1999年版，第40—43页。

在苏联专家的帮助下，钟敬之又起草了《关于加强电影制片工作的决定》和《关于建立电影放映网和电影工业的决定》，两个决定与1953年12月24日政务院第190次政务会议通过，成为电影“一五计划”的重要补充。前者从“制片的方针与任务”“电影题材计划的制定及电影剧本创作的组织工作”“电影剧本、影片的审查制度”“改进影片生产制度和提高技术质量”“提高、培养和补充电影干部”等五个方面对新中国电影制片工作提出了要求，并对一些方面提出了量化标准，如“在制片厂建立新的洗印工作间，使影片的洗印达到一定标准。同时准备条件，争取在三、五年内修建新的制片厂以便能有计划地生产彩色故事片”。⁽¹⁷⁾后者从电影放映事业发展的方针、加强电影放映工作管理、加强改进影片的发行工作、电影放映队的企业化经营、统一全国放映机规格、着手电影胶片制造工厂、有计划训练放映人员、等八个方面对电影放映网和电影工业提出要求，其中的量化指标更多，所提出的问题也更具体。⁽¹⁸⁾由此两《决定》可见，苏联电影专家一方面按照苏联电影制片、放映和工业的逻辑思考中国电影制片，并为确立相关目标做了大量的基础调查工作，另一方面也致力于集中解决新中国电影面临的最迫切的问题，已经注意到电影是“教育”广大人民最有效的途径之一，所以极为重视放映网的建立工作。

在苏联电影专家的帮助下，参照了苏联电影制度的新中国电影制度的顶层设计开始形成，集中体现在“一五计划”上，《计划》中第九章第二节涉及电影的部分主要包括组织文艺力量丰富电影创作、量化电影创作、发展城市和乡村的电影放映网和新建电影制片厂、影片洗印厂、胶片厂等四个方面的内容，⁽¹⁹⁾与上述两个《决定》形成合力，在多方面产生影响。从城市和乡村电影放映网的角度言，苏联电影专家不但亲自在电影放映网管理学习班与全国电影网讲习会上授课，而且还到中影公司座谈，最后提出具有建设性的建议和意见。李道新教授曾专门考察这一时期的电影放映网问题，并认为1950年代是发行放映网的快速发展期，这与苏联电影专家对此问题的规划和设计不无关系，他指出，“电影发行放映领域专业人才的不断增加，尤其苏联专家具有针对性的意见和观点，对电影局的发行放映网发展计划以及中影公司的运作思路，产生了较为重要的影响。”⁽²⁰⁾从胶片洗印的角度言，苏联专家提出在制片厂建立洗印车间外，还必须建立单独的洗印工厂，以便进行制片厂底片的大量复制，并认为洗印厂设备还需逐步从黑白电影过渡到彩色电影，将16毫米复制印制到32毫米胶片上，保证提高机器的生产率。在考察相关电影制片厂洗印能力后，提出改善胶片洗印工艺和技术的建议，还建议建设一个或两个黑白片和彩色片35毫米与16毫米影片的洗印厂。及至1980年代，中国洗印生产的格局“基本上还是按照苏联专家的建议建设和发展的”，⁽²¹⁾足见其影响之深远。

实际上，新中国成立初期的电影放映问题是一个非常重要的问题，电影院集中在大城市导致广大农村地区看不到电影并且接受不到电影教育和以电影为中心的意识形态教育及国民教育，因胶片洗印等问题又导致“进步片”数量完全满足不了市场需求，这些问题亟待解决。虽然1949年10月22日至11月6日文化部电影局召开的第一次全国电影发行会议

⁽¹⁷⁾ 《中央人民政府政务院关于加强电影制片工作的决定（一九五三年十二月二十四日政务院第一百九十九次政务会议通过）》，《电影艺术译丛》，1954年第1期。

⁽¹⁸⁾ 《中央人民政府政务院关于建立电影放映网与电影工业的决定（一九五三年十二月二十四日政务院第一百九十九次政务会议通过）》，《电影艺术译丛》，1954年第1期。

⁽¹⁹⁾ 《中华人民共和国发展国民经济的第一个五年计划（1953—1957）》，人民出版社，1955年版，第142页。

⁽²⁰⁾ 李道新：《新中国电影发行放映网：一个历史的考察》，《浙江传媒学院学报》，2017年第3期。

⁽²¹⁾ 季洪：《新中国电影事业建设四十年（1949—1989）》，（出版社不详），1995版，第45—46页，第50页。

具体研究了相关事项，⁽²²⁾但邀请苏联电影专家参与制定“一五计划”已经说明解决放映网问题的措施仍需苏联专家给予具体指导。“人民文艺”中“人民电影”的普及，正是建立在发行网及放映设备的制度设计基础上。这样一来，“苏联经验”就成为新中国电影制度的顶层设计的主要来源，也正是苏联专家指导下的顶层设计，为新中国成立初期的电影制度奠定了基础。以此为理路，新中国电影工作者不断将苏联经验与中国电影制度建设相结合，并在1960年代之后逐步探索出了一个属于中国人自己的电影制度和体制系统。

四、苏联电影专家与新中国电影技术的“苏联经验”

在以“一五计划”为中心的新中国电影制度建设过程中兼及了电影技术方面的诸多考量，这符合当时发展国民经济的总方针。当时，苏联专家来华援助对经济和技术的侧重也表现在电影专家层面，新中国电影放映、洗印、胶片等技术的缺失或不平衡使提高中国电影技术成为迫切需求，这也是在所有来华电影专家中以电影机械制造专家、胶片洗印专家居多的原因。中国政府和文化部并没有相关文件专门邀请苏联电影技术专家，但很多电影专家的专长都集中在技术领域，前述协助制定“一五计划”的几位专家就不乏技术专家。此外，1954年11月，受文化部电影局邀请，茹拉夫廖夫、别里亚耶夫、洛什卡廖夫、雅可夫列夫和戈尔登来华，成为电影局顾问，专门负责解决中国电影问题，这些专家及1955年来华的巴耶夫、波波夫和格列维舍夫等专家都为中国电影技术提供了苏联经验。

首先，苏联电影技术专家参与指导电影制片厂的生产、放映等相关技术工作。电影制片厂在1950年代的中苏电影交流一直处于核心位置，在1957年中苏双方签署的文化协定上特别强调了应该加强两国电影制片厂的厂际交流，⁽²³⁾可见重视程度。1955年3月22日至4月15日，茹拉夫廖夫、别里亚耶夫、罗什卡廖夫等三位专家在司徒慧敏和马守清的陪同下到长春电影制片厂（以下称“长影厂”）进行考察。考察团工作历时25天，对长影厂的艺术创作领导、生产管理、技术管理、基本建设等方面进行了详细地考察了解，分别召开了10余次座谈会，对长影厂的方针任务、发展方向直至各部门的具体任务，专家们都提出很好的意见。同年5月，他们又赴上海电影制片厂对一些艺术及技术问题提出建议。1956年6月，茹拉夫廖夫还与苏联化妆专家一起到上影厂了解生产情况并帮助工作。对苏联电影专家的意见，制片厂非常重视，茹拉夫廖夫等人考察之后，长影厂即向文化部做了《关于苏联专家到厂工作情况的报告》，厂长亚马在全厂大会上做了《认真贯彻苏联专家建议的报告》，报告对施行专家的建议提出了具体措施，其重视程度可见一斑。

苏联专家到电影制片厂了解情况并非简单参观，而是切实解决厂内技术问题。比如针对上影厂影片画面不干净的问题，洛什卡廖夫提出“向肮脏作斗争”的口号，指导制片厂租用前“新新公司”已经停用的制冷量30万大卡的冷气机，建立空气调节系统，制定清洁制度，进入洗印车间要换鞋，要换上工作服，并开展“捉老白虱”的行动，使得印出的底片拷贝细白点大大减少，提高了胶片质量。⁽²⁴⁾再如，在苏联专家的帮助下，长影厂于1959年新建了一座大型摄影棚，也就是后来长影引以为傲的第七摄影棚，影棚规模相当，配套设施完善，在当时极具现代性。

其次，苏联电影技术专家参与哈尔滨电影机械厂和南京电影机械厂的技术改良工作，并给予指导和改进。当时，文化部电影局确立了以南京、上海、哈尔滨为主要研制基地的

⁽²²⁾ 《文化部电影局首届行政会议，决定今年影片生产计划，坚定地继续贯彻工农兵方向》，《人民日报》，1950年1月17日。

⁽²³⁾ 《关于签订中苏文化合作协 1957 年度执行计划的新闻公报》，《中华人民共和国国务院公报》，1957年1月25日。

⁽²⁴⁾ 《上海电影志》编撰委员会：《上海电影志》，上海社会科学院出版社，1999年第532页。

电影机械发展框架，所以两个机械厂地位特殊。按文化部要求，巴耶夫曾亲自指导哈尔滨电影机械厂的工作，加上机械厂从苏联引进了“卡波特 1”型电影放映机全套图纸，并通过自己的“自力更生，奋发图强，仅用了 1 年左右的时间，于 1957 年研制成功新型产品，命名为‘松花江 5501 型’，在以后的日子里驰名大江南北、长城内外，发展成为我国电影放映设备行业中历经数十年而不衰的著名品牌。”⁽²⁵⁾可见苏联专家改良技术产生效果的持续性。在南京电影机械厂，格列维舍夫看到“200 型放映机在农村放映时，虽然按设计标准是供 500 人观看，可实际上竟有几千人在观看”，⁽²⁶⁾就提供了可在室外放映、供 3000 人观看的乌克兰型放映样机和图纸，促使机械厂在一年之内就解决了农村电影放映难的问题。此外，巴耶夫也曾到南京电影机械厂，帮助该厂解决摄影片窗划痕问题。⁽²⁷⁾

从以上两方面可以看出苏联电影技术专家对新中国电影技术的指导和帮助，其作用在于，苏联电影专家不但亲自解决了当时电影技术上存在或面临的一些问题，而且在此过程中以“学徒制”的形式带起了很多中国电影技术专业人员，使他们的苏联经验得以传播开来。

同时也应该注意到，与电影制度及电影教育建设相比，苏联电影专家在技术上对中国电影建设的帮助具有一些特殊性。一是其作用尚处在协助、帮助层面而非主导，比之于 1950 年代苏联专家总量，电影技术专家数量有限，当时中国电影所面临的技术提升问题，远不是这几位专家能解决的，所以技术提升的主体还是中国电影工作者，比起电影制度和教育层面苏联专家的绝对话语权，技术专家的责任主要侧重于指导而不是主导。二是电影技术专家解决的都是指向具体需求的“小问题”，技术问题本身不具有制度和教育问题那种宏观性，专家只能解决电影技术点的问题而不是面的问题，有对症下药之意，这也是电影技术本身的属性所决定的。三是电影技术专家所解决的问题具有时限性，即只能在一个相对的时间里起作用，因为随着时间的推移，电影技术一直在发展，尤其是 1980 年代引入美国技术之后，很多技术逐渐“美国化”使得苏联专家所带来的技术只是一个特性时代的技术“衔接”，不像电影制度和教育产生影响所具有的长时间和延展性。可见，单就电影技术来说，苏联专家解决的多为关键性问题，重要的是苏联专家对中国电影技术从业者的培养，正因如此，中国电影人才能在借鉴苏联经验的基础上不断实践出属于自己的电影技术体系，使电影技术不断向前发展。

五、苏联电影专家与北京电影学院早期电影教育的开拓

电影教育是苏联电影专家指导中国电影工作的另一个重要方面。聘请苏联电影专家协助创建电影学校并开展教学活动的思考良有以也。其一，早在中国电影工作者参与制定“一五计划”时，他们就已经意识到中苏电影之间的差距，并发现“电影人才的培养问题迫在眉睫”，⁽²⁸⁾坚定了本来就已经形成的筹建专门电影学校的信念。其二，在上述两个《决定》下发的领导批示中，出现了“各艺术院校应贯彻培养专才的方针，努力学习苏联艺术教学的经验，并可聘请必要的苏联教员”的批示。⁽²⁹⁾其三，1955 年，根据中国电影赴苏考察团之前提出的申请，文化部党组根据政务院关于《电影局应积极准备条件，争取四、五年内创办电影艺术学院》的决定，“决定聘请四位苏联专家来校讲课，开办导演、表演、摄影、制片四个专修班”。⁽³⁰⁾其四，聘请苏联专家到中国大学任教或兼职也是

⁽²⁵⁾张军：《创新图变话沧桑——写在哈尔滨电影机械厂厂庆 55 周年之际》，《影视技术》，2005 年第 7 期。

⁽²⁶⁾王嘉猷：《我和司徒慧敏与中国电影机械研究》，《影博·影响》，2019 年第 2 期。

⁽²⁷⁾王嘉猷：《我和司徒慧敏与中国电影机械研究》[J]. 影博·影响，2019(2).

⁽²⁸⁾钟获之：《钟敬之传：一个时代的艺术记忆[M]. 北京：作家出版社，2010.

⁽²⁹⁾钟获之：《钟敬之传：一个时代的艺术记忆[M]. 北京：作家出版社，2010.

⁽³⁰⁾院志编辑委员会. 北京电影学院志（1950-1995）[M]. 北京：北京电影学院，内部资料，2009.

当时潮流之一，根据 1954 年发布的《关于重点高等学校和专家工作范围的决议》，有无苏联专家甚至成为重点大学需要必备的条件之一。基于以上多种原因，1955 年 8 月，鲍·玛·卡赞斯基、鲍·格·伊万诺夫、西蒙诺夫和 B·安东年柯等四位专家先后抵京，开始协助筹建北京电影学院（以下称“电影学院”）。

来到电影学院之后，四位专家大致做了两项工作，建校前是“开始与筹建小组讨论研究专修班的教学计划、专业课的教学大纲及教学实习安排等问题。在招生中，四位苏联专家分别主持了四个专修班考生初试、复试，考核了考生的影片作品，确定了录取名单”。⁽³¹⁾建校后是以培养师资为重点举办了导演、演员、摄影、制片四个专修班，讲授理论课和电影实践课，先后拍摄了《小白旗的风波》《众叛亲离》等九个联合作业影片片段，并排演了舞台剧《仇敌》和《第十二夜》，周恩来总理曾亲自观看《第十二夜》的演出，“并接见苏联专家与学员，对专家的教学和学员的学习成绩给予了肯定和鼓励”。⁽³²⁾在此过程中，苏联专家向电影学院师生传授了大量的苏联电影经验，据郑国恩老师回忆，仅西蒙诺夫就惠其良多，不但专门开设摄影技术、摄影技巧、摄影创作等课程，而且十分注重实践教学，注重对具体作品的分析，注重摄影超越于技术性的艺术性，在教学计划和教学环节等方面也开电影学院同类教育之先河。⁽³³⁾此外，1959 年 8 月，电影学院聘请尼·彼·潘可娃来校任教，她于 9 月 24 日为表演师资进修班上课，后来还指导排练了孙维善翻译的苏联话剧《乐观的悲剧》，在京公演 23 场，饱受好评。

上述任教于电影学院的苏联电影专家对 1950 年代建校初期的学院产生了重要的影响。首先，苏联专家为电影学院带来了苏联电影体系，据谢飞老师回忆，他们“把莫斯科电影学院那一套体系搬来，对 1956 年建院起了很大的作用，这就是苏联模式：分科招生，分科培养，专家治校。”⁽³⁴⁾按此标准，导演系和摄影系的教学计划都是在莫斯科电影学院的教学计划基础上制定的，这一系列教育体系的传播与受容形成了电影学院最初的教学制度和教学体系。其次，苏联专家的讲授影响了多位作为学生的电影导演，其中包括谢添、林农、郭维、于彦夫、武兆堤、王炎、董克娜等 25 人，班主任田风和协助专家教学的教员郑君里、张客、石联星、周伟、汪岁寒等也参加了培训，虽然苏联专家的讲授偏重理论，但是也使这些电影工作者“学到了东西”。⁽³⁶⁾其重要性还在于，几位电影学院成立之后招收的第一批学生毕业之后被分配到刚刚成立的长春电影学院，他们将习得的“苏联经验”转教给学生，使长春电影学院短暂的教学活动也充溢着苏联电影教育的思想，并培养出了多位作为第四代“偏师”的电影导演，从中也可见“苏联经验”对中国电影教育的更为深远的影响。再次，苏联电影专家在指导电影工作的过程中还使苏联电影理论在中国得以广泛传播并流散开来。如苏联专家在讲学过程中对蒙太奇理论的强调深深影响了中国电影工作者（如徐谷明），⁽³⁷⁾卡赞斯基带来并以身示范的斯坦尼斯拉夫斯基表演体系就成为重要的适合讲授的表演理论，她不但从理论上给学生们讲授表演的真谛和内涵，而且还将理论与中国传统表演艺术相结合，⁽³⁸⁾使很多人受益，这些脚前脚后的传播无形中使电影理论在中国得到深化和发展。

⁽³¹⁾ 院志编辑委员会. 北京电影学院志（1950—1995）[M]. 北京：北京电影学院，内部资料，2009.

⁽³²⁾ 院志编辑委员会. 北京电影学院志（1950—1995）[M]. 北京：北京电影学院，内部资料，2009.

⁽³³⁾ 杨远婴，丁宁：《访问影坛前辈，谈苏联对新中国电影创建的影响：采访摄影系郑国恩教授》，《北京电影学院学报》，2003 年第 3 期。

⁽³⁴⁾ 谢飞，王垚：《1950—1960 年代的导演教学——谢飞教授访谈录》，《北京电影学院学报》，2015 年第 1 期。

⁽³⁶⁾ 谢飞，王垚. 1950—1960 年代的导演教学——谢飞教授访谈录[J]. 北京电影学院学报，2015(Z1).

⁽³⁷⁾ 谢飞，王垚. 1950—1960 年代的导演教学——谢飞教授访谈录[J]. 北京电影学院学报，2015(Z1).

⁽³⁸⁾ 杨静：《苏联专家在表演上对我的帮助》，《中国电影》，1957 年第 1 期。

在前电影学院时期，解放区以鲁迅艺术学院和延安电影团电影人才培训为中心的电影教育只注重摄影和放映的技术形式，并不成系统，唯一可以与电影学院进行比较的是金陵大学电影工程系（见表 2），从二者的比较中可见电影学院教学模式的苏联特色，也可见中国电影教育经由“苏联经验”的转向和转型。从 1936 年开办第一期电影训练班到 1947 年影音部迁回南京并逐渐发展，金陵大学电影工程系渐次形成规模和体系，其“在课程设置上首先是参照了美国的模式，把学生对媒体技术上的知识和能力作为重点培养方向”，⁽³⁹⁾这种“美国经验”一直持续至新中国成立，成为金陵大学电影教育的一般样态。从这个意义上说，电影学院的成立及其教学制度的形式，实际上是一个以苏联经验取代美国经验的过程，历史地看，既是中国电影教育的重构，又是“冷战”在电影领域的投射。

表2 金陵大学电影工程系与北京电影学院的比较

	金陵大学电影工程系（1940s）	北京电影学院（1950s）
参照体系	美国	苏联
培养方向	技术知识和能力	精通专业知识，掌握专业技能
师资来源	校内外专家	苏联专家和中国校内外专家
基本学制	四年（未完全贯彻）	开始两年，后来四年
学生来源	全社会	从专业人员到全社会
课程制度	学分制	班建制
实践侧重	科教片、纪录片	故事片
课程体系	偏重技术性的课程体系(技术)	偏重电影专业性的课程体系（艺术）
专业设置	电影工程、无线电工程、电影艺术、文艺教育	导演系、演员系、摄影系、放映师范专修班

余论：“苏联经验”与“人民电影”

在苏联电影专家来华的 1950 年代初期，新中国电影既是扫盲工具，又是教育工具，是“人民文艺”的重要组成部分，是“人民电影”。所谓“人民”既强调了群众的“政治性”，又强调了群众的“广泛性”，这样一来，1950 年代的电影普及就成为党和国家开展电影建设的关键问题，尤其是在广大农村，看电影的人越多，电影普及率越高，受教育的人也就越多。由此观之，1950 年代来华的苏联电影专家对中国电影的指导、帮助以及贡献恰恰指向这个问题。这是因为无论是制度建设，还是技术建设，苏联专家和“苏联经验”的落脚点其实都是能够让更多的人看到电影，只有放映、胶片、洗印等电影技术的提升，才有更丰富的资源生产、发行、放映电影，才有“人民电影”的普及，才有更多的人看到新中国电影，从这个意义上说，苏联专家和“苏联经验”对于当时新中国电影建设的指导及其侧重最终的指向也是“人民电影”。

尚需说明的是，之于作为概念和本体的“人民电影”，“苏联经验”都只是一种补充，是对中国电影制度、技术和教育的补充，而“人民电影”的内核依然是自《在延安文艺座谈会上的讲话》以来所强调的“人民性”。一方面，“人民电影”具有典型的中国特色，它与“人民文艺”一道，是在长期的中国革命和建设实践经验中探索总结出来的文艺样态和形式，即便是源于苏联的“社会主义现实主义”问题自苏徂华之后也被赋予很强的“中国”性，因此可以说，在借鉴苏联经验的过程中，“人民电影”既是本体，也是主体，而苏联经验是支撑；另一方面，“人民电影”强调的是新中国电影的内在思想和精神底色，偏重

⁽³⁹⁾籍之伟，钟大丰等：《中国电影专业史研究·电影教育卷》，中国电影出版社，2011 年版，第 30 页。

电影的意识形态属性，而所谓苏联经验所指涉更多的是形而下的技术经验，所以苏联经验对“人民电影”内涵和实践的建构作用是间接而非直接的，这是在讨论“苏联经验”和“人民电影”电影关系过程中需要注意的问题。

从更深远的层面说，无论是电影放映网经验，还是电影工业经验，亦或是爱森斯坦的蒙太奇理论体系，其背后所蕴藉的是苏联电影制度和文化的核心，苏联专家来华并传授“苏联经验”实际上是一种苏联电影体系、制度、技术和文化的输出，这种输出既满足了两国之间政治上互信的诉求，又满足了新中国对电影工业诸要素的需求。这一过程不但印刻着苏联的电影传统和发展趋势，而且也裹挟着具有“冷战”意识形态的国家意志，其输出至中国从本质上是在深化和加强已经蔓延到亚洲的冷战秩序，将苏联和中国更加紧密地联系起来，其现实表征是假苏联电影经验夯实中国社会主义文化，并在此基础上建立以苏联和中国为中心的具有国际主义性质的社会主义文化共同体。换句话说，苏联电影专家来到中国这一“事件”既源于冷战，又指向冷战，既有电影史意义，也有政治史意义。至于苏联经验所隐含着的与历史、政治、外交相关的更为隐秘的逻辑及其对电影史和思想史的双重影响，则是更加复杂并且同样需要解决的问题。

当然，无论是对“人民电影”的指向，还是对“冷战”时期国际关系的指向，都已经成为历史。但是剥离开尘封材料的历史价值会发现，这些材料及其蕴藏的影响同样具有指向当下的现实意义。一方面，以苏联为参照系的新中国电影制度在某些层面至今仍然发挥着作用，既体现在电影制度顶层设计上，又体现在相关政治的落实上，尤其体现在以电影学院为中心的电影教育上，其影响不可谓不深远，如此一来，在新的历史条件下，如何厘清“苏联经验”在新时代的新价值和旧思想，就变得格外重要，因为这有可能成为中国电影改革的向度之一。另一方面，“人民电影”并不止于一个历史概念，如何在新的历史时期重新唤起“苏联经验”对“人民电影”的建构和影响及其关联，并在历史中重新思考如何重构新时代的“人民电影”，也是一个问题，关乎中国电影的未来、现在和将来。这样看来，苏联电影专家所勾连出来的“苏联经验”和“人民电影”等问题，具有很强的现实性和当下性。

同时，对苏联电影专家的考察，又在方法论上提示着中国电影史研究的新视角。揭示苏联电影专家在多重意义上对新中国电影的深刻影响，尤其是在制度设计与技术基础上的影响，可以为 1950—1970 年代及新时期初年的新中国电影研究重要的补充，提出在电影的艺术方法和意识形态话语之外的脉络，如电影的“计划经济”究竟如何形成，发行放映体系如何设计，胶片、洗印、放映等技术体系如何建立并如何发展出相应的电影美学体系，电影教育如何进行等；而这些脉络均已不同程度影响到这一时期电影的创作与接受。进而，这一考察还能将这一时段的新中国电影置于冷战的全球视野当中，这一全球性的视角所要求的不仅是比较文学式的“影响研究”或是乔治·萨杜尔式的“人民民主国家的电影”整体研究，同时也是一种实在论（Realism）的电影史方法，从制度、技术和教育等角度，以全球性的视角反观中国电影史研究的艺术与意识形态研究，会带来一些新颖的结论。

参考文献

1. 《上海电影志》编撰委员会：《上海电影志》，上海社会科学院出版社，1999 年第 532 页。
2. 《中华人民共和国发展国民经济的第一个五年计划（1953—1957）》，人民出版社，1955 年版，第 142 页。
3. 《中央人民政府政务院关于加强电影制片工作的决定（一九五三年十二月二十四日政务院第一百九十九次政务会议通过）》，《电影艺术译丛》，1954 年第 1 期。
4. 《中央人民政府政务院关于建立电影放映网与电影工业的决定（一九五三年十二月二十四日政务院第一百九十九次政务会议通过）》，《电影艺术译丛》，1954 年第 1 期。
5. 陈播：《中国电影编年纪事（综合卷·下）》，中央文献出版社，2006 年版，第 640 页。

6. 籍之伟, 钟大丰等: 《中国电影专业史研究·电影教育卷》, 中国电影出版社, 2011年版, 第30页。
7. 季洪: 《新中国电影事业建设四十年(1949-1989)》, (出版社不详), 1995年版, 第45-46页, 第50页。
8. 李道新: 《新中国电影发行放映网: 一个历史的考察》, 《浙江传媒学院学报》, 2017年, 第3期。
9. 欧阳予倩等: 《电影政策献议》, 载吴迪编, 《中国电影研究资料(1949-1979)(上卷)》, 文化艺术出版社, 2006年版, 第4页。
10. 沈志华: 《对在华苏联专家问题的历史考察: 基本状况及政策变化》, 《当代中国史研究》2002年第1期。
12. 王嘉猷: 《我和司徒慧敏与中国电影机械研究》, 《影博·影响》, 2019年第2期。
13. 吴迪: 《中国电影研究资料(1949-1979)(上卷)》, 文化艺术出版社, 2006年版, 第81页。
14. 谢飞, 王珪: 《1950-1960年代的导演教学——谢飞教授访谈录》, 《北京电影学院学报》, 2015年第1期。
15. 杨静: 《苏联专家在表演上对我的帮助》, 《中国电影》, 1957年第1期。
16. 杨奎松: 《冷战时期的中国对外关系》, 北京大学出版社, 2006年版, 第46页。
17. 杨远婴, 丁宁: 《访问影坛前辈, 谈苏联对新中国电影创建的影响: 采访摄影系郑国恩教授》, 《北京电影学院学报》, 2003年第3期。
18. 杨远婴: 《回眸20世纪: 中苏电影的历史交集》, 《文艺理论与批评》2019年第2期。
19. 俞贵庚: 《王阑西与电影事业》, 《电影技术》, 2006年第2期。
21. 张军: 《创新图变话沧桑——写在哈尔滨电影机械厂厂庆55周年之际》, 《影视技术》, 2005年第7期。
23. 钟敬之: 《人民电影初程纪迹》, 广东人民出版社, 1999年版, 第40-43页。
24. 《文化部电影局首届行政会议, 决定今年影片生产计划, 坚定地继续贯彻工农兵方向》, 《人民日报》, 1950年1月17日。
25. 《关于签订中苏文化合作协 1957年度执行计划的新闻公报》, 《中华人民共和国国务院公报》, 1957年1月25日。

Научное издание

СИНОЛОГИЯ В XXI в.

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(Улан-Удэ, 11–13 июля 2022 г.)

Выпуск 2

Текст печатается в авторской редакции

Дизайн обложки
А. Б. Дашиевой

Компьютерная верстка
Т. И. Гармаевой

Свидетельство государственной регистрации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 07.12.2022. Формат 70x108 1/16.
Уч.-изд. л. 19,89. Усл. печ. л. 27,83. Тираж 100. Заказ 167.
Цена свободная

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
gio@bsu.ru

Отпечатано в типографии
Издательства Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а